СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXIII, № 4.

ЕКАТЕРИНА II

въ

ПЕРЕПИСКѢ СЪ ГРИММОМЪ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

Академика **Я. К. Грота.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1884.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрѣль 1884 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Изданная Русскимъ Историческимъ обществомъ двадцатилѣтняя переписка Екатерины II съ Гриммомъ, касающаяся всѣхъ важнѣйшихъ обстоятельствъ жизни великой Императрицы и замѣчательнѣйшихъ событій ея царствованія, представляетъ драгоцѣнный источникъ для исторіи Россіи и всей Европы за послѣднюю четверть прошлаго столѣтія. Цѣль настоящаго труда состояла не только въ томъ, чтобы въ сжатомъ видѣ познакомить русскихъ читателей съ полнымъ содержаніемъ этой необычайной переписки, но и въ систематической группировкѣ свѣдѣній, которыя въ ней разсѣяны и съ трудомъ могутъ быть отыскиваемы даже при помощи подробнаго указателя. При распредѣленіи ихъ по предметамъ мы старались облегчить читателю обзоръ какъ политическихъ дѣлъ, такъ и отношеній, занятій, взглядовъ и плановъ Екатерины. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы постоянно имѣли въ виду точными ссылками облегчить всякому возможность обращаться за справками къ подлиннымъ письмамъ. Наконецъ, чтобы придать нашимъ извлеченіямъ возможную полноту, мы пользовались не только изданными уже письмами Гримма, но отчасти и тѣми, которыя недавно отысканы и въ настоящее время еще печатаются на французскомъ языкѣ.

Февраль 1884.

Я. Гротъ.

ЕКАТЕРИНА II ВЪ ПЕРЕПИСКѢ СЪ ГРИММОМЪ.

III.

Объявленіе второй турецкой войны и отношеніе западныхъ державъ къ Россіи.

Теперь мы приблизились къ той эпохѣ царствованія Екатерины II, когда отъ генія ея потребовалось полнаго напряженія силъ, чтобъ постоянному вмѣшательству западной Европы въ дѣла Россіи и ея ревнивому охраненію Турціи противопоставить политику вполнѣ свободную и самостоятельную. Заручившись для этого союзомъ съ Іосифомъ II, Екатерина замышляла свести давніе счеты съ безпокойною сосѣдкою новопріобрѣтеннаго южнаго края, тѣмъ болѣе что внѣшніе подстрекатели Турціи неустанно возбуждали ее противъ Россіи. Но и западные враги наши не дремали и готовили Россіи неожиданный ударъ на Сѣверѣ со стороны Густава III, который, вступивъ въ союзъ съ Турціей, даже принялъ отъ нея субсидію. Кромѣ того Пруссія предложила Густаву значительный заемъ, а Англія обѣщала въ помощь эскадру. Франція же, ослабленная неурядицами начинавшейся революціи, шла на буксирѣ своихъ враговъ и держалась политики двусмысленной и безсильной. Густавъ дѣятельно готовился къ войнѣ, увѣряя своихъ подданныхъ, что онъ вооружается изъ предосторожности, такъ какъ Екатерина будто бы грозитъ напасть на него, если онъ не окажетъ ей помощи противъ Турокъ.

Вотъ въ какомъ видѣ всѣ эти отношенія являются подъ перомъ самой государыни. Въ октябрѣ 1787 года она пишетъ: «Клянусь вамъ торжественно, что я постараюсь отвѣтить на мусульманскую учтивость [1]) какъ можно лучше, по крайнему моему разумѣнію, и вы хорошо сдѣлаете если отступитесь отъ мусульманъ. Въ концѣ концовъ я не одна оскорблена, потому что эти нехристи отказались выслушать то, что согласились сообщить имъ всѣ три двора, и стало-быть, по-моему, оскорблены и оба другіе [2]). Бѣдные люди (т. е. Французы) въ прежнія времена не давали себя безнаказанно въ обиду. Это у нихъ кажется новость, которая должна измѣнить не въ ихъ пользу общественное мнѣніе. Впрочемъ всякій стряпаетъ свои дѣла по-своему, и чужія дѣла — не мои; что до меня, то моя роль давно опредѣлена и я постараюсь сыграть ее какъ можно лучше, а что всего важнѣе, надѣюсь что она будетъ не очень трудна» [3]).

Вслѣдъ за этимъ, въ томъ же письмѣ-дневникѣ государыня радостно сообщаетъ объ успѣхахъ своего юнаго черноморскаго флота: дѣло одного фрегата весьма сходно съ недавнимъ боемъ Весты и доказываетъ, что геройскіе подвиги живутъ въ преданіяхъ этого флота: «Мнѣ сейчасъ передали вашъ № 92, въ которомъ вы говорите о дѣлѣ фрегата береговой стражи въ днѣпровскихъ устьяхъ (Borysthène). Вотъ его исторія: еще не успѣло прійти извѣстіе что Турціей объявлена война, какъ турецкій флотъ изъ трехъ военныхъ кораблей и четырнадцати другихъ двухмачтовыхъ судовъ вышелъ изъ Очакова и осмѣлился напасть на этотъ фрегатъ, при которомъ было еще одно маленькое судно: имя фрегата Скорый. Имъ командовалъ лейтенантъ Обольяниновъ, который храбро оборонялся и въ три часа времени сдѣлалъ, помнится, до 580 пушечныхъ выстрѣловъ. Во время боя

---

[1]) Т. е. заключеніе русскаго посла Булгакова въ Семибашенный замокъ.

[2]) Дворы австрійскій и французскій, которые присоединились къ требованію Россіи освободить Булгакова.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 418.

онъ отрубилъ якорь, чтобъ выйти въ открытое море, и прошелъ мимо Очаковскихъ укрѣпленій, выдержавъ ихъ огонь. Ему удалось потопить нѣсколько турецкихъ судовъ, съ другими же онъ имѣлъ ружейную перестрѣлку. Убитыхъ и раненыхъ у него оказалось не болѣе 10-ти человѣкъ и фрегатъ возвратился на свое мѣсто съ поврежденными снастями. Его дѣло ставятъ выше подвига фрегата Бельпуль, нѣкогда надѣлавшаго столько шума. Если вы охотникъ до подобныхъ дѣлъ, я угощу васъ и другими, въ которыя также замѣшался дьяволъ. Нѣсколько дней спустя, тотъ же Очаковскій флотъ пустился бомбардировать крѣпость Кинбурнъ. На Днѣпрѣ были вооружены тѣ самыя суда, которыя я туда привезла: это родъ галеръ. Турки произвели двѣ высадки около Кинбурна и были отбиты и отброшены сухопутными войсками; но такъ какъ турецкій флотъ продолжалъ безпокоить крѣпость, то выслали одну изъ этихъ галеръ, именно Десну, на которой мы обѣдали NB., и она начала въ свою очередь обстрѣливать турецкій флотъ, потомъ пробилась сквозь ряды его и стала подъ защиту крѣпостныхъ пушекъ. Этою галерой командовалъ 25-тилѣтній мальтійскій кавалеръ, по фамиліи Ломбардъ, состоящій у меня на службѣ со времени моего пребыванія въ Кіевѣ. Генералъ Суворовъ доставилъ Ломбарду и его галерѣ до двадцати пушекъ, съ которыми онъ держалъ въ страхѣ турецкій флотъ. Онъ сжегъ имъ Богъ знаетъ сколько кораблей; Кинбурнская крѣпость взорвала у нихъ на воздухъ одинъ линейный корабль и два фрегата, а г. Ломбардъ со своей галерой разбилъ, потопилъ и сжегъ имъ по крайней мѣрѣ шесть канонирокъ. Наконецъ 1-го октября Турки сдѣлали опять высадку на Кинбурнской косѣ въ числѣ болѣе 5300 человѣкъ, изъ которыхъ едва пятьсотъ вернулись въ Очаковъ. Вотъ послѣднія полученныя мною извѣстія, которыя я и сообщаю вамъ при пожеланіи вамъ добраго здоровья и всякаго благополучія»[1]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 419, 420.

Черезъ мѣсяцъ послѣ того государыня писала: «Со времени объявленія войны не произошло ничего замѣчательнаго. Турки нѣсколько разъ пытались отнять у насъ крѣпость Кинбурнъ и каждый разъ были отбиты; а при послѣдней аттакѣ потеряли около 5,000 человѣкъ. Севастопольскій флотъ пострадалъ отъ бури: нѣсколько кораблей лишились мачтъ, а корабль Магдалина, не знаю какъ, тоже потерявъ мачту и съ сильною течью, очутился въ Константинопольскомъ проливѣ, бросилъ тамъ якорь, и былъ взятъ и отведенъ въ арсеналъ въ Терапію. Капитанъ его былъ не русскій, а англичанинъ. За то турецкій флотъ потерялъ подъ Очаковомъ два военные корабля и нѣсколько фрегатовъ, которые Днѣпровскій флотъ и Кинбурнская крѣпость пустили ко дну или взорвали. Со стороны Кубани генералъ - лейтенантъ Потемкинъ побилъ въ семи различныхъ сраженіяхъ Ногайскихъ Татаръ и, чтобъ отнять у нихъ охоту переходить черезъ Кубань, самъ побывалъ у нихъ. Турки зачинщики: они на насъ напали; но до сихъ поръ мы слава Богу не потеряли ни пяди земли. Я васъ буду регулярно увѣдомлять обо всемъ...... Все идетъ хорошо и я должна быть довольна, но главные удары еще не могли быть нанесены. Я увѣрена, что мои фельдмаршалы будутъ дѣйствовать очень хорошо: я питаю большое довѣріе къ ихъ способностямъ и искуству и льщу себя надеждой, что и они мнѣ довѣряютъ; войско все то же; средства—также; наконецъ, если что-нибудь измѣнилось, то надѣюсь, къ лучшему. Итакъ я не вижу, почему бы мнѣ носиться съ излишними заботами; можетъ-быть это пригодно Туркамъ, но не намъ. Хлѣбъ дорогъ, но тѣмъ не менѣе всѣ ѣдятъ его, да еще курятъ вино!..... Сегюръ прыгаетъ отъ радости, что дворъ его отозвалъ изъ Турціи французскихъ инженеровъ» [1]).

О неудачѣ же Севастопольскаго флота государыня еще разъ упоминаетъ: «Вы правы, говоря: зачѣмъ было выступать въ море въ равноденствіе? Вся бѣда, случившаяся съ Севастопольскимъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII. стр. 421, 422.

флотомъ, произошла отъ этого. Какъ вы ужъ знаете, несчастіе не такъ ужасно, какъ разсказывали; надѣюсь что все поправится»[1]).

Общее отношеніе къ Россіи государствъ западной Европы въ эту эпоху государыня такъ очерчиваетъ: «Война разстроила множество проектовъ[2]) и всѣ проекты отложены до мирнаго времени. Въ настоящую минуту нѣтъ насчетъ проектовъ никого выше братьевъ Ге и Гю.[3]). Передъ ними всѣ флаги проектовъ должны опуститься при громкихъ восклицаніяхъ: «О, какъ они велики и могущественны и кто можетъ превзойти ихъ?» О, какъ они должны быть довольны собой, начальники германской лиги и вѣтряныя мельницы, защитники германской свободы, которую никто не попиралъ, и вмѣстѣ угнетатели свободы Голландіи, которая только что выходила изъ угнетенія, подстрекатели Турокъ, съ которыми пусть будетъ что будетъ! А братецъ Ге, заступникъ за германскую свободу, самъ попирающій свободу Англіи! Ахъ, Боже мой! какъ эти германскіе принцы, имъ преданные, обмануты подобными защитниками! Зато, сражаясь съ вѣтряными мельницами, все это умретъ своей естественной смертью..... Людовика XVI-го всячески постарались увѣрить, что ему нужна опека, что онъ ничего не смыслитъ въ дѣлахъ; однакоже онъ старателенъ, онъ добръ, онъ прямодушенъ, онъ желаетъ блага. Посмотримъ, что сдѣлаютъ опекуны, или опекунъ: дебютъ никуда не годится. Еслибъ отошли для того чтобъ лучше разбѣжаться и прыгнуть, то пожалуй это бы еще ничего; но если отошедши не прыгнутъ, но дозволятъ хозяйничать у себя людямъ подобнымъ Ге и Гю, о тогда прощай уваженіе, добытое двухсотлѣтней исторіей, и станутъ ли вѣрить тому, кто не имѣетъ ни воли, ни силы, ни энергіи? Ужъ не такъ же плохо дѣло, чтобъ получивъ одну пощечину,

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 434.

[2]) Всѣ заказы и выдачи государыни.

[3]) Вначалѣ могло казаться, что подъ именами Ге и Гю Екатерина разумѣла только Георга и Густава, но съ этихъ поръ становится ясно, что подъ именемъ Гю рѣчь идетъ и о Фридрихѣ Вильгельмѣ Прусскомъ (Guillaume).

подставлять щеку подъ другую: это конечно по-евангельски, но ужъ никакъ не по-царски. *Излишнее смиреніе нездорово для государства*» [1]).

На письмо Гримма изъ Женевы по поводу начавшейся войны государыня отвѣчаетъ: «Вашъ № 93 писанъ изъ Констанца. Еслибъ это было изъ Константинополя, то было бы мнѣ еще пріятнѣе: да, да, есть ясныя доказательства, что пути Божіи и Его промыселъ о своихъ дѣтяхъ неисповѣдимы. Предоставьте только дѣла ихъ естественному ходу, и все пойдетъ хорошо. Есть чему удивляться, что я въ точности исполнила то, что замышляла еще за годъ назадъ. Ну, такъ что же? Если меня разсердятъ, я задумаю и исполню въ назначенный срокъ и день въ день.... вступленіе.... для балета!... Нѣтъ, еще не пришла пора...» [2]).

Около того же времени, въ ноябрѣ 1787 года, великій князь Павелъ Петровичъ задумалъ ѣхать въ дѣйствующую армію, и великая княгиня Марія Феодоровна непремѣнно хотѣла ему сопутствовать. Историкъ Екатерины II, Кастера, весьма многое старающійся объяснить въ ущербъ ея славѣ, приписываетъ ея противодѣйствіе этому плану какимъ-то заднимъ мыслямъ и подозрительнымъ опасеніямъ, тогда какъ всего проще было объяснить это беременностью великой княгини [3]) и требованіями ея материнскихъ обязанностей, чтó ясно видно изъ слѣдующихъ строкъ: «Вотъ уже трое сутокъ, какъ я подвергаюсь страннымъ нападеніямъ: я получаю по два и по три письма въ день отъ господина и госпожи младшихъ (M. et. Mad. Secondat) [4]) которые во что бы ни стало хотятъ ѣхать въ армію; ему я это позволяю, но ей, — какъ же можно на это согласиться? Это невозможно, но милая барыня обладаетъ головушкой не легко поддающейся разумнымъ доводамъ и, по правдѣ сказать, весьма безпокойной.

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 424, 426.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII. стр, 426. Точки очевидно означаютъ тутъ Константинополь.

[3]) Великая княгиня Марія Феодоровна была на пятомъ мѣсяцѣ беременности дочерью Екатериною.

[4]) Тáкъ императрица часто называетъ своего наслѣдника и его супругу.

Вотъ что мнѣ помѣшало сегодня утромъ поработать надъ составленіемъ этого огромнаго посланія. Но надо же однако, чтобъ она въ концѣ концовъ подчинилась разуму» [1]).

Въ декабрѣ того же года государыня писала: «Господинъ кавалеръ и многострадальный, такъ какъ вы изъявили желаніе получать извѣстія о всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ настоящихъ и будущихъ, имѣю честь сообщить вамъ, что 13 октября генералъ-аншефъ Текели съ своимъ корпусомъ войскъ перешелъ четырьмя колоннами рѣку Кубань и вдоль рѣкъ Лабы, Зеленцуга, Кефита и Урупа, гналъ передъ собою Татаръ различныхъ ордъ, населявшихъ эти края и часть которыхъ собралась подъ начальствомъ имама Мансура, ставшаго покорнымъ орудіемъ Порты еще до начала войны. Все это было разбито, прогнано, разсѣяно — отчасти перебито, отчасти взято въ плѣнъ; добыча нашихъ казаковъ должна быть громадна. Они взяли въ плѣнъ нѣсколько тысячъ человѣкъ; остальные изъявили покорность и послали депутатовъ. Другіе дали заложниковъ, чтобъ ихъ оставили въ покоѣ. Однимъ словомъ, отъ Кубани до Кавказскихъ горъ пораженіе и преслѣдованіе были полнѣйшія. Имамъ Мансуръ, самъ лишившись всего, бѣжалъ къ Суджаку. Вотъ что я на этотъ разъ имѣю честь довести до свѣдѣнія вашего превосходительства. Никогда вы не повѣрите, если я скажу вамъ, что въ этой экспедиціи мы потеряли только семь человѣкъ убитыми и девятнадцать ранеными. Однако это фактъ, на который могу представить вамъ доказательства» [2]).

Изъ сказаннаго выше видно, что Екатерина старалась привлечь на свою сторону Францію и оторвать ее отъ союза съ своими врагами: Англіей, Германіей и Швеціей. Такъ какъ письма Гримма за 1787 г. не сохранились, то неизвѣстно, кого именно онъ въ то время рекомендовалъ на службу въ Россію при войскахъ, но на это послѣдовалъ такой отвѣтъ: «Что касается вашихъ реко-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 429.
[2]) Стр. 435.

мендацій, то я вовсе въ нихъ не нуждаюсь. Не прогнѣвайтесь, но конечно не я сама стану снабжать свою армію волонтерами и шпіонами. Господа Французы слишкомъ туркофилы въ душѣ, чтобъ имъ могло у насъ понравиться, и кромѣ того они не знаютъ ни слова по-русски и поэтому даже самые лучшіе изъ нихъ для насъ непригодны. Правда, что французскій дворъ отозвалъ съ десятокъ французскихъ офицеровъ изъ Турціи; но, не говоря о томъ, что ихъ еще столько же осталось тамъ, новый рой, человѣкъ изъ двадцати, проѣхалъ черезъ Венецію въ Константинополь. Очаковъ еще въ рукахъ Высокой Порты. Что бы вы мнѣ ни говорили, я глубоко убѣждена, что у васъ, не взирая на всѣ неоднократно полученныя пощечины, склонны скорѣе подружиться съ братцами Ге и Гю и даже съ дьяволомъ, чѣмъ со мною. Вотъ въ какомъ расположеніи находятся у васъ, и еще гордятся этимъ; на это я получила на дняхъ неопровержимыя доказательства. Братцы Ге и Гю, какъ пара очковъ, отлично приходятся по носу *бѣднымъ людямъ*, и какимъ бы гороховымъ пюре они ни раздували себѣ желудокъ, все же они останутся тѣмъ что они есть D. D. D. [1]) Не подумайте что это значитъ *и проч.*, нѣтъ это три нѣмецкіе D...... Еслибъ я была на мѣстѣ гр. Сегюра, я бы ни минуты не осталась въ Россіи» [2]).

Но, несмотря на всѣ военныя тревоги, обычная потребность въ умственныхъ занятіяхъ не покидала государыню, и она говоритъ: «Я съ нѣкоторыхъ поръ работаю какъ лошадь и мнѣ мало моихъ четырехъ секретарей: я вынуждена увеличить ихъ число. Я вся обратилась въ письмо, и мысли мои расплываются въ чернилахъ. Никогда въ жизни моей я столько не писала. Когда началась война, я ничего не хотѣла знать и слышать кромѣ войны, а теперь я должна пустить въ ходъ все то, что залежалось. Чтобъ къ веснѣ наверстать пропущенное, надо итти быстрыми шагами» [3]).

---

[1]) Dumm.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 437.

[3]) 440.

Въ слѣдующемъ 1788 году, въ апрѣлѣ, государыня, возвращаясь къ постыдному для Европы заступничеству за Турокъ, говоритъ: «Я вовсе не раздѣляю мнѣнія тѣхъ, кто думаетъ, что мы наканунѣ великаго переворота. Нѣтъ, Марабуты (Турки) кажутся цѣлой Европѣ столь любезными, что весьма трудно имъ внушить, насколько лучше быть разумнымъ, чѣмъ безразсуднымъ. Вся Европа скорѣй предпочтетъ перерѣзаться, чтобъ потомъ сказать: и я вмѣшалась въ дѣло, и я въ немъ участвовала, чѣмъ предоставить все своему естественному ходу для общей пользы, потому что одна торговля сколько бы отъ этого выиграла! Отвлеченныя теоріи поистинѣ ужасны! Сколько умствованій въ видѣ гороховаго пюре было посрамлено на практикѣ, и все это еще не умудрило людей!.... Никто кажется не станетъ отрицать, что я обиженная сторона, и потому если Богу угодно, я расправлюсь съ Марабутами, къ которымъ у васъ питаютъ такую привязанность и которымъ спѣшатъ давать со всѣхъ сторонъ различные совѣты; а они ихъ отвергаютъ съ пренебреженіемъ или отвѣчаютъ дерзко. Меня преслѣдуютъ, чтобъ я постановила условія мира, чтобъ я объяснилась насчетъ этого мира. Когда я отвѣчаю, что еще не пришло время, что Марабуты не образумятся, я однако говорю правду и мнѣ хотѣлось бы сказать всѣмъ: оставьте меня въ покоѣ, вы не будете имѣть успѣха и у Марабутовъ: ваши противники взяли верхъ, и я буду совершенно права; я еще сказала бы правду, но не всякую правду удобно высказывать. О бѣдные люди!....» [1]).

«Благодарю васъ за пожеланія къ новому году: я нахожу вашу молитву прекрасною. Но въ газетахъ была напечатана преглупая, которую я будто бы велѣла читать во всѣхъ церквахъ. Это безстыдная ложь. У насъ на Богослуженіи положенныя молитвы, и ихъ нельзя мѣнять по произволу, что̀ конечно очень хорошо» [2]).

---

1) *Сб. И. О.* XXIII. стр. 440, 441.

2) Стр. 442.

«Наконецъ, вслѣдствіе происковъ Ге и Гю въ Константинополѣ, послѣдній, по наущенію перваго, предложилъ мнѣ свое посредничество. Вы можете судить, было ли оно принято: пусть ихъ стряпаютъ гдѣ угодно, только не у меня. Я пророчу имъ, что они сдѣлаются посмѣшищемъ Европы, потому что фальшивы и угнетатели. Послушаешь васъ, такъ подумаешь, что я нарушительнина всеобщаго покоя. Какъ, ни малѣйшаго чувства миролюбія?... Но толкуйте что хотите, многострадальный,—я не перемѣнюсь. Мнѣ теперь уже 59 лѣтъ. Не измѣняйте и вы мнѣ» [1]).

«Ваши хорошіе отзывы о г. Монморенѣ [2]) меня очень радуютъ, потому что пріятнѣе имѣть дѣло съ честными людьми чѣмъ съ безчестными. Молю Бога, чтобъ онъ не колебался на пути указанномъ ему обстоятельствами, такъ какъ по всему вижу, что привязанность къ Марабутамъ еще дьявольски сильна, и они еще не початы и не будутъ початы ни съ какой стороны, благодаря усиліямъ всей Европы, особенно же братца Ге препрославленнаго. Какимъ образомъ Франція можетъ мнѣ доставить почетный миръ съ этими милыми Марабутами? Разстояніе, во-первыхъ, полагаетъ тому препятствія; во-вторыхъ ея посланникъ при смерти и не пользуется ни малѣйшимъ вліяніемъ. Меня допрашиваютъ объ условіяхъ мира теперь же; я не въ состояніи дать ихъ, ни говорить о мирѣ. Не я его нарушила: дерзко предложили моему посланнику возвратить Крымъ; не хотѣли и слышать никакихъ предложеній, сдѣланныхъ тремя дворами, и моего посланника заключили въ Семибашенный замокъ, гдѣ онъ еще и до сихъ поръ находится. Недавно, дерзкое предложеніе возвратить Крымъ было возобновлено и императорскій посолъ освобожденъ. Самое это освобожденіе есть уже оскорбленіе, когда мой посолъ еще въ заключеніи. Поистинѣ, теперь я не могу ни на что согласиться: никакая другая держава, кромѣ моей собственной, не мо-

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 443.

2) Тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ во Франціи.

жетъ доставить мнѣ на дѣлѣ почетнаго мира: слышишь ли, многострадальный! Но *бѣднымъ людямъ* все хочется вступать въ переговоры и они къ намъ расположены по-турецки, чтобъ не сказать вѣроломно [1]). Они скажутъ мнѣ одно доброе слово, а за нимъ слѣдуетъ такое словечко въ противоположномъ смыслѣ, хотя будто и въ пользу своихъ старыхъ друзей, но которое намъ кажется обиднымъ и двусмысленнымъ; они не чистосердечны и не такъ мыслятъ, какъ слѣдовало бы великой державѣ. Маленькій дружественный союзъ мы бы пожалуй и согласились заключить съ ними, и это было бы всего мудрѣе» [2]).

Въ слѣдующихъ отрывкахъ всего лучше обрисовывается взглядъ Екатерины на сохраненіе національнаго достоинства и самостоятельности въ международныхъ сношеніяхъ, а также ея оцѣнка коварства англійской политики, за которой она зорко слѣдила. 22 апрѣля (1788) она пишетъ «Вы правы, что съ отвращеніемъ относитесь къ вопросамъ. Я всякій вопросъ отъ націи къ націи считаю оскорбленіемъ, такъ какъ никто не имѣетъ права допрашивать другого: всякій воленъ дѣйствовать сообразно съ своими интересами: надо сознаться, что братецъ Ге величайшій политикъ; мнѣ очень нравится предложеніе сговориться по двумъ пунктамъ: чтобъ у одной стороны осталась въ рукахъ Индія, а у другой — Левантъ съ его торговлей, и это послѣ подписанія деклараціи или приговора о разоруженіи. Это значило бы обѣщать не мстить за данныя пощечины, а терпѣливо принять ихъ и потерять общее уваженіе: какъ это тонко и хорошо придумано!.... Ну, а добрые люди еще и это выслушали терпѣливо и кровь не закипѣла въ ихъ жилахъ! Я, какъ докторъ, предписываю имъ по меньшей мѣрѣ бутылку шампанскаго за завтракомъ, а дофину, о которомъ говорятъ что онъ очень плохъ (если еще живъ) и покинутъ медиками — Бестужевскія капли, и вы увидите что послѣдній укрѣпится, а первые станутъ говорить съ своими сосѣдями и имъ подобными

---

[1]) Игра словъ: türkisch, wenn nicht tückisch.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 444.

какъ слѣдуетъ говорить, и отнимутъ у нихъ надолго нелѣпую охоту дѣлать запросы. Вѣроятно этотъ же курьеръ отвезетъ мой отвѣтъ во Францію, но такъ какъ онъ еще не готовъ, то я вамъ скажу объ этомъ словечко до окончанія письма» [1]).

Мы уже и ранѣе видѣли, что Екатерина не высоко цѣнила государственныя способности короля англійскаго Георга, называя его въ шутку, «гражданиномъ» (bourgeois). Она говоритъ, что не желала бы для себя его счастія: «Онъ потерялъ 15 провинцій; я смотрю на это, какъ на высшее государственное преступленіе, которое заслуживало бы строгаго наказанія», и далѣе прибавляетъ: «что до меня касается, то я не желаю потерять ни одного вершка земли. Вѣдь государства не канавы, отъ которыхъ чѣмъ болѣе отнимаютъ земли, тѣмъ онѣ становятся больше» [2]).

Враждебное поведеніе Англіи во вторую турецкую войну характеризуется государыней такъ: «Братецъ Ге полагаетъ, что очень насолилъ мнѣ, запретивъ своимъ подданнымъ снабжать меня за деньги кораблями; эти корабли доставили бы имъ милліонъ; ну, такъ у меня будутъ же корабли, а подданные его моихъ денегъ не получатъ; но эти подданные умнѣе его, потому что, несмотря на запрещеніе, ходятъ подъ русскимъ флагомъ. Кто изъ двухъ проигралъ? Ужъ вотъ такъ злая воля — вотъ и все. Теперь я полагаю, что онъ даетъ денегъ Антонину (т. е. Густаву), чтобъ вооружить его на сушѣ и на морѣ; ну, такъ чтожъ изъ этого выйдетъ? Антонинъ возьметъ съ него деньги, а воевать со мной не станетъ, развѣ потеряетъ послѣднюю искру здраваго смысла, а если онъ на то рѣшился, такъ покусаетъ себѣ пальцы.»

24 апрѣля: «Братецъ Ге сдѣлалъ великолѣпную декларацію, что будто онъ станетъ держаться строгаго нейтралитета, и на этомъ основаніи отказалъ намъ въ транспортныхъ корабляхъ, а потомъ тонкій и весьма тонкій плутъ послалъ въ Константинополь корабли съ громадными транспортами военныхъ припасовъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 444.
[2]) Стр. 431, 435.

всякаго рода, на которыхъ посланникъ его беретъ 80 на 100 барыша. Чтобъ еще лучше доказать мнѣ свою привязанность, посланникъ его будетъ находиться въ турецкой арміи, вѣроятно чтобъ быть посредникомъ при заключеніи мира; какъ все это хорошо придумано!» [1]) Къ этому государыня присовокупляетъ: «Армія увеличена на 40,000 человѣкъ; я все это осмотрѣла сегодня. Мы всегда были особенно счастливы тѣмъ, что наши неблагожелатели постоянно считали насъ слабѣе, чѣмъ мы были на самомъ дѣлѣ, а кто о насъ потерся, тотъ почувствовалъ это; мнѣ нечего вамъ представлять примѣры и факты, которые вы не хуже меня знаете»[2]).

На заискиванье же французскаго министра Монмореня, старавшагося склонить Екатерину къ миру прежде чѣмъ разыгрались военныя дѣйствія, государыня отвѣчала: «Я бы желала. чтобъ меня менѣе торопили миромъ; я вовсе не была и не буду такъ несговорчива. Но такъ какъ война еще и не начиналась, такъ какъ у меня союзникъ, безъ согласія котораго я не могу заключить ни мира, ни перемирія, а притомъ мы не можемъ знать, какой оборотъ примутъ дѣла, то мы не должны ронять себя въ глазахъ Порты, которая все еще дерзка и сдѣлала мнѣ новое оскорбленіе, задержавъ моего посланника, тогда какъ выпустила посла императорскаго: — надо побить ихъ и потомъ уже говорить о мирѣ. Я отказала въ посредничествѣ Ге и Гю, и хотя добрыя услуги *обращенныхъ* не будутъ мнѣ непріятны, я считаю ихъ слишкомъ отдаленными, чтобъ вмѣшаться..... Что касается братца Ге — это фальшивѣйшій изъ людей» [3]).

«31 мая: «Ахъ, милостивый государь, еслибъ миръ зависѣлъ отъ васъ, да отъ меня, онъ скоро былъ бы заключенъ; но такъ какъ объ этомъ мирѣ хлопочетъ вся Европа, то было бы желательно и необходимо, чтобъ она отказалась отъ этихъ хлопотъ, для того чтобъ миръ могъ состояться. Видали ли вы когда-нибудь, какъ маленькія дѣти тащутъ въ разныя стороны какой-ни-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 445.

[2]) Стр. 447.

[3]) Стр. 448.

будь лоскутокъ, пока не разорвутъ его. Ну вотъ такова исторія этого міра; вопервыхъ, ни кампанія еще не начиналась, ни мой посланникъ еще не освобожденъ изъ заключенія, а уже гг. Энсли и де Шуазэль утверждаютъ, каждый съ своей стороны, что при ихъ посредничествѣ его освободили изъ Семибашеннаго замка, гдѣ, несмотря на этотъ споръ, онъ еще и донынѣ находится. Это конечно доказываетъ большую ловкость. Мнѣ также нравится этотъ нейтралитетъ не нейтральный и это отреченіе отъ Марабутовъ, которое однако сводится къ тому, чтобъ сколько возможно спасать ихъ и помогать имъ. О Боже! какое искуство не знать чего хочешь, или хотѣть морочить людей! Конечно полагаютъ сдѣлать имъ большую честь — показывая, что ихъ считаютъ за пошлыхъ дураковъ!» [1])

Отъ 21 іюня того же года государыня такъ извѣщаетъ Гримма о морской побѣдѣ: «Принцъ Нассаускій и Поль Джонсъ [2]) дрались въ Лиманѣ съ шестидесятью турецкими кораблями; три изъ нихъ взорваны на воздухъ, а остальные прогнаны. Я еще не получила подробныхъ донесеній, но знаю, что мы не потеряли ни одного корабля» [3]).

Начало шведской войны.

Въ то время, какъ враждебныя Россіи внушенія европейскихъ державъ, особливо Англіи и Пруссіи, подвигли Турцію къ неслыханно дерзкому заключенію русскаго посла въ Семибашенный замокъ, не менѣе успѣшны были происки ихъ при дворѣ Густава III, котораго онѣ всѣми силами побуждали напасть на Россію съ Сѣвера. Екатерина, знавшая все это отъ своихъ дѣятельныхъ и умныхъ посланниковъ, не разъ упоминала о томъ въ перепискѣ, но все еще надѣялась, что Густавъ не рѣшится на войну съ нею. Однакожъ въ маѣ 1788 года она пишетъ: «Вотъ мой многоуважаемый братецъ и сосѣдъ — тупая голова (der

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 449, 450.

[2]) Американскій морской офицеръ, приглашенный въ русскую службу.

[3]) Стр. 451.

Stumpfkopf) вооружается противъ меня на сушѣ и на морѣ. Онъ произнесъ въ сенатѣ рѣчь, въ которой говорилъ, что я его вызываю на войну, что всѣ донесенія его посланника о томъ свидѣтельствуютъ. Тутъ онъ заставилъ прочитать ихъ, и сенатъ отвѣчалъ что его величеетво всегда правъ. Но выходя, сенаторы всѣ говорили, что его величество насильно извлекъ этотъ смыслъ изъ реляціи своего посла, который говоритъ совершенно противное тому, что его величество утверждаетъ. А его величество, при выходѣ изъ сената, отдалъ приказъ, чтобъ вооружали галеры и послали въ Финляндію семь полковъ: я полагаю, что въ эту минуту они уже въ дорогѣ. Если онъ нападетъ на меня, надѣюсь что буду защищаться, а защищаясь я все-таки буду говорить, что его надо бы засадить въ домъ сумасшедшихъ. Если же нападенія не послѣдуетъ, я скажу, что онъ еще болѣе спятилъ съ ума, всячески стараясь оскорблять меня» [1]).

Отъ 21 іюня того же года: «Сэръ Джонъ Фальстафъ, отправляясь въ Финляндію, велѣлъ сказать графу Разумовскому, чтобъ онъ выѣхалъ изъ Стокгольма за то что графъ заявилъ ему письменно, что я вовсе не собираюсь нападать на него и что я не питаю никакихъ непріязненныхъ чувствъ ни противъ него, ни противъ его народа. Онъ видитъ оскорбленіе своей чести и славы въ томъ, что его народъ называютъ рядомъ съ нимъ. Стало-быть онъ хочетъ совсѣмъ вычеркнуть имена народовъ, которые однако употребительны и въ грамматикахъ и въ словаряхъ. По его же мнѣнію нѣтъ болѣе народовъ, а есть короли. Вотъ величайшій деспотъ изъ королей. Отплывая въ Финляндію, онъ самъ сказалъ, что предпринимаетъ опасное дѣло; можно бы спросить: такъ зачѣмъ же вы и затѣваете его?.....

«Сэръ Фальстафъ дурной родственникъ и дурной сосѣдъ; его несправедливость ко мнѣ нѣчто неслыханное: я передъ нимъ ни въ чемъ не провинилась, я осыпáла его любезностями; я кормила его Финляндцевъ нѣсколько лѣтъ, когда въ Финляндіи былъ го-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 449.

лодъ; онъ никогда ни на что не жаловался, и теперь, мнѣ кажется, ему не на что жаловаться. Его величество доказываетъ, что незаконно присвоивъ себѣ неограниченную власть, онъ пользуется ею на горе своимъ подданнымъ для того, чтобъ навязать имъ ссору съ сосѣдями. Всякій король, всякій государь первое лицо среди своего народа; но одинъ государь не составляетъ еще всего народа. Развѣ упомянуть о Шведскомъ народѣ значитъ обидѣть короля? По какому праву онъ беретъ на себя судить русскаго посланника? Онъ высылаетъ его за то, что тотъ упомянулъ о Шведскомъ народѣ: развѣ есть законъ, которымъ это запрещено? Онъ переходитъ отъ одного оскорбленія къ другому: онъ потребовалъ, чтобъ его эскадру салютовали наши три корабля, что́ противно 17-й статьѣ трактата 1743 года, которою постановлено не салютовать. Далѣе нота, адресованная Шведскимъ королемъ ко всѣмъ другимъ дворамъ, очень оскорбительна и наполнена клеветами. Тамъ говорится объ основныхъ законахъ Шведскаго королевства; кажется, что эти законы сочинены и изданы Густавомъ III. Онъ жалуется также на дурные принципы и на происки посланниковъ, бывшихъ прежде графа Разумовскаго. И я могла бы сказать то же о шведскихъ посланникахъ; но такъ какъ я знаю, что подданные мои не имѣютъ повода на меня жаловаться, что я не посягаю на ихъ свободу, что я не употребляю по отношенію къ нимъ ни хитрости, ни притворства, ни двоедушія; такъ какъ я не позволяю себѣ затѣвать несправедливыхъ войнъ, то я не боюсь, чтобы какіе-нибудь иностранцы могли отклонить моихъ подданныхъ отъ вѣрности, столь же тѣсно связанной съ ихъ благоденствіемъ, какъ и съ ихъ истинными, существеннѣйшими интересами. Вы скажете: — вотъ краснорѣчивая филиппика;—но какъ быть? Она невольно вылилась изъ подъ пера; замѣтьте пожалуйста, что Шведскій король казался доволенъ графомъ Разумовскимъ, и мнѣ помнится, что у меня есть даже письмо, въ которомъ онъ мнѣ хвалилъ его, и никогда не жаловался ни на графа и ни на кого изъ его предшественниковъ».

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 451, 452.

25 іюня: «Сейчасъ запечатываю письмо; Шведскій король открылъ противъ меня враждебныя дѣйствія, пославъ переодѣтыхъ солдатъ ограбить таможню и схватить таможеннаго смотрителя съ его помощниками по близости Нейшлота въ Финляндіи. Вотъ благородный способъ нападенія! Я велѣла сказать окружному капитану, чтобъ онъ наказывалъ какъ воровъ тѣхъ, кого поймаютъ на такихъ доблестныхъ подвигахъ; до сихъ поръ еще не сдѣлано ни одного выстрѣла.

5-го іюля 1788: «Вторая филиппика противъ Шведовъ. Вотъ мы въ открытой войнѣ съ королемъ Шведскимъ. Вы уже знаете, я полагаю, что когда его величество прикидывался, что принимаетъ мои вооруженія, назначенныя въ Средиземное море, за вооруженія противъ него, и подъ этимъ предлогомъ началъ вооружаться для защиты, то онъ открылъ Даніи свои планы. Узнавъ это, я приказала графу Разумовскому передать шведскому министру, что мое намѣреніе—жить въ мирѣ и согласіи съ его величествомъ и Шведскимъ народомъ; въ отвѣтъ на это Шведскій король выслалъ графа Разумовскаго изъ Стокгольма подъ предлогомъ, что посланникъ въ своей нотѣ отдѣлилъ короля отъ народа. Это пришедшее сюда извѣстіе не позволило болѣе сомнѣваться въ намѣреніяхъ Шведскаго короля; черезъ десять дней послѣ того, онъ высадился въ Финляндіи со всѣмъ своимъ войскомъ; флотъ слѣдовалъ за нимъ. Его посланнику приказано было выѣхать. Какъ только стало извѣстно что флотъ его потребовалъ салюта отъ нашихъ трехъ кораблей, Нолькену назначили осмидневный срокъ, точь въ точь какъ было поступлено съ графомъ Разумовскимъ. Но Нолькенъ еще не успѣлъ выѣхать отсюда, какъ изъ Финляндіи пришли вѣсти, что король Шведскій рѣшился снять одну таможню, вмѣстѣ съ ея смотрителемъ и помощниками на границѣ близь Нейшлота, что барка, нагруженная дровами для гарнизона этой крѣпости и находившіеся на ней два старые инвалида и одинъ пассажиръ были захвачены и убиты, и что Шведы аттаковали Нейшлотъ и обстрѣливаютъ его. Между тѣмъ шведскій секретарь, не получивъ еще приказанія о выѣздѣ,

потребовалъ аудіенціи у вице-канцлера, чтобъ представить ему ноту, подписанную по повелѣнію его государя. Я приказала вице-канцлеру принять и выслушать эту ноту. Тотъ прочелъ ему ноту съ довольно длиннымъ, безсвязнымъ и нелѣпымъ вступленіемъ, въ которомъ не постыдились упомянуть даже о мятежникѣ Пугачевѣ, но это еще ничто въ сравненіи съ тѣми условіями мира, которыя предлагалъ Россіи его шведское величество:

1. Подвергнуть примѣрному наказанію графа Разумовскаго, NB непонятно за что, такъ какъ его величество прежде никогда на него не жаловался, и даже въ нотѣ о его удаленіи воздалъ ему пространную и весьма лестную похвалу. Я полагаю, что еще въ первый разъ на свѣтѣ высылаютъ посланника за то, что онъ выразилъ мирныя и дружескія увѣренія, и требуютъ наказать министра, котораго сами же осыпáли безконечными похвалами.

2. Чтобъ я возвратила Швеціи Финляндію до Сюстербека, съ Нейшлотомъ и Кегсгольмомъ включительно.

3. Чтобъ я приняла посредничество его величества короля Шведскаго для заключенія мира съ Турціей.

4. Чтобъ я уполномочила его предложить Туркамъ Крымъ; если же они не захотятъ на этомъ условіи мириться со мною, то предоставила бы ему право предложить имъ возстановленіе границъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были въ 1768 году.

5. Чтобъ я разоружилась на сушѣ и на морѣ и удалила войска отъ этой новой границы, какъ со стороны Турціи, такъ и со стороны Швеціи, а ему предоставила бы оставаться въ полномъ вооруженіи до окончательнаго выполненія этого мирнаго договора.

Вице-канцлеръ нашелъ, что эта нота такъ хороша, что ее можно принять, а черезъ два часа г. Шлаффъ получилъ отъ графа Брюса предписаніе выѣхать вмѣстѣ съ барономъ Нолькеномъ. Въ слѣдующее же воскресенье здѣсь въ Петербургѣ было обнародовано объявленіе войны съ Швеціей. А покамѣстъ шведскій

флотъ занимается грабежемъ въ Балтійскомъ морѣ и не нашихъ кораблей, а иностранныхъ нейтральныхъ, именно: онъ захватилъ одно судно португальское, одно прусское, одно французское и влѣпилъ два ядра въ бортъ одному англійскому кораблю, который хотѣли взять. Его шведское величество, высадившись въ Финляндіи, нашелъ однако что пылъ его войскъ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ его собственному. Тогда, чтобъ поднять ихъ духъ, Е. В. повелѣлъ передать имъ, что пусть они только слѣдуютъ за нимъ, и онъ обѣщаетъ имъ превзойти и затмить славу Густава Адольфа и довершить начатое Карломъ XII (т. е. повидимому гибель Швеціи). Сообразно съ этимъ онъ велѣлъ изготовить себѣ полное вооруженіе, которое будетъ носить въ битвахъ: латы, набедренники, наручники и каску со многимъ множествомъ перьевъ. Прощаясь съ стокгольмскими дамами, онъ приглашалъ ихъ къ себѣ на завтракъ въ Петергофъ. Адмиралъ Грейгъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, былъ 1-го числа этого мѣсяца за 12 морскихъ миль отъ шведскаго флота; по всей вѣроятности этотъ послѣдній не станетъ его дожидаться; то-есть надо предполагать это по обыкновеннымъ расчетамъ житейскаго опыта и здраваго смысла; но такъ какъ въ настоящемъ случаѣ все доведено до крайности, то можетъ случиться и иначе, что́ надо будетъ выждать, увидѣть и услышать. Итакъ вотъ сэръ Джонъ Фальстафъ втянулся въ опасную игру: увидимъ, чѣмъ это кончится. Но всего страннѣе и хуже при этомъ, что Е. Ш. В., желая заставить свой призрачный сенатъ одобрить его будто бы оборонительныя мѣры противъ меня, самъ прочелъ въ полномъ присутствіи сената письма, въ которыхъ Нолькенъ, его посланникъ, извѣщалъ его, что я противъ него, короля Шведскаго, вооружаюсь. Нолькенъ же отрекается отъ этихъ писемъ и клянется и божится, что никогда ничего подобнаго не писалъ и что если его величество читалъ что-либо подобное, то письма эти не имъ Нолькеномъ писаны. Говорятъ, что король простеръ еще далѣе свою предпріимчивость и читалъ въ полномъ же собраніи сената мнимыя письма оскорбительнаго свойства, которыя онъ вѣроятно самъ

сочинилъ и выдалъ за мои. Я же не писала ему ни единаго письма съ 1785 года, и велѣла подать себѣ прежнія письма, чтобъ отыскать то чтó могло въ нихъ быть оскорбительнаго, и нашла, что эти письма можно бы напечатать: можетъ-быть я это когда нибудь и сдѣлаю. Предоставляю вамъ судить чтó надо подумать о государѣ, который прибѣгаетъ къ такимъ низкимъ и гнуснымъ средствамъ, чтобъ затѣять ссору съ державой, съ которой онъ рѣшился вступить въ безумную войну. Обманывать своихъ подданныхъ и клеветать на свою родственницу и сосѣдку — вотъ его первые пріемы. Между тѣмъ сколько разъ онъ лично, и устно и письменно, увѣрялъ меня въ вѣчной дружбѣ, въ томъ что онъ счелъ бы величайшимъ несчастіемъ для себя и для Швеціи, еслибъ когда-нибудь измѣнилъ этой дружбѣ. Я его вовсе не просила это говорить: зачѣмъ же было такъ поступать по собственному побужденію? Стало-быть, онъ такъ же лукавъ, какъ и безуменъ и лживъ. Вотъ качества поистинѣ геройскія. Такія качества встрѣчались ли когда-нибудь въ соединеніи съ храбростью? Его Нолькенъ былъ здѣсь въ долгу какъ въ шелку: что же сдѣлалъ Густавъ Фальстафъ? Онъ прислалъ ему вексель за своею подписью. Нолькенъ представлялъ его во всѣ здѣшнія конторы, но этому священному имени не было оказано ни малѣйшаго довѣрія: ему не ссудили ни копейки, и онъ долженъ былъ унести своего Густава въ томъ же видѣ какъ принесъ. Я имѣю сильное подозрѣніе, что онъ на меня лично очень сердитъ; но право я не знаю за что, потому что я никогда ничего кромѣ любезностей ему не оказывала. Ну что вы скажете и что тамъ у васъ говорятъ объ этомъ Антонинѣ? У насъ толкуютъ, что если онъ потерпитъ неудачи, то у него есть планъ отправиться въ Римъ и принять католичество, къ которому онъ очень расположенъ по причинѣ его пышныхъ обрядовъ, какъ онъ мнѣ самъ говорилъ. И вотъ онъ будетъ жить въ Римѣ точно такъ, какъ королева Христина. О! что касается этой послѣдней, я всегда смотрѣла на нее какъ на помѣшанную».

«Сего 7 іюля.

«Вотъ такъ король! онъ воображаетъ что ложью и обманомъ можно добыть себѣ много чести. Не выйдетъ, сударь, изъ этого ровно ничего, а будетъ то, что онъ сдѣлается позоромъ и посмѣшищемъ для потомства: ложью и обманомъ ни славы, ни чести себѣ не добудешь.

«8-го іюля.

«Просто неслыханныя вещи разсказываютъ про Шведскаго короля; вообразите, говорятъ, онъ хвастается, что придетъ сюда въ Петербургъ и велитъ низвергнуть конную статую Петра I, а на ея мѣсто велитъ поставить свою. Посылаю вамъ переводъ нашего манифеста о войнѣ и копію знаменитой ноты, которую можно кажется счесть образцомъ безумія и горячечнаго бреда. Чѣмъ болѣе размышляешь надъ вступленіемъ, тѣмъ оно представляется безсмысленнѣе: онъ хочетъ, напримѣръ, чтобъ ему вмѣнено было въ заслугу, что онъ не умертвилъ меня во время Пугачевскаго бунта и не явился союзникомъ разбойника съ большой дороги; однакоже онъ съ явнымъ удовольствіемъ о немъ упоминаетъ. Простой народъ у насъ такъ озлобленъ противъ Е. Ш. В., что называетъ его вторымъ Пугачевымъ. Далѣе король обвиняетъ моихъ посланниковъ въ Швеціи, что они будто интриговали противъ его новой формы правленія, а между тѣмъ онъ на послѣднемъ сеймѣ самъ во всеуслышаніе говорилъ иностраннымъ министрамъ, что его удивляетъ оппозиція, встрѣчаемая имъ въ собственной странѣ на собраніи сейма, тогда какъ онъ увѣренъ, что эта оппозиція не находитъ поддержки ни въ одной иноземной державѣ; а съ тѣхъ поръ какъ онъ въ 1772 г. незаконно захватилъ неограниченную власть, я ни копейки не давала Шведамъ. И такъ всѣ его жалобы пустыя, лживыя, клеветническія, и самъ онъ — государь съ весьма дурнымъ сердцемъ, котораго у насъ всѣ принимаютъ за сумасшедшаго. Замѣтьте еще пожалуйста выраженіе о двухъ имперіяхъ: оно весьма любопытно и указываетъ на какіе-то виды, которые не успѣли еще развиться. Мнѣ очень нравится

еще это хвастливое заявленіе о средствахъ великой державы, какъ будто неизвѣстно, что Е. Ш. В. получаетъ четыре милліона дохода, а съ этимъ далеко не уѣдешь. Онъ ведетъ себя какъ какой нибудь выскочка: Турки дали ему два или три милліона піастровъ, онъ совсѣмъ ошалѣлъ отъ подобной дряни и воображаетъ, что имъ и конца не будетъ; употреби онъ ихъ на благо своего королевства, я бы ему попрекать ими не стала»[1]).

За этимъ пространнымъ объясненіемъ причинъ шведской войны, писаннымъ подъ самымъ горячимъ впечатлѣніемъ неожиданности, слѣдуетъ манифестъ въ переводѣ на нѣмецкій языкъ.

Продолженіе войнъ шведской и турецкой.

Съ лѣта 1788 года извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ и побѣдахъ то на сѣверѣ, то на югѣ являются въ перепискѣ попеременно, и государыня продолжаетъ отдавать въ нихъ отчетъ Гримму подъ первымъ впечатлѣніемъ, а потомъ дополняетъ ихъ подробностями, почерпнутыми изъ донесеній. Отъ 9-го іюля къ коротенькой запискѣ прибавлено: «Посылаю вамъ копію съ письма, которое я вчера получила отъ адмирала Грейга: вы конечно прочтете его съ удовольствіемъ».

Къ этой собственноручной запискѣ приложена выписка изъ письма адмирала Грейга съ мѣста сраженія, гдѣ онъ стоялъ на якорѣ, отъ 7-го іюля 1788:

«Вчера у насъ было съ шведскимъ флотомъ чрезвычайно жаркое и упорное дѣло, которое продолжалось отъ 5-ти часовъ вечера до 10 безъ перерыва. Мы взяли семидесятипушечный корабль Принцъ Густавъ, на которомъ находится графъ Вахтмейстеръ, командовавшій авангардомъ непріятельскаго флота подъ вице-адмиральскимъ флагомъ. Онъ передалъ свой флагъ на корабль Ростиславъ (бывшій подъ флагомъ адмирала Грейга).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 451—456.

Битва кончилась съ наступленіемъ ночной темноты. Былъ небольшой вѣтерокъ при началѣ дѣла, но потомъ онъ утихъ. Непріятель отошелъ и оставилъ насъ побѣдителями на мѣстѣ сраженія [1]), въ семи нѣмецкихъ миляхъ отъ Гохланда. Непріятель направился къ Свеаборгу въ Финляндіи (Шведской). У него было 16 линейныхъ 70-ти и 60-ти пушечныхъ кораблей и 8 большихъ фрегатовъ, которые всѣ вступили въ бой. Я никогда не видалъ болѣе жаркаго сраженія, лучше выдержаннаго съ той и другой стороны».

Отъ 12-го іюля 1788 г. Екатерина пишетъ: «Вчера мы служили благодарственный молебенъ по случаю побѣды адмирала Грейга въ 7-ми миляхъ отъ Гохланда: онъ взялъ въ плѣнъ шведскаго вице-адмирала, и шведскій флотъ удалился къ Свеаборгу; по правдѣ сказать, адмиралъ взялъ бы въ плѣнъ и главнокомандующаго шведскимъ флотомъ, но вице-адмиралъ выступилъ впередъ, а тотъ [2]) сталъ позади его кораблей. Видно, очень боялись, какъ бы не остаться безъ принца. Будь это частный человѣкъ, ужъ конечно онъ не могъ бы безнаказанно покинуть своего поста.

«Петербургъ въ эту минуту походитъ на большой военный лагерь; на улицахъ только и видишь, что всякаго рода военные припасы. Но среди всего этого конечно и смѣются, и сердятся, и читаютъ, и пишутъ и болтаютъ вздоръ. Г. Палласъ устраиваетъ своей кабинетъ естественной исторіи, а мы на него смотримъ» [3]).

Отъ 14 іюля 1788: «Съ Чернаго моря сообщаютъ намъ, что принцъ Нассаускій разбилъ капитана-пашу въ четырехъ битвахъ сряду подъ Очаковскими пушками, что эта крѣпость, если Богу будетъ угодно, должна очень скоро пасть».

Отъ 28 іюля 1788: «Сэръ Густавъ, напавши на Фридрихсгамъ съ суши и съ моря, опять посадилъ свои войска на корабли, а на сухомъ пути все бѣжало со всѣхъ ногъ, и г. Лева-

---

[1]) Entre Schtien Skare et Kalbo de ground. Сб. XXIII, 453.

[2]) Герцогъ Зюдерманландскій, братъ короля.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 459, 460

шовъ, защищающій эту крѣпость, совершенно избавленъ ото всей шведской шайки. Еще навѣрное неизвѣстно, отъ чего произошло это неожиданное бѣгство, но болтаютъ, что финнскія войска взбунтовались».

Отъ 4-го августа 1788: «Не вѣрьте лживымъ увѣреніямъ сэра Фальстафа. Онъ вездѣ благовѣститъ, что взялъ Нейшлотъ: онъ лжетъ. Онъ также увѣряетъ, что побѣдилъ въ морской битвѣ. Кабы Господь всегда его такъ благословлялъ!» [1])

Отъ 6-го августа 1788: «Сэръ Фальстафъ не полагаетъ ни разума, ни правды на свое дѣло. Онъ думаетъ, что можетъ всѣхъ обманывать. Это смѣшной смертный. Господинъ этотъ думаетъ, что онъ одинъ поглотилъ всю премудрость, а всѣ остальные люди на свѣтѣ жалкіе дураки. У него въ лагерѣ недостатокъ въ продовольствіи. Говорятъ, что онъ даетъ своимъ солдатамъ только по фунту хлѣба въ день: онъ хорошо дѣлаетъ, что отучаетъ ихъ отъ пищи; по крайней мѣрѣ они не умрутъ отъ объяденія. Вы не повѣрите до чего доходитъ у насъ негодованіе на сэра Густава-Фальстафа. Я была свидѣтельницей четырехъ войнъ; но ничего подобнаго такому презрѣнію къ его особѣ не видала.

Отъ 14 августа 1788: «У меня два дня была колика, заставившая меня пролежать въ постели. Вчера, соскучившись лежать, я велѣла принести себѣ нѣмецкихъ книгъ и между прочимъ мнѣ принесли одинъ журналъ подъ заглавіемъ: Das graue Ungeheuer (Сѣдое Чудовище), гдѣ помѣщенъ яко бы мой портретъ, и гдѣ полагаютъ сдѣлать мнѣ великую честь, не допуская всѣхъ тѣхъ ужасовъ, въ которыхъ даже враги мои никого не успѣли вполнѣ увѣрить. Затѣмъ меня ставятъ прямо послѣ Маріи Терезіи; этимъ мѣстомъ я конечно должна быть довольна; и даже увѣрена, что есть стороны, въ которыхъ я должна уступить ей. Она находила своего мужа весьма любезнымъ; я же о своемъ по совѣсти не могла сказать того же, а для лжи, какъ вы знаете, я не рождена. Но журналъ «Сѣрое Чудовище» требуетъ чтобъ вы, г. много-

---

[1]) Стр. 460, 461.

страдальный, написали мой портретъ съ натуры. Онъ говоритъ, что въ Парижѣ есть человѣкъ (это конечно не кто иной какъ вы), который въ своемъ портфелѣноситъ доказательства, что я не кровожадна. Представьте себѣ! Вотъ какъ судятъ о людяхъ! Вотъ какъ ихъ знаютъ! Вотъ какъ пишутъ съ нихъ портреты! Онъ говоритъ, что во мнѣ болѣе хитрости, чѣмъ разсудительности или ума. Правда ли это? Предоставляю вамъ судить о томъ. Наконецъ онъ даетъ почувствовать, что у меня всѣ недостатки женщины. Опять таки отдаю себя на вашъ судъ».

Отъ 18-го августа: «Лукавый унесъ Шведскаго короля! Говорятъ, что онъ убрался обратно въ Швецію. Его разыскиваютъ въ Финляндіи какъ иголку и нигдѣ не находятъ. Финскія войска отступили отъ Нейшлота, и такъ какъ имъ надо было проходить на судахъ передъ самой крѣпостью, то они велѣли просить коменданта, чтобы онъ не стрѣлялъ по нихъ, когда они будутъ удаляться. Все это невиданное дѣло! Комендантъ согласился, и вотъ они убрались себѣ тихохонько ночью. Король Шведскій велѣлъ напечатать въ газетахъ, что послѣ морского сраженія 6-го іюля братъ его отправился блокировать Кронштадтъ. Ну да, какъ бы не такъ! Адмиралъ Грейгъ, съ тѣхъ поръ какъ покинулъ Кронштадтъ, еще не возвращался туда, и въ виду Свеаборга, куда шведскій флотъ уткнулся послѣ битвы, сжегъ 64-пушечный корабль по имени Густавъ Адольфъ, и ни одна кошка не явилась на помощь этому кораблю, хоть это было въ виду названнаго поста. Они насъ бьютъ на бумагѣ, а мы ихъ колотимъ на самомъ дѣлѣ. Герцогъ Зюдерманландскій, по словамъ нашихъ моряковъ, не только не выказалъ храбрости, но первый убрался изъ сраженія. Вице-адмиралъ ихъ, чтобъ скрыть трусость герцога, распространялъ слухъ, что онъ раненъ, но славу Богу онъ здоровёхонекъ. На пятый день послѣ того какъ ихъ корабли безъ мачтъ и въ самомъ плачевномъ видѣ воротились въ гавань, какъ собаки, выгнанныя изъ кухни, они осмѣлились служить благодарственный молебенъ, но до сихъ поръ еще не вышли изъ этой дыры, окруженной со всѣхъ сторонъ скалами и подводными кам-

нями. Посмотримъ, что́ изо всего этого будетъ и когда и какъ они воротятся домой. Въ Финляндіи, вездѣ гдѣ есть Шведы, крестьяне вынуждены прятать хлѣбъ, потому что голодные солдаты силой его отнимаютъ. Никогда не видано ничего похожаго на эту войну! Вы увидите, что въ концѣ концовъ намъ же изъ человѣколюбія придется спасать ихъ отъ голодной смерти. Попутай Богъ короля Фальстафа!» [1])

Отъ 2-го сентября: «Не стыдно ли г. Неккеру, что дочь его назначена посланницей этого отвратительнаго Фальстафа?»

Отъ 4-го сентября 1788: «Да будетъ вамъ извѣстно, г. многострадальный, что Фальстафъ всячески хлопоталъ у Турокъ, чтобъ продать себя, но что послѣдніе до сихъ поръ не выдали ему ни гроша и что для вооруженій онъ сдѣлалъ заемъ, надѣясь что Марабуты будутъ давать ему столько-то въ годъ, какъ только онъ объявитъ войну. Это невѣроятно, но сущая правда.

«Удивительный мѣсяцъ былъ прошлый іюль. Въ послѣдній день іюня я переѣхала въ городъ, чтобъ не терять лишнихъ три часа на каждомъ дѣлѣ, что́ могло составить въ итогѣ много потерянныхъ часовъ, и чтобъ успокоить эту переполошившуюся привередницу [2]). Здѣсь я очутилась въ обстановкѣ военнаго города, окруженная всевозможнымъ оружіемъ и боевыми припасами. Все это двигалось и тянулось водой и по сушѣ мимо моихъ оконъ; я однимъ только этимъ и занималась, и домъ мой превратился въ главную квартиру, а я безотлучно въ немъ находилась, чтобъ получать извѣстія во всякое время дня и ночи, ежеминутно думая, мечтая, изобрѣтая разнаго рода планы и средства. Ну, хотите ли, чтобъ я вамъ сказала правду? Среди всего этого я чувствовала себя отлично, необыкновенно довольная собой и другими, встрѣчая на каждомъ шагу только одно пламенное усердіе и готовность дѣйствовать для общаго блага. Безъ приказанія и тре-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 461—463.

[2]) Здѣсь разумѣется Петербургъ. Москву Екатерина называла большой привередницей (la grande béguenle), а Петербургъ маленькой привередницей (la petite béguenle).

бованій, деревни слали мнѣ десятаго человѣка, мѣщане и города предлагали и доставляли огромныя суммы денегъ. Ямщики на почтовыхъ перевозили полковые обозы, и вмѣсто двухсотъ лошадей приводили на станціи до пяти и семи сотъ. Иностранцы распространяли слухъ, будто я уѣзжаю въ Москву, а туземцы, особенно простой народъ, говорили: — никогда она не покинетъ Петербурга при теперешнихъ обстоятельствахъ. — Въ это время Фальстафъ высаживался въ Финляндіи, и производилось нападеніе на Нейшлотъ; 6-го іюля увѣряли будто въ воздухѣ чувствовался запахъ пороха, что̀ очень можетъ быть. Я была больна въ этотъ день и лежала въ одной изъ залъ Эрмитажа на диванѣ; общество играло въ карты, а кто не игралъ, забавлялся тѣмъ, что ругалъ Фальстафа. Черезъ два дня я получила извѣстіе о морскомъ сраженіи; это было несравненно болѣе, чѣмъ сколько въ настоящую минуту требовалось, потому что, по нашимъ расчетамъ, какъ только первый шведскій постъ былъ опрокинутъ, финскія войска первыя, а потомъ и Шведы неминуемо должны были перестать слушаться и подчиняться непостижимымъ дурачествамъ своего безумнаго вождя, который, вѣроломствуя относительно насъ, обманывалъ свой собственный народъ и велъ его къ конечной гибели. Съ тѣхъ поръ все пошло, какъ мы предвидѣли. 31-го іюля я получила извѣстіе, что послѣ отступленія Финновъ сэръ Фальстафъ поручилъ своимъ повѣреннымъ вступить въ переговоры; я запретила имъ отвѣчать. До настоящей минуты Финляндія очищена отъ непріятелей, кромѣ одного поста въ Хёгфорсѣ, откуда также ихъ вскорѣ выгонятъ. И такъ г. многострадальный долженъ успокоиться отъ своихъ тревогъ.» [1])

Отъ 18-го сентября 1788: «Я вижу, что вы все еще объ насъ безпокоитесь, но право нѣтъ причины. Г. Фальстафа убрала нечистая сила: никто его не слушаетъ. Онъ стучался у всѣхъ дверей и хочетъ заварить кашу изъ самыхъ разнородныхъ инте-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 463, 464.

ресовъ, чтобы кончить свою тяжбу миролюбивой сдѣлкой. Повторяю, онъ стучится во всѣ двери, кромѣ той единственной, гдѣ бы слѣдовало, и стало-быть я заключаю, что въ немъ нѣтъ искренности, хотя онъ въ самомъ печальномъ положеніи, и нельзя не сказать, что это сумасшедшій въ полномъ смыслѣ слова. Вы забавны тѣмъ, что вѣрите всей лжи, которую онъ распространяетъ, и тревожитесь этимъ: подобныя приключенія съ нами случиться не могутъ, не бойтесь. У насъ теперь нѣтъ ни одной собаки оттуда; всѣ они, обуреваемые сомнѣніями, полумертвые отъ голода и страха, безъ денегъ и почти безъ одежды отправились во-свояси пасти гусей. Просто смѣхъ, если разсказывать все что происходило: подумаешь, что безуміе одного заразило и другихъ! Прощайте, будьте здоровы, я готовлю вамъ длинную грамоту съ приложеніями».

Отъ 3-го октября 1788: «Финны выжили Шведовъ посредствомъ переговоровъ изъ Хэгфорса съ одной стороны, а съ другой генералъ графъ Пушкинъ подвигался со всѣми своими силами; теперь въ русской Финляндіи нѣтъ ни одной шведской собаки. Шведскій флотъ все еще блокируется адмираломъ Грейгомъ въ Свеаборгѣ, и вѣроятно это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока время года позволитъ нашимъ войскамъ оставаться въ морѣ. Теперь Фальстафъ велѣлъ сказать Прусскому королю и Англійскому, Генеральнымъ Штатамъ, Датскому двору, королямъ Французскому и Испанскому, каждому по-одиночкѣ, что онъ бросается въ его объятія и его именно проситъ содѣйствовать заключенію мира. Каждый изъ этихъ дворовъ, кромѣ Датчанъ, сообщилъ мнѣ эти предложенія Фальстафа. Датчане отвѣчали, что это рѣшеніе Шведскаго короля опоздало и что они не могутъ быть посредниками, будучи въ союзѣ съ Россіей. Теперь всѣ ждутъ моего отвѣта, а я собираюсь хорошенько помудрить; вообразите суматоху всей Европы; у семи нянекъ дитя безъ глазу, говоритъ пословица. «Я увѣрена, что два глупца да одинъ безумецъ могутъ дѣйствовать только въ своемъ духѣ», говорилъ славной памяти Шахъ-Багамъ. Если это правда, такъ у насъ

еще много прелестей впереди. Конечно, поджигателями тутъ являются кавалеръ Гаррисъ и Герцбергъ [1]).

«Я не имѣю еще никакихъ извѣстій о томъ, чтобы Хотинъ или Очаковъ были взяты. Какъ только будетъ готовъ отвѣтъ на всѣ ужасныя обвиненія и клеветы, напечатанныя противъ насъ 21-го іюля Фальстафомъ, я его пришлю вамъ. Этотъ отвѣтъ наполненъ необыкновенно интересными историческими фактами. Такъ въ своемъ сумасшествіи онъ дошелъ до того, что клеветалъ на насъ, поносилъ и оскорблялъ насъ: пусть же онъ будетъ наказанъ за это на глазахъ всей Европы. Это злодѣй и безхарактерный человѣкъ, недостойный занимаемаго имъ мѣста, болѣе презрѣнный чѣмъ ненавистный для своихъ подданныхъ. И свои и чужіе говорятъ, что онъ не имѣетъ самыхъ азбучныхъ военныхъ познаній, ни талантовъ. Онъ трусъ и фанфаронъ, и въ головѣ его нѣтъ ни порядка, ни распорядительности. Я очень довольна Даніей. Не могу ничего сказать о Гегю. Вижу только, что имъ очень хочется показать себя дерзкими; но что бы тамъ ни было, я надѣюсь, что мы прекрасно выпутаемся изъ бѣды. Я думаю, что еслибъ «бѣдные люди» (Французы) заговорили погромче, они въ одно мгновеніе заставили бы Гегю понизить тонъ, потому что въ сущности партія бѣдныхъ людей могла бы сдѣлаться несравненно сильнѣе, еслибъ они захотѣли быть искреннѣе въ своихъ дѣлахъ. Домъ Бурбоновъ и двѣ имперіи пересилятъ Гегю и компанію. Тутъ болѣе толку чѣмъ въ Гегю; но надо бы начать съ голландскихъ дѣлъ и возвратить себѣ уваженіе тамъ именно, гдѣ его потеряли, а для этого надо бы дѣйствовать въ духѣ Сенъ-При. Вы меня извините: я говорю что́ думаю» [2]).

Отъ 9-го октября 1788: «Вчера мы служили благодарственный молебенъ по случаю взятія Хотина. Шведскій флотъ все еще запертъ въ Свеаборгѣ, и его шведское величество поручилъ свои дѣла почти всѣмъ державамъ Европы, какъ я вамъ выше сообщала.

[1]) Посланники англійскій и германскій.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 464—466.

Отъ 9-го ноября 1788: «Надо думать что братья Гегю готовятъ намъ еще болѣе хлопотъ, и вѣроятно война сдѣлается всеобщею и Гегю станутъ на сторонѣ Фальстафа, если только Франція не положитъ этому конца; полагаю, что ей стоило бы только возвысить голосъ по поводу дѣлъ въ Голландіи, и это прекратило бы тройныя дерзости Гегю Фальстафовъ; теперь, принудивъ Голландію подчиниться своимъ требованіямъ, они приставляютъ ножъ къ горлу Даніи и заставляютъ ее поступать жалкимъ образомъ изъ страха и по слабости. Если у васъ не повысятъ тона, дѣла́ дойдутъ до крайности и бѣдные люди потеряютъ послѣднее уваженіе навсегда и вездѣ.

«Имѣю честь объявить вамъ новость, которую вы можетъ-быть уже и знаете, именно взятіе штурмомъ Очакова. Фельдмаршалъ князь Потемкинъ прислалъ мнѣ съ донесеніемъ подполковника Бауэра, котораго я тотчасъ пожаловала въ полковники. 6-го декабря ст. ст., въ Николинъ день на разсвѣтѣ, шесть колоннъ подъ начальствомъ трехъ генералъ-лейтенантовъ овладѣли въ полтора часа времени ретраншаментами г. Лафитта, за́мкомъ Гассанъ-паши и крѣпостью Очаковомъ. Генералъ-лейтенантъ принцъ Ангальтъ-Бернбургскій и Самойловъ, каждый съ своей стороны, были впереди всѣхъ и получили за то по большому Георгіевскому кресту 2-й степени. Фельдмаршалъ же за свою побѣду получилъ Георгія I-й степени. Извѣстія эти дошли до насъ 15 декабря вечеромъ, когда я лежала въ постели, больная простудой. Однако на другой же день я присутствовала на молебнѣ, во время котораго гремѣлъ громъ 101-го пушечнаго выстрѣла; было отъ 25 до 28 градусовъ мороза. Радость народная чрезмѣрна: вотъ мы опять на своемъ обычномъ побѣдномъ пути. Я же, какъ и въ прошедшую войну, точно будто взяла за правило хворать въ тѣ дни, когда приходятъ ко мнѣ хорошія и важныя извѣстія. Это очень странно, но оно такъ. Количество плѣнныхъ огромно: болѣе 12,000 человѣкъ, въ томъ числѣ трехбунчужный паша. Ждемъ подробностей» [1]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 467, 468.

Отъ 23-го января 1789 года: «Г. Фальстафъ въ эту минуту собираетъ въ Швеціи сеймъ, и велѣлъ арестовать въ Финляндіи 94 человѣка генераловъ и офицеровъ, изъ которыхъ многіе, узнавъ это, бѣжали къ намъ. Число ихъ ежедневно увеличивается и можетъ сдѣлаться весьма значительнымъ. Кажется, этотъ человѣкъ изъ числа тѣхъ, которые злѣйшаго врага имѣютъ въ самихъ себѣ».... «Вы вѣрно слышали уже о взятіи Очакова такъ же какъ и объ отступленіи визиря изъ Венгріи»...... «Увидимъ и узнаемъ скоро, образумитъ ли это Турокъ. Въ противномъ случаѣ посмотримъ, что́ будетъ далѣе» [1]).

Въ то же время государыня такъ подводитъ итогъ политическимъ событіямъ 1788 года: «Это былъ хорошо наполненный годъ. Турецкая война, шведская война, сумасшествіе короля Англійскаго, взятіе Очакова, смерть короля Испанскаго, парламентскія пренія въ Англіи, польскій сеймъ, шведскій сеймъ, событія въ Голландіи, поведеніе Прусскаго короля въ Польшѣ и въ Даніи, морскія сраженія въ Лиманѣ и въ Балтійскомъ морѣ, дурачества въ Нидерландахъ, собраніе нотаблей, собраніе государственныхъ сословій (états-généraux), взятіе Хотина, прибытіе и изгнаніе визиря изъ Баната и проч.» [2])

О томъ, какъ переносила государыня всѣ эти столь близкія ей военныя тревоги, она говоритъ сама: «Здоровье мое выдержало всѣ потрясенія этого 1788 года и не измѣняло мнѣ. За исключеніемъ легкой колики, на которую я не обращаю никакого вниманія, я ни на что не могу жаловаться, и вотъ уже пятый годъ, мнѣ не было прописано ни малѣйшаго рецепта и въ буквальномъ смыслѣ я не принимала никакого лѣкарства» [3]).

Весь 1789 годъ войны съ Шведами и Турками продолжались съ тѣмъ же успѣхомъ. Кончина адмирала Грейга, умершаго 15-го октября 1788 на кораблѣ «Ростиславъ», глубоко огорчила Екатерину. Въ апрѣлѣ привезена сыномъ генерала Каменскаго

---

[1]) Стр. 468, 471. [2]) Стр. 473. [3]) Стр. 469.

слѣдующая вѣсть изъ Молдавіи [1]): «16-го апрѣля генералъ-лейтенантъ Дерфельденъ аттаковалъ и опрокинулъ корпусъ оттоманскихъ войскъ въ двадцати верстахъ отъ Браилова, близь Максинени, на рѣкѣ Серетѣ. 400 Турокъ пало на мѣстѣ, многіе потонули во время бѣгства. Болѣе ста человѣкъ взято въ плѣнъ и въ томъ числѣ двухбунчужный паша Якуфъ, командовавшій прежде въ Молдавіи, и два полковника или бинсъ-паши. Отнята одна пушка и три штандарта. Генералъ Дерфельденъ послѣ этого дѣла направился на Галацъ къ Дунаю».

«Только что присланъ еще курьеръ отъ генерала Каменскаго съ извѣстіемъ что генералъ-лейтенантъ Дерфельденъ со своей дивизіей 20-го апрѣля атаковалъ Турокъ въ лагерѣ близь Галаца на Дунаѣ и послѣ сильнаго, болѣе чѣмъ трехчасового сопротивленія, совершенно разбилъ ихъ. 1500 Турокъ убито; въ плѣнъ взятъ Ибрагимъ — трехбунчужный паша со множествомъ офицеровъ; всѣхъ же плѣнныхъ болѣе тысячи человѣкъ. Ихъ лагерь, знамена, артиллерія достались Русскимъ. Потеря съ нашей стороны: 60 убитыхъ и 100 раненыхъ».

Тутъ же императрица говоритъ, что плѣнные Турки увѣряютъ, будто султанъ Абдулъ-Гамидъ скончался и ему наслѣдовалъ племянникъ его Селимъ, и прибавляетъ: «Фельдмаршалъ, князь Потемкинъ вчера уѣхалъ въ соединенную армію, которою онъ командуетъ, а фельдмаршалъ графъ Румянцовъ покинулъ её по причинѣ своихъ недуговъ, не позволяющихъ ему ѣздить верхомъ» [2]).

Царское Село, 12-го іюня 1789: «Генералъ-лейтенантъ Михельсонъ вступилъ при Векера въ шведскую Финляндію, и овладѣвъ при Кюро шведскими траншеями, пушками, складами, взявъ доброе количество плѣнныхъ и между ними двухъ майоровъ и шесть офицеровъ, пошелъ въ Христину и занялъ её. Оттуда онъ пробовалъ овладѣть С. Михелемъ, гдѣ находились са-

---

[1]) Все послѣдующее составляетъ приложеніе къ письму отъ 13-го апрѣля и писано рукою неизвѣстнаго лица.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 475, 476.

мые большие склады оружія и запасные магазины. Но первая попытка была неудачна. Съ другой стороны генералъ - майоръ баронъ Шульцъ, опрокинувъ шведскіе отряды, стоявшіе передъ нимъ на Сулкавѣ, тоже подошелъ къ шведской Финляндіи. 8-го іюля, въ 12 часовъ, генералъ-лейтенантъ Михельсонъ напалъ на шведскія укрѣпленія въ Поросальми и разрушилъ непріятельскія батареи. Шведы, видя себя сбитыми съ этой позиціи, бросились въ С. Михель, преслѣдуемые русскими войсками, которыя овладѣли этимъ городомъ и находившимся въ немъ магазинами. Непріятель удалился въ Йокасъ, гдѣ онъ вѣроятно встрѣтился съ генералъ-майоромъ барономъ Шульцомъ, который долженъ былъ туда отправиться изъ Сулкавы. Генералъ - лейтенантъ Михельсонъ намѣренъ выбить Шведовъ изъ Пумелазунда [1]). Генералъ-майоръ Кноррингъ, лифляндецъ, уже исполнилъ это. Послѣ вышесказаннаго взяли уже 16 пушекъ, множество припасовъ и плѣнныхъ. Это мѣстечко — верфь на озерѣ Саймѣ».

Царское Село, 8-е августа 1789: «Только что прискакалъ курьеръ отъ князя Потемкина-Таврическаго съ извѣстіемъ, что генералъ Суворовъ, соединившись съ принцемъ Кобургскимъ, одержалъ при Фокшанахъ въ Молдавіи побѣду надъ тридцатитысячнымъ турецкимъ корпусомъ, который разбитъ на голову и разсѣянъ. Соединенныя войска взяли у нихъ восемь пушекъ и двѣнадцать знаменъ, и весь турецкій лагерь съ значительной добычей достался въ руки побѣдоносныхъ войскъ. Это происходило 21-го іюля стараго стиля. Подробности еще не пришли. Фельдмаршалъ отправилъ прямо сюда, какъ очевидца, того самого Беринга, внука знаменитаго Беринга, который былъ присланъ къ нему съ этимъ извѣстіемъ Суворовымъ. Завтра мы будемъ служить благодарственный молебенъ. Капитанъ-командиръ Берингъ извѣстенъ у насъ своими открытіями въ Тихомъ Океанѣ. Онъ былъ два раза въ Камчаткѣ».

---

[1]) Съ слѣдующаго слова приписано рукой императрицы.

С.-Петербургъ, 17-го августа 1789: «15-го августа пріѣхалъ курьеромъ подполковникъ гвардіи Преображенскаго полка графъ Штакельбергъ отъ имени вице-адмирала князя Нассау-Зигенскаго съ извѣстіемъ о славной побѣдѣ, одержанной 13-го августа русской флотиліей изъ галеръ, шебекъ и лодокъ, которою онъ командовалъ, надъ шведскимъ флотомъ подъ командою оберъ-адмирала Эренсверда при устьѣ Кюмени, между островами Коткой и Куотсальмулима. Дѣло продолжалось 14 часовъ. Шведскій адмиральскій корабль, шесть большихъ сорока-и пятидесяти пушечныхъ судовъ, одна галера и одинъ катеръ [1]), болѣе 1200 плѣнныхъ и болѣе 40 офицеровъ, все это въ нашихъ рукахъ; что не погибло, было загнано въ Кюмень и блокировано принцемъ Нассаускимъ. Наша потеря заключается въ одной галерѣ, взорванной на воздухъ. Вчера, по случаю этой побѣды, опять служили благодарственный молебенъ, второй на этой недѣлѣ. Вице-адмиралъ сообщитъ подробности послѣ. Онъ чрезвычайно хвалитъ наши войска, особливо гвардію. Въ первый день принцъ Нассаускій думалъ, что у него погибли двѣ галеры; но на другой день оказалось, что на одной изъ нихъ успѣли затушить огонь, и она была спасена».

«25-го августа пріѣхалъ отъ князя Потемкина-Таврическаго полковникъ Зубовъ; онъ привезъ слѣдующія извѣстія отъ 16-го сентября изъ главной квартиры въ Каушанѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Бендеръ: 7-го сентября бригадиръ Орловъ разбилъ при рѣчкѣ Салчѣ авангардъ Гассана-паши, состоявшій изъ пяти тысячъ Турокъ; при сраженіи присутствовалъ сераскиръ Гассанъ-паша — прежде капитанъ-паша. 8-го сентября, когда приближались русскія войска, онъ покинулъ свой лагерь и пушки, и бѣжалъ въ Измаилъ. И лагерь и пушки попали въ руки русскихъ войскъ, предводимыхъ княземъ Репнинымъ».

«11-го сентября генералъ Суворовъ и принцъ Саксенъ-Кобургскій при Рымникѣ разбили въ пухъ и прахъ турецкую армію

---

[1]) Cutter, англ. слово, отъ котораго и произошло наше *катеръ*.

подъ начальствомъ самого великаго визиря. 80 пушекъ, 50 знаменъ, весь турецкій лагерь и обозъ достались въ руки соединенныхъ войскъ императорскихъ и русскихъ. Турки потеряли болѣе шести тысячъ убитыми.

«12-го сентября сераскиръ Гассанъ-паша заперся въ Измаилѣ, защищенномъ окопами.

«13-го сентября близь Каушана трехбунчужный паша Зайнали Гассанъ-Беглербей изъ Анатоліи былъ взятъ въ плѣнъ, послѣ пораженія корпуса, которымъ онъ командовалъ. Лагерь и пушки его достались корпусу, находившемуся подъ командой генералъ-лейтенанта принца Ангальтъ-Бернбургскаго.

«14-го сентября замокъ Гаджибей (*нынѣшняя Одесса*) былъ взятъ приступомъ генералъ-майоромъ Рибасомъ. Подробности всего этого придутъ послѣ, а покамѣстъ мы будемъ служить завтра молебенъ при звонѣ колоколовъ и громѣ пушекъ».

15-го ноября 1789: «Мы получили радостное извѣстіе, что городъ и крѣпость Бендеры на Днѣстрѣ сдались добровольно фельдмаршалу князю Потемкину-Таврическому 4-го ноября стар. ст., и это не стоило ни одного человѣка арміи, состоящей подъ его командой. Въ городѣ находились: сераскиръ, двое трехбунчужныхъ пашей и двадцать тысячъ человѣкъ гарнизона; кромѣ того большое количество боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ, и около 400 пушекъ на укрѣпленіяхъ» [1]).

Окончаніе шведской войны и Верельскій миръ. — Событія турецкой войны.

Въ іюнѣ 1790 года дѣйствія Густава опять стали рѣшительнѣе, и онъ снова приблизился къ Петербургу. Вотъ какъ извѣщаетъ объ этомъ государыня отъ 21-го іюня:

«Возьмите пожалуйста карту Балтійскаго моря и отыщите Выборгъ. Онъ находится въ глубинѣ залива на Финляндскомъ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 476—479.

берегу. Это ближайшій за Кронштадтомъ заливъ. Такъ вотъ, послѣ трехдневныхъ сраженій, начинавшихся съ разсвѣтомъ и кончавшихся съ солнечнымъ закатомъ, флотъ г. Зюдерманландскаго, въ слѣдствіе шведскихъ соображеній, соединился передъ этимъ заливомъ съ галернымъ флотомъ подъ личнымъ начальствомъ самого короля. Выборгскій заливъ весь усѣянъ островами. Тридцать нашихъ галеръ расположены середи этихъ острововъ. городъ Выборгъ позади ихъ. Два шведскіе флота стали между нашими тридцатью галерами, а двѣ эскадры, ревельская и кронштадтская, отрѣзываютъ имъ сообщенія съ моремъ и шведскими берегами. Со стороны же Кронштадскаго залива стоитъ принцъ Нассаускій съ флотиліей изъ галеръ, шебекъ и другихъ гребныхъ судовъ, которымъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ числа, такъ какъ, ничего не прибавляя, у него ихъ болѣе двухсотъ. Ну, что же онъ дѣлаетъ, т. е. Фальстафъ конечно? Онъ умираетъ съ голоду и его люди тоже, кромѣ того еще что они пускаются на побѣги, когда кого изъ нихъ посылаютъ за чѣмъ-нибудь, хотя бы за водой. Въ этомъ Выборгскомъ заливѣ, между подводными камнями и скалами, находится съ обѣихъ сторонъ болѣе пятидесяти тысячъ человѣкъ и вѣроятно, когда вы получите это письмо, все будетъ покончено»....

Въ томъ же письмѣ на другой день прибавлено: «Св. Іоаннъ Креститель у насъ въ большомъ почетѣ, особливо у меня, вашей покорной слуги, со дня знаменитаго чесменскаго боя, который празднуется 24-го іюня ст. ст. Посмотримъ, не будетъ ли и шведскій флотъ разбитъ въ этотъ же день, то-есть послѣ завтра» [1]).

«Царское Село, 1790 г. 24-го іюня ст. ст., день Св. Іоанна и годовщина чесменской битвы.

«Третьяго дня присланъ къ намъ курьеръ отъ вице-адмирала принца Нассаускаго съ извѣстіемъ, что, прибывъ 21-го іюня со своей гребной флотиліей въ проливъ Березовъ, или иначе Бьёркэ-Зундъ, онъ встрѣтилъ непріятеля и послѣ пятичасовой

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 482, 483.

канонады загналъ Шведовъ далѣе въ Выборгскій заливъ и занялъ постъ противъ церкви Бьёркэ.

«Вчера утромъ пріѣхалъ курьеръ отъ генерала графа Салтыкова изъ Выборга, и привезъ извѣстіе о томъ, что́ было видно съ берега, именно: 22-го іюня въ 8 часовъ утра большой шведскій флотъ поднялъ паруса при попутномъ вѣтрѣ, чтобъ пробиться сквозь ряды русскихъ кораблей, которые блокировали его въ Выборгскомъ заливѣ съ 27-го мая. Когда онъ приблизился къ кораблямъ, находившимся подъ командой контръ-адмирала Повалишина, открылась канонада, и разсказываютъ, что видѣли какъ взлетѣло на воздухъ пять шведскихъ кораблей, а шестой былъ взятъ. Канонада продолжалась и противъ эскадры адмирала Ханыкова, который отнялъ у Шведовъ 3 линейные корабля, 1 фрегатъ, 2 галеры и нѣсколько меньшихъ судовъ.

«Тогда пораженіе непріятеля сдѣлалось общимъ: весь его флотъ обратился въ бѣгство въ величайшемъ безпорядкѣ; большіе корабли—въ направленіи къ Астэ, гребныя суда—въ шкеры, между прибрежными островами. Первые преслѣдуетъ большой русскій флотъ, предводимый Чичаговымъ, вторыя — принцъ Нассаускій, который, какъ кажется, захватилъ много непріятельскихъ галеръ и канонерокъ. Мы ожидаемъ дальнѣйшихъ извѣстій и подробностей объ этомъ замѣчательномъ пораженіи Шведовъ отъ самихъ господъ адмираловъ, которые, будучи слишкомъ заняты въ эту минуту преслѣдованіемъ непріятеля, вѣроятно не имѣютъ времени чинить перья. Кромѣ того попутный для преслѣдованія вѣтеръ оказался бы противнымъ для посланныхъ назадъ кораблей» [1]).

На другой день 25-го іюня 1790, государыня пишетъ:

«Пораженіе шведскаго флота должно быть полное, но мы и въ недѣлю не соберемъ всѣхъ подробностей. Я вчера послала вамъ черезъ посредство Бахуса образчикъ перваго дня. Его шведское величество и вѣроятно братецъ его вмѣстѣ съ англича-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 486.

ниномъ Смитомъ, котораго его величество не выпускаетъ изъ глазъ ни днемъ, ни ночью, сѣли въ баркасъ между двумя судами съ провіантомъ и такимъ образомъ бѣжали, пока сражались корабли. Вотъ ужъ этого, напримѣръ, я бы не сдѣлала, потому что оно доказываетъ, что боишься за свою шкуру. Я просто сказала бы своему флоту: «Господа, хочу дѣлить ваши опасности; гдѣ вы будете, тамъ и я. Будемъ жить и умирать вмѣстѣ!» Но бѣжать въ самомъ разгарѣ опасности, это низость, а не ошибка. О дрянные трусы! Они внушаютъ мнѣ отвращеніе. Это по-нѣмецки называется попросту Schurken (подлецы). Я имѣю отъ 23-го рапортъ казацкаго пикета, стоявшаго на берегу, въ которомъ три замѣчательныя слова. Офицеръ пишетъ: *наши на морѣ хватаютъ, жгутъ и тѣснятъ непріятеля. Вашъ покорный слуга*».

Того же 25-го іюня по полудни.

«Вотъ еще донесенія изъ Ревеля о пораженіи Шведовъ, которые сходны со свѣдѣніями казацкаго пикета на финляндскомъ берегу. Господа адмиралы уже прислали туда шведскіе призы и ихъ начинаютъ употреблять въ дѣло какъ свои: это, какъ вы видите, удобно. Я не могу вамъ теперь же означить ихъ число, потому что это могло бы показаться хвастовствомъ, еслибъ я насчитала ихъ нѣсколько десятковъ; подождемъ точнаго списка ихъ съ именами и прозваніями. Но, скажите правду, не получило ли вѣроломство достойнаго возмездія?» [1]).

29-го іюня 1790.

«Наконецъ вотъ приблизительно донесеніе о шведскомъ пораженіи. Послѣ трехъ неудачныхъ для шведскаго флота сраженій, происшедшихъ въ концѣ мая между эскадрою вице-адмирала Крузе, вышедшей изъ Кронштадта въ количествѣ 17 линейныхъ кораблей, и герцогомъ Зюдерманландскимъ, послѣдній, узнавъ о приближеніи адмирала Чигачова изъ Ревельскаго порта съ эскадрой изъ 10 кораблей, рѣшился идти на соединеніе съ королемъ, братомъ своимъ, и его гребной флотиліей въ заливѣ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 488, 489.

Выборгскомъ. Ревельскій флотъ и кронштадтскій соединились въ виду непріятеля 27-го мая и тотчасъ блокировали шведскіе флоты въ Выборгскомъ заливѣ. Вице-адмиралъ принцъ Нассау-Зигенскій, задержанный противнымъ вѣтромъ, не могъ прибыть въ заливъ Бьёркэ съ своей гребной флотиліей ранѣе 21-го іюня. Онъ вытѣснилъ послѣ пятичасового сраженія его шведское высочество изъ Бьёркэ. Тогда послѣдній рѣшился пробиться со своимъ флотомъ и гребной флотиліей сквозь русскій флотъ. Онъ велѣлъ сдѣлать фальшивую атаку на правое крыло русскихъ кораблей 22-го іюня поутру, и при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ шведскіе линейные корабли атаковали пять военныхъ кораблей эскадры контръ-адмирала Повалишина. Шведы пустили передъ собою три брандера, полагая, что вѣтеръ отнесетъ ихъ на упомянутую эскадру к-а. Повалишина; но брандеры эти зацѣпились за два шведскіе линейные корабля, которые взлетѣли на воздухъ вмѣстѣ съ тремя брандерами. Потомъ, въ продолженіе четырехъ часовъ, шведскіе корабли по-одиночкѣ проходили мимо эскадръ адмираловъ Повалишина и Ханыкова, которые захватили пять изъ нихъ, да еще два фрегата со множествомъ галеръ и прочихъ судовъ, не считая потопленныхъ. Пока это происходило, адмиралъ Чичаговъ и вице-адмиралы Крузе и Пушкинъ снялись съ якоря, чтобъ преслѣдовать непріятеля, такъ же какъ и вице-адмиралъ принцъ Нассау-Зигенскій, который, по словамъ нашихъ моряковъ, бросился какъ стрѣла преслѣдовать Шведовъ и отнялъ у нихъ одинъ линейный корабль, на которомъ и поднялъ свой флагъ. Ихъ гнали до Гохланда и во время этого преслѣдованія былъ взятъ шведскій контръ-адмиральскій корабль и еще другой, да кромѣ того фрегатъ. Ночь остановила побѣды этого дня. Взято пять тысячъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ контръ-адмиралъ Лейонанкеръ и болѣе ста офицеровъ. Наша потеря убитыми 117 и ранеными 164. Прощайте, будьте здоровы. О королѣ ничего неизвѣстно. Его завтракъ, галера, шлюпка взяты. Иные говорятъ, что онъ спасся въ лодочкѣ, яхта же его потонула. Вѣрно только то, что его до сихъ поръ не захватили.

5-е августа.

«Спѣшу извѣстить г. многострадальнаго, что миръ между королемъ Шведскимъ и его кузиной, императрицей Россійской подписанъ 3-го августа 1790 г. генералъ-лейтенантомъ барономъ Игельстрэмомъ съ нашей стороны, а съ другой Армфельтомъ, возлюбленнымъ короля, безъ всякаго посторонняго посредничества. Вотъ однимъ зломъ меньше; у меня свалились сегодня утромъ съ ногъ четыре мозоли, которыя меня очень безпокоили; поэтому я думаю включить этотъ день въ число благопріятныхъ. Прощайте, будьте здоровы».

12-е сентября.

«У меня голова кружится, г. многострадальный, отъ мирныхъ празднествъ, начавшихся 8-го этого мѣсяца. Такъ вотъ плодъ мира. Слава Богу, что она у насъ не кружилась во время войны, а это ужъ надо снести съ терпѣніемъ и покорностью.

«Сегодня, 12-го сентября, народный праздникъ, а дождь льетъ, какъ изъ ведра; это соусъ къ двумъ быкамъ съ принадлежностями, которые стоятъ у меня подъ окнами, но безъ этой приправы можно бы обойтись. Эта вода разбавитъ и вино въ двухъ фонтанахъ, устроенныхъ рядомъ съ господами быками».

12-го сентября послѣ обѣда.

«Народный праздникъ кончился; всякій по-своему празднуетъ миръ. У насъ это—время увеселеній, прощеній, помилованій, наградъ и пировъ. У сосѣда моего, только что онъ вернулся въ Стокгольмъ, первымъ дѣломъ было рубить головы. Боже, Боже, какъ различно понимаются вещи на этомъ свѣтѣ [1])!

О неудачѣ принца Нассаускаго при Свенскзундѣ Екатерина сама не упоминала. Но Гриммъ, до котораго вѣсть эта конечно быстро долетѣла, пишетъ отъ $^{1}/_{12}$ августа: «Принцъ Нассаускій ошеломилъ меня извѣстіемъ, отъ котораго не знаю оправлюсь ли я. Мнѣ еще не вполнѣ ясно, что̀ случилось между нимъ и тѣмъ,

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 491—493.

чье имя никогда не будетъ болѣе на устахъ моихъ; но малѣйшій успѣхъ послѣдняго—смертельный ядъ для моего сердца, а оскверненіе дня славнаго воцаренія еще увеличиваетъ мою болѣзнь. Этотъ успѣхъ казался мнѣ впрочемъ невозможнымъ, послѣ всего что̀ произошло пять или шесть дней передъ тѣмъ. Я не думаю, чтобъ это повліяло на славный ходъ кампаніи, но покамѣстъ оно нанесло мнѣ ударъ тѣмъ болѣе ужасный, что я не ожидалъ его» [1]).

Отвѣчая на эти соболѣзнованія, Екатерина такъ объясняла неудачу принца Нассаускаго: «Не Шведскій король, или его флотилія разбили принца Нассаускаго: это произвелъ большой вѣтеръ и слишкомъ большой пылъ его подчиненныхъ, которые считали себя непобѣдимыми. Онъ хотѣлъ поддержать горячія головы, бросившіяся впередъ, а вѣтеръ съ силой вмѣшался въ дѣло, и онъ потерпѣлъ неудачу; однако онъ послѣ нея все-таки оказался вдвое сильнѣе Шведовъ. Въ минуту подписанія мира онъ снова держалъ ихъ взаперти, такъ что имъ грозило неминуемое истребленіе. Это до того ускорило миръ, что Шведы потребовали его ратификаціи черезъ шесть дней, такъ какъ люди ихъ ужасно страдали. Они были заперты отовсюду среди обломковъ разрушенія 22-го іюня; въ тотъ день принцъ Нассаускій сдѣлалъ промахъ, пошедъ къ Гохланду, вмѣсто того чтобъ лавировать въ шкерахъ. На это уговорили его вѣроятно его капитаны, потому что они разлакомились призами большихъ шведскихъ кораблей, сдавшихся гребной флотиліи, чему кажется мало примѣровъ въ морской практикѣ. Еслибъ, вмѣсто того чтобъ гоняться за большими судами, они отрѣзывали и преслѣдовали гребные суда, что̀ было ихъ прямымъ дѣломъ, всякій исполнилъ бы свое назначеніе и остатки флота не повредили бы принцу, какъ это случилось. Но сдѣланнаго не воротишь и нечего болѣе объ этомъ говорить» [2]).

Въ другомъ мѣстѣ однако государыня сама возвращается къ тому же предмету, начавъ съ похвалы кронштадтскому флоту:

---

[1]) Письма Гримма, стр. 245.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 493.

«Знаете ли вы, что этотъ кронштадтскій флотъ имѣетъ замѣчательно опытныхъ моряковъ? Я не могу видѣть адмирала Чичагова, чтобъ не вспомнить слова князя де-Линя о фельдмаршалѣ Лаудонѣ, когда о немъ кто-то спросилъ, по чему его можно узнать:—подите, сказалъ онъ, вы найдете его за дверью, сконфуженнаго своимъ достоинствомъ и своими талантами.—Вотъ точное изображеніе моего адмирала. Адмиралъ Крузе, вице-адмиралъ Повалишинъ выказали столько же храбрости, какъ и искуства. Мнѣ очень жаль сознаться, что Нассаускій въ эту кампанію потерялъ въ общественномъ мнѣніи: ему не столько поставили бы въ вину несчастіе при Свенскзундѣ, сколько отчаяніе, которое онъ обнаружилъ за этимъ, чѣмъ и потерялъ довѣріе своихъ подчиненныхъ. Насаусскій добръ и имѣетъ ту слабость, что вокругъ него слишкомъ много искателей приключеній, которымъ онъ черезъ чуръ легко довѣряетъ. Я одна его поддерживала и одобряла» [1]).

Въ послѣдующихъ письмахъ государыня сообщаетъ еще нѣсколько любопытныхъ подробностей о заключеніи мира:

«Такъ вы находите нашъ сѣверный миръ прелестнымъ, вмѣстѣ съ формой его заключенія и подписанія въ открытомъ полѣ двумя баронами, изъ которыхъ одинъ былъ въ состояніи сказать другому: «я убью тебя, баронъ, если ты не приступишь со мной прямо къ дѣлу»; другой же баронъ имѣлъ слишкомъ много смысла, чтобы не видать крайней необходимости въ окончаніи дѣла и не понять, что онъ пріобрѣтаетъ заслугу въ глазахъ своей націи, уменьшая тѣмъ ненависть къ себѣ, какъ къ первому возбудителю разорительной войны, которую страна выносить вотъ уже три года. Что же касается опекуновъ, то никто изъ нихъ, по правдѣ сказать, не настолько нуждался въ этой войнѣ чтобы запутать чистое и ясное дѣло. Далѣе, хвалясь опять быстротою заключенія мира, императрица прибавляетъ по-нѣмецки: «Ге и Гю шумѣли и шумятъ до сихъ поръ, но Господь воинствъ силенъ и одинъ повелѣваетъ помазанниками, и

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 495, 496.

никакими другими заповѣдями какъ Его заповѣдями я не буду руководствоваться, что бы изъ этого ни вышло. Мы на все готовы: и принять и прогнать, и устоять и драться, и надѣемся, что Господь воинствъ поддержитъ и благословитъ правое дѣло, и въ этой упрямой рѣшимости мы остаемся покойны, степенны, учтивы и веселы, и всю зиму танцуемъ съ обоими братьями Александромъ и Константиномъ подъ ручку» [1]).

Надо пояснить здѣсь, что все сказанное было отвѣтомъ на восторженные отзывы Гримма о ловкомъ и быстромъ заключеніи Верельскаго мира, такъ же какъ и на его разсужденія о тѣхъ чувствахъ гнѣва и негодованія, которыя этотъ миръ, заключенный такъ неожиданно и безъ посредничества, долженъ былъ возбудить во враждебномъ Россіи лагерѣ. Гриммъ получилъ это извѣстіе, отправляясь въ дорогу съ водъ Бурбонны во Франкфуртъ на коронацію Австрійскаго императора Леопольда, и пишетъ: «Ну, сказалъ я, разговаривая со своей шапкой: это съ ея стороны такая мастерская штука, какой мало подобныхъ, и ея завистливые и желчные друзья не такъ легко ей простятъ это, какъ даже то, что она своего двоюроднаго братца, нѣкогда называвшагося Фальстафъ-Шлаффъ, а теперь искренній, нѣжный и дорогой другъ, разбила на голову или даже захватила въ плѣнъ.... Ну ужъ мастерское дѣло, вотъ такъ ловкая штука, вотъ такъ капитальный подвигъ! Время отъ времени я говорилъ имъ: «ну вы, дураки, развѣ вы отъ своего молодца (ganzer Kerl) могли ожидать чего-нибудь иного, кромѣ капитальныхъ подвиговъ»? [2]).

На это государыня отвѣчаетъ новой, еще болѣе интересной подробностью: «Что до Верельскаго мира, я согласна съ вами, что онъ можетъ-быть единственный въ своемъ родѣ, потому что заключенъ въ трое сутокъ, отчего всѣ гороховые супы и ихъ здѣшніе повара [3]) потеряли голову. Да и генералъ Игельстрёмъ, еслибъ онъ не заключилъ его, рисковалъ быть на четвертый

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 501, 502.

[2]) Письма Гримма, стр. 259, 279.

[3]) Т. е. посланники.

день арестованнымъ, такъ какъ наши казаки, замѣтивъ что онъ двѣ ночи сряду имѣлъ тайныя свиданія съ переодѣтымъ шведомъ, начинали подозрѣвать его въ измѣнѣ, и, когда онъ на третій день пошелъ къ Армфельту, они донесли своему генералу о происходившемъ. Этотъ послѣдній, не будучи предупрежденъ, на четвертую ночь велѣлъ слѣдить за нимъ; но такъ какъ миръ былъ уже подписанъ, то всѣ подозрѣнія исчезли. Всего забавнѣе, что рапортъ объ этомъ былъ присланъ ко мнѣ» [1]).

Когда Гриммъ съ Бурбонскихъ водъ восторженно поздравлялъ Екатерину съ заключеніемъ мира, она отвѣчала: «Вы впали въ порядочный бредъ по поводу мира. Но это ничего. Спокойствіе возвратится. Я знаю, что при извѣстіи о чесменской битвѣ, я на восемь дней наложила на себя молчаніе, и это образумило меня. Въ этомъ же году, при вѣсти о побѣдѣ Чичагова подъ Ревелемъ, я была почти въ томъ же положеніи. При большихъ радостяхъ трудно владѣть собою, отъ нихъ съ ума сходишь» [2]).

Но не одинъ Гриммъ въ Европѣ удивлялся мужеству и твердости, съ какими Екатерина отражала происки своихъ враговъ и переносила тягость двухъ войнъ разомъ на противоположныхъ концахъ своего государства. Гриммъ часто перечисляетъ ей поклонниковъ ея славы. При этомъ же случаѣ онъ пересылаетъ ей три письма своего друга графа Шомберга, въ которыхъ онъ воздаетъ полную дань удивленія геніальной государынѣ. Сожалѣя о томъ, что Гриммъ рѣшается возвратиться въ революціонный омутъ Парижа (1790), Шомбергъ прибавляетъ:

«Вы впрочемъ будете находить развлеченіе въ славѣ вашего друга, самой дивной женщины всѣхъ временъ, которая съ такимъ благородствомъ и непринужденностью исполняетъ Виргиліево слово: «Воевать съ гордыми и щадить побѣжденныхъ». Въ другомъ письмѣ, говоря о переводѣ Плутарха, которымъ государыня занималась въ самый разгаръ борьбы съ Швеціею, Шом-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 506.
[2]) Стр. 501.

бергъ восклицаетъ: «О чудесная женщина, какова Като!... Вотъ образецъ королямъ, героямъ, мудрецамъ!.... Я требую ея портрета положительно, назойливо, потому что это мнѣ слѣдуетъ. Если я не сражался съ Шведами и Татарами, я часто сражался съ варварами и глупцами; я сдѣлалъ себѣ изъ нихъ личныхъ враговъ, какъ нѣкогда за великаго Фридриха. И потомъ, кому этотъ портретъ можетъ доставить болѣе удовольствія? Кто ему воздастъ болѣе постоянное чествованіе? И развѣ я не для него сочинилъ этотъ стихъ:

Et l'Europe la compte au rang des plus grands hommes.

И Европа ставитъ ее на ряду съ величайшими людьми»? [1])

Екатерина, которая не показывала себя падкою на лесть и похвалы и часто принимала ихъ съ тонкой ироніей, отвѣчала на это: «При случаѣ и въ другое время, вашъ графъ Шомбергъ не будетъ забытъ. Но теперь не до того».

Особенную цѣну придала Екатерина привѣтствію друга своего Потемкина по случаю того же Верельскаго мира. Вотъ какъ она пишетъ объ этомъ: «Въ письмѣ, которое фельдмаршалъ князь Потемкинъ написалъ мнѣ, какъ только получилъ извѣстіе о заключеніи мира, упавшее ему на голову какъ бомба, есть фраза многознаменательная, и потому я не могу не перевести ее вамъ. Онъ въ ту же минуту взялся за перо и такъ началъ свое письмо: «*Здравствуй, матушка, всемилостивѣйшая государыня, съ плодомъ неустрашимой твоей твердости!*» Я люблю геніальные порывы и мнѣ кажется, что эту черту можно назвать геніальной. Я не могу этого не признать, какъ бы лестенъ этотъ отзывъ ни казался для меня самой. Я отвѣчала ему, *что русская императрица, у которой за спиной шестнадцать тысячъ верстъ, войска въ продолженіе цѣлаго столѣтія привыкшія побѣждать, полководцы столько же геніальные сколько офицеры и солдаты исполнены храбрости и усердія, не можетъ безъ униженія своего достоинства не выказывать неустрашимой твердости* [2]).

---

[1]) Письма Гримма, стр. 321, 324.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 494.

Этотъ прямой и ясный взглядъ на могущество Россіи и былъ источникомъ всѣхъ успѣховъ славнаго царствованія Екатерины. Конечно можно сказать, что она опиралась еще на другую силу: на непоколебимость власти, которую сама представляла. Но въ томъ то и заключается ея геніальность, что она, рожденная въ чужой странѣ, умѣла понять и оцѣнить все это, что она искренно вѣрила въ свой народъ, въ его славную будущность, понимала его доблестный духъ, его беззавѣтную преданность своимъ государямъ, его способность на самое высокое самоотверженіе, какъ скоро рѣчь шла о чести или безопасности отечества. Въ томъ то и заключается ея величіе, что она связала свою славу съ славой и достоинствомъ Россіи, что сердце ея билось за одно съ великимъ сердцемъ народнымъ. «Вы говорите, что безумцы утверждаютъ будто нѣтъ болѣе Екатерины»[1]), пишетъ она въ тяжелые дни самаго разгара обѣихъ войнъ «*но еслибъ ея и не было, Россійская имперія тѣмъ не менѣе существовала бы*, и конечно ее никакъ не задавятъ ни Фальстафы, ни Фридрихъ Вильгельмъ, даже въ соединеніи съ другомъ Абдулъ Гамидомъ, и чѣмъ болѣе мы выигрываемъ времени, тѣмъ болѣе мы явимся въ силѣ»[2]).

Понявъ всю глубину и постоянство нерасположенія къ Россіи Западной Европы и необходимость противостоять ей, Екатерина пишетъ въ эпоху французской революціи: «Вы несчастнѣе насъ, хотя у насъ и двѣ войны на рукахъ и одна изъ нихъ до того близко къ Петербуру, что въ городѣ и еще болѣе здѣсь (въ Царскомъ Селѣ) уже цѣлый мѣсяцъ слышны пушечные выстрѣлы; но, несмотря на то, у насъ всѣ въ наилучшемъ расположеніи духа. Причина этого кроется въ общемъ убѣжденіи, что если бываютъ войны правыя, такъ это мои войны, та́къ какъ мы обороняемся отъ несправедливости и вѣроломства»[3]).

Правило ея полководцевъ итти постоянно впередъ и побѣждать — было и ея правиломъ. «Повѣрьте», говоритъ она во время

[1]) Вѣроятно, враги распространяли слухъ о ея смерти.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 474.

[3]) Стр. 482.

второй Турецкой войны, самое дѣйствительное средство одолѣть враговъ своихъ — это бить ихъ, и вотъ что превосходно исполняли до сихъ поръ графъ обѣихъ имперій Суворовъ Рымникскій и фельдмаршалъ князь Потемкинъ Таврическій». Гораздо ранѣе еще въ 1782 году она говоритъ «лучше бить нежели быть биту», а въ 1785 году пишетъ въ предположеніи войны съ Турціей: «я надѣюсь, что всякій будетъ дѣлать свое дѣло: учителя» (т. е. Европейскіе заступники Турокъ) «ученики» (т. е. Турки) и мы вмѣстѣ съ ними. Мы, по обыкновенію, будемъ бить направо и на лѣво, а у васъ всегда слыть побѣжденными, что́ намъ никогда не мѣшаетъ итти впередъ, не теряя ни пяди земли» [1]).

Похвалы храбрости своихъ войскъ во время двухъ войнъ встрѣчаемъ мы въ письмахъ Екатерины безпрестанно. Она говоритъ: «Вы видите, какъ мы заботимся о томъ, чтобъ изъ вашего сердца изгнать грызущаго его червя: въ Балтійскомъ морѣ адмиралъ Чичаговъ — герой настоящей минуты, — вице-адмиралы Крузе, Пушкинъ, принцъ Нассаускій, контръ-адмиралы Повалишинъ, Ханыковъ, Козляиновъ и Одинцовъ молодецки дѣлаютъ свое дѣло на морѣ, не считая всѣхъ головъ, рукъ и ногъ, работающихъ отъ Чернаго моря досюда и на самомъ дѣлѣ исполненныхъ опытности, усердія и необыкновенной отваги и предпріимчивости. Князь де Линь говорилъ, что онъ ни въ какой странѣ не встрѣчалъ болѣе опытныхъ и знакомыхъ съ службою людей, какъ у насъ. Они хоть кого оставятъ въ дуракахъ, и съ помощью Божіей, Фридриха Вильгельма (Gu) еще лучше чѣмъ кого-либо другого. Ужъ они вынудятъ его быть учтивымъ» [2]).

15-го сентября 1790. «Сегодня у меня будетъ обѣдъ на 288 человѣкъ, считая въ томъ числѣ офицеровъ четырехъ гвардейскихъ полковъ вдругъ. Эти господа удивительно хорошо послужили въ этой войнѣ на сушѣ и на морѣ, и потому мой обѣдъ дается среди празднествъ мира. Полки эти отличились въ эту

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 481, 229, 338.

[2]) Стр. 487.

войну такою ревностью, дисциплиной и храбростью, что въ самомъ дѣлѣ могли служить для арміи примѣромъ. Всѣ генералы единогласно осыпáютъ ихъ похвалами. Между прочимъ они совершали неслыханные переходы, по 80 верстъ въ день, и если въ это время останавливались, то единственно ради обозныхъ лошадей. Солдаты же этого не хотѣли и требовали только одного: чтобъ ихъ вели на непріятеля, опасаясь чтобъ онъ не успѣлъ бѣжать ранѣе чѣмъ они придутъ. Вотъ что заставляло ихъ такъ спѣшить. Никто изъ моихъ сосѣдей не можетъ похвалиться, чтобъ у него было и десять тысячъ человѣкъ, воодушевленныхъ такимъ общимъ духомъ. Итакъ будемъ итти своей дорогой: враги наши найдутъ съ кѣмъ считаться» [1]).

Но, говоря о доблести войскъ и усердіи своего народа, Екатерина вовсе не выставляла своихъ собственныхъ заслугъ по оборонѣ Финляндіи и Петербурга. На похвалу, выраженную ей въ то время въ одной книгѣ (Mémoires de la princesse palatine), она говоритъ: «Авторъ дѣлаетъ мнѣ слишкомъ много чести: я имѣю желаніе дѣйствовать хорошо. Не мнѣ судить, имѣю ли я на то достаточныя способности». Только одинъ разъ, уже три года по окончаніи войны, она упоминаетъ о своей изумительной дѣятельности, и все-таки въ концѣ сводитъ рѣчь на похвалу народному усердію и самопожертвованію. Въ 1795 году она пишетъ:

«Г. Палласъ хочетъ поселиться въ Крыму. Онъ мнѣ намедня сказалъ, что изо всѣхъ событій моего царствованія самое выдающееся — это война и миръ со Шведами. Смотрите-ка, куда ученые забираются!.. Есть причина, почему казалось, что я хорошо дѣйствовала въ эти минуты. Я была одна, почти безъ всякой помощи [2]), и потому, опасаясь сдѣлать какой-нибудь промахъ по незнанію или забывчивости, я сдѣлалась такъ дѣятельна, какъ право не считала себя способной. Я входила въ невѣроятныя подробности, до того, что сама сдѣлалась провіантмейстеромъ арміи,

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 496, 497.

[2]) Въ то время Мамоновъ уже былъ женатъ и удаленъ отъ двора.

и по общему голосу никогда армія не была снабжена обильнѣе въ странѣ, не представляющей къ тому никакихъ удобствъ. Разъ графъ Пушкинъ пришелъ сказать мнѣ, что ему нужно четыреста подводъ и восемьсотъ лошадей. Это было въ двѣнадцать часовъ: я тотчасъ послала спросить въ Царское Село у крестьянъ, сколько бы они дали добровольно подводъ и лошадей для этого предпріятія. Они отвѣчали, что даютъ все нужное количество сполна, и въ 6 часовъ вечера къ графу Пушкину пріѣхали уже четыреста парныхъ подводъ, которыя не покидали финляндскую армію до октября мѣсяца. Въ другой разъ я послала сказать казеннымъ крестьянамъ Петербургской губерніи, что мнѣ нужны рекруты, и пусть они пришлютъ мнѣ сколько сами захотятъ. Они прислали мнѣ по 72 съ тысячи, что составило громадную цифру. У меня было еще 22,000 въ резервѣ, которые могъ поставить одинъ Петербургъ, но они не понадобились, хотя были совершенно готовы и вооружены. И другія губерніи не захотѣли отстать отъ нихъ, предлагая мнѣ по цѣлому батальйону и по цѣлому эскадрону съ каждой. Я отказалась, потому что не было въ томъ никакой необходимости, а по заключеніи мира я распустила всѣхъ здѣшнихъ рекрутъ по домамъ съ медалью въ петлицѣ» [1]).

Вѣроятно въ утратившихся за это время письмахъ Гримма, который при всякой новой нашей войнѣ ни о чемъ такъ не хлопоталъ, какъ о скорѣйшемъ заключеніи мира, были высказаны соболѣзнованія на любимую тему нашихъ европейскихъ благожелателей о бѣдности Россіи, объ опасности угрожающей ей отъ разстройствъ ея финансовъ, и проч. Для Гримма лично всякая война Россіи была невыгодна: императрица прекращала по этому поводу всѣ заказы и траты за границей. Но Екатерина успокоиваетъ эти сѣтованія въ одномъ письмѣ отъ 24-го іюня 1790 года: «Ни турецкихъ налоговъ, ни поборовъ, или какихъ либо повинностей по случаю войны, кромѣ однихъ рекрутъ, намъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 630, 631.

до сихъ поръ не понадобилось, несмотря на измѣнниковъ и ихъ пособниковъ» [1]).

Разсказъ государыни о томъ, что она отклонила предложенную изъ всѣхъ другихъ губерній поставку новыхъ рекрутъ, и о томъ, что почти одна Петербургская губернія вела войну съ Швеціей, служитъ убѣдительнымъ опроверженіемъ пристрастныхъ отзывовъ Кастеры, который говоритъ, что въ это время люди способные носить оружіе становились рѣдки въ Россіи.

Между тѣмъ военныя дѣйствія въ Турціи продолжались. Послѣ большого военнаго обѣда 15-го сентября, описаннаго императрицей, она въ тотъ же день вечеромъ прибавляетъ: «Едва я сегодня утромъ набросала эти строки, какъ прискакалъ курьеръ отъ князя Потемкина-Таврическаго съ важнымъ извѣстіемъ о пораженіи турецкаго флота между Тендросомъ и Гаджибеемъ. 28-го августа контръ-адмиралъ Ушаковъ съ севастопольскимъ флотомъ атаковалъ ихъ, взорвалъ у нихъ 80-ти пушечный адмиральскій корабль, самого адмирала взялъ въ плѣнъ, такъ же какъ и другого, главнаго послѣ него командира, съ его 70 пушечнымъ кораблемъ, захватилъ и нѣсколько другихъ кораблей меньшей величины, изъ которыхъ три 20 пушечные брига и 900 плѣнныхъ Турокъ. Весь день 29-го августа преслѣдовали остатки турецкаго флота, который скрылся куда могъ, стало-быть онъ разсѣянъ. Тотчасъ же по полученіи этого извѣстія, такъ какъ это было въ воскресенье, я послѣ обѣдни велѣла отслужить молебенъ при 101 пушечномъ выстрѣлѣ, а за моимъ маленькимъ столомъ въ 288 приборовъ пили здоровье побѣдоноснаго черноморскаго флота и его контръ-адмирала Ушакова, который за эту третью морскую побѣду въ теченіе лѣта получилъ Георгія 2-й степени, и въ первый разъ генералъ-майоръ удостоился этого Георгія. Кромѣ того я ему жалую землю. Вотъ какъ у насъ награждаютъ тѣхъ, кто вѣрно служитъ государству. Слышите ли [2])? Имъ *даютъ*, а ничего не отнимаютъ у нихъ. Для нихъ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 488.

[2]) Намекъ на конфискацію имуществъ во Франціи.

и существуютъ награды, за то они и стараются изо всѣхъ силъ» [1]).

Здѣсь-то и прибавляетъ государыня приведенное нами въ обзорѣ ея политическихъ взглядовъ сужденіе, что щедрость ея въ награжденіи истинныхъ заслугъ отечеству происходитъ отъ того что прокуроры и адвокаты у нея не хозяйничаютъ и не законодательствуютъ и выражаетъ увѣренность, что послѣ нея будутъ держаться тѣхъ же началъ.

Когда же въ декабрѣ 1790 года палъ Измаилъ, то въ началѣ 1791-го Гриммъ писалъ ей: «Нѣсколько дней тому назадъ взятіе Измаила сдѣлалось для насъ достовѣрнымъ фактомъ, хотя и похожимъ на чудо: мои Русскіе рѣшились заставить меня вѣрить въ трубы іерихонскія, это положительно. Когда труба славы принесла это извѣстіе въ лачугу многострадальнаго, всѣ основанія этой лачуги поколебались. Среди этого ужаснаго потрясенія, что же сказать о поведеніи обитателей Гриммы?......... Это взятіе Измаила, самый замѣчательный военный подвигъ изъ всѣхъ когда-либо бывалыхъ, свалилъ ихъ съ ногъ, такъ что они не подымутся можетъ-быть цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ. Но они скоро подымутся, если ваше величество заключите миръ вслѣдъ за этимъ безпримѣрнымъ событіемъ. Конечно, мы не желаемъ мира во что бы ни стало, но пусть онъ будетъ такимъ, какимъ долженъ быть, и ни подъ какимъ видомъ не нужно вмѣшательства иностранной сволочи, чуждой этой матеріи, и пусть онъ будетъ плодомъ *матери неустрашимой твердости*» [2]).

Государыня отвѣчаетъ ему: «Я не сообщала вамъ черезъ Бахуса о безпримѣрномъ взятіи Измаила, предполагая, что вы ранѣе узнаете объ этомъ по извѣстіямъ изъ Вѣны. Безъ траншей, безъ брешъ 18,000 человѣкъ осадили крѣпость, имѣющую семь верстъ въ окружности, и гдѣ, какъ было извѣстно, находилось 30,000 гарнизона, который защищался четырнадцать ча-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 497.

[2]) Письма Гримма, стр. 300, 301.

совъ. Одиннадцать тысячъ взято въ плѣнъ, остальные побиты. У насъ около 3,000 убитыхъ и раненыхъ. Овладѣли запасами, которыхъ станетъ на мѣсяцъ для 40,000 человѣкъ. Взято 300 пушекъ, несмѣтное количество знаменъ и проч. Увидимъ наконецъ, послѣдуетъ ли за этимъ миръ. Еслибъ не интриги Ге и Гю (т. е. Англичанъ и Нѣмцевъ), давно бы онъ былъ заключенъ» [1]).

Вскорѣ послѣ этой послѣдней блестящей побѣды князь Потемкимъ явился въ Петербургъ. Отъ 6-го марта 1791 года государыня пишетъ Гримму: «Четыре дня тому назадъ пріѣхалъ сюда фельдмаршалъ князь Потемкинъ-Таврическій. Онъ болѣе чѣмъ когда-либо красивъ, любезенъ, остроуменъ и блестящъ и въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Вотъ что значитъ счастливая и славная кампанія: она располагаетъ къ веселости» [2]).

Въ письмѣ отъ апрѣля того же года государыня сообщаетъ Гримму замѣчательное слово адмирала Чигачова: «Когда ему сказали что Шведы идутъ на него съ 28-ю военными кораблями, тогда какъ у него ихъ было только десять и одинъ фрегатъ, онъ отвѣчалъ: «Ну чтожъ? они насъ не проглотятъ». Я велѣла сдѣлать его бюстъ и подъ нимъ надпись, въ которую помѣстила его словечко. Вотъ она:

Тройною силою шли Шведы на него.
Узнавъ онъ рекъ: Богъ защитникъ мой,
Не проглотятъ они насъ.
Отразивъ, плѣнилъ и побѣду получилъ» [3]).

Эта надпись была сочинена самой императрицей, такъ какъ её не удовлетворяли многочисленные проекты стиховъ на тотъ же случай, написанные по ея вызову Державинымъ и Храповицкимъ. Въ окончательной редакціи этой надписи, вырѣзанной на памятникѣ Чичагову въ Александро-Невской лаврѣ, измѣненъ только одинъ стихъ и сказано: «Они насъ не проглотятъ». Прочее оста-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 503. [2]) Стр. 504. [3]) Стр. 507.

влено въ томъ же видѣ. Въ этомъ же письмѣ надпись не только переведена на французскій языкъ, но и русскіе стихи написаны еще французскими буквами, точно такъ же какъ и восклицаніе Потемкина: «Здравствуй матушка», и пр. Передъ этимъ Гриммъ писалъ ей. «Надо же было поразить меня тѣмъ, что кн. Таврическій пріѣхалъ красивый, умный, любезный, блестящій и въ хорошемъ расположеніи духа. Не со вчерашняго дня извѣстно, что побѣда заставляетъ хорошѣть, и послѣ блестящей и славной кампаніи не пріѣхать же ему было печальнымъ, скучнымъ, поглупѣвшимъ и неопредѣленно мечтательнымъ? Да, смѣю ли я сказать: милостивѣйшая государыня матушка, плодъ неустрашимой твердости, иногда удивительно много отъ нашего брата ожидаетъ.. — (Эта рѣчь докажетъ вашему величеству, что я начинаю умѣть писать по-русски)» [1]).

Въ отвѣтъ на это желаніе знать по-русски, которое не разъ и прежде высказывалось Гриммомъ, были написаны помянутые подстрочные переводы, а текстъ переданъ русскими буквами.

Общее положеніе Европы.

Кромѣ отзывовъ о возбужденной Европою противъ Россіи шведской войнѣ, не менѣе любопытно прослѣдить всѣ тѣ трезвыя сужденія Екатерины о положеніи европейскихъ дѣлъ, которыя встрѣчаются въ ея письмахъ къ Гримму въ разсматриваемую эпоху.

Злѣйшимъ врагомъ Россіи и всегдашнимъ подстрекателемъ противъ нея другихъ державъ Екатерина считала Пруссію. Новое царствованіе Фридриха Вильгельма, который самъ произвелъ на императрицу весьма неблагопріятное впечатлѣніе въ бытность свою въ Россіи, такъ характеризуется ею въ январѣ 1789 года:

«Вы правы, говоря, что настоящее царствованіе NB не походитъ на предыдущее. Этотъ глупъ, наглъ, дерзокъ, тщесла-

---

[1]) Письма Гримма, стр. 349.

венъ, и не имѣетъ и тѣни здраваго смысла. При всемъ томъ они ужасно торопливы. Они рѣшаютъ въ два, три часа то, о чемъ я бы раздумывала три недѣли. Оттого ихъ сообщенія безсвязны и непереварены. Въ добавокъ они отвѣты перетолковываютъ по своему. Такимъ образомъ они кажутся двойственными, тройственными, однимъ словомъ фальшивыми» [1]).

Въ этомъ же письмѣ разсказанъ слѣдующій анекдотъ, который можетъ служить къ характеристикѣ Густава и его честности. «Не надо, чтобъ Густавъ-Шлаффъ портилъ вамъ кровь: неужели оттого, что онъ ежедневно напивается и, будучи въ этомъ состояніи, издаетъ указы и подписываетъ ихъ, вы станете умирать съ горя? Я вамъ разскажу объ этомъ повѣсѣ слѣдующій анекдотъ: онъ сказалъ однажды брату посланника Спренгтпортена, который въ Даніи: Замѣтили ли вы подпись приказа, даннаго вамъ для отправленія съ войсками изъ Финляндіи, чтобъ произвести переворотъ? — Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ. — Тогда онъ говоритъ ему: Я не такъ подписался, какъ всегда подписываюсь. Я измѣнилъ свой почеркъ, потому что еслибъ мы не имѣли успѣха, государственные чины вамъ отрубили бы голову, а я бы отказался отъ своей подписи, какъ вовсе несходной съ моею.—Почти такъ же поступилъ онъ нынѣшнее лѣто съ бригадиромъ Гастферомъ, которому онъ послалъ подписанный имъ приказъ атаковать Нейшлотъ, а потомъ взялъ его назадъ. Теперь же онъ велѣлъ арестовать Гастфера въ Финляндіи подъ предлогомъ, что онъ принималъ участіе въ заговорѣ финскихъ войскъ, и тотъ рискуетъ лишиться головы, если король сочтетъ нужнымъ скрыть отъ государственнаго совѣта, что самъ велѣлъ сдѣлать атаку». Далѣе государыня возвращается къ Франціи, Пруссіи и Англіи:

«Бѣдные люди тоже творятъ жалкія вещи. Если этотъ посланникъ въ Константинополѣ, не имѣющій ни капли вліянія, дѣйствуетъ не въ ихъ вкусѣ, зачѣмъ не отозвать его? Вдобавокъ онъ тамъ умираетъ и скучаетъ. Но бѣдные люди слишкомъ ко-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 469.

варны, чтобъ предпринять противъ насъ или за насъ что-нибудь чистосердечное. Въ 15 мѣсяцевъ мы ни на шагъ не подвинулись, и это великое доказательство ихъ хитраго скудоумія; даже братцу Гю не хотятъ они сказать словечка за его дурное поведеніе. Братецъ Гю совершенно погубилъ ретиваго братца Ге (Вильгельмъ—Георга), и если мои наслѣдственныя теоріи [1]) окажутся вѣрны, то сынокъ братца Ге не будетъ такимъ ревностнымъ послѣдователемъ излюбленныхъ стремленій своего папеньки. Любезный папаша вѣдь совершенно потерялъ то немногое, что ему было даровано Небомъ; это довольно печально, особливо для тѣхъ, кто возлагалъ на него великія упованія; по всему видно, что оттуда ужъ немногаго ожидаютъ, а на востокѣ кредитъ ихъ тоже немного поднялся; остается одинъ Густавъ-Шлаффъ, но съ этимъ дуракомъ недалеко уѣдешь. Да просвѣтитъ Господь ваше превосходительство въ уразумѣніи этой въ высшей степени содержательной нѣмецкой страницы».

23 января 1789 года: «Атмосфера, которую покинулъ принцъ Генрихъ [2]), высадившись у васъ, наполнена дымомъ и густыми испареніями, которыя рано или поздно будутъ разсѣяны только пушечными выстрѣлами. Такъ какъ я не волшебница, то я ненавистное существо для обманщиковъ. Брату І. (Іосифу) надлежитъ произвести чудеса, которыя вы предлагаете, потому что на меня сердятся за него. Но я побьюсь объ закладъ съ кѣмъ хотите, что рано или поздно сестра Екатерина (soeur C.) одержитъ верхъ, слышите ли, многострадальный?» [3])....

«Конечно я не забыла, что имѣла честь въ 1762 году возвратить Фридриху II его королевство Пруссію и часть Помераніи. Не сомнѣваюсь также, что если его племянничекъ будетъ продолжать въ томъ же духѣ, то ему грозятъ еще бóльшія потери, чѣмъ дядюшкѣ, который и при своемъ геніальномъ умѣ

---

[1]) Екатерина не разъ высказывала мысль, что дѣти и наслѣдники часто идутъ въ противоположномъ родителямъ ихъ направленіи.

[2]) Т. е. Пруссія.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 470.

съ трудомъ выпутался изъ бѣды..... Надо сознаться, что вы великій политикъ: пробѣгаете всю Европу на двухъ страницахъ. Но такъ какъ все это сказано для того, чтобъ посовѣтовать мнѣ поступать согласно съ требованіями моихъ интересовъ, то я васъ за это премного благодарю и смѣю увѣрить, что не премину это исполнить» [1]).

«Я удивляюсь рѣчамъ принца Генриха съ вами касательно вашей покорной слуги, потому что она имѣла не совсѣмъ согласныя съ этимъ свѣдѣнія о немъ. Но правда, что на этомъ свѣтѣ такъ трудно отличить истину отъ лжи, что надо предоставить всему свой естественный ходъ. Свора Гегю сильна лаемъ. Говорятъ, Гаррисъ во главѣ ея: полагаю, что и застегнутый (Герцбергъ) тамъ же. Итакъ они могутъ величаться, что у нихъ двѣ олицетворенныя злобы входятъ въ составъ политики Гегю. Съ этими двумя бѣшеными они бѣгутъ скоро, посмотримъ куда. Въ настоящую минуту, говорятъ, Гаррисъ присталъ къ сторонѣ принца Вельсскаго; онъ подписалъ протестъ перовъ. Увидимъ, свергнетъ ли онъ и замѣнитъ ли Фокса. Но я этому не повѣрю, пока не увижу» [2]).

Въ іюнѣ 1790 г., вскорѣ послѣ смерти Іосифа II, Екатерина писала: «Вижу, что потеря, понесенная мною въ Вѣнѣ [3]), столько же васъ огорчила, сколько была мнѣ чувствительна въ свое время. Я и въ настоящую минуту еще не смѣю говорить объ этомъ и долго не могла видѣть посланника, потому что оба мы едва могли удержаться отъ рыданій. Я тысячу разъ и по этому поводу сострадала королевѣ Французской, въ такое короткое время испытавшей столько потерь. Но она обладаетъ мужествомъ своей матери и неустрашимостью, отличающею весь ихъ родъ. И эта неустрашимость Іосифа II, которая, смѣю сказать, иногда вредила ему, представилась мнѣ во очію, когда мы получили въ Крыму первое извѣстіе о смутахъ въ Нидерландахъ. Онъ сталъ говорить со мной объ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 471, 472.

[2]) Стр. 472.

[3]) 20 февраля 1790 г. скончался императоръ Іосифъ II.

этомъ, я рѣшилась откровенно высказать ему свое мнѣніе; признаюсь вамъ, его отвѣтъ испугалъ меня. Но видя, что онъ остроумнѣе и краснорѣчивѣе меня, я замолчала, давъ ему однако почувствовать, какъ бы я стала разсуждать въ подобномъ случаѣ. Я не могла сказать ему болѣе, потому что онъ конечно зналъ мѣстныя условія, которыя мнѣ не были извѣстны, а мои мысли по обыкновенію были приложимы только къ моей странѣ».

23 іюня. «Я очень довольна, что вы отдаете справедливость Іосифу II. Я чувствовала къ нему искренно дружеское расположеніе и онъ меня тоже любилъ. Не могу вспомнить о немъ безъ умиленія. Онъ мнѣ написалъ ужасное письмо: я тотчасъ отвѣчала ему, но мое письмо пришло слишкомъ поздно. Я многаго ожидаю отъ его наслѣдника, который на первыхъ порахъ обнаруживаетъ осторожность, благоразуміе, твердость и сознаніе своего достоинства. Онъ производитъ хорошее впечатлѣніе во всѣхъ отношеніяхъ» [1]).

Тѣмъ не менѣе вотъ какъ отозвалась Екатерина объ общемъ характерѣ царствованія Іосифа II: «Что касается моего покойнаго задушевнаго друга, я не могу притти въ себя отъ изумленія. Какъ? будучи рожденъ, воспитанъ для своего высокаго званія, одаренъ умомъ, талантами и знаніями, онъ ухитрился царствовать такъ плохо. Мало того, что онъ ни въ чемъ не имѣлъ успѣха, онъ еще довелъ себя до несчастій, среди которыхъ и умеръ» [2]).

Отзывы Екатерины о Фридрихѣ Вильгельмѣ Прусскомъ были постоянно неблагопріятны: «Онъ похожъ», говоритъ она, «на мѣщанскаго сына, вышедшаго въ люди, которому отецъ оставилъ роскошный домъ, а онъ, не понимая чего это стоило и съ какими трудами все это собиралось, вообразилъ себѣ, что ему все позволено». Но вѣдь этому когда-нибудь наступитъ же конецъ. Господь Богъ его покараетъ: все его зда-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 483, 484.

[2]) Стр. 509.

ніе построено на пескѣ и обратится въ прахъ. Терпѣніе, терпѣніе! Время дѣлаетъ и невозможное возможнымъ» [1]).

Вскорѣ послѣ смерти Іосифа II Пруссія рѣшилась не только разорвать союзъ Австріи съ Россіей, но и силою прекратить турецкую войну. Для этой цѣли она двинула войска въ Силезію и ей удалось этимъ способомъ склонить миролюбиваго Леопольда къ окончанію войны на конгрессѣ въ Рейхенбахѣ. Екатерину же устрашить было трудно: она просто не послала отъ себя уполномоченнаго въ Рейхенбахъ и не обратила никакого вниманія на грозныя затѣи своего сосѣда. По этому поводу Гриммъ писалъ ей: «Я не знаю ничего о договорѣ, подписанномъ Леопольдомъ въ Рейхенбахѣ, и все это мучитъ меня такъ, что, начиная съ того дня какъ Нева освободилась отъ льда и я праздновалъ годовщину самаго славнаго и чудеснаго рожденія послѣ появленія на свѣтъ Минервы, вышедшей во всеоружіи изъ головы отца своего, не прошло ни одного дня, чтобъ я не страдалъ горячкой. Если вѣрить принцу Генриху, ваше величество, по словамъ его, такое придаете значеніе господину Герцбергу, что даже не удостоили послать уполномоченнаго въ Рейхенбахъ. Этотъ господинъ Герцбергъ пугало принца, который всегда такъ понималъ его. Говорятъ, что, разочарованный во всей своей политикѣ и не будучи въ состояніи проглотить ни Данцига, ни Торна, на которые онъ уже съ давняго времени вострилъ зубы своего августѣйшаго хозяина, онъ самъ чуть не сдѣлалъ отчаянный прыжокъ съ важнаго поста, откуда думалъ заправлять Европой, какъ Лувуа осмнадцатаго столѣтія. Но пока этотъ волченокъ успѣетъ проснуться отъ своихъ грезъ, я долженъ думать, что Леопольдъ, который потерялъ Лаудона такъ некстати, знаетъ намѣренія своей союзницы и вѣроятно ничего не уступилъ противъ своихъ интересовъ и собственной славы. Это размышленіе поддерживаетъ меня; но однако я не долженъ скрыть отъ вашего величества, что я уже не въ силахъ выдержать четвертую кампанію. Мои Русскіе, не-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 487.

побѣдимые подъ эгидою Минервы, какъ бы ни приковали къ стопамъ своимъ побѣду противъ невѣрныхъ, противъ измѣнниковъ и даже противъ волчатъ, — мои опасенія, мои заботы уничтожили бы меня; у меня нѣтъ даже силъ выдержать порывы радости, которые доставили бы мнѣ ихъ успѣхи. Я предупреждаю о томъ ваше величество, чтобъ вы дали мнѣ миръ ранѣе конца этого года, а въ случаѣ отказа, приготовили бы мнѣ покоище въ мавзолеѣ Томасиновъ въ Царскомъ Селѣ, и чтобъ вы знали заранѣе, какого рода смертію окончилъ дни свои вашъ многострадальный» [1]).

Императрица отвѣчала на это: «Различіе взглядовъ на бѣломъ свѣтѣ, туманы, а можетъ-быть и мѣстныя условія, все вмѣстѣ произвело: — что? На кончикъ моего пера просится Рейхенбахская конвенція. Но это не должно васъ тревожить и лихорадочно волновать. Принцъ Генрихъ правъ, что не придаетъ большого значенія этому надутому педанту, который такъ плохо ведетъ дѣла его племянника. Нѣтъ ничего хуже людей, вышедшихъ изъ своей сферы физически и морально. Волченка хотѣли сдѣлать руководителемъ всей Европы, онъ и принялъ всѣ ухватки выскочки. Замѣтьте пожалуйста, какъ люди изъ кожи лѣзутъ вонъ, чтобъ дѣлать зло и безъ успѣха..... Но какъ вамъ не стыдно? Что за страхи васъ волнуютъ за четвертую кампанію? Мы бы и ее повели точно такъ же, какъ и всѣ другія, противъ, противъ, противъ..... [2]) и всѣмъ бы имъ нашлось съ кѣмъ помѣряться. Теперь правая рука у насъ свободна. Вы понимаете; увидимъ, что̀ увидимъ» [3]).

«Не вѣрьте газетамъ, которыя говорятъ, что миръ съ Швеціей былъ заключенъ послѣ полученія извѣстія объ исходѣ Рейхенбахскихъ переговоровъ: болѣе чѣмъ десять дней спустя послѣ подписанія мира, пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ о взаимныхъ условіяхъ» [4]).

---

1) Письма Гримма 246, 247.
2) Нѣмцевъ и Англичанъ.
3) *Сб. И. О.* XXIII, 494.
4) Стр. 500.

21 апрѣля 1791 года Екатерина писала: «Великій Герцбергъ вовсе не великій человѣкъ и писатель и вдобавокъ не отличается вѣжливостью. Онъ просто тупой и упрямый Померанецъ и теоретикъ, всячески старающійся разорить своего повелителя. Онъ безъ толку тратитъ его казну, и безъ того не очень богатую, и губитъ его въ общемъ мнѣніи. Онъ теперь умираетъ отъ падучей болѣзни, какъ у насъ князь Ив. Чернышевъ умираетъ отъ паралича. А сэромъ Гю въ эту минуту заправляетъ проходимецъ, который рѣчами и манерами напоминаетъ Фронтеня въ комедіи. Они хлопочутъ теперь, какъ бы заставить Герцберга выйти въ отставку, а тотъ терпитъ всевозможныя униженія, потерявъ довѣріе своего государя изъ-за того будто бы, что былъ мученикомъ общаго блага. Подчиненные одобряютъ его, совѣтуя переносить мученичество, потому-де что государству нужна его бездарность. Должно быть, эта страна совсѣмъ лишена собственныхъ людей, если у нихъ можетъ блистать человѣкъ, посѣвающій вездѣ однѣ смуты» [1]).

9 мая: «Вы даете Прусской монархіи не болѣе пяти лѣтъ до окончательнаго ея разрушенія Герцбергомъ (Coeur-Montorgueil). Но кажется, сэръ Гю (Вильгельмъ) такъ хорошо это прочувствовалъ, что приставилъ къ нему теперь двухъ молодыхъ руководителей. Но вотъ несносный толкователь по этому поводу вспомнилъ нѣмецкую пословицу: „Viele Köche verderben den Brei" (при нѣсколькихъ поварахъ каша дѣлается негодною). Если мнѣ когда-нибудь попадется портретъ Неккера, увѣряю васъ, я повѣшу противъ него для симметріи портретъ Coeur-Montorgueil. Надо однако сознаться, что какъ литераторъ и государственный человѣкъ, послѣдній упорнѣе. Его повелитель желалъ бы отъ него отдѣлаться, но онъ отъ него не уходитъ.... При этомъ онъ сердится, бѣснуется, бранится и совершенно уподобляется индѣйкѣ» [2]).

При обозрѣніи общаго положенія дѣлъ, нельзя умолчать о нѣкоторыхъ политическихъ совѣтахъ, которые Гриммъ позволялъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 508.

[2]) Стр. 533.

себѣ давать Екатеринѣ, особливо въ то время какъ онъ, пріѣхавъ во Франкфуртъ на коронацію императора Леопольда, невольно долженъ былъ окунуться въ офиціальный міръ дипломаціи, которая имѣла здѣсь представителей ото всѣхъ европейскихъ дворовъ. Россію представлялъ большой другъ Гримма графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, котораго онъ постоянно называетъ святымъ Николаемъ. Успѣхъ различныхъ миссій такъ охарактеризованъ Гриммомъ: «Не знаю, государыня, до какой степени деликатность графа Румянцова дозволитъ ему говорить о своихъ успѣхахъ; но мое чувство вынуждаетъ меня сказать вашему величеству, что онъ исполнилъ свою миссію съ блескомъ, съ достоинствомъ, съ почетомъ а также и съ любезностью, которую немногіе умѣютъ усвоить себѣ, и которая такъ пристала представителю августѣйшей и наилюбезнѣйшей въ цѣломъ мірѣ государыни. Я сожалѣю, что только онъ одинъ дѣйствовалъ съ успѣхомъ и что мой старинный пріятель, монсиньйоръ Капрара, папскій нунцій, и даже маркизъ де Бремъ, сардинскій министръ, не могли получить на свою долю хоть нѣсколькихъ крохъ....... Это произошло, какъ увѣряютъ меня друзья курфиршеской коллегіи, отъ того, что оба слишкомъ выставляли чернаго орла [1]), котораго носятъ на своей ливреѣ, и что они предпосылали этотъ силуэтъ всѣмъ своимъ дѣйствіямъ. Мнѣ кажется, что въ Священной Имперіи начинаютъ утомляться этимъ орломъ и понемножку отрѣшаться отъ него. Его находятъ дерзкимъ, полетъ его извилистымъ, взглядъ его не орлинымъ, такъ что подъ тѣнью его крыльевъ мой бѣдный нунцій не могъ добиться ни одного утѣшительнаго или просто учтиваго слова ни для себя, ни для своего святого отца» [2]).

Екатерина отвѣчаетъ: «Я вижу по письму вашему, что другъ Николай станцовалъ во Франкфуртѣ лучше чѣмъ монсиньйоръ Каправи и маркизъ де-Бремъ, хотя они были въ свитѣ силуэта

---

[1]) Т е. Пруссію.

[2]) Письма Гримма, стр. 259, 260.

Геркулесовой убійственной палицы, которая однако не побиваетъ кого захочетъ. Ужъ если Святая Имперія начинаетъ закрывать глаза и находитъ его дерзкимъ, полетъ его извилистымъ и взглядъ не орлинымъ, то эта Святая Имперія пожалуй наконецъ прослыветъ слѣпымъ ясновидящимъ, чему я искренно за нее порадуюсь, и это будетъ даже еще болѣе мнѣ нравиться, чѣмъ ужины графа Румянцова нравились франкфуртскимъ дамамъ» [1]).

По полученіи извѣстія о Верельскомъ мирѣ Гриммъ былъ озабоченъ опасеніемъ, что Густавъ III по непостоянству и податливости своего характера можетъ быть опять увлеченъ врагами Екатерины на новыя предпріятія, и даетъ ей совѣтъ прибѣгнуть къ обычнымъ, давно извѣстнымъ въ европейской политикѣ пріемамъ, говоря:

«Вихрь коронаціи Леопольда помѣшалъ мнѣ сказать вашему величеству, какъ я долженъ былъ страдать отъ людей Гриммы во время моего путешествія изъ Бурбонны во Франкфуртъ по случаю этого мира............. Они даже было вздумали, государыня, побуждать меня на второй день путешествія отправить, не теряя времени, нарочнаго къ вашему величеству! Да зачѣмъ же? А затѣмъ, говорили они мнѣ, что недостаточно отдѣлаться отъ врага, не надо оставаться на полудорогѣ, надо забыть его проказы и сдѣлать себѣ изъ него друга, готоваго за васъ и въ огонь и въ воду. — А какъ же за это взяться? — Нѣтъ ничего легче. Ей стóитъ только конфиденціально признаться ему, что правда, гнѣвъ ея былъ очень великъ, очень глубокъ; но онъ не могъ устоять передъ удивленіемъ, внушеннымъ ей личною его храбростью, что это чувство покорило её и заставило забыть все прошедшее. Донъ-Кишотъ, замѣтили мнѣ люди Гриммы, никогда не стремился къ другой славѣ, какъ къ репутаціи личной храбрости; за эту честь онъ соглашался быть измолотымъ, избитымъ; а вѣдь извѣстно, что Ламаншскій герой — есть любимый образецъ героя, котораго намъ желательно видѣть покореннымъ ею.

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 502, 503.

Если разъ онъ удостовѣрится, что она до смерти имъ восхищается, то онъ на всю жизнь будетъ прикованъ къ ея колесницѣ. Не мѣшаетъ однако показать ему издали какую-нибудь прибыль, какія нибудь маленькія барыши для него, если онъ станетъ ходить прямо и заставитъ забыть всѣ свои безчестныя проказы. Мы очень помнимъ, что если онъ по героизму и принадлежитъ къ семейству рыцаря Ламанчскаго, то въ отношеніи къ маленькимъ выгодамъ совершенно держится правилъ добраго Санхо, который думалъ о существенномъ. Это мы очень хорошо замѣтили во время нашего съ нимъ сближенія» [1].

Государыня отвѣчаетъ на это: «Мнѣ не нравится совѣтъ, который вы мнѣ даете, проникнуться удивленіемъ къ врагу, примирившемуся со мною. Это могло бы послѣдовать развѣ только тогда, когда бы онъ побѣдилъ всѣ соблазны, которыми Гегю его искушаютъ, какъ демоны искушали св. Антонія» [2].

Затѣмъ Гриммъ въ томъ же письмѣ представляетъ Екатеринѣ возможнымъ новый походъ противъ нея со стороны ея враговъ, желавшихъ вмѣшаться въ миръ ея съ Турціей, и предлагаетъ ей союзъ съ Даніей и Швеціей, для того, говоритъ онъ, «чтобъ заставить уважать Балтику и защитить ее отъ появленія всякаго военнаго флага, недозволеннаго въ этомъ морѣ, что́, по моему мнѣнію, не сдѣлало бы кампанію Герцберга, ни его вызывающія дѣйствія болѣе легкими чѣмъ надо» [3].

Точно такъ же подробно сообщалъ Гриммъ Екатеринѣ и о причинахъ враждебности Англіи къ Россіи:

«Я встрѣтилъ во Франкфуртѣ одного изъ тѣхъ людей, которымъ Италіянцы даютъ ужасное имя seccatore или изсушителя. Это г. Вальполь, англійскій министръ въ Мюнхенѣ, котораго я нѣкогда видѣлъ въ Парижѣ. Онъ чрезвычайно занимался дѣлами вашего императорскаго величества и вашимъ положеніемъ въ отношеніи къ британскому кабинету. Онъ всегда уговаривалъ

---

1) Письма Гримма, стр. 279, 280.

2) *Сб. И. О.* XXIII, 506.

3) Письма Гримма, стр. 281.

меня сдѣлать ему какое-нибудь откровеніе, внушая мнѣ, что сумѣетъ имъ воспользоваться. Я никогда не пропускалъ случая посмѣяться надъ нимъ и надъ тѣмъ, что онъ считаетъ меня повѣреннымъ всѣхъ плановъ вашего величества, и довольно безумнымъ, чтобъ безо всякаго порученія сдѣлать ему какое-либо откровеніе; но за то также никогда не упускалъ случая сообщить ему все, что я думаю о политическомъ поведеніи и настоящей системѣ Лондонскаго кабинета, и не утаилъ отъ него, какую степень уваженія онъ мнѣ внушаетъ. Около конца пребыванія во Франкфуртѣ, онъ нѣсколько измѣнилъ тонъ и сказалъ мнѣ, что наши дѣла съ Англіей непоправимы. Я не обратилъ на все это большого вниманія, не зная въ какой мѣрѣ изсушитель Вальполь, который давно не былъ въ Англіи, могъ пользоваться довѣріемъ своихъ начальниковъ министровъ. Я увидѣлъ ясно изъ его нападковъ и постоянно замѣчалъ во всѣхъ разговорахъ съ англійскими министрами, которые случай доставлялъ мнѣ, — что великое неудовольствіе Англичанъ противъ Россіи исходитъ изъ установленія столь же справедливыхъ и умѣренныхъ, какъ и явно неоспоримыхъ началъ вооруженнаго нейтралитета; они никогда не могли и не хотѣли переварить его. А я имъ постоянно замѣчалъ, что эта доктрина можетъ быть противна только морскимъ тиранамъ и разбойникамъ и что великій Чатамъ, среди самой славной войны, хвалился соблюденіемъ этихъ началъ съ нейтральными, говоря: мы правда хотимъ быть хозяевами, но не тиранами на моряхъ. Наконецъ, если написано въ книгѣ судебъ, что великій адвокатъ Герцбергъ не можетъ покончить своей славной карьеры, чтобъ не посчитаться съ нашими казаками, и если Англія чувствуетъ непреодолимый зудъ вступить въ этой тяжбѣ въ союзъ съ великимъ адвокатомъ, то люди Гриммы говорятъ, что я не могу не обратить взоры ихъ августѣйшей монархини на состояніе, въ которомъ находится Голландія. Власть штатгальтерская слишкомъ злоупотребляла побѣдой, чтобъ нація когда нибудь забыла и простила эти проступки. Батавы всегда сохранятъ желаніе отомстить своимъ притѣснителямъ, уничтожить,

если могутъ тому способствовать, Пруссаковъ и освободиться отъ ига Англіи. Въ случаѣ разрыва, эти Батавы могли бы обоимъ новымъ зачинщикамъ ссоры съ Россіей заварить такую кашу, которой тѣ вовсе не ожидали бы, особливо еслибъ ваше величество могли отвѣчать имъ за обѣ сѣверныя короны и если Леопольдъ, конечно помнящій всѣ одолженія и услуги, оказанныя ему штатгальтерскимъ домомъ въ бельгійскихъ провинціяхъ во время ихъ возстанія, счелъ бы нужнымъ по долгу справедливой признательности обратить вниманіе на патріотическое настроеніе Голландцевъ! Здѣсь все-таки та разница, что была бы оказана помощь свободной націи, несправедливо угнетенной беззаконною силою, тогда какъ въ первомъ случаѣ рѣчь шла о возмущеніи подданныхъ противъ законнаго своего государя. Я знаю только, что Батавы внимательно слѣдятъ за поведеніемъ Англіи и Пруссіи въ отношеніи къ вашему величеству, и оно представляетъ имъ предметъ для разнообразныхъ размышленій. Я знаю также, что они доставляютъ открытымъ для Россіи займамъ всѣ капиталы у нихъ требуемые, хотя баронъ Сутерландъ, по личнымъ побужденіямъ, прекратилъ свои сношенія съ патріотическимъ домомъ и поручилъ эти переговоры о займѣ дому, раздѣляющему интересы дома штатгальтерскаго, что́ во всякое другое время закрыло бы всѣ патріотическіе кошельки и, стало-быть, сдѣлало переговоры неудачными, ибо нѣтъ возможности совершить какую-либо денежную операцію, когда патріотическіе кошельки отъ нея отказываются. А здѣсь, несмотря на неудовольствіе сноситься съ домомъ, имѣющимъ другой политической символъ нежели они, патріоты считали, что имѣютъ слишкомъ могущественныя побужденія, чтобъ не посмотрѣть сквозь пальцы на эту маленькую непріятность, помогая своими червонцами той сторонѣ, которая представляетъ правосудіе, славу и достоинство; а эти начала всякое государство, признающее ихъ, уважаетъ у себя и у другихъ, какъ первую потребность политическаго существованія»[1]).

---

[1]) Письма Гримма, стр. 287—290.

Екатерина отвѣчаетъ на это отъ 16 апрѣля 1791: «Англичане дѣлаютъ видъ, будто собираются къ намъ въ гости. Король Прусскій тоже шевелится. Что́ Небу угодно, то и будетъ: неустрашимая твердость все выдержитъ, а также и достигнетъ мира. Мачинъ противъ Браилова занятъ, а Браиловъ тоже потерялъ батарею, находившуюсь противъ города на островѣ. Итакъ бьюсь объ закладъ чѣмъ хотите, что не смотря на Ге и Гю и всю ихъ шайку, кавалеръ Селимъ первый вытащитъ свою обезьянью лапу изъ огня, гдѣ его заставляли не каштаны жарить, а жечь города и терять провинціи. А если это будетъ продолжаться, то кавалеръ Селимъ заключитъ миръ, или окончательно пойдетъ ко дну, а тамъ увидимъ какъ Ге и Гю будутъ изощрять свой умъ и истощать казну, чтобъ выпутать его изъ бѣды».

17 апрѣля: «Я только что узнала, что оппозиція дѣлаетъ затрудненія синьйору Питту по поводу королевскаго адреса, посланнаго въ парламентъ, и гдѣ рѣчь идетъ о вооруженіи флота, чтобъ облегчить, какъ сказано, миръ между Россіей и Турціей. Еслибъ Галлы въ эту минуту тоже вооружились, синьйоръ Питтъ былъ бы болѣе чѣмъ когда-нибудь въ затрудненіи. Но у васъ о дѣлахъ толкуютъ, а не дѣлаютъ ихъ, или дѣлаютъ только худыя. Вообще я замѣтила, во время парламентскихъ преній, что тѣ, кто всего болѣе говоритъ о дѣлахъ, менѣе всего дѣйствуютъ» [1]).

2 мая: «Если Англичане не сунутъ носа въ Балтійское море, полагаю что и *тотъ* (Густавъ) не попробуетъ начать снова, но это злодѣй, на котораго никогда нельзя положиться. Кажется, что въ настоящую минуту въ Англіи смѣняется министерство, а можетъ-быть и образъ дѣйствій, благодаря необыкновенному отвращенію къ войнѣ Англичанъ, которые пишутъ на всѣхъ домахъ: «Не хотимъ войны съ Россіей». Но придутъ ли они, или нѣтъ, мы споемъ вмѣстѣ съ вами: Иванъ ушелъ какъ и пришелъ, скушавъ капиталъ вмѣстѣ съ доходомъ [2]). Итакъ прошу васъ не страдать безсонницей. Право, не отъ чего» [3]).

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 505, 506, 507.

2) Извѣстная эпитафія Лафонтена самому себѣ.

3) *Сб. И. О.* XXIII, 521, 522.

9 мая: «Если англійскія эскадры придутъ въ Балтійское море, то Американцамъ будетъ раздолье: они только запасутся множествомъ русскихъ каперскихъ свидѣтельствъ и станутъ, на сколько хватитъ силъ, забирать и уводить англійскія торговыя суда. Это будетъ благопріятнымъ началомъ для усиленія ихъ могущества» [1]).

10 мая: «Я должна сообщить вамъ, что мы ждемъ г. Фокнера, который, какъ увѣряютъ, ѣдетъ сюда для какихъ-то переговоровъ; но навѣрно онъ не достигнетъ того, чего захочетъ, и Иванъ уѣдетъ какъ и пріѣхалъ со своимъ флотомъ и доходомъ» [2]).

По пріѣздѣ Фокнера, вотъ какъ описаны переговоры съ нимъ:

27 августа 1791 г. «Я давала маленькій балъ въ Царскомъ Селѣ г. Фокнеру. Это посредникъ самый покладный, какого я когда-либо видала, и если ему всегда будутъ поручать соглашаться съ мнѣніями тѣхъ, съ кѣмъ онъ ведетъ переговоры, то можно впередъ быть спокойнымъ, что онъ вездѣ будетъ имѣть успѣхъ, какъ успѣлъ здѣсь, по той причинѣ, что онъ во всемъ соглашается съ нашими мнѣніями, а не мы съ нимъ. Но тутъ возникаетъ вопросъ: зачѣмъ же онъ пріѣзжалъ? Онъ пріѣхалъ за тѣмъ, чтобъ люди видѣли, что у него было какое-то дѣло и что онъ долженъ привести къ концу что-то, и оно приведено къ концу, потому что ничего на свѣтѣ не окончишь такъ проворно какъ *ничто*» [3]).

Журналъ принца Генриха и комментаріи на него Екатерины.

Послѣ отзывовъ Екатерины о принцѣ Генрихѣ, въ которыхъ она выражала вообще что мало довѣряетъ искренности расположенія къ ней нѣмецкихъ принцевъ, Гриммъ всячески старался, какъ мы уже ранѣе видѣли, возстановить добрыя отношенія между императрицей и своимъ другомъ. Онъ отчасти достигъ этого, такъ какъ въ 1790 году она писала: «Признаюсь вамъ, мнѣ очень

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 534.
[2]) Стр. 536
[3]) Стр. 550.

было бы любопытно знать что́ ду́маетъ о настоящемъ времени принцъ Генрихъ. Я слышала, что онъ предлагалъ своему августѣйшему племяннику продать свою вотчину, давая ему тѣмъ почувствовать, что не увѣренъ въ безопасности, въ виду предпріятій любезнаго племянника» [1]).

На это Гриммъ отвѣчалъ: «Ваше величество, какъ мнѣ казалось, желали знать мнѣніе принца Генриха насчетъ политическаго поведенія вашего двора. Я не могу лучше передать ихъ моей августѣйшей государынѣ, какъ выписавъ изъ его корреспонденціи съ начала 1790 г. все что до этого касается, и постараюсь продолжать эти выписки до тѣхъ поръ, пока Небу угодно будетъ даровать мнѣ вѣстника безсмертной, которому я могъ бы поручить эту грамоту. Маленькія примѣчанія принадлежатъ многострадальному [2]).

Мы должны привести здѣсь эти интересныя выписки, такъ какъ онѣ раскрываютъ всѣ пружины европейской политики въ самую трудную эпоху великаго царствованія, и тѣмъ болѣе что Екатерина отвѣчаетъ на каждую изъ нихъ своими замѣчательными комментаріями, которые безъ того не были бы вполнѣ понятны. Гриммъ снабжаетъ эти выписки, въ видѣ предисловія, слѣдующимъ разсужденіемъ: «Чтобъ судить правильно объ этихъ разнородныхъ отрывкахъ, необходимо перенестись въ тѣ минуты, на какія указываютъ ихъ числа».

Принцъ Генрихъ пишетъ отъ 22-го января 1790 года [3]):

Да, другъ мой, возможно, что пламя войны вспыхнетъ сначала не въ Германіи; но если событія будутъ неблагопріятны, то это можетъ кончиться и въ Германіи. Пламя раздора происходитъ у насъ отъ ультрамонтанскаго любимца покойнаго короля [4]). Миръ съ Турками и смерть

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 495.

[2]) Письма Гримма, стр. 287.

[3]) Для избѣжанія излишнихъ повтореній, мы начиная отсюда будемъ отличать отрывки изъ писемъ принца Генриха болѣе мелкимъ шрифтомъ, печатая вслѣдъ за каждымъ отрывкомъ, уже безъ всякой оговорки, замѣчанія императрицы.

[4]) Маркизъ Луккезини.

императора, которую считаютъ неизбѣжною, могли бы сохранить миръ. Однако нѣкоторая знатная дама [1]), еслибъ немножко того захотѣла, легко успокоила бы эти волненія. Я, слава Богу, ни во что подобное не замѣшанъ.

Императрица отвѣчаетъ на это: «Я попробую комментировать драгоцѣнную переписку принца Генриха, за которую премного благодарю васъ. Католическій любимецъ покойнаго короля могъ забавлять его своимъ остроуміемъ и познаніями, но въ Польшѣ онъ уронилъ себя тѣмъ, что путалъ, интриговалъ и безпрестанно самъ себѣ противорѣчилъ. Что касается нѣкоторой знатной дамы, то конечно она не могла быть довольна поведеніемъ Гю (Вильгельма), столь противнымъ ея интересамъ. Что съ дядюшкой не совѣтовались и теперь не совѣтуются — это мы также знаемъ. Кто сознаётъ что онъ глупъ, тотъ всегда опасается умныхъ людей».

От 6-го февраля.

Шестидневное путешествіе въ Берлинъ помѣшало мнѣ писать вамъ. Хотя король хорошо поступаетъ со мною и внѣшнимъ образомъ показываетъ мнѣ дружбу, я однако былъ очень доволенъ, что возвратился въ свое уединеніе. Я слишкомъ старъ, чтобъ тащиться туда, гдѣ я вовсе не могу быть ни полезенъ, ни нуженъ; къ тому же общество такъ измѣнилось, что изъ десяти лицъ, которыя мнѣ попадаются, я едва знаю одно. Я видѣлъ Нессельрода и недолго говорилъ съ нимъ, но могъ немножко пошутить. Желаю, чтобъ его пребываніе въ Берлинѣ было продолжительно. Впрочемъ, я не знаю будетъ ли у насъ война или миръ, и полагаю, что никто этого не знаетъ. Одно я знаю навѣрное, — что въ случаѣ войны ко мнѣ не обратятся. Я этимъ вовсе не огорченъ; я болѣе бы огорчился, когда бы долженъ былъ пуститься въ море на плохомъ суднѣ.

«Онъ себя называетъ безполезнымъ и лишнимъ человѣкомъ. Это и досадно и горько; общество измѣнилось: оно уже не то блестящее, остроумное, геройское по всѣмъ своимъ чувствамъ, что́ было въ 1740 году. Конечно, когда никто не знаетъ чего онъ хочетъ или не хочетъ, то невозможно разсуждать ни о войнѣ,

---

[1]) Екатерина.

ни о мирѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ порядочные люди должны быть довольны что остаются въ сторонѣ. Это похоже на оберъ-камергера Шувалова: если онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, то сейчасъ же раскаивается зачѣмъ не ступилъ шага назадъ».

От 18-го февраля.

Когда 64 года приходилось играть комедію на сценѣ этого міра, хорошо задернуть занавѣсъ, и это тѣмъ болѣе разумно, что мнѣ не предложатъ роли, и что наконецъ большое счастіе, когда можешь удалиться отъ труппы, составленной изъ столькихъ плохихъ актеровъ.

«Выписка отъ 18-го февраля говоритъ, что труппа составлена изъ плохихъ актеровъ. Въ этомъ всѣ согласны».

Отъ 1-го марта.

Мои опасенія насчетъ войны уменьшаются со дня на день. Я всегда не слишкомъ-то въ неё вѣрилъ, и очень доволенъ, что не ошибся въ своемъ расчетѣ, потому что это было бы великимъ бѣдствіемъ для страны. Прибавьте то, что вамъ теперь конечно уже извѣстно, что Іосифъ умеръ 20-го числа прошедшаго мѣсяца. Увѣряютъ, что его преемникъ весьма миролюбивъ, но эти господа, наслѣдники коронъ, измѣняются иногда вмѣстѣ съ своей фортуной. Я желаю его видѣть на его Венгерскомъ и Богемскомъ престолѣ, прежде чѣмъ буду судить о немъ. Онъ, говорятъ, любитъ деньги, столько же сколько покойный братъ его. Не думаютъ, чтобъ онъ захотѣлъ остаться въ тѣсной дружбѣ съ друзьями его покойнаго брата; здѣсь говорятъ, что эти послѣдніе ищутъ дружбы Альбіона. Я вамъ разсказываю всѣ эти политическія пошлости, въ которыхъ самъ не принимаю никакого участія.

«Отрывокъ отъ 1-го марта признаётъ, что война была бы несчастіемъ для страны: итакъ, лучше бы и не предпринимать ее, тѣмъ болѣе что никто къ тому не принуждаетъ. Касательно моего покойнаго задушевнаго друга, я не могу притти въ себя отъ удивленія: какъ? бывъ рожденъ, воспитанъ для своего сана, съ умомъ, дарованіями и знаніями, онъ ухитрился царствовать такъ плохо? Не только онъ ни въ чемъ не имѣлъ успѣха, но еще довелъ себя до несчастій, среди которыхъ и умеръ. Преемникъ его слѣдуетъ другимъ правиламъ; онъ един-

ственный человѣкъ, которому я прощаю его игру. Если онъ обманываетъ насъ, я его поздравляю; если же нѣтъ, то я о немъ сожалѣю. Но вѣроятно онъ достигнетъ своей цѣли и тогда выпадетъ на его долю роль блестящая и славная. Онъ не можетъ не остаться другомъ друзей своего покойнаго брата, развѣ въ него вселится дьяволъ. Альбіонъ такъ любезенъ, со своимъ Ге, помѣшаннымъ глупцомъ, что врядъ ли онъ пріобрѣтетъ себѣ друзей».

От 7-го марта.

Мы еще въ неизвѣстности насчетъ мира и войны. Я не знаю объ этомъ ничего иного, кромѣ того, чтó говоритъ мнѣ публика и нѣкоторые старые друзья. Нашъ великій Герцбергъ подкладываетъ желѣзо въ кузницу. Онъ былъ бы достоинъ занять мѣсто между бѣшеными[1]). Правда, что въ краснорѣчіи онъ уступилъ бы Барнавамъ и Мирабо; но зато никто не говорилъ бы дерзостей такъ благородно. Надѣюсь, что несмотря на его ядовитость, спокойствіе возстановится.

«Отрывокъ 7-го марта отводитъ достойное мѣсто Герцбергу между бѣшеными. Онъ тамъ былъ бы кстати, и слѣдовало бы его послать туда занять освободившееся мѣсто Мирабо. Конечно спокойствіе водворится, если вмѣсто того чтобъ вынимать шпагу, мы ее оставимъ въ ножнахъ».

Отъ 29-го марта.

Я боюсь, что мои догадки не оправдаются. Съ тѣхъ поръ, какъ Итальянецъ[2]) замѣшался въ политику, и постоянно мѣтитъ въ ту же цѣль, хотя и часто встрѣчалъ противорѣчія своимъ предпріятіямъ, нельзя ни за что ручаться. По моимъ послѣднимъ письмамъ кажется, что онъ послалъ тарабарскую грамоту въ этомъ смыслѣ; и если она подписана, вы сами можете судить, насколько затруднится возстановленіе порядка и гармоніи на этой дрянной кучѣ грязи, именуемой міромъ, и гдѣ вотъ уже съ годъ такія волненія и безпорядки, тогда какъ счастія нѣтъ нигдѣ. Мы будемъ взаимно обращать другъ къ другу іереміады.

P. S. Богъ знаетъ, гдѣ осную я свое мѣстопребываніе; ибо вполнѣ вѣрно, что я не вхожу нисколько во все что дѣлается, и что если барка пускается въ море, то кормчіе уже выбраны.

---

[1]) Намекъ на Французское Національное Собраніе.

[2]) Т. е. Луккезини.

«29-го марта могла быть рѣчь о союзѣ съ Польшей; посмотримъ, къ чему это послужитъ; можетъ-быть, они только разводятъ водицу. Принцъ Генрихъ хотѣлъ покинуть свое отечество; но милый племянникъ не пустилъ его. Какъ бы кормчіе ни направляли корабль, ни вымѣряли глубину, но безъ вѣтра или безъ вёселъ онъ не двинется съ мѣста, все равно какъ тѣло безъ души и безъ силы, необходимой чтобъ приводить его въ движеніе».

От 2-го апрѣля.

Я вовсе не веселъ и не имѣю никакой причины къ веселью. Я думаю, что гроза грянетъ со всѣхъ сторонъ. Невозможно составить себѣ понятіе о здѣшнихъ дѣлахъ; это походитъ на Національное Собраніе; въ эту минуту я не могу найти сравненія, которое казалось бы мнѣ хуже. Подумайте только, любезный другъ мой, о такомъ мѣстечкѣ, гдѣ мы могли бы соединить нѣсколько друзей и провести спокойно нѣсколько мѣсяцевъ вмѣстѣ. Я долженъ удалиться отсюда. Одно подозрѣніе, что я могу что-нибудь знать и всему поддакивать, оскорбляетъ меня. Это такъ мало справедливо, что мнѣ не пишутъ и не говорятъ ничего. Итальянецъ, безумный министръ [1]), простачокъ [2]) все стряпаютъ между собою; это ужасно. Однимъ словомъ, мнѣ надо удалиться.

«Онъ былъ невеселъ. По видимому Пруссаки не имѣютъ большого довѣрія къ своимъ кормчимъ. Сравненіе того, что они видятъ, съ Національнымъ Собраніемъ ясно обрисовываетъ положеніе дѣлъ, и конечно хуже этого ничего не можетъ быть. Спокойствіе по видимому исчезло съ лица земли. Нашему пріятелю не нравится быть нулемъ, и это очень простительно. Итальянецъ, безумный министръ и простачокъ заварили пиво слишкомъ кислое, и дай Богъ чтобъ имъ еще долго пришлось его расхлебывать».

Отъ 5-го апрѣля.

Отчего не могу я поддержать ваши надежды на миръ! Я разсуждалъ съ помощью того небольшого здраваго смысла, которымъ надѣлила меня природа, и по нѣкоторымъ легкимъ познаніямъ, которыя дала мнѣ опытность; но политика въ извѣстныхъ рукахъ становится настоящимъ

---

[1]) Великій графъ Герцбергъ.

[2]) Самъ Вильгельмъ Прусскій.

лабиринтомъ, и мы въ этомъ отношеніи въ такомъ же великомъ хаосѣ, какъ и Франція, съ тою разницей, что у васъ вся нація объѣлась бѣлены, тогда какъ у насъ нѣкоторые люди изо всѣхъ классовъ приняли порядочное количество этого зелья и все перевертываютъ вверхъ дномъ. Я нахожусь посреди всего этого, и у меня не спрашиваютъ совѣта даже въ малѣйшемъ дѣлѣ; но, признаюсь я долженъ смотрѣть на это въ отношеніи къ себѣ какъ на счастье: я такъ въ сторонѣ ото всего, что на меня не можетъ пасть никакого нареканія. Еслибъ со мной должны были совѣтоваться эти заговорщики, я скоро бы ихъ покинулъ; и наименѣе здравая часть общества, которая есть толпа, обвинила бы меня въ томъ что я покидаю интересы родины. Еще остается лучъ надежды: говорятъ, что Англичане хотятъ мира, и я полагаю, что Леопольдъ вовсе не будетъ требователенъ; но я побаиваюсь вашей большой пріятельницы, которая чрезвычайно неподатлива: словомъ, надо подождать. Герцогъ [1]) былъ вызванъ дня на два. Еслибъ онъ имѣлъ столько же силы ума въ обсужденіи важныхъ дѣлъ, сколько у него храбрости передъ пушечной батареей, все было бы хорошо; но въ этомъ-то и заключается большое *но*...... Остальное —

Толпа людей безъ имени,
Которые подло льстивы и проч.

Одинъ министръ [2]) среди нихъ, выдающій себя за литератора. Не знаю, вѣрите ли вы ему на слово, ибо вы конечно читали его сказки.

«Въ отрывкѣ отъ 5-го апрѣля онъ говоритъ, что въ рукахъ иныхъ людей политика превращается въ настоящій лабиринтъ; на это причина та, что дураки всегда поступаютъ глупо и иначе поступать не могутъ, что̀ бы тамъ ни толковали. Большая пріятельница неподатлива, дѣла свои она поведетъ не иначе какъ по своему разумѣнію, и конечно никакіе Гегю вмѣстѣ взятые не заставятъ её перемѣнить образъ дѣйствія. Поясненія насчетъ ума безсердечнаго герцога утверждаютъ меня въ моемъ мнѣніи о немъ: я видѣла его въ дѣлѣ родной дочери, какъ онъ былъ фальшивъ, двуличенъ, ребячливъ, такъ что тутъ является въ самомъ дѣлѣ много разныхъ *но*.... въ отношеніи къ нему; объ остальномъ и поминать не сто̀итъ. Я не прочла ни одного сочиненія

---

[1]) Брауншвейгскій.
[2]) Герцбергъ.

великаго и бѣшенаго Герцберга, но чутье уже давно мнѣ подсказало, что онъ столько же замѣчательный литераторъ, сколько и искусный политикъ; какъ видите, распознать это чутьемъ нельзя было безъ большого усилія».

От 16-го апрѣля.

Но я занимаюсь тѣмъ что у васъ дѣлается, тогда какъ черныя бабочки летаютъ вокругъ меня: не то, чтобъ я былъ занятъ дѣлами; правда, я всѣ ихъ знаю; но тѣ, кто нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ могли бы мнѣ разсказать ихъ, скрываютъ ихъ отъ меня до этой минуты. Распредѣляютъ начальствованіе войсками, устраиваютъ, разстраиваютъ, шумятъ; я долженъ признаться вамъ, что въ такомъ положеніи вещей я даже очень доволенъ, что не играю роли при дворѣ и въ дѣлахъ. Вся армія съ оружіемъ и обозами будетъ готова выступить 16-го будущаго мѣсяца. Я полагаю, что часть этой арміи даже перевезутъ въ Силезію; но что станутъ тамъ дѣлать? Отвѣчаю: заключатъ миръ. Я могу судить только по своему разуму и тѣмъ даннымъ, которыя имѣю, и мое заключеніе — это миръ. Человѣкъ, сошедшій съ ума когда я былъ въ Парижѣ, или, лучше сказать, его великій дѣлецъ [1]) совершенно себя этому посвятили, и только бы ваша великая пріятельница, Като Вольтера, тому не воспротивилась, этотъ миръ будетъ заключенъ, и опять наши деньги будутъ истрачены для другихъ, а не для насъ. Эта картина должна мнѣ заслужить ваше прощеніе, если вамъ покажется, что я не въ духѣ.

«Я никому не мѣшала заключать свой миръ и миръ былъ заключенъ; зато правда, онъ имъ стоилъ милліоновъ. Но Систовскимъ миромъ они еще не разрѣшились, хотя и носятся съ нимъ уже болѣе девяти мѣсяцевъ; долго же дѣтище ихъ заставляетъ ждать себя! А какъ бы ни случилось еще и выкидыша! А этого не миновать, если дѣла будутъ итти такъ, какъ они теперь идутъ».

Отъ 30-го апрѣля.

Я не могъ, любезный другъ, написать вамъ ранѣе. Домашнія невзгоды меня огорчаютъ. Хотя я ни политически, ни по дѣламъ военнымъ нисколько не вмѣшиваюсь въ политическій и военный безпорядокъ этой страны, я все-таки испытываю его тягость, и такъ какъ послѣдствія могутъ быть бѣдственны, то приготовляюсь къ испытанію еще болѣе тяже-

---

[1]) Братецъ Георгъ и г. Питтъ.

лому. Въ концѣ своей карьеры я нахожусь въ положеніи Данаидъ: ибо къ чему служитъ то, что я подвергалъ жизнь свою опасности въ одиннадцати походахъ, что я сдѣлалъ два путешествія въ Россію, что имѣлъ изрядный успѣхъ въ Версали въ 1784 г.? Все уничтожено, но какъ? и кѣмъ? Ахъ, вездѣ есть демагоги! Однакоже остается еще лучъ надежды, но слабый; впрочемъ неспособность начинаетъ распрю, которую впослѣдствіи трудно будетъ окончить.

«Я дошла до отрывка отъ 30-го апрѣля. Домашнія невзгоды удручаютъ его; онъ непричастенъ политической и военной неурядицѣ своей страны! На это истолковательница замѣчаетъ, что благодаря этому двойному бѣдствію, бранденбургскіе пески останутся песками, но при первой войнѣ все остальное улетучится какъ дымъ. Неспособность — хроническая болѣзнь, противъ которой не устояла даже Франція, а знаете ли отчего? Оттого что неспособность заставляетъ дѣлать именно то, чего не слѣдуетъ дѣлать. Не знаю право, отчего это толстый Рене (gros René) все попадается на кончикъ моего пера въ этомъ странномъ письмѣ».

От 3-го мая.

Положеніе Франціи печально; но подъ другими формами и намъ можетъ-быть здѣсь будетъ очень худо. Не то, чтобъ было совершенно невозможно выпутаться изъ лабиринта, въ который мы попали; но съ тѣми работниками, которые на мѣстахъ, нельзя ожидать ничего путнаго. Армія съ боевыми припасами и обозами можетъ къ концу мѣсяца выступить въ походъ; по крайней мѣрѣ она сдѣлаетъ прогулку въ Силезію, и этотъ промежутокъ времени можно бы еще употребить съ пользою. Тяжело видѣть, какъ вокругъ насъ рушится зданіе, за которымъ мы работали; но когда не въ чемъ себя упрекнуть, когда нѣтъ средствъ помѣшать тому, надо покориться.

«Въ выпискѣ отъ 3-го мая говорится, что Франція въ печальномъ положеніи, съ чѣмъ истолковательница согласна. Авторъ прибавляетъ, что и у нихъ тоже плохо, только въ другомъ родѣ. Истолковательница возражаетъ на это, что Франція уже въ судорогахъ, а у нихъ онѣ еще только подготовляются глупостью, но глупость излѣчить труднѣе чѣмъ судороги. Прекратится глупость — исчезнутъ и судороги. Но къ несчастію, дура-

ковъ излѣчиваетъ только могила, лѣкарства отъ глупости еще не найдено. Здравый смыслъ и здравое сужденіе не прививаются какъ оспа. Прогулка по Силезіи ни къ чему не привела. Рейхенбахскій конгрессъ сущій вздоръ. Какіе его результаты? Далеко ли подвинули дѣло мира и чего достигъ конгрессъ въ Систовѣ? и не глупость ли все эго. Я докажу какъ дважды два четыре, что глупѣе этого ничего не могли сдѣлать. Кажется, ясно? Объ остальномъ слишкомъ долго писать, да вамъ это все такъ же хорошо извѣстно, какъ и мнѣ, если не лучше. Авторъ жалуется, что у него нѣтъ голоса въ дѣлахъ. Я очень была бы довольна, еслибъ онъ его имѣлъ, потому что гораздо пріятнѣе вести дѣло съ умными людьми, чѣмъ съ такими у кого ума ни на волосъ».

Отъ 6-го мая.

Мы здѣсь въ неопредѣленномъ положеніи. Еслибъ разсудокъ, здравый смыслъ, здравая политика управляли нами, я сказалъ бы вамъ: мы сохранимъ миръ; но такъ какъ головы у насъ вовсе не удивительнаго устройства, такъ какъ мозгъ не находится въ особенно гибкихъ оболочкахъ, и тяжелый здравый смыслъ, которымъ иногда обладаютъ Нѣмцы, былъ разбавленъ сарматскимъ сокомъ; такъ какъ головы эти запутались въ лабиринтѣ, изъ котораго выпутаться могутъ только съ помощію рукъ, хлопая направо и налѣво, даже по воздуху, все это прекрасное разсужденіе показываетъ мнѣ, что я глупецъ, ибо вовсе не понимаю ихъ высокаго образа дѣйствія. Недѣли черезъ двѣ, говорятъ, вся армія выступитъ въ походъ. Я думаю, что станутъ бросать соломинками жеребій, миръ или война, потому что разумъ очень далекъ ото всего этого. Вы видите, милый другъ, что я вамъ плачу дурачествами за дурачества. Ваши происходятъ отъ разгоряченныхъ умовъ; изъ нашихъ надо вычеркнуть слово *умъ* совершенно.

«Отрывокъ отъ 6-го мая говоритъ о сарматскомъ сокѣ; я полагаю что рѣчь идетъ о сарматскомъ трактатѣ. Истолковательница, слѣдуя мысли автора, давно уже и очень давно совершенно вычеркнула слово *умъ*».

Отъ 17-го мая.

(48-я годовщина перваго сраженія, на которомъ я присутствовалъ).

«Но я разсуждаю о дѣлахъ Франціи, и менѣе всего могу быть орломъ въ своей странѣ. Невозможно произнести о ней сужденія. Чѣмъ болѣе

правильно оно было бы, тѣмъ болѣе вышло бы обманчиво, и такъ какъ основанія, на которыхъ затѣяли воевать, дурны, то изъ этого слѣдуетъ, что все дѣлается легкомысленно. Клянусь вамъ, что въ эту минуту никто не можетъ сказать достовѣрно, будетъ ли война, или миръ сохранится. Я склоняюсь къ послѣднему изъ этихъ мнѣній, вовсе не потому чтобъ это было навѣрно самое мудрое изъ рѣшеній, но по причинѣ, основанной на томъ, что мелкія обстоятельства вліяютъ на крупныя; и вѣрно, что если эти маленькія причины сохранятъ вамъ миръ, Пруссаки должны будутъ воздвигнуть имъ храмъ: потому что безстыдный и тщеславный министръ бросилъ насъ въ кругъ противорѣчій, изъ которыхъ притомъ трудно выпутаться».

«Авторъ говоритъ, что основанія дурны и потому все что дѣлается непрочно. Истолковательница находитъ, что нѣтъ ничего хуже какъ имѣть несчастіе ошибаться въ основаніяхъ. Все отъ этого зависитъ и вотъ тутъ-то можно примѣнить выраженіе: «встать съ лѣвой ноги». Но это недостатокъ разсудка. А когда вычеркнуты и умъ и разсудокъ, что же остается? Маленькія причины, дѣйствующія на большія, относятся, я полагаю, къ нѣкоему дѣльцу́, про котораго можно по справедливости сказать: каковъ хозяинъ, таковъ и слуга. Недавно, подъ предлогомъ немилости, онъ разъѣзжалъ и пробовалъ соединить воду и огонь. Впрочемъ все это на него походитъ.

Отъ 27-го мая.

Здѣсь насъ запутали, и, чтобъ говорить ясно, это знаменитый Герцбергъ, разными безсмысленными для Пруссіи трактатами, завелъ насъ въ лабиринтъ. Ожидаютъ курьера изъ Вѣны 29-го числа. Я думаю, что и по прибытіи этихъ депешъ еще можно будетъ выпутаться кое-какъ изъ бѣды; но вопросъ о продовольствіи заставитъ войска итти въ Силезію, чтобъ тамъ существовать. Наконецъ, еслибъ я могъ говорить объ этомъ дѣлѣ, то открылось бы что истощенная голова, нѣмецкая, вандальская и готическая, можетъ столько же надѣлать зла, сколько и голова легкомысленная. Я никогда терпѣть не могъ этого Герцберга. При жизни покойнаго короля я его держалъ въ тискахъ, но теперь онъ можетъ ускользнуть. Этотъ человѣкъ, тщеславный, надменный, исполненный всѣхъ недостатковъ самыхъ низкихъ, невѣжественный, пишущій какъ свинья, нѣкогда слылъ министромъ патріотомъ; я не былъ въ числѣ тѣхъ, кто

восхвалялъ его; теперь онъ узнанъ, его проклинаютъ и ненавидятъ. Если будетъ война, то не будетъ никакихъ событій въ этомъ году; положеніе Австрійцевъ таково, что имъ никакъ не повредятъ. Вотъ почему война 1778 года была мнѣ столь ненавистна, вотъ что прусскій министръ долженъ бы знать. Руки опускаются, когда я обо всемъ этомъ думаю.

«Отъ 27-го мая — полный панегирикъ великому Герцбергу, который по-мо́ему просто grande misère, а въ бостонской игрѣ, изобрѣтенной Франклиномъ, grande misère означаетъ сборъ самыхъ младшихъ картъ, съ которыми нельзя взять ни одной взятки; слѣдовательно, когда на рукахъ такая игра, то гораздо чаще приходится проиграть нежели выиграть [1]).

Годъ 1791.

От 9-го апрѣля.

Англичане во всемъ виноваты, мы сдѣлались было очень разумны; но какъ сговориться съ союзникомъ столь требовательнымъ и который, какъ левъ, оставляетъ всѣ куски добычи себѣ? Въ моемъ положеніи, и при моемъ нездоровьи, я однако написалъ письмо, которое пройдетъ черезъ множество рукъ, можетъ-быть черезъ руки тысячи двухъ-сотъ королей, такъ какъ и у васъ. Я не знаю какое оно произведетъ дѣйствіе, но я все-таки иду своей дорогой, потому что нахожу большое счастіе въ исполненіи своихъ обязанностей, даже incognito. Я заключаю по всему, или что Ро́ссія вступитъ въ весьма бѣдственную войну, ибо другъ ея король Шведскій не останется нейтральнымъ, а Англичане посылаютъ 60 кораблей, — 40 въ Балтійское море, 20 въ Черное; или она приметъ statu quo: мы во всякомъ случаѣ остались при этомъ въ дуракахъ. Примите привѣтствія и ласки. Не могу писать болѣе.

«Онъ старается свалить всю вину на Англичанъ, а эти все валятъ на Пруссаковъ. Что до короля Шведскаго, то онъ поѣхалъ на воды въ Спа, и если онъ опять что-нибудь затѣетъ, то не ранѣе осени. Англійскіе корабли не придутъ ни въ Черное море, ни въ Балтійское, и количество ихъ не 60, и status quo по-моему конечно всего этого не сто́итъ. Россія, вотъ уже сто лѣтъ, ни въ одной войнѣ ничего не теряла, и ей нельзя предписывать и приказывать какъ ребенку» [2]).

---

[1]) Письма Гримма стр. 373—384. *Сб. И. О.* XXIII, стр. 509—512.

[2]) Стр. 547.

Уже ранѣе этихъ коментаріевъ Екатерина писала отъ 21-го апрѣля 1791 г.

«Въ Лондонѣ народъ пишетъ мѣломъ на домахъ: — *не хотимъ войны съ Россіей.* — Эта черта возобновила мои старыя симпатіи къ англійскому народу. Уже двадцать лѣтъ тому назадъ, когда хотѣли посадить въ башню лорда-мера, этотъ лондонскій народъ кричалъ на улицахъ, чтобъ послали дѣло на разсмотрѣніе Русской Императрицы, что она по всей справедливости разрѣшитъ безконечный процессъ. Но эту давнюю нѣжность я вовсе не распространяю на министерство, какъ вы конечно поймете, потому что оно ее не заслужило».

И далѣе въ іюнѣ: «Я очень рада, что г. Ришельс [1]) прочелъ на лондонскихъ домахъ многозначительную надпись: — *не надо войны съ Россіей.* — Мы увидимъ, будетъ ли послѣ этого г. Питтъ довольно храбръ, чтобъ рискнуть своимъ мѣстомъ, начавъ эту войну» [2]).

От 11-го апрѣля.

Я хотѣлъ бы сообщить вамъ пріятныя извѣстія, но нахожусь въ положеніи, какъ говорится по пословицѣ: Мыть голову осла, значитъ тратить мыло попусту. Англичане, эти столь хваленые островитяне, самые коварные союзники въ Европѣ, самые хищные на преслѣдованіе собственныхъ интересовъ, съ пожертвованіемъ интересами своихъ мнимыхъ союзниковъ, достигли того, что вопреки разуму, вопреки просвѣщенію, котораго нельзя и не было возможно не признавать, вынудили насъ подать имъ руку во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ. Рѣчь идетъ только объ одномъ отвѣтѣ императрицы, который даже не можетъ притти прежде нежели англійскій флотъ вступитъ въ Балтійское море, что́ будетъ въ концѣ этого мѣсяца. Излишне говорить вамъ, какъ это меня огорчаетъ. Если у васъ есть ваши шляпные мастера, ваши Ламеты, Барнавы, у насъ есть свои иллюминаты, свои иллюминаты и еще свои иллюминаты. Всѣ кричатъ, всѣ говорятъ громко; но идолъ деревянный, и всѣ звуки напрасно поражаютъ его слухъ. Но довольно о политикѣ. Я умываю руки въ томъ, что можетъ случиться, имѣя правиломъ, что кто смѣло исполнилъ свой долгъ и

---

[1]) Знаменитый герцогъ Ришельё, впослѣдствіи Одесскій губернаторъ при Александрѣ I.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 508, 547.

высказался свободно и энергически, тотъ можетъ ожидать событій безъ страха и смущенія. По крайней мѣрѣ ваша большая пріятельница узнаетъ, что я былъ противникомъ всего что до сихъ поръ случилось и можетъ еще случиться, и вы видите также сколько у меня хорошихъ и законныхъ причинъ удалиться совсѣмъ изъ мѣстопребыванія, гдѣ я могъ бы прослыть или сотрудникомъ въ низостяхъ и глупостяхъ, или ничтожнымъ человѣкомъ. Но уже довольно объ этомъ печальномъ и гадкомъ предметѣ.

«Онъ очень сердится на Англичанъ; и слава Богу. Не смотря на его предсказаніе, мой отвѣтъ будетъ поданъ до ихъ прибытія въ Балтійское море, куда они и вовсе не придутъ, побьемся объ закладъ. Онъ находитъ предметъ печальнымъ и гадкимъ, и онъ правъ» [1]).

От 17-го апрѣля.

Вся политика находилась въ сильнѣйшемъ кризисѣ. Никто не хотѣлъ допустить, чтобы слѣдовали приказаніямъ г. Питта изъ Лондона. Одинъ человѣкъ все рѣшилъ, и этотъ человѣкъ не король, не принцъ и не Пруссакъ [2]). Руководимые отвратительнымъ Сенъ-Джемскимъ кабинетомъ, послали курьера съ ультиматумомъ въ Петербургъ. Люди честные и просвѣщенные надѣются еще на посредничество Испаніи и Даніи, и послѣднія письма изъ Лондона увѣряютъ, какъ ходитъ слухъ, что хотя Питтъ имѣетъ за себя парламентъ, онъ однако замѣчаетъ неблагопріятное расположеніе въ народѣ, и это можетъ еще привести его къ болѣе мягкимъ мѣрамъ. Добрый Шведскій король становится на сторону Англи-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 547.

[2]) Подъ эти примѣты подходитъ только Бишофсвердеръ, котораго по другимъ причинамъ я считалъ въ совершенно миролюбивомъ расположеніи; но кто можетъ расчесть и подчинить законамъ легкомысленные и извилистые пути иллюмината? По даннымъ мнѣ многократнымъ увѣреніямъ я вынужденъ полагать, что мнимая его немилость и отсутствіе, за нею послѣдовавшее, послужили только завѣсою таинственному путешествію, предпринятому имъ въ Вѣну, чтобъ разведать у императора какими средствами все успокоить насчетъ Турокъ и Поляковъ, сердечныхъ друзей его господина-ученика Прим. Гримма *).

*) Бишофсвердеръ или, правильнѣе, Бишофвердеръ, родившійся въ 1738 г. въ Саксоніи, вступилъ въ 1760 въ прусскую службу и сдѣлался любимцемъ Фридриха Вильгельма II, котораго, будучи самъ иллюминатомъ, вовлекъ въ мистицизмъ. Одно время, до 1794, онъ былъ прусскимъ посланникомъ въ Парижѣ. Ум. въ 1803 г.

чанъ [1]). Поляки будутъ лаять по-своему. Нѣтъ сомнѣнія, что если все это поднимется, императрица будетъ въ большой опасности; но тѣмъ не менѣе вѣрно, что весь этотъ шумъ направленъ только къ тому, чтобы какъ можно болѣе расширить англійскую торговлю въ Левантѣ, въ Польшѣ и въ Россіи. Пруссія теряетъ тутъ во всѣхъ отношеніяхъ. Казна ея тратится безъ выгоды для нея. Уваженіе: но кто станетъ уважать рабовъ Англіи? Войско: но военныхъ безъ повода и причины гоняютъ изъ одного мѣста въ другое и тревожатъ, тогда какъ ни по какимъ человѣческимъ расчетамъ нельзя предвидѣть для нихъ ни славы, ни выгоды. Вотъ, любезный другъ, картина другой несчастной страны, въ которой я живу, тогда какъ ни моя опытность, ни кое какія познанія мои не могутъ принести ни малѣйшей пользы тѣмъ, кто въ нихъ такъ нуждается. Герцбергъ, тотъ который съ самого начала болѣе всего способствовалъ нашимъ политическихъ бѣдствіямъ, сознается теперь въ своихъ ошиб-

---

[1]) Надо замѣтить, что въ трехъ отрывкахъ изъ Рейнсберга многострадальный три раза получаетъ это мрачное увѣреніе и чѣмъ упорнѣе оно повторяется, тѣмъ вѣрнѣе производитъ въ немъ возвратъ всѣхъ страданій, отъ которыхъ верховная благость излѣчила его прошлаго года. Еще увеличиваетъ ихъ его наблюденіе, что британскій министръ внесъ свое воинственное предложеніе въ парламентъ послѣ прибытія къ нему наканунѣ курьера изъ Стокгольма. Тотъ, кто былъ бы расположенъ обвинять бѣднаго многострадальнаго въ слабости и трусости, вѣроятно не станетъ требовать отъ него, чтобъ онъ имѣлъ на томъ разстояніи, на которомъ онъ находится, твердость и спокойствіе «благословенной Матери неустрашимой твердости». Еслибъ онъ имѣлъ счастіе находиться у ногъ ея и подъ диктовку ея обработывать переводъ нѣсколькихъ главъ изъ Плутарха, то развѣ тогда могъ бы надѣяться пріобрѣсти хоть малую долю этой неустрашимости, ибо близость высокихъ свойствъ такъ же заразительна, какъ и сообщеніе съ самыми ужасными болѣзнями; но я удаленъ, предоставленъ самому себѣ и всѣмъ ложнымъ слухамъ, распространяющимся прежде чѣмъ узнаешь правду; желалъ бы я видѣть своихъ цензоровъ на моемъ мѣстѣ во все время компаніи и судить о ихъ состояніи. Я не виноватъ въ томъ, что измѣна и коварство для меня смертельны. Это отравляетъ меня, и такъ какъ я уже при первой измѣнѣ почти положилъ свою жизнь, то конецъ мнѣ, если явится вторая. Ну, Господь воинствъ пусть задушитъ измѣнниковъ и людей съ двойнымъ профилемъ! Г. Эденъ, англійскій министръ въ Дрезденѣ и братъ милорда Окланда, посланника въ Гагѣ, былъ въ Готѣ, чтобъ отвезти герцогу Подвязку, почти черезъ 20 лѣтъ послѣ смерти его отца, который имѣлъ ее, и тогда какъ, сколько мнѣ извѣстно, онъ вовсе не просилъ о томъ. Пишутъ изъ Готы отъ 23 апрѣля, «кто то полагаетъ, что Густава закупятъ 4-мя милліонами экю, чтобъ онъ измѣнилъ своей кузинѣ». Г. Эденъ говоритъ: если Густавъ будетъ твердо стоять за свою кузину, Данія къ нимъ присоединится, чтобъ воспретить входъ въ Балтійское море иностраннымъ эскадрамъ. *Прим. Гримма.*

кахъ и оплакиваетъ ихъ; онъ плачетъ весь день. Ахъ, все это стóитъ національнаго собранія, и мнѣ думается, что я даже предпочелъ бы его тому печальному положенію, въ которомъ нахожусь.

«Его рѣчь болѣе сердита чѣмъ правдоподобна; императрица не подвергается никакому риску: она ни на кого не нападаетъ, а защищаться будетъ по-демонски и statu quo не заслуживаетъ того, чтобъ на нее напали. Безуменъ будетъ тотъ, кто на это рѣшится. Мнѣ очень нравится этотъ Герцбергъ, который плачетъ: ну пусть себѣ плачетъ, а я въ томъ умываю себѣ руки. Онъ показалъ довольно злобы, глупости и грубости; такъ пусть себѣ высморкается, поплакавъ».

От 7-го іюня.

Нашъ термометръ подымается и опускается попеременно. Войска пойдутъ въ Силезію: тамъ будетъ конгрессъ, и вѣроятно, все будетъ улажено. Король Венгерскій долженъ чувствовать справедливыя опасенія: его не хотятъ короновать въ этомъ королевствѣ иначе, какъ подъ условіемъ поставить его въ положеніе, въ какомъ были его предшественники, тому три, четыре столѣтія назадъ. Все это настоящая путаница. Мнѣ какъ-то неловко объ этомъ говорить; можно бы подумать, что я, за то что не приглашенъ на пиръ, усиливаюсь отыскать въ немъ глупости; но я высказываю мнѣніе самыхъ недальновидныхъ: до того осязательно все происходящее. Наконецъ, глупый миръ лучше глупой войны. Я съ нетерпѣніемъ жду рѣшенія событій. Вы видите изъ этого письма, что самолюбіе всегда имѣетъ большую силу надъ человѣкомъ. Я напередъ говорю вамъ о томъ, что меня интересуетъ, но дѣла Франціи столько же меня занимаютъ, и проч.

«7-го іюня говорится о барометрѣ, который то подымается, то опускается, стало-быть онъ на перемѣнной погодѣ. Но Венгерскій король выигралъ время. Венгерцы обѣщаютъ ему 60,000 войска на ихъ иждивеніи, только бы онъ не отказывался отъ своихъ завоеваній. Вотъ Пруссія такъ не дѣлаетъ своему королю подобныхъ блестящихъ и основательныхъ предложеній. Я считаю венгерскую кавалерію при поддержкѣ русской пѣхоты такимъ войскомъ, передъ которымъ искуственно сформированные корпуса не могутъ устоять. Истолкователь нѣкоторымъ образомъ

восторгается Венгерцами и еще болѣе прежняго съ тѣхъ поръ, какъ они сказали своему королю: «Государь, не уступайте ничего, и на этомъ условіи мы вамъ дадимъ все, что будетъ нужно». Имѣя въ рукахъ такую силу, можно ли не захотѣть помѣряться въ борьбѣ съ дерзостью и неразуміемъ? Спрашиваю васъ объ этомъ».

От 21-го іюня.

Всего лучше, любезный другъ, что войны не будетъ, и такъ какъ въ этомъ увѣрены и уже условились съ обѣихъ сторонъ, то это не помѣшало бѣжать въ Силезію со всѣми войсками, чтобъ тамъ устроить конгрессъ. Черезъ два мѣсяца все это воротится. Страна отъ этого не будетъ счастливѣе: дѣла внѣшнія и внутреннія не пойдутъ отъ того лучше. Что тутъ дѣлать? Я менѣе чѣмъ ничего въ этой странѣ слѣпыхъ. По крайней мѣрѣ могли бы они знать, что кривой бѣднякъ, подобный мнѣ, видитъ далѣе чѣмъ они: вотъ маленькое и жалкое тщеславіе, которое невольно обнаружилось у меня.

«Отрывокъ отъ 21-го іюня говоритъ, что побѣжали въ Силезію со всѣми войсками, чтобъ устроить тамъ конгрессъ; безъ сомнѣнія, никогда еще конгрессъ не стоилъ дороже, потому что понадобились милліоны, чтобъ привести все это въ дѣйствіе. Именно оттого, что авторъ видитъ далѣе чѣмъ смутники, его и не употребляютъ, находитъ толкователь. Онъ говоритъ также, что опасается, чтобъ въ его комментаріяхъ не встрѣчалось повтореній, но за то (какъ онъ по крайней мѣрѣ надѣется), въ немъ не отыщется противорѣчій, что́ рѣдко бываетъ въ огромномъ сочиненіи.

Отъ 1-го іюля.

Хотя всѣ наши войска въ настоящую минуту въ Силезіи, можно еще побиться объ закладъ, что будетъ миръ. Онъ почти обезпеченъ съ королемъ Венгерскимъ и можно биться объ закладъ, что онъ заключитъ отдѣльный миръ съ Портой. Императрица ни на что не соглашается, она заключитъ миръ сама. Вотъ, любезный другъ, эссенція политики; она находится въ такомъ великомъ хаосѣ, что невозможно выпутаться изъ этого лабиринта. Результатомъ будутъ громадныя суммы нами потраченныя, изъ которыхъ мы не извлечемъ ни малѣйшей выгоды, кромѣ развѣ

той, что померанскій министръ будетъ кичиться уступками, которыя Венгерскій король сдѣлаетъ Туркамъ, возвративъ имъ или всѣ, или бо́льшую часть своихъ завоеваній. Нѣкто г. Шпильманъ, первый приказчикъ иностранныхъ дѣлъ, находится въ Силезіи, и по всѣмъ признакамъ онъ все окончитъ. Что станется съ Русскими — это ихъ дѣло, мы же будемъ счастливы, если выпутаемся изъ этого сквернаго положенія.

«Въ отрывкѣ отъ 1-го іюля говорится, что императрица Россійская очень несговорчива. Истолкователь говоритъ, что она не потерпитъ, чтобъ ей предписывали законы и что конечно она давно заключила бы миръ, еслибъ смутники сидѣли смирно и не мѣшали Туркамъ быть уступчивѣе и еслибъ они на это не тратили попусту свою казну. Русскіе останутся Русскими, а Герцбергъ все тѣмъ же грубымъ Померанцемъ, который дастъ окраску коварства и двоедушія всѣмъ предпріятіямъ и дѣламъ своего государя. Истолкователь становится неучтивъ, какъ видите: онъ однако вычеркнулъ слово олухъ, которое тутъ было некстати и портило фразу. Но правда глаза колетъ: можетъ-быть, оттого она вообще и не въ ходу на свѣтѣ и не побѣждаетъ вселенной. Но истолкователю можно извинить рѣзкость, такъ какъ онъ защищаетъ истину и справедливость. Конечно, лучше было бы воздерживаться отъ эпитетовъ, но что станешь съ нимъ дѣлать? Онъ говоритъ, что ставитъ такое слово, какое подвернется подъ кончикъ пера. На это я отвѣчаю, что если кто не олухъ, то отъ слова не поглупѣетъ и оно останется на отвѣтственности истолкователя».

От 11-го іюля.

Весьма вѣроятно, что Венгерскій король заключитъ особый миръ съ Турками: звѣзда Пруссіи въ эту минуту выводитъ насъ изъ лабиринта: но при умномъ нашемъ поведеніи и существенныхъ убыткахъ, которые причинитъ намъ это маленькое тщеславіе, можно расчитывать, что если не послѣдуетъ исправленія, нашъ великій Герцбергъ надѣлаетъ глупостей. Я думаю, что императрица также заключитъ свой миръ, но безъ посредничества Герцберга. Вся армія собрана въ Силезіи, единственно для удовлетворенія его тщеславія. Онъ заявилъ о конгрессѣ: но тамъ отыскался только первый приказчикъ конторы князя Кауница. Этого человѣка очень хвалятъ, но не на то расчитывалъ нашъ безумный ми-

нистръ. Императрица никого не посылаетъ, отчего этотъ мнимый конгрессъ выходитъ нѣсколько жалкимъ: ибо министры Англіи и Голландіи, туда поѣхавшіе, ничего не могутъ требовать для своихъ дворовъ.

«Отрывокъ отъ 11-го іюля говоритъ о маленькомъ тщеславіи, а я знаю по этому поводу одну черту, достойную занять мѣсто въ комедіи. Истолкователь говоритъ, что глупости будутъ только расти и совершенствоваться. Любезный дядюшка [1]) не собиралъ дорогихъ армій чтобъ удовлетворять тщеславію своихъ министровъ, и племянникъ принялъ ихъ неизбалованными и смиренными. Мнѣ ужасно нравится приказчикъ г. Кауница передъ великимъ Герцбергомъ. Не такова женщина-императрица, чтобъ согласиться послать туда кого бы то ни было, и вотъ рѣшитель судебъ Европы очутился среди тѣхъ, кого удалось залучить: голландца, приведеннаго за ухо, да англичанина, котораго толкали въ спину».

От 20-го іюля.

Лучшая новость, которую могу сообщить вамъ — это близкое заключеніе мира. Леопольдъ уступаетъ всѣ свои турецкія завоеванія; но онъ не захотѣлъ принять никакихъ другихъ предложеній г. Герцберга, и я поступилъ бы такъ же какъ онъ. Вѣнскій дворъ увѣряетъ, что петербургскій кабинетъ будетъ такъ же умѣренъ. Пошлютъ уполномоченныхъ англійскихъ и прусскихъ въ Бухарестъ или Яссы, и вотъ чѣмъ кончится эта глупая комедія, которая стóитъ намъ громадныхъ суммъ, изъ чего мы не извлечемъ никакой существенной выгоды. Императрица вовсе не переговаривается съ г. Герцбергомъ и компаніей; ея мысли узнáютъ черезъ короля Леопольда.

«Истолкователь говоритъ, что императрица Россійская вовсе не переговаривается съ гг. Герцбергами, потому что она не любитъ грубьяновъ».

Отъ 2-го августа.

Предварительныя условія подписаны. Императоръ Римскій заключитъ отдѣльный миръ съ Турками. Онъ уступаетъ имъ всѣ свои завоеванія за исключеніемъ Орсовы и округа въ шесть миль, который онъ

[1]) Фридрихъ II.

желалъ бы сохранить, если Турки на то согласятся. Если императрица не пойдетъ на миръ, который долженъ быть заключенъ въ Бухарестѣ, Венгерскій король заключитъ свой отдѣльный миръ, вотъ и все. Онъ пошлетъ свободно свои войска во Фландрію, чтобъ отвоевать эти провинціи. И вотъ наши милліоны полетятъ къ чорту, безъ копейки прибыли, тогда какъ всего этого можно было бы достигнуть одними переговорами. Этому гадкому Шведскому королю посчастливилось. Чего же смотритъ Провидѣніе?

«Здѣсь приводятся доказательства, что авторъ не любитъ троихъ изъ племянниковъ своихъ: именно Гю (Вильгельма), Густава и папашу Зельмиры (Брауншвейгскаго)».

От 22-го августа.

Я ничего не говорю вамъ про здѣшнее. По заключеніи мира эта страна представляетъ жалкое зрѣлище. Считаю себя особенно счастливымъ что, будучи вынужденъ въ ней жить, имѣю маленькій уединенный уголокъ, гдѣ могу какъ можно менѣе слышать о нашемъ жалкомъ положеніи.

«Отъ 22-го августа авторъ предвидитъ только невзгоды. Комментаторъ находитъ, что онъ все видитъ въ черномъ, если только этихъ невзгодъ нѣтъ въ дѣйствительности».

Отъ 30-го августа.

Миръ заключенъ, но король Шведскій измѣнилъ обѣщаніямъ, сдѣланнымъ Пруссіи и Англіи, заключивъ отдѣльный миръ съ императрицей. Если онъ маленькій измѣнникъ, признаюсь что здѣсь досталось по дѣло́мъ. Зачѣмъ брать себѣ въ союзники этого жалкаго Шведа и этихъ тщедушныхъ Поляковъ? Баста. Кончаю пожеланіями вамъ здравія.

«Отрывокъ отъ 30-го августа, какъ увѣряетъ болтливый истолкователь, содержитъ въ себѣ сжатую апологію знаменитой диктаторской лиги. Онъ прибавляетъ, что авторъ называетъ однихъ измѣнниками, другихъ жалкими, третьихъ тщедушными, но онъ охуждаетъ эти эпитеты, самъ употребивъ выше выраженіе олухи. Судите же обладаетъ ли этотъ человѣкъ здравымъ смысломъ и сто́итъ ли обращать вниманіе на его противорѣчивыя сужденія?»

От 8-го сентября.

Вы никогда не говорите мнѣ ничего о своей героинѣ; но вы можете сказать мнѣ одно слово: въ черной ли я, или въ бѣлой книгѣ? Я не заслуживаю быть записаннымъ въ первую, но еслибъ и такъ было, надобно покориться. Мнѣ случалось не разъ въ жизни быть заѣденнымъ ядомъ клеветы: но тутъ мнѣ важно узнать это: ибо оно можетъ имѣть вліяніе на мой образъ дѣйствій и опредѣлить его, въ случаѣ еслибъ мы приблизились къ этому горизонту. Я какъ женатый философъ въ отношеніи къ Селіантѣ, и охотно сказалъ бы ей:

«Несмотря на всѣ ваши недостатки, люблю васъ бѣшено».

Я нахожу ея поведеніе во всѣхъ этихъ послѣднихъ дѣлахъ благороднымъ и великимъ. Она сумѣла убѣдить короля Шведскаго заключить съ ней особый миръ. Она одна ведетъ себя превосходно, лишь бы не перешла границъ въ твердости: ибо мудрость требуетъ чтобъ она заключила миръ, отдавъ свои завоеванія Туркамъ, безъ чего не будетъ конца этой политической галиматьѣ.

«Здѣсь задается вопросъ, какъ авторъ записанъ у вашей *героини:* — въ бѣлой книгѣ, или въ черной. Толкователь же увѣряетъ, что ему отчасти извѣстно, кто такая эта *героиня*, и потому можетъ ручаться за ея уваженіе къ автору, такъ какъ нельзя не уважать одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей этого вѣка, единственнаго человѣка въ государствѣ, который остался вѣренъ старымъ началамъ и никогда не поддавался вліянію газетныхъ писакъ. Но миръ я все-таки заключу не иначе какъ на условіяхъ, мною объявленныхъ».

От 10-го октября.

Вамъ извѣстно какія тучи омрачили нашъ горизонтъ. Повѣсть обо всемъ случившемся у насъ въ политикѣ за послѣдніе восемь мѣсяцевъ очень любопытна. Люди, которые никогда не имѣли въ рукахъ важныхъ дѣлъ, думаютъ по своей ограниченности, что ничего нѣтъ легче какъ справиться съ ними; они и поступаютъ въ этомъ смыслѣ и послѣ всѣхъ замѣтятъ, что стали въ тупикъ, выраженіе весьма наглядно передающее мою мысль: еслибъ рѣчь шла объ улицѣ, я сказалъ бы изъ уваженія къ Вольтеру: попали въ безвыходное положеніе.

«По поводу записки отъ 10-го октября толкователь выражаетъ мысль, что и хитрость и наука могутъ стать въ тупикъ: самый

ученый ничего не знаетъ и самый хитрый окажется весьма не хитеръ».

От 17-го октября.

Я никогда не былъ англоманомъ. Я уважаю ихъ конституцію, философовъ, нѣсколькихъ историковъ и замѣчательныхъ умовъ, данныхъ этой націей Европѣ, но это самая высокомѣрная и въ дѣлахъ самая коварная изъ націй. Еслибъ съ ними не зашли такъ далеко, я увѣренъ, что это уже не повторялось бы. Они сильно надоѣли и начинаютъ возбуждать къ себѣ ненависть въ немногихъ просвѣщенныхъ людяхъ, которыхъ мы имѣемъ; глупцы даже ихъ болѣе не любятъ. Все зависитъ отъ Востока. Если миръ будетъ заключенъ, тогда можно еще будетъ получить нѣкоторую надежду на спасеніе Франціи. Шесть мѣсяцевъ, которые мы имѣемъ впереди и въ которые только и можно будетъ вести переговоры, заставляютъ меня надѣяться, что удастся, если не погасить, то по крайней мѣрѣ усыпить на нѣсколько лѣтъ волненія на Сѣверѣ.

«17-го октября сильная выходка противъ Англичанъ; толкователь только что передъ тѣмъ прочелъ рѣчи оппозиціи и потому находитъ, что то, что въ настоящую минуту не нравится однимъ, нравится другимъ, и въ этомъ дѣйствительно онъ правъ, потому что благодаря этому, люди привыкаютъ размышлятъ; а вы должны сознаться, что подобная привычка — вещь крайне необходимая. Итакъ, милостивый государь, толкователъ испрашиваетъ благословеніе Божіе на тѣхъ, кто ораторствуетъ, чтобъ разрушить работу газетныхъ писакъ».

Отъ 8 ноября.

Я возвращаюсь къ черной книгѣ и къ бѣлой, на счетъ которыхъ вы мнѣ не дали отвѣта. Если я нахожусь въ первой, то всегда буду въ правѣ удивляться что умъ, столь возвышающійся надъ общимъ уровнемъ, столь просвѣщенный и любившій предметъ, который онъ полагалъ что знаетъ и долженъ былъ знать, даетъ вѣру злымъ внушеніямъ; это ему не такъ простительно, какъ обыкновеннымъ королямъ, которыхъ природа создала на половину слабоумными, особливо когда умъ ихъ отравляется клеветами противъ достойныхъ людей, которыхъ окружающимъ ихъ выгодно отстранить. Несмотря на то, еслибъ я имѣлъ власть, я не такъ воспользовался бы ею; черная книга не существовала бы и Пруссіи это послужило бы во благо.

«Отрывокъ отъ 8-го ноября говоритъ еще о книгѣ бѣлой или черной, на что толкователь отвѣчаетъ, что онъ уже далъ ясный и категорическій отвѣтъ».

Отъ 19 ноября.

Не забывайте, любезный другъ, Рейнсбергскаго затворника. Хотя я совершенно безполезенъ на свѣтѣ, я не сожалѣю, что не состою депутатомъ въ національномъ собраніи, что я не министръ, заключающій союзы съ Поляками, Шведами и Англичанами, что я не подписалъ Рейхенбахскаго трактата, или того, что Испанія только что подписала, еще менѣе того, который заключилъ король Шведскій. Есть эпохи въ жизни, когда тотъ, кто ничего не значитъ, стóитъ великихъ дѣльцовъ.

«19-го ноября авторъ былъ весьма скроменъ, какъ говоритъ толкователь, потому что радуется, что онъ не въ числѣ плохихъ дѣятелей, такъ какъ великіе дѣятели оказываются въ сущности только жалкими дѣльцами и ихъ дѣянія весьма ничтожны».

Отъ 15 декабря.

Я увѣренъ, любезный другъ, что вы будете имѣть ко мнѣ состраданіе, и что вы найдете средство сказать вашей почтенной героинѣ, что я ровно ничего не значу въ этой странѣ, что мое сужденіе считается нулемъ, что не стараются даже узнать его, хотя я его ни отъ кого не скрываю. Начиная съ голландскихъ дѣлъ въ 1786 г. и включая въ нихъ все что дѣлалось въ политикѣ до сего дня, видны одни предпріятія по большей части противорѣчащія другъ другу, и весьма невыгодныя для страны. Я всегда былъ того мнѣнія, и остаюсь при немъ, что необходимо, для счастія этой страны, какъ и для счастія той, которая въ двадцать разъ болѣе нашей, быть въ доброй дружбѣ между собой, и хотя бы интересы той или другой требовали отступленія отъ правила, все-таки надо бы стараться поддерживать согласіе, и, сколько возможно, соглашать эти интересы. Таково было мое ученіе, и оно не измѣнилось. Я не англоманъ и NB не получаю гиней. Я люблю принцессу Оранскую, но я не сторонникъ штатгальтеріанизма. Я желалъ бы счастья Фламандцамъ и чтобъ бѣдные Люттихцы могли существовать безъ управленія своего несноснаго епископа; но я покинулъ бы Поляковъ, и не входилъ бы съ людьми столь вѣроломными ни въ какія сдѣлки. Я воздержался бы ото всѣхъ частныхъ видовъ и ото всѣхъ поползновеній къ маленькимъ пріобрѣтеніямъ, которыя раздражаютъ умы, не принося никакой важ-

ной выгоды; но еслибъ я направлялъ свои виды на что-либо, я составилъ бы планъ обширный и великій, котораго исполненіе послужило бы къ утвержденію постояннаго мира. Вотъ моя политическая исповѣдь, и въ качествѣ человѣка, который можетъ воскликнуть съ Пирономъ: «я ничто, даже не академикъ», я не боюсь высказать ее, хотя бы она сдѣлалась извѣстна цѣлой Европѣ.

«По поводу 15-го декабря коментаторъ восклицаетъ: честное слово, мнѣ досадно, что авторъ считаетъ себя нулемъ въ своей странѣ; это доказываетъ, что не умѣютъ распознавать достоинство. Онъ любитъ свою племянницу, но эта особа извѣстная фурія, самая неумолимая изо всѣхъ фурій, когда-либо бывавшихъ на свѣтѣ. Я никогда не дѣлала ей ни малѣйшаго зла, не знаю, почему она вообразила, что я стану вредить ей, хотя я никогда не вмѣшивалась въ ея дѣла, а съ тѣхъ поръ она натравливаетъ на меня своего брата и даже Англичанъ и Голландцевъ. Она и папаша Зельмиры злятся на меня такъ, что я и разсказать не могу. Толкователь прибавляетъ, что планъ вѣчнаго мира прекрасная мечта, способная отуманить еще не одну посредственную голову. Но кто же, будучи хозяиномъ у себя и имѣя собственную шапку, допуститъ, чтобъ ему воткнули голову въ шапку, уже покрывающую нѣсколько головъ, которыя стукаются и вѣчно будутъ стукаться одна о другую. Толкователь увѣряетъ, что онъ помнитъ то время, когда его королевское высочество былъ завзятымъ экономистомъ, а потомъ оказывалъ большое довѣріе графу Мирабо. Наконецъ толкователь говоритъ, что всѣ его теоріи отвлеченны и несогласны съ естественнымъ ходомъ вещей, гдѣ всѣ дѣла и стремленія человѣческія совершаются такъ просто и вмѣстѣ величественно; слѣдовательно это пустыя мечтанія».

От 28-го декабря.

Вы знаете, что Англичане грозятъ Россіи. Никто не встрѣтитъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ чѣмъ я возстановленіе мира. Что вы объ этомъ думаете? Эта страна усѣяна макомъ. Дѣла, которыя здѣсь творятся на яву, такъ пошлы, что зрители засыпаютъ.

«Истолкователь говоритъ: «Боюсь Бога, любезный Абнеръ, и нѣтъ у меня иного страха». Англичане напрасно грозятъ намъ: они не испугаютъ меня: мы ихъ примемъ прилично, да и что они намъ могутъ сдѣлать? Развѣ, будутъ забирать собственные корабли и корабли своихъ союзниковъ, или пожалуй захватятъ нейтральные? Наши же суда не вознаградятъ ихъ за издержки вооруженія. Вотъ тутъ можно бы сказать съ Вольтеромъ: «Какимъ безумнымъ тиранамъ вручилъ Ты вселенную»! Эта угроза Англичанъ — новая глупость съ ихъ стороны, вотъ и все».

Годъ 1792.

От 10-го января.

Дѣла Сѣвера безпокоятъ меня болѣе чѣмъ когда-либо. Они не были бы въ этомъ положеніи, еслибъ, четыре или пять лѣтъ тому назадъ, я могъ заставить дѣйствоватъ, какъ считалъ то полезнымъ. Опытъ доказываетъ мнѣ, что я не ошибся ни въ одномъ изъ своихъ расчетовъ.

«Отрывокъ отъ 10-го января 1792 г., по мнѣнію истолкователя, нѣсколько мраченъ и доказываетъ, какъ и все остальное, что съ авторомъ не совѣтуются, о чемъ онъ сожалѣетъ, такъ какъ, что ни говори, а онъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ».

Отъ 24-го января.

Политика кажется мнѣ такъ же хорошо организованною, какъ ваше національное собраніе. Великій вопросъ, быть ли миру или войнѣ, будетъ рѣшенъ Англичанами и Русской Императрицей. Позади всего этого стоятъ нѣмыя лица, которыя играютъ роль пошлую; по крайней мѣрѣ вѣрно, что играя въ чужую игру, они ничего при этомъ не выиграютъ. Я провелъ зиму здѣсь. Къ счастію, можно ясно видѣть, что я не замѣшанъ ни въ малѣйшемъ дѣлѣ, и этимъ ограничивается мое честолюбіе.

«Отъ 24-го января говорятъ о нѣмыхъ лицахъ, которыя играютъ роль пошлую. Толкователь говоритъ, что ничтожество всегда пошло, когда оно желаетъ играть роль».

Отъ 31-го января.

Расчитываютъ сильно на миръ между Россіей и Портой, и, несмотря на весь шумъ, производимый господами Англичанами, надо полагать, что

если Императрица удовольствуется Очаковомъ и возвратитъ свои остальныя завоеванія, миръ будетъ заключенъ. Это—благо, но которое будетъ непродолжительно; ибо есть люди думающіе, что надо все запутать и что въ этомъ вѣрнѣйшее средство быть причислену къ великимъ людямъ.

«Этотъ отрывокъ есть великолѣпная оцѣнка политики великаго Герцберга, который въ потомствѣ заслужитъ репутацію грубаго смутника, вотъ и все».

От 23-го февраля.

Но я не буду говорить съ вами, любезный другъ, о томъ, что происходитъ у васъ на глазахъ; я передамъ вамъ зато откровенно мое мнѣніе о дѣлахъ Сѣвера. Я прежде всего преклоняюсь передъ благороднымъ и мудрымъ образомъ дѣйствій Императрицы. Пожертвовать своимъ мщеніемъ, заключить миръ съ этимъ Шведскимъ королемъ, который такъ заслуживалъ быть поколоченнымъ, это такое внезапное рѣшеніе, которое можетъ возникнуть только въ душѣ великой и сильной. Я признаюсь еще, что ея твердость, по отношенію къ вынужденному миру, носитъ тотъ же характеръ, заслуживающій всякаго удивленія; но такъ какъ она пожертвовала своимъ мщеніемъ, заключивъ миръ съ Швеціей, она взвѣситъ въ своей мудрости, должна ли она продолжать войну съ опасностію, что англійскій флотъ надѣлаетъ шуму въ Балтійскомъ морѣ. Чтобъ судить о томъ, чего требуетъ разсудокъ, я бы долженъ былъ знать въ точности положеніе ея морскихъ силъ, и сознаюсь, не думаю, чтобъ онѣ могли устоять передъ Англичанами. Эти послѣдніе шумятъ, но я полагаю, что если Турки уступятъ Очаковъ, и Императрица, какъ она увѣряетъ, удовольствуется этимъ, то миръ закончитъ всю эту распрю. Я ни слова не говорю о Пруссіи, я слишкомъ много могъ бы о ней сказать; но вѣрно что тотъ, кто всю жизнь будетъ закрытъ облакомъ, весьма невиненъ, хотя и даетъ увлечь себя толпѣ окружающихъ его интригановъ. Я все это оплакиваю, но нахожусь въ невозможности помочь и запираюсь со своими книгами и гуляю въ своихъ лѣсахъ.

«Отрывокъ отъ 23-го февраля такъ объясняется: хотѣлось бы поручить дядюшкѣ высѣчь кое-кого изъ его племянниковъ, кого онъ захочетъ, чтобъ и другіе знали, что за дурачества и двоедушіе бьютъ, а за благородство и честность хвалятъ и современники и потомство; но не надо, чтобъ удары падали на *невинныхъ;* этотъ *невинный* простачекъ, увлеченный толпою

интригановъ его окружающихъ, заслуживаетъ состраданія. И въ самомъ дѣлѣ, я о немъ *жалѣю*, хотя надѣюсь никогда не внушать ему того же чувства».

Изъ Берлина, отъ 10-го марта.

Съ недѣлю, какъ судьба моя привела меня сюда и меня все занимало желаніе отвѣчать на письмо ваше отъ 14-го числа прошедшаго мѣсяца; но въ жизнь свою я не былъ такъ взысканъ вниманіемъ столькихъ людей: частные, весьма продолжительные разговоры, нѣсколько разъ даже съ тѣмъ кто выдаетъ себя за главу королевства. Не знаю принесуть ли пользу мои рѣчи; по крайней мѣрѣ я не могу упрекнуть себя въ томъ, чтобъ скрывалъ свои мысли, и я надѣюсь, что если не послѣдуетъ изъ этого всей ожидаемой мною пользы, то я по крайней мѣрѣ достигъ того, что величайшее зло, насъ тяготившее будетъ устранено. Я завтра возвращаюсь въ свое уединеніе. Благодарю за то Небо. Всякій знаетъ, что это невыносимо и что въ концѣ концовъ я потеряю весь результатъ моихъ трудовъ. Все, что я могъ сдѣлать—я сдѣлалъ, то есть далъ сильный толчокъ.

«Въ отрывкѣ отъ 10-го марта говорится о такъ называемой главѣ; вотъ такъ прелестно! Да вѣдь это все равно что нуль, замѣчаетъ толкователь и прибавляетъ: никакая разумная рѣчь не проникнетъ въ эту безформенную мозговую массу. Авторъ самъ потерялъ всякую надежду. Это просто баранья голова.....

«Я перечитала всѣ семь предыдущихъ листовъ, которые уже исписаны. Еслибъ я постаралась составить изъ нихъ письмо, то оно было бы недурно. Матеріала довольно, да мнѣ недосугъ».

Изъ Рейнсберга, отъ 14-го марта.

Вотъ я возвратился къ своимъ Пенатамъ и вышелъ изъ смутъ, которыми былъ окруженъ. Послѣднее письмо мое должно было доказать вамъ, что въ какомъ бы положеніи я ни находился, я не могу забыть своихъ друзей. А вы, другъ мой, чье здоровье меня такъ интересуетъ, что сказали вы, получивъ мое послѣднее письмо? Боюсь, не подумали ли вы, что я потерялъ голову. Нѣтъ, никакъ я не потерялъ ее, но она была постоянно занята великими интересами. Послѣ того вы можетъ быть подумаете, что торжество мое полное. Это было бы такъ, еслибъ требовалось только довольствоваться маленькой славой; но такъ какъ я

слишкомъ увѣренъ, что однѣхъ рѣчей недостаточно, я сильно боюсь, что дѣла наши не пойдутъ оттого лучше. По крайней мѣрѣ я имѣлъ одинъ успѣхъ: вынудилъ сознаніе, что еслибъ приняли во внѣшнихъ дѣлахъ по смерти покойнаго короля тѣ мѣры, на которыя я указывалъ, то лучше бы сдѣлали, и мы не очутились бы въ лабиринтѣ, гдѣ, какой бы оборотъ ни приняли дѣла, плоды достанутся другимъ, а непріятности намъ. Надѣюсь что великая буря утихнетъ. Это много будетъ зависѣть отъ Императрицы. Если ею будетъ руководить умѣренность ея и мудрость, то она выйдетъ съ почетомъ изо всѣхъ этихъ затрудненій. Наконецъ, еслибъ я производилъ всю эту работу, я бы могъ лучше сдѣлать; но такъ какъ она поручена другимъ и я только по своей дерзости вмѣшался во все это, то не могу отвѣчать за тѣхъ, кто не имѣетъ двухъ связныхъ мыслей въ головѣ, и пишетъ депеши въ смыслѣ противоположномъ тому, какой хотятъ дать имъ. Я уношу только одно утѣшеніе: это—сознаніе исполненнаго долга. Я не могъ сдѣлать болѣе, и когда задача моя была осуществлена, я былъ вполнѣ счастливъ, возвратившись въ свое уединеніе.

«Толкователь говоритъ: отъ него бы зависѣло доказать, что нѣтъ ничего достовѣрнѣе какъ депеши, присылаемыя въ противоположномъ смыслѣ. Въ иныхъ государь говоритъ:—не исполняйте приказаній своихъ начальниковъ, потому что я не раздѣляю ихъ мнѣній, а начальники [1]) говорятъ: не обращайте вниманія на его слова; онъ думаетъ обо многомъ не такъ, какъ бы слѣдовало. Дѣлайте свое дѣло.—Затѣмъ приходитъ приказаніе остановиться. Представьте себѣ, каково положеніе подчиненныхъ, получающихъ подобныя предписанія и имѣющихъ въ свою очередь подчиненныхъ, которые сносятся частными путями со своими товарищами. Конецъ комментарія».

Гриммъ заключаетъ присланныя выписки такъ: «Вотъ несокрушимый памятникъ безпредѣльнаго довѣрія, которое многострадальный питаетъ къ своей августѣйшей монархинѣ, какъ и велитъ ему долгъ его: ибо довѣренность, какъ вѣра, не дается и не получается по хотѣнію; надо чтобъ она была внушена. И въ то время, какъ я въ отношеніи къ безсмертной не ограничиваю это довѣріе собственными мыслями, которыя, какъ и все мое су-

---

1) Т. е. Министерство иностранныхъ дѣлъ.

щество принадлежатъ ей, въ то время какъ я сообщаю ей самыя задушевныя мысли Рейнсбергскаго пустынника, не выбрасывая изъ нихъ ни одного слова, этотъ пустынникъ еще никогда не удостоился видѣть ни одной строчки изъ того чѣмъ я обладаю, благодаря щедротамъ безсмертной. Все остальное въ перепискѣ касается дѣлъ Франціи, въ которыхъ онъ всегда принималъ живое участіе, такъ же какъ и въ судьбѣ множества лицъ, съ которыми два путешествія въ эту страну познакомили его. Двѣ послѣднія выписки, очень недавняго времени, всего замѣчательнѣе и давали бы право ожидать перемѣны не только въ мѣрахъ, но и въ дѣйствующихъ лицахъ Берлинскаго кабинета. Но слишкомъ извѣстно, что одинъ разумъ, какіе-бы онъ толчки ни давалъ, производитъ только минутныя впечатлѣнія на косность и слабость. Характеры нерѣшительные, недѣятельные и слабые, обыкновенно бываютъ игрушкою интригановъ ихъ окружающихъ; интрига можетъ быть уничтожена только другой интригой, а результатъ всей этой темной борьбы въ концѣ концовъ есть посрамленіе, потери и полное разрушеніе. Итакъ я ничего не ожидаю отъ отчаяннаго усилія Рейнсбергскаго пустынника, какъ бы энергично оно ни было, и не очень удивлюсь, если на другой день послѣ его отъѣзда всѣ интриганы, обыкновенно разрозненные интересами и видами, соединятся, чтобъ изгладить на мягкомъ воскѣ самый слѣдъ полученнаго имъ впечатлѣнія» [1]).

Императрица отвѣчаетъ на это: «Затѣмъ благодарю васъ за все что вы пишете о своемъ довѣріи ко мнѣ; я очень тронута, и видите какъ отвѣчаю вамъ».

25-го апрѣля 1791 г. «Слава Богу, мы еще до сихъ поръ не видимъ въ Лифляндіи послѣдствій благодѣтельной заботливости короля королей, великаго и великодушнаго Герцберга [2]). Но онъ опять подстрекаетъ Шведскаго короля, и меня нисколько не удивило бы еслибъ этотъ послѣдній напалъ на меня, потому что онъ всегда готовъ *получить* съ того кто больше *дастъ*, а разумѣется,

¹) Письма Гримма, стр. 385—404. *Сб. И. О.* XXIII, 512—516.

²) Намёкъ на интриги Герцберга въ Остзейскихъ провинціяхъ.

что трое дадутъ больше чѣмъ можетъ дать одинъ. Если же онъ попробуетъ прійти опять, то я выпущу на него стрѣлу, которая всегда попадаетъ въ цѣль — графа Суворова Рымникскаго. Посмотримъ не укоротитъ ли онъ можетъ-быть и безъ того уже кургузое платье его величества короля Шведскаго»? [1]).

Портреты шести внучковъ. Потемкинскій праздникъ. Сказка о Нарышкинѣ. Коцебу. Сегюръ.

Отдохнувъ отъ тревогъ войны, происходившей, можно сказать, у самыхъ воротъ столицы, императрица Екатерина въ сентябрѣ 1790 года посылаетъ Гримму гравюры съ портретами шести своихъ внучатъ съ слѣдующею чрезвычайно картинною характеристикой каждаго изъ нихъ: «Вотъ вамъ, г. многострадальный, двѣ гравюры съ шестью ребятами. Эта мелюзга растетъ не по днямъ, а по часамъ. Г. Александръ тѣлесно, сердечно и умственно представляетъ рѣдкій образецъ красоты, доброты и смышлености. Онъ живъ и основателенъ, скоръ и разсудителенъ, мысль его глубока, и онъ съ необыкновенной ловкостью дѣлаетъ всякое дѣло, какъ будто всю жизнь имъ занимался. Онъ великъ и силенъ для своихъ лѣтъ и притомъ гибокъ и легокъ. Однимъ словомъ, этотъ ребенокъ соединяетъ въ себѣ множество противоположностей, и потому чрезвычайно любимъ окружающими. Ровесники его легко соглашаются съ его мнѣніями и охотно слѣдуютъ за нимъ. Предвижу для него одну опасность — это женщины, потому что за нимъ будутъ гоняться и нельзя ожидать, чтобъ оно было иначе, такъ какъ у него наружность, которая все расшевеливаетъ. Впрочемъ онъ не знаетъ, до чего онъ хорошъ, и до сихъ поръ не придаетъ большой цѣны своей красотѣ. Вы конечно понимаете, что мы и не стараемся сдѣлать изъ

---

[1]) Всѣ же коментаріи Екатерины на выписки изъ писемъ принца Генриха занимаютъ въ *Сб. И. О.* XXIII, страницы отъ 509 до 516 также стр. 547 и 548. Самыя же выписки Гримма находятся въ письмахъ его отъ стр. 373 до 404.

него фата. Кромѣ того, онъ имѣетъ много познанiй для своего возраста: онъ говоритъ на четырехъ языкахъ, хорошо знакóмъ съ исторiей всѣхъ странъ, любитъ чтенiе и никогда не бываетъ безъ дѣла. Онъ охотно предается всѣмъ удовольствiямъ своего возраста. Если я съ нимъ заговорю о чемъ-нибудь дѣльномъ, онъ весь вниманiе, слушаетъ и отвѣчаетъ съ одинакимъ удовольствiемъ. Если я играю съ нимъ въ жмурки, онъ предается игрѣ отъ души. Всѣ имъ довольны и я также. Воспитатель его г. Лагарпъ находитъ, что онъ — личность замѣчательная. Теперь они сидятъ надъ математикой, которая ему такъ же легко дается, какъ и все остальное. Однимъ словомъ, представляю вамъ г. Александра, какъ лицо, которое можно отличить между ему подобными, потому что если этотъ не будетъ имѣть успѣха, то я не знаю, кто послѣ того можетъ расчитывать на успѣхъ. Замѣтьте еще, что когда Александръ боленъ, или ему слегка нездоровится, или онъ утомленъ, чтó не часто случается, а также когда день его приходитъ къ концу, то онъ окружаетъ себя изящными искуствами: онъ развлекается гравюрами, эстампами, рѣзными камнями.

«Второе мѣсто на эстампѣ занимаетъ Константинъ; живость его иногда переходитъ въ бурливость, но сердце у него доброе и онъ очень уменъ. Этотъ господинъ характера порывистаго: въ немъ нѣтъ той послѣдовательности, какою отличается старшiй братъ, но онъ заставитъ о себѣ говорить. Онъ тоже владѣетъ четырьмя языками, но вмѣсто англiйскаго, на которомъ говоритъ старшiй, — онъ изучилъ всѣ дiалекты греческаго. Разъ онъ говоритъ брату: «Что это за дрянные французскiе переводы вы читаете, братецъ? Я такъ читаю все въ подлинникахъ. И увидя у меня въ комнатѣ Плутарха, онъ сдѣлалъ замѣчанiе: «вотъ такое-то и такое-то мѣсто очень дурно переведено; я переведу его лучше и принесу вамъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ принесъ мнѣ нѣсколько отрывковъ, которые перевелъ по-своему и подписалъ внизу: переведено Константиномъ. Я чрезвычайно люблю бесѣдовать съ Константиномъ. Онъ очень воинственъ отъ

природы и чуствуетъ влеченіе къ морскому дѣлу. Въ началѣ этой войны случилось, что на Черномъ морѣ капитанъ, по имени Сакенъ, увидѣвъ что онъ окруженъ Турками, взорвалъ свой корабль. Этотъ Сакенъ сдѣлался его героемъ и во многихъ случаяхъ я видѣлъ, что геройскіе подвиги внушаютъ намъ необыкновенное желаніе подражать имъ, и тогда онъ приходитъ въ восторженное состояніе. Однимъ словомъ, этотъ юноша — забавная личность.

«Третій портретъ на эстампѣ — дѣвица Александра. До шести лѣтъ она нисколько не казалась интересною: но она необыкновенно развернулась въ послѣдніе полтора года: она не только стала очень хорошенькою, но пріобрѣла осанку и ростъ выше своего возраста. Она говоритъ на четырехъ языкахъ, пишетъ и рисуетъ весьма красиво, играетъ на фортепіано, поетъ, танцуетъ, учится безъ труда, выказываетъ необыкновенную кротость характера. Меня любитъ она, не прогнѣвайтесь, болѣе всего на свѣтѣ, и чтобъ мнѣ понравиться и хоть на минуту привлечь мое вниманіе, кажется, готова бы броситься въ огонь.

«Четвертая головка принадлежитъ Еленѣ. Мнѣ кажется, она будетъ красавицей въ полномъ смыслѣ: всѣ черты лица ея отличаются рѣдкою правильностью. Она стройна, легка, движенія ея ловки, и все въ ней исполнено граціи. Характеръ у нея живой и вѣтреный, но сердце доброе. За веселость свою она очень любима братьями и сестрами: вотъ все что я могу сказать о ней.

«Пятая головка — Марія. Вотъ этой надо было родиться мальчикомъ: привитая ей оспа совсѣмъ ее обезобразила. Всѣ черты лица ея погрубѣли. Это настоящій драгунъ: ничего она не боится, всѣ ея наклонности и игры мужскія; не знаю, что изъ нея выйдетъ. Любимая ея поза — упереться обоими кулаками въ бока, и такъ она расхаживаетъ [1]).

---

[1]) Въ другой разъ, по поводу привитія оспы дѣтямъ г-жи Бельзэнсъ, государыня говоритъ: «Прививанье оспы ужасно портитъ тѣхъ дѣтей, которые отъ натуральной оспы могли бы умереть; третья внучка моя неузнаваема: она была хороша какъ ангелъ до прививанья; теперь всѣ ея черты погрубѣли и въ эту минуту она далеко не хороша».

«Шестая (Екатерина) такъ мала, что о ней еще не стóитъ говорить: ей всего только два года. Она, какъ кажется, очень отстала отъ того, чѣмъ были ея братья и сестры въ ея лѣта. Это — толстенькое, бѣленькое дитя съ хорошенькими глазками, которое садится въ уголокъ, окруживъ себя игрушками, и болтаетъ безъ умолку, но не говоритъ ни одного слова сколько-нибудь замѣчательнаго.

«Кромѣ этого эстампа посылаю вамъ въ подарокъ работу г. Жаркаго: портретъ въ мѣховой шапкѣ, видѣнный вами у г. Сегюра. Ну что же вамъ еще надо? Вы найдете съ гравюрою ребятишекъ еще голову въ каскѣ, которую великая княгиня сама вздумала награвировать на крѣпкомъ камнѣ. Вотъ еще пріобрѣтеніе для вашего музея» [1]).

Мы уже сказали, что послѣ славныхъ побѣдъ адмирала Ушакова надъ Турками на Черномъ морѣ, князь Потемкинъ Таврическій, въ концѣ февраля 1791 года, прибылъ въ Петербургъ, а въ апрѣлѣ онъ давалъ въ Таврическомъ дворцѣ свой знаменитый праздникъ, который императрица такъ описываетъ:

«Да будетъ вамъ извѣстно, многострадальный, что князь Потемкинъ Таврическій далъ намъ вчера великолѣпный праздникъ, на которомъ я пробыла отъ семи часовъ вечера до двухъ часовъ утра. Разстояніе между моимъ домомъ и его, который прилегаетъ къ казармамъ конной гвардіи, будетъ версты четыре. Но, привыкнувъ вставать въ шесть часовъ, я все-таки встала въ свой обычный часъ, и теперь пишу вамъ, чтобъ отдѣлаться отъ легкой головной боли, которую чувствую. Этотъ праздникъ къ моему прибытію долженъ былъ начаться народнымъ угощеніемъ, отъ котораго я застала уже одни остатки, такъ какъ народъ въ минуту все растащилъ. *Почтенная публика* долго дожидалась этого угощенія подъ дождемъ, который лилъ съ двѣнадцати часовъ безъ перерыву, и потому съ поспѣшностью все расхватала. Затѣмъ вѣроятно всѣ тѣ, кому удалось чѣмъ-нибудь завладѣть,

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 497, 498 и 499.

отправились домой насладиться плодами своихъ трудовъ. Публика же, приглашенная по билетамъ во дворецъ князя, пройдя черезъ великолѣпныя сѣни и аванзалу, направилась въ другую громадную залу, которая, говорятъ, по размѣрамъ и постройкѣ уступитъ развѣ только Св. Петру въ Римѣ. Въ этой залѣ двойной рядъ колоннъ, а за колоннами обширный зимній садъ, украшенный статуями и вазами которыя по огромности цѣлаго кажутся очень маленькими.

«По этому вы можете судить о размѣрахъ залы. Я набросала вамъ рисунокъ [1]): представьте же себѣ все это, если можете. Большая зала длиною, я думаю, сажень въ 35. Она построена изъ кирпича, но архитектура ея изящна и величественна. Только что я вошла въ залу № 3, князь повелъ меня къ рядамъ стульевъ около мѣста, означеннаго буквою g. Я усѣлась посреди той публики, которая была безъ шапокъ и не мокла подъ дождемъ, и мы увидѣли, какъ изъ сада, въ мѣстахъ означенныхъ -+- -+-, стали выходить двѣ кадрили: розовая и небесно-голубая. Въ первой находился г. Александръ, во второй синьйоръ Константинъ. Каждая кадриль состояла изъ двадцати человѣкъ. Это была самая красивая петербургская молодежь обоего пола, и все это было съ головы до ногъ залито брильянтами. Тутъ были соединены, кажется, всѣ драгоцѣнные камни цѣлаго города и его предмѣстій. Эти двѣ кадрили превосходно выполнили свои разнородные танцы и невозможно придумать ничего прекраснѣе, разнообразнѣе и великолѣпнѣе того, что онѣ исполняли. Это продолжалось около трехъ четвертей часа, послѣ чего хозяинъ повелъ меня и все общество въ театръ, гдѣ была представлена комедія. По окончаніи ея мы возвратились въ залу, гдѣ начался балъ, среди котораго, вмѣсто контрданса, наша молодежь вздумала повторить появленіе двухъ кадрилей, отъ чего присутствующіе буквально пришли въ восторгъ. Когда это окончилось я

---

[1]) Въ подлинномъ письмѣ рисунокъ залы начерченъ рукою Екатерины краснымъ карандашемъ съ цифрами и объясненіями.

пошла отдохнуть во внутреннія, столь же великолѣпныя комнаты этого волшебнаго за́мка. Около двѣнадцати часовъ доложили, что ужинъ готовъ въ театральной залѣ: обѣ кадрили ужинали на сценѣ. Всѣ кавалеры этихъ двухъ кадрилей были одѣты испанцами, всѣ дамы гречанками. Другіе столы помѣщались въ амфитеатрѣ. Зрѣлище было чудное. По окончаніи ужина въ аванзалѣ былъ вокальный и инструментальный концертъ, послѣ котораго я уѣхала въ два часа по полуночи. Вотъ, милостивый государь, какъ въ Петербургѣ проводятъ время, несмотря на военный шумъ и угрозы диктаторовъ.

«Г. Александръ совершенно покорилъ сердце князя Потемкина, который называлъ его царемъ души своей, находя что съ красотою Аполлона онъ соединяетъ умъ и большую скромность. Этотъ юноша разуменъ, необыкновенно вѣжливъ и обходителенъ и имѣетъ много познаній: однимъ словомъ, еслибъ на его мѣсто выбирать изъ тысячи, трудно бы найти подобнаго, а ужъ лучшаго никакъ не отыскать. Нынѣшней зимою г. Александръ овладѣлъ сердцами всѣхъ, кто только приближался къ нему, и я не поручусь, чтобъ онъ не внушилъ нѣкоторымъ особамъ своего возраста чувствъ болѣе нѣжныхъ, чѣмъ простое расположеніе. Обыкновенно въ его лѣта мальчики бываютъ несносны, а ему четырнадцать лѣтъ, и онъ все такъ же милъ. Я намедни сказала ему, что онъ не очень красивъ собою; онъ на это очень скромно улыбнулся, а я поспѣшила прибавить, что никто самъ себѣ не даетъ наружность и потому нечего на нее обращать много вниманія. Я уже взяла съ нимъ такую методу, что когда невозможно удержаться чтобъ не похвалить его, я принимаюсь изо всѣхъ силъ хвалить его платья. Я такъ поступила въ день моего рожденья: шалунъ былъ тогда очарователенъ»[1]).

Вслѣдъ за описаніемъ Потемкинскаго праздника, императрица обѣщаетъ Гримму прислать ему описаніе путешествія сухимъ путемъ и моремъ оберъ-шталмейстера Льва Нарышкина,

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 517—520.

какъ скоро оно отыщется, и присоединяетъ его къ письму отъ 9-го мая (1791). Извѣстно, что ея отношенія къ этому вельможѣ были самыя дружественныя (она часто ѣздила на его дачи, онъ составлялъ ея вечернюю партію), хотя по характеристикѣ его въ разныхъ мѣстахъ переписки видно, что при своемъ шутовствѣ онъ не могъ похвалиться и познаніями, надъ чѣмъ Екатерина въ веселыя минуты любила посмѣяться, называя его невѣждой по ремеслу. Особенно забавляли ее политическія сужденія Нарышкина: «Вы непремѣнно должны знать, говоритъ она, что я до страсти люблю заставлять оберъ-шталмейстера говорить о политикѣ, и нѣтъ для меня бо́льшаго удовольствія, какъ давать ему устраивать по-своему Европу» [1].

Въ шуточномъ описаніи путешествія по каналамъ и въ Москву, приведенномъ выше (см. стр. 265), Нарышкинъ, по обвиненію иностранными посланниками въ колдовствѣ, привлекается къ допросу, и здѣсь является самая забавная и живая характеристика этого вельможи [2]). Теперь же рѣчь идетъ о сочиненной императрицею шуточной поэмѣ *Леоніана*, въ которой сначала разсказывается дѣтство и воспитаніе Льва Нарышкина, а затѣмъ его путешествіе сухимъ путемъ и моремъ, съ разными комическими приключеніями и эпизодами, приведшими его въ руки алжирскихъ корсаровъ, откуда жена выкупаетъ его за большую сумму. Текстъ этого путешествія не былъ однакожъ написанъ; оно состояло только изъ наименованія главъ, въ которыхъ значатся всѣ приключенія путешественника [3]).

Еще одно имя часто встрѣчается въ письмахъ ея за эту эпоху: имя Коцебу, о которомъ Гриммъ ходатайствуетъ, чтобъ ему продленъ былъ заграничный отпускъ, и прибавляетъ, что

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 391.

[2]) Стр. 698, 699.

[3]) Различные списки съ этого оглавленія были напечатаны Пекарскимъ въ его «Матеріалахъ для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины». (Приложеніе къ III тому *Записокъ Имп. Академіи Наукъ*).

онъ завоевалъ его сердце. Государыня отвѣчаетъ: «Этотъ г. Коцебу можетъ-быть и прекрасный человѣкъ и писатель, но вѣрно то, что онъ не исполняетъ своей обязанности: онъ беретъ жалованье, а другой исправляетъ его должность. Онъ подъ непосредственнымъ покровительствомъ Циммермана, который очень его хвалитъ, и, несмотря на то, я ожидаю минуты, когда сенатъ пошлетъ ему отставку [1]) за неисполненіе своей должности, и сенатъ поступитъ по закону и нельзя будетъ ничего возразить»..... «Этотъ г. Коцебу мнѣ надоѣлъ: я не имѣю чести знать его, но знаю, что онъ заставляетъ всякаго писать ко мнѣ и находится вездѣ, исключая того мѣста, гдѣ бы долженъ быть. У насъ онъ слыветъ завзятымъ Пруссакомъ, и имѣлъ много сношеній съ Вильгельмомъ. Полагаю, что тотъ звѣрь (Герцбергъ), въ качествѣ всесвѣтнаго покровителя, обласкалъ его какъ даровитаго человѣка и литератора». Въ другомъ письмѣ государыня опять выражаетъ подозрѣніе, что онъ былъ прусскимъ агентомъ въ Россіи, и это вовсе не невозможно, такъ какъ изъ Іены, гдѣ онъ прежде былъ адвокатомъ, его вызвалъ въ Петербургъ прусскій посланникъ Герцбергъ, котораго Екатерина такъ не жаловала, видя въ немъ злѣйшаго врага Россіи. На счетъ Коцебу она такъ выразилась: «Этотъ человѣкъ можетъ-быть превосходенъ вездѣ, только не у насъ, гдѣ не знаю почему, подозрѣваютъ, что онъ зараженъ Гю.... измомъ (Gu....isme, т. е. Guillaumisme — преданность прусскому королю Вильгельму). Выраженіе это ново и тѣмъ заслуживаетъ вниманія» [2]). Однакожъ, по настоятельнымъ просьбамъ Циммермана и по случаю смерти жены, Коцебу добился продленія отпуска. О драматическихъ же пьесахъ его государыня пишетъ, что онѣ ее вовсе не интересуютъ и что она слышала, будто двѣ изъ нихъ, неизвѣстно почему, были запрещены въ Вѣнѣ [3]).

---

[1]) Онъ служилъ въ Ревелѣ, а въ настоящую минуту жилъ въ Парижѣ.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 504, 516, 538.
[3]) Стр. 546.

Около этого же времени, то есть въ маѣ 1791 года, Екатерина пишетъ Гримму о Сегюрѣ, который уже въ 1790 возвратился во Францію и который, какъ мы видѣли, прежде производилъ на нее такое обаятельное впечатлѣніе: «Есть человѣкъ, которому я не могу простить его продѣлокъ: это Сегюръ. Онъ фальшивъ какъ Іуда, и я вовсе не удивляюсь, что никто его не любитъ во Франціи. Живя на свѣтѣ, надо имѣть и мнѣніе, а у кого его нѣтъ, того всѣ презираютъ. Какую роль будетъ онъ играть передъ папою [1])? Такую же, какую играетъ передо мною послѣ своего отъѣзда. А между тѣмъ здѣсь ему совали подъ носъ всѣ правила стариннаго французскаго рыцарства, заставивъ его сознаться, что онъ въ отчаяніи ото всего происходящаго во Франціи, а теперь, когда онъ попалъ въ Парижъ, что онъ дѣлаетъ?

3-го мая: «У однихъ онъ старается прослыть демократомъ, у другихъ аристократомъ, и кончаетъ тѣмъ, что одинъ изъ первыхъ бѣжитъ въ ратушу произнести прекрасную присягу, а затѣмъ ѣдетъ въ Римъ, вѣроятно чтобъ наглядно показать папѣ лицо человѣка, отлученнаго отъ церкви. Я въ восторгѣ, что онъ сюда не вернется; онъ написалъ мнѣ длиннѣйшее письмо, въ которомъ требуетъ, чтобъ я ему отвѣчала, потому что, говоритъ онъ, «вы дѣлаете эту честь князю де-Линю и принцу Нассаускому». Мнѣ хочется ему отвѣчать, что де-Линь не слѣдовалъ за колесницей Ванъ-деръ-Ноота и остался вѣренъ своему законному государю, а послѣднему (Нассаускому) я пишу, потому что онъ непосредственно отъ меня получаетъ порученія по службѣ. Итакъ, чтобъ не мнѣ высказать ему то, чего онъ заслуживаетъ, надо чтобъ кто-нибудь другой отвѣчалъ ему вмѣсто меня» [2]).

2-го сентября: «Вѣрно что Сегюръ вообразилъ, что имѣетъ вліяніе на Лафайэта, и это было отчасти причиною его отъѣзда во Францію. Издаваемыя имъ статьи хорошо написаны, но не думаю, чтобъ онѣ могли имѣть значеніе. Все его поведеніе ко-

---

[1]) Въ то время графъ Сегюръ назначенъ былъ посланникомъ въ Римъ.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 522, 523.

нечно не могло внушить о немъ хорошаго мнѣнія, особливо же его присяга. Онъ этимъ измѣнилъ самому Небу, всему свѣту, самому себѣ, какъ говоритъ Альзира» [1]).

Нѣмецкіе принцы и французскіе эмигранты на службѣ въ Россіи. Рекомендаціи Гримма.

Мы уже выше приводили нѣкоторые отзывы Екатерины о нѣмецкихъ принцахъ, пріѣзжавшихъ на службу въ Россію. Къ этой эпохѣ относится еще нѣсколько подобныхъ же отзывовъ.

13-го мая 1791: «Герцогиня Саксенъ-Готская проситъ васъ оказать большую услугу бѣдному двоюродному брату ея, Филипсталю, который былъ смертельно раненъ. Во-первыхъ, онъ говоритъ, что потерялъ при этомъ свой обозъ, а это чистѣйшій вымыселъ. Во-вторыхъ, онъ опять солгалъ, будто потерялъ свое шестимѣсячное жалованье. Если онъ эти деньги потерялъ, то вѣрнѣе что онъ ихъ проигралъ, а такъ какъ онъ большой игрокъ и большой мотъ, то у него никогда не бываетъ гроша; оттого ему и нельзя довѣрить полкъ. Хотя онъ и полковникъ, но хозяинъ весьма плохой. Рана его зажила и онъ теперь здѣсь. Когда онъ еще служилъ въ гвардіи, то каждые два мѣсяца подавалъ мнѣ просьбу о пособіи, чтó мнѣ наконецъ очень надоѣло. Теперь я ему велѣла дать награжденіе въ тысячу червонцевъ. Но я увѣрена, что еслибъ ихъ дать ему и десять тысячъ, то онъ и тутъ сидѣлъ бы безъ денегъ. Этотъ мальчишка страшный мотъ, и герцогиня хорошо бы сдѣлала, еслибъ посовѣтовала ему поменьше мотать и поменьше лгать. Я очень была бы рада сдѣлать удовольствіе герцогинѣ; но, ради Бога, чтобъ она не вздумала посылать намъ такихъ молодцовъ дюжинами. Она испугала меня, сказавъ, что желала бы имѣть двѣнадцать сыновей, чтобы всѣхъ ихъ прислать къ намъ: это было бы накладно для казны ея величества. Мнѣ уже кажется, что я всѣхъ ихъ вижу, какъ они съ просьбами въ рукахъ безпрестанно выпрашиваютъ денегъ, для

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 557.

того чтобъ ихъ въ тотъ же день проиграть. Если же имъ откажешь, они завопятъ, что о нихъ не хотятъ позаботиться и станутъ жаловаться двоюроднымъ сестрицамъ герцогинямъ и проч. и проч. Прошу многострадальнаго извинить мнѣ эту выходку противъ одного изъ князей Священной Римской Имперіи» [1]).

3-го іюня: «Что касается вашего принца Виртембергскаго, то вѣдь я не прихожу въ восторгъ отъ всякого нѣмецкаго принца какъ иные люди, и потому вовсе не завидую, что вы имѣли удовольствіе его видѣть, хотя па́па и одобрилъ его бракъ съ чужой женой отъ живого мужа, съ которымъ она еще не разведена» [2]).

Какъ часто и въ какомъ тонѣ рекомендаціи этихъ принцевъ исходили отъ самого Гримма, можно видѣть по слѣдующему отрывку изъ его письма:

«Графъ де Форстенбергъ, незаконный братъ покойной Зельмиры, былъ мнѣ рекомендованъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ отцомъ своимъ, любящимъ его болѣе всѣхъ законныхъ дѣтей своихъ. Я помѣстилъ его въ полкъ Шомберга, пользовавшійся самой лучшей репутаціей. Это прекрасной молодой человѣкъ, о которомъ я всегда слышалъ только однѣ похвалы. Онъ долженъ былъ оставаться на службѣ во Франціи, и всѣ кто зналъ его предсказывали ему блестящую карьеру. Въ прошедшемъ году, получивъ отвращеніе ко всему что здѣсь происходило, онъ поѣхалъ въ Германію въ надеждѣ повоевать. Отецъ запретилъ ему приближаться къ Силезіи и къ Берлину, и объявилъ, что онъ не желаетъ чтобъ онъ даже отвѣдалъ прусской службы. Онъ остался нѣсколько мѣсяцевъ, скучая, въ Дрезденѣ, но все занятый мыслью служить въ Россіи, гдѣ, еслибъ я зналъ это, я предложилъ бы его съ той минуты какъ возгорѣлась война съ невѣрными. Наконецъ въ началѣ зимы онъ извѣстилъ меня, что просилъ и получилъ разрѣшеніе отца ѣхать въ Россію служить, если можетъ получить на то согласіе. Онъ прибѣгаетъ къ покровительству всемогущаго многострадальнаго. Пока я ему отсовѣ-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 540.

[2]) Стр. 547.

тываю это путешествіе, не одобряю его, даю ему почувствовать, какъ могу, что обстоятельство, самое благопріятное чтобъ быть замѣченнымъ, — именно что онъ сынъ своего отца, — можетъ быть не очень выгоднымъ для него въ настоящую минуту, онъ уже пускается въ путь и мои мудрые совѣты приходятъ какъ горчица послѣ ужина. Большое счастье для него: ибо первое письмо его изъ Петербурга сообщаетъ, что онъ началъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ; что онъ былъ на балѣ у г. вице-канцлера, что принцъ Нассаускій спросилъ его, хочетъ ли онъ служить; что князь фельдмаршалъ Потемкинъ-Таврическій (Taurien, а не Tauricien) принялъ его въ свой кирасирскій полкъ въ чинѣ майора; что его товарищъ и другъ Карлъ Швейцеръ, тоже изъ Шомбергова полка, удостоился той же милости и того же чина; что князь обходится съ нимъ превосходно, что онъ черезъ день послѣ того долженъ представляться императрицѣ, и что его увѣряли, что ея величество весьма предупреждена въ его пользу. И послѣ того смѣйте, господинъ многострадальный, выказывать вашу глубокую мудрость передъ отпрыскомъ незаконной любви, который въ отвѣтъ можетъ надъ вами только насмѣяться; право, это отнимаетъ охоту играть роль оракула, нѣкогда столь желанную. Я вынужденъ предупредить мою августѣйшую государыню, что мнѣ нельзя будетъ не поручить ея высокому благоволенію молодого князя Краона, который тоже будетъ въ первый разъ говѣть въ храмѣ славы и, смотря по обстоятельствамъ, смотря по тому будутъ ли они ему благопріятны, постарается поступить на службу къ безсмертной. Это единственная отрасль знаменитаго дома. Я его не знаю, но я уже 35 лѣтъ питаю привязанность къ его дядѣ маршалу князю де Бово, который, не видѣвъ дѣла вблизи, воображаетъ что императорскій многострадальный большой и знатный звѣрь при греческо-императорскомъ дворѣ. Не мнѣ его разочаровывать, факты будутъ говорить сами за себя» [1]).

---

[1]) Письма Гримма, стр. 367, 368, 369.

На это государыня отвѣчаетъ: «Графа Форстемберга я видѣла мелькомъ разъ или два. Онъ вступилъ въ нашу службу и князь Потемкинъ взялъ его въ свой полкъ; неудивительно, что отецъ любитъ его болѣе чѣмъ своихъ законныхъ дѣтей: эти — по признанію самого отца — всѣ слабоумные. Но отчего этому графу Форстембергу отецъ запретилъ приближаться къ Силезіи и Берлину? Признаюсь, я немножко подивилась его прибытію; но разъ онъ здѣсь — добро пожаловать. Что касается князя Краона, то онъ еще ѣдетъ. Теперь кажется въ модѣ, что всѣ ваши праздношатающіеся ѣдутъ къ намъ, какъ прежде наши ѣздили къ вамъ» [1]).

До чего въ самомъ дѣлѣ было тогда въ обычаѣ поступленіе иностранцевъ въ нашу службу, свидѣтельствуютъ безпрестанныя рекомендаціи Гримма въ его письмахъ. Между прочими былъ имъ рекомендованъ и адмиралъ Поль-Джонсъ, бывшій американскій офицеръ, поступившій въ Черноморскій флотъ въ 1788 году и имя котораго встрѣчается сначала вмѣстѣ съ именемъ принца Нассаускаго по поводу побѣды надъ Турками при Лиманѣ. Но позже, въ 1791 году, уже совсѣмъ не лестный отзывъ даетъ о немъ государыня, отвѣчая на слѣдующія строки Гримма:

«Государыня, контръ-адмиралъ Поль-Джонсъ поручилъ мнѣ пакетъ, при семъ прилагаемый. Я не знаю его содержанія, но насколько могъ видѣть мелькомъ, въ немъ заключается проектъ или планъ, гдѣ онъ конечно приберегъ себѣ видную роль, планъ которому онъ придаетъ большую важность въ случаѣ продолженія войны. Эта важность еще увеличилась бы, еслибъ Лондонскій дворъ увлекся настолько, что принялъ бы въ ней дѣятельное участіе. Насколько я могъ угадать, рѣчь идетъ о томъ, чтобъ тревожить Англію въ предѣлахъ самаго ея сердца и въ самомъ жизненномъ ея источникѣ — Индіи. Контръ-адмиралъ смѣетъ надѣяться, что ваше величество удостоите поручить мнѣ передачу какого-нибудь рѣшенія относительно его пакета» [2]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 546.

[2]) Письма Гримма, стр. 328.

Вотъ отвѣтъ Екатерины отъ 14-го мая: «Рѣчь идетъ объ адмиралѣ Поль-Джонсѣ. Посмотримъ, чего онъ отъ насъ хочетъ и каковъ его планъ. Я полагаю, что еслибъ Англія осмѣлилась объявить намъ войну, лучше всего было бы, какъ я сказала выше, раздать какъ можно болѣе каперскихъ свидѣтельствъ, чтобъ забрать наибольшее количество ихъ кораблей, и тогда они тотчасъ прекратили бы войну. Что же касается Индіи, то она такъ отдаленна, что прежде чѣмъ мы туда дойдемъ, миръ будетъ заключенъ. Но прочтемъ письма г. Поль-Джонса.

«Прежде всего онъ говоритъ мнѣ о походѣ на Лиманѣ, прибавляя, что *никого не обвиняетъ*. Эти слова подчеркнуты. Онъ утверждаетъ, что не былъ въ этомъ походѣ ни нулемъ, ни арлекиномъ, просящимъ чтобъ его произвели въ полковники, находясь *въ хвостѣ* своего полка. Онъ подчеркнулъ слова *въ хвостѣ*. Онъ увѣряетъ, что имѣетъ въ рукахъ неопровержимыя доказательства, что онъ руководилъ всѣми дѣйствіями противъ капитана-паши; толкователь говоритъ, что если онъ *руководилъ*, за то вѣрно, что не онъ *побилъ*, потому что ему посылали приказъ за приказомъ итти впередъ, а онъ не шелъ, находясь подъ противнымъ вѣтромъ, какъ самъ сознаетъ. Онъ говоритъ, что порученіе, данное ему при этомъ дѣлѣ, было очень трудное; можетъ быть. Но рѣчь шла объ ударахъ, и въ такихъ случаяхъ лучше *бить* чѣмъ *быть битымъ*. Онъ находитъ, что ему пришлось жертвовать своимъ самолюбіемъ и подвергнуть риску свою военную репутацію для блага имперіи, и надѣется, что я была довольна его поведеніемъ въ этихъ обстоятельствахъ, такъ же какъ и его послѣдующими планами, о которыхъ онъ полагаетъ, что я до сихъ поръ ничего не знала. Богъ знаетъ, что это такое! Потомъ онъ прибавляетъ, что руководствовался моимъ милостивымъ совѣтомъ, который я будто еще повторила ему письменно, что привязанность его къ моей особѣ есть единственная причина, которая помѣшала ему просить отставки въ бытность его въ Варшавѣ; что онъ былъ огорченъ и даже обиженъ, получивъ *двухлѣтній* отпускъ въ военное время. *Двухлѣтній* тоже подчерк-

нуто. А этотъ долгій отпускъ данъ былъ г. Поль-Джонсу для того, чтобъ удалить его отсюда, между нами сказать, безъ диффамаціи, такъ какъ противъ него былъ начатъ процессъ въ изнасилованіи, что́ вовсе не приносило чести его превосходительству, ни его гумманности, ни его справедливости, ни его великодушію, и послѣ этой милой черты не нашлось ни одного моряка, который захотѣлъ бы служить подъ начальствомъ г. контръ-адмирала. Кромѣ того, ему не было надобности во время войны сдѣлаться турко-шведомъ. Теперь, я полагаю, г. многострадальный нѣсколько уразумѣетъ дѣло. И такъ г. контръ-адмирала отослали съ пенсіей, почти такой же, какую Франція дала генералу Люкнеру. Онъ пробылъ здѣсь полгода, не смѣя явиться при дворѣ, а уѣзжая просилъ позволенія мимоѣздомъ быть допущеннымъ къ цѣлованію руки и никогда, послѣ сквернаго происшествія здѣсь описаннаго, ему не было обѣщано особой аудіенціи, какъ онъ говоритъ. Онъ тогда очень хорошо зналъ, что при такихъ обстоятельствахъ не могъ ее получить» [1]).

Революціонныя бѣдствія во Франціи, вызывая множество эмиграцій, также заставляли многихъ французовъ искать военной славы подъ русскими знаменами, и въ это время упоминается часто имя молодаго герцога Ришельё, въ послѣдствіи знаменитаго одессаго губернатора. Онъ прибылъ въ Россію въ 1789 году и служилъ, подъ именемъ герцога Фронсака, подъ начальствомъ Суворова. По окончаніи осады Измаила, онъ долженъ былъ внезапно отправиться въ Парижъ, по случаю смерти отца, и потому не могъ сопровождать Потемкина въ Петербургъ, какъ собирался. Въ маѣ 1791 года Екатерина пишетъ о немъ: «О нынѣшнемъ герцогѣ Ришельё всѣ отзываются съ одинаковою похвалою. О, еслибъ онъ когда нибудь сдѣлался для Франціи тѣмъ, чѣмъ былъ кардиналъ этого имени, но безъ его недостатковъ! Я люблю достойныхъ людей, и потому желаю ему наилучшаго успѣха, хотя сама съ нимъ незнакома. Я ему написала великолѣп-

1) *Сб. И. О.* XXIII, 541, 542.

ное письмо, вполнѣ рыцарское и послала ему Георгіевскій крестъ. На зло національному собранію я хочу чтобъ онъ оставался герцогомъ Ришельё и чтобъ онъ помогъ возстановить монархію. Слышишь ли, многострадальный, такова моя воля»[1])!

3-го іюня 1791 г. «Очень любопытно бы знать получилъ ли герцогъ де Ришельё мое письмо, посланное вмѣстѣ съ Георгіевскимъ крестомъ. На другой день послѣ штурма Измаила, онъ спрашивалъ у Зубова (юноши, подающаго большія надежды, который для перваго опыта показалъ себя мастеромъ своего дѣла, а графъ обѣихъ имперій называетъ его храбрость безпримѣрною, за что и произвели его въ майоры гвардіи Измайловскаго полка): — «Скажите, другъ мой, какъ вы думаете, дадутъ мнѣ Георгія?» — Онъ не разъ задавалъ ему этотъ вопросъ. Зубовъ, который стремился къ тому же и зналъ наизусть статуты ордена, увѣрялъ его, что ему должны дать крестъ. Оба храбреца, почти ровесники, познакомились на батареѣ одного изъ дунайскихъ островововъ и такъ полюбили ее, что въ продолженіе двѣнадцати дней не покидали ея даже ночью. Я очень рада, что Ришельё прочелъ на лондонскихъ домахъ многознаменательную надпись: «*не хотимъ войны съ Россіей*». Посмотримъ, станетъ ли послѣ того у г. Питта довольно храбрости, чтобъ рискнуть своимъ мѣстомъ, начавъ войну»[2]).

2-го сентября: «Я писала князю Потемкину, чтобъ узнать, отчего герцогъ Ришельё не получилъ до сихъ поръ ни моего письма, ни Георгіевскаго креста; должно быть, онъ отослалъ ихъ въ Вѣну, не зная гдѣ находится герцогъ, а теперь и письмо и крестъ ждутъ его тамъ. Я нашла его благодарственное письмо въ вашемъ пакетѣ. Онъ хорошо дѣлаетъ, что остается съ принцами и хочетъ сослужить мнѣ службу, возстановивъ французскую монархію»[3]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 522.
[2]) Стр. 547.
[3]) Стр. 556.

Гриммъ пишетъ о впечатлѣніи, произведенномъ этимъ Георгіевскимъ крестомъ на молодаго Ришельё: «Его Георгіевскій крестъ свернулъ ему голову и онъ радуется ему какъ ребенокъ. Онъ не замедлитъ пуститься въ путь въ Яссы» [1]).

Много и другихъ французскихъ военныхъ искали черезъ посредство Гримма опредѣленія на службу въ Россію. Такъ въ письмѣ его отъ 30-го марта говорится: «Я писалъ къ правой рукѣ веселаго духомъ князя (Потемкина), чтобъ предложить его свѣтлости двухъ французскихъ генераловъ, которые, прослуживъ съ честью и получивъ отвращеніе отъ военной службы, не существующей болѣе во Франціи, хотятъ посвятить себя той службѣ, у которой побѣда завербована. Правая рука, г-нъ Бюлеръ, пишетъ мнѣ изъ Яссъ, что письмо мое пришло на другой день послѣ отъѣзда блестящаго князя къ сіяющему престолу. . . . Итакъ я могу сообщить Вашему Величеству, что одинъ изъ этихъ офицеровъ, котораго примѣты я описалъ въ письмѣ моемъ, есть младшій Віомениль, имѣющій большую красную ленту; другой— графъ де Вобанъ. Еслибъ это должно было имѣть какія-либо послѣдствія, надо бы назначить условія, на какихъ они будутъ опредѣлены и утверждены на службѣ, къ которой они стремятся и которая нынче одна можетъ быть предметомъ желаній» [2]).

На это предложеніе не послѣдовало никакого отзыва, хотя въ отвѣтномъ письмѣ императрицы тщательно перебраны всѣ другіе пункты, о которыхъ шла рѣчь. Но о Віоменилѣ однако упоминается позже въ 1794 году: «Все что касается Віомениля очень давно улажено» [3]).

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ того, Гриммъ является съ новыми предложеніями въ виду англо-прусской коалиціи и вооруженій обѣихъ державъ. Два новые протеже Гримма были генералы: маркизъ Булье и Гейманъ. —Вотъ характеристики обоихъ:

---

[1]) Письма Гримма, стр. 369.
[2]) Стр. 349, 350.
[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 606.

«Мнѣ не нужно говорить вашему величеству, чтó такое маркизъ де-Буйе. Онъ командовалъ французскими силами во время послѣдней войны на Антильскихъ островахъ самымъ блестящимъ образомъ; это единственный военный человѣкъ, который выдался въ это время между дѣятелями различныхъ партій. Его военные таланты, его дѣятельность, его взглядъ, его храбрость, его рѣшимость, быстрая какъ молнія и всегда мудрая, поставили его на высшую ступень славы въ отечествѣ и пріобрѣли ему высокое уваженіе со стороны враговъ Франціи. Его частныя добродѣтели прибавили новый блескъ къ его военнымъ успѣхамъ. Самое благородное безкорыстіе, великодушіе, которое всегда сопровождало его побѣды, напомнили и воскресили въ немъ трогательныя добродѣтели древняго рыцарства. Зато, когда послѣ войны онъ явился въ Англіи, онъ получилъ отъ этой націи, мало расположенной баловать иностранцевъ, такія блестящія почести, что никогда, я полагаю, непріятельскій, а особливо французскій генералъ, не получалъ подобныхъ. Еще лучше было въ Голландіи, гдѣ его приняли какъ бога, оттого что онъ велѣлъ возвратить владѣльцамъ, послѣ блестящаго отнятія Сентъ-Эсташа, съ самой величайшею добросовѣстностью все, что могъ спасти отъ постыднаго грабежа, произведеннаго при взятіи этого города англійскими военачальниками. Во время мира маркизъ де-Буйе почти каждый годъ ѣздилъ на смотры Іосифа и Фридриха и былъ постоянно принимаемъ въ обоихъ лагеряхъ и обоими государями весьма почетно. Съ тѣхъ поръ, какъ несчастная революція уничтожила Францію, вашему величеству извѣстно, какую роль онъ игралъ. Это единственный человѣкъ, показавшій характеръ, и если бы онъ имѣлъ хоть малѣйшую поддержку, то спасъ бы Францію; но что можно сдѣлать для тѣхъ, кто самъ не хочетъ помочь себѣ? Онъ часто подвергался въ эти два года опасности быть убитымъ, зарѣзаннымъ, или вздернутымъ на фонарь; его храбрость и мудрость всегда разстраивали эти ужасныя намѣренія, и вопреки бѣшенымъ и заговорщикамъ онъ сохранилъ свой авторитетъ и заставлялъ уважать свое имя

до того, что даже якобинцы не осмѣливались роптать, когда въ послѣднее время король ввѣрилъ ему одну изъ четырехъ армій, которыя они хотятъ поставить на ноги, до того онъ умѣлъ сдѣлать себя неуязвимымъ во все время своего командованія Мецомъ. Вотъ человѣкъ, который побуждаетъ меня послать нарочнаго моему покровителю Бахусу».

«На этихъ дняхъ ко мнѣ неожиданно вошелъ генералъ Гейманъ, бывшій всегда вторымъ послѣ г. Буйе, со времени революціи и съ той минуты, какъ тотъ принялъ начальство надъ Мецомъ. Когда я проѣзжалъ черезъ Мецъ, семь мѣсяцевъ тому назадъ, г. де-Буйе, говоря мнѣ объ этомъ генералѣ, сказалъ мнѣ: я не захотѣлъ бы и сутки сохранить свое командованіе, еслибъ не имѣлъ при себѣ этого человѣка. Гейманъ — превосходный кавалерійскій офицеръ. Онъ страстно полюбилъ эту карьеру. Онъ также ежегодно ѣздилъ на смотры короля Прусскаго. Въ качествѣ эльзасца или нѣмца съ береговъ Рейна, онъ имѣлъ преимущество знанія языка, необходимаго съ прусскими генералами, которые гордятся, что не знаютъ другихъ языковъ. Онъ зналъ Зейдлица и того Вакеница, на котораго Зейдлицъ смотрѣлъ какъ на первостепеннаго кавалерійскаго офицера, удаленнаго отъ службы только по несправедливости Фридриха и перешедшаго въ Гессенъ. Гейманъ также путешествовалъ въ Польшѣ съ г. Конфланомъ; онъ видѣлъ тамъ русскія войска. Въ болѣе спокойныя времена, когда мы съ нимъ встрѣчались, онъ всегда отзывался мнѣ о нихъ съ восхищеніемъ и какъ человѣкъ всегда страстный къ кавалерійской службѣ, онъ заставлялъ васъ раздѣлять свой восторгъ, когда говорилъ, что можно сдѣлать изъ казаковъ и съ казаками. Онъ мнѣ говорилъ иногда: дайте мнѣ корпусъ изъ шести тысячъ Русскихъ — и если я мигомъ не возстановлю вездѣ порядка, велите повѣсить меня. Вотъ, государыня, нѣсколько характеристическихъ чертъ, чтобъ дать понятіе о г. Буйе и его посланникѣ при мнѣ, г. Гейманѣ» [1]).

---

[1]) Письма Гримма, стр. 353, 354, 355.

Затѣмъ Гриммъ говоритъ о трудной роли, которая вышала на долю генерала Булье во время революціи, что̀ будетъ приведено въ своемъ мѣстѣ, упоминаетъ о его сынѣ, желающемъ стать для первыхъ своихъ опытовъ въ ряды русской арміи, и прибавляетъ: «Г. де-Булье находитъ уже свое мѣсто невозможнымъ и отчаивается въ спасеніи Франціи: я зналъ, что онъ слишкомъ преданъ своей странѣ, чтобъ покинуть свое мѣсто, еслибъ могъ сохранить малѣйшую надежду на возвращеніе какого-либо порядка. Я не ошибся» [1]).

Всѣ эти рекомендаціи были усилены увѣреніями, что война съ Англіей и Пруссіей близка и неизбѣжна и что оба генерала имѣютъ всѣ нужныя свойства и достаточно изучили слабыя стороны врага, чтобъ быть употребленными, первый — Булье, противъ Англичанъ, второй — Гейманъ, противъ Пруссаковъ. Содержаніе оба требовали весьма высокое: Булье — 150 тысячъ французскихъ ливровъ, Гейманъ 80 тысячъ ливровъ, кромѣ расходовъ на путешествіе. Предложенія эти и условія посланы были въ Петербургъ съ нарочнымъ, гусарскимъ офицеромъ изъ Меца.

Императрица отвѣчала: «2-го іюня. Итакъ, что касается этого генералъ-лейтенанта, маркиза Булье, сдѣлавшаго себѣ у васъ такую громкую репутацію и его генералъ-адъютанта, хорошаго кавалерійскаго генерала Геймана, мы готовы принять ихъ на службу, только на другихъ условіяхъ, которыя отвезетъ имъ нашъ посланный. Но, многострадальный, мы уже не мало видали у насъ вашихъ великихъ дѣльцовъ, которые ровно ничего не сдѣлали съ Ахенскаго мира, между тѣмъ какъ наши здѣсь такого мнѣнія о себѣ, что они пріобрѣли болѣе опытности и проглотили болѣе побѣдъ, съ 1756 года, чѣмъ собратья ихъ по оружію во всемъ свѣтѣ.... Неправда ли, что мы становимся хвастливы? Но такъ какъ полдюжины враговъ уже сполна побито, если не болѣе, потому что единица болѣе или менѣе въ этомъ количествѣ не важна, трудно не сознаваться, что послѣ вѣкового

---

[1]) Письма Гримма, стр. 356.

успѣха нельзя уже прослыть болванами, и ужъ если кого называть болваномъ, то я предпочитаю своихъ болвановъ тѣмъ умникамъ, которые даютъ развинтиться машинѣ и получаютъ щелчки........ не двигаясь при этомъ съ мѣста, какъ настоящіе чурбаны...... Если г. Гейманъ пріѣдетъ, то онъ найдетъ нашу легкую кавалерію весьма пріученной къ войнѣ, но вотъ венгерскую кавалерію считаютъ непобѣдимой, когда она поддержана русской пѣхотой» [1]).

3-го іюня: «Во всемъ что касается гг. Буле и Геймана, прошу принять къ свѣдѣнію прилагаемый здѣсь листокъ; я велѣла доставить весь этотъ пакетъ во Франкфуртъ. Августѣйшее собраніе (во Франціи) поступаетъ очень мудро, стараясь разстроить армію, вѣроятно чтобъ лучше развязать руки тѣмъ, которые въ настоящую минуту работаютъ надъ контръ-революціей; если вы на своемъ пути услышите что-нибудь объ этомъ, прошу васъ сообщить мнѣ что узнаете: это мнѣ очень любопытно. Еслибъ въ ихъ проектѣ была возможность успѣха, то полагаю, что ваши два генерала имъ были бы не безполезны. Но ужъ пожалуйста, оставьте въ покоѣ рейнсбергскія мечтанія [2]), которыхъ никто не испугается» [3]).

«Листокъ, заключающій въ себѣ отвѣтъ по дѣлу генераловъ Буле и Геймана. Г. маркизъ де-Буле, генералъ-лейтенантъ на французской службѣ, будетъ принятъ въ Россіи въ томъ же чинѣ со старшинствомъ, какое имѣетъ во Франціи, стало-быть будетъ имѣть право производства въ генералъ-аншефы вскорѣ, будучи во Франціи однимъ изъ старшихъ генералъ-лейтенантовъ.

Содержаніе генералъ-аншефовъ въ Россіи.	4,600 руб.
Прибавка на экипажъ................	10,000 »
Столовыхъ 500 въ мѣсяцъ, въ годъ....	6,000 »
Пенсія..........................	2,000 »

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 544, 545.
[2]) Т. е. предсказанія неминуемой войны съ Англіей и Пруссіей.
[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 546.

Это же содержаніе получаетъ и принцъ Нассаускій; на путешествіе дается разъ навсегда 3,000 дукатовъ.

Г. Гейманъ будетъ принятъ генералъ-майоромъ, со старшинствомъ, какое имѣлъ во Франціи, что̀ вызоветъ и производство въ свое время.

Содержаніе генералъ-майора.........	2,760 руб.
На столъ въ мѣсяцъ.................	300 »
На путешествіе разъ навсегда выплачивается.....................	2,000 дукатовъ.

Офицеры, которыхъ привезетъ г. Буле отъ десяти до двѣнадцати человѣкъ, до подполковника включительно, будутъ приняты. Желательно было бы имѣть преимущественно извѣстное число инженерныхъ офицеровъ, съ хорошей практикой.

Дѣти г. Буле будутъ приняты на службу по своему чину. Что касается пенсіи по отставкѣ, никто у насъ не имѣлъ случая жаловаться. Вдовы никогда не оставались безъ обезпеченія и пособія, и истинныя заслуги награждаются самыми разнообразными способами»[1].

Не понравились ли Буле и Гейману категорическія условія государыни, удержало ли ихъ то, что угрозы Англіи и Пруссіи кончились ничѣмъ, или отвлекло Буле предположенное содѣйствіе его побѣгу Людовика XVI изъ Парижа, только пріѣздъ ихъ въ Россію не осуществился.

По этому поводу государыня пишетъ Гримму отъ 1-го сентября: «Я согласна съ вами и очень боюсь за г. Буле. Неудачный побѣгъ короля долженъ былъ нанести ему чувствительный ударъ, но онъ воленъ поступать на службу къ кому хочетъ: я отъ этого ничего не выиграю и не проиграю, потому что у меня все пойдетъ такъ же, какъ до сихъ поръ шло безъ него. Я думаю, что ему всего лучше въ настоящее время служить тамъ,

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 549.

гдѣ есть надежда возвратить Людовику XVI отнятой у него престолъ»[1]).

Отъ 16-го сентября: «Я получила отъ маркиза Булье обширное письмо съ двумя дополненіями: въ одномъ онъ объясняетъ распоряженія, сдѣланныя имъ для бѣгства короля, которое не удалось: стало-быть эти распоряженія были плохи, что бы онъ тамъ ни толковалъ; въ другомъ говорится о пропагандѣ, надъ которою я подсмѣиваюсь. Въ ней между прочимъ сказано, будто они употребляютъ 30 милліоновъ чтобъ поднять всѣ народы; но надо начать съ того, чтобъ имѣть эти милліоны, а у нихъ кромѣ ассигнацій ничего нѣтъ, да и этихъ еще недостаетъ для самихъ. Ужъ какъ вы ни восхваляйте голову маркиза Булье, она не отличается отчетливостью. Вотъ мой отвѣтъ, не знаю, понравится ли онъ вамъ».

Къ этому отвѣту приложена писанная посторонней рукой:

Копія.

«Г. маркизъ Булье. Извѣстившись по газетамъ объ обстоятельствахъ, въ которыхъ вы находились съ тѣхъ поръ какъ прислали мнѣ прошеніе, выражавшее желаніе ваше служить въ нашей арміи, и узнавъ въ то же время, что вы вступите на службу короля Шведскаго, я заключила что отвѣтъ мой барону Гримму, ожидавшій во Франкфуртѣ болѣе мѣсяца, пока барону Гримму дозволено будетъ выѣхать изъ Франціи, теперь безполезенъ. Онъ можетъ развѣ только служить доказательствомъ, что я приняла просьбу вашу съ тѣмъ вниманіемъ, какое я считаю долгомъ оказывать всякому вѣрному служителю короля, вашего государя. Впрочемъ, милостивый государь, я могу только похвалить и одобрить ревность выказанную вами къ его службѣ, его правамъ и его особѣ, и которой выраженіе я нашла въ письмѣ, писанномъ ко мнѣ изъ Дрездена. Настоящія строки служатъ имъ

---

[1]) *Сб И. О.* XXIII, 555

отвѣтомъ. Я нашла въ немъ и оба прибавленія, за которыя благодарю васъ.

Подписано: Екатерина»[1]).

Страхъ же передъ англійскимъ и прусскимъ нашествіемъ, который такъ обуялъ Гримма, что онъ даже предлагалъ различные планы кампаній и усердно сообщалъ пессимистическіе взгляды на это принца Генриха, не только не былъ раздѣляемъ Екатериной, но она подшучивала надъ нимъ, говоря: «Тревоги г. многострадальнаго насчетъ знаменія времени такого свойства, что могутъ быть оспариваемы и много зависятъ отъ хорошей или дурной погоды, которую предвѣщаетъ барометръ за сутки ранѣе; барометръ же принца Генриха есть смѣсь всякой всячины, которую трудно опредѣлить. Вы видите, что какъ онъ ни считалъ заявленія Англіи *рѣшительными и непоправимыми*[2]), они приняли однако путь примирительный. Что до насъ касается, мы поемъ пѣсенку: Malbrough s'en va-t-en guerre и проч. (Мальбрукъ отправляется въ походъ)»[3]).

О нарочномъ, офицерѣ изъ Меца, присланнымъ Гримомъ по случаю переговоровъ о Булье и Гейманѣ, государыня пишетъ: «Вашъ довѣренный офицеръ пріѣхалъ съ такимъ таинственнымъ и важнымъ видомъ, что г. Женэ (Genet), французскій уполномоченный, принялъ его прямо за человѣка, присланнаго сюда для переговоровъ на счетъ контръ-революціи, потому что совершенство превосходныхъ конституцій заключается въ настоящую минуту въ крайней подозрительности и мелочности и въ томъ, чтобъ вредить другимъ, въ благородномъ предположеніи что вамъ самимъ повредить могутъ»[4]).

---

1) Письма Гримма, 558, 59.

2) Это были буквальныя выраженія, которыя употребилъ Гриммъ, говоря о мнѣніи принца Генриха.

3) *Сб. И. О.* XXIII, 545.

4) Стр. 549.

Французская революція.

Отношенія Россіи къ Франціи съ начала царствованія Людовика XVI были нами уже очерчены. Мы знаемъ, что Екатерина постоянно мечтала о союзѣ Россіи съ Франціей противъ общихъ имъ обѣимъ враговъ: Англіи и Пруссіи. Напрасно старалась она, и лично черезъ посланниковъ и черезъ посредство Гримма, выяснить государственнымъ людямъ Франціи выгоды такого союза. Всѣ усилія ея разбивались о слабость и непослѣдовательность французскаго правительства, дѣйствовавшаго совершенно въ противоположномъ смыслѣ, отчего Людовикъ XVI вмѣстѣ съ своими совѣтниками получилъ отъ нея характеристическое названіе: «бѣдные люди». Теперь мы перейдемъ къ той тревожной эпохѣ, которая должна была вызывать оживленный обмѣнъ мыслей между самодержавной монархиней, въ молодости лично задѣтой вліяніемъ отрицательныхъ ученій и свободомыслія французскихъ философовъ, и между ихъ другомъ энциклопедистомъ, видѣвшимъ во очію послѣдствія того умственнаго движенія, въ которомъ онъ самъ принималъ дѣятельное участіе. Съ одной стороны поражаетъ насъ вѣрная, можно сказать геніальная оцѣнка событій, доходившая до предсказанія Наполеона; съ другой сообщаются свѣжія впечатлѣнія самимъ очевидцемъ потрясающихъ событій. Это заставляетъ насъ въ возможной полнотѣ соединить здѣсь какъ отзывы и сужденія императрицы о революціи, такъ и уцѣлѣвшія (особливо за 1790 годъ) сообщенія Гримма изъ охваченнаго революціей Парижа.

1787, 1788, 1789 годы.

27-го ноября 1787 г. Екатерина писала: «Если на швейцарскомъ сеймѣ, на которомъ вы присутствовали въ Фрауэнфельдѣ, происходили пренія вполнѣ осмысленныя и разумныя, то этотъ сеймъ стало-быть не походилъ на сеймы другихъ свобод-

ныхъ странъ, гдѣ обыкновенно большинство превыспренно несетъ вздоръ... [1]) О бѣдные люди! вездѣ-то они дѣляютъ пустяки и внутри и во внѣшнихъ дѣлахъ. Не уладитъ попъ дѣла—остается только на молитву стать! Бѣднымъ людямъ давно недостаетъ хорошей, здоровой головы. Что толку, коли голова на плечѣ сидитъ, все-таки она не на томъ мѣстѣ, гдѣ ей слѣдуетъ быть, а на другомъ. Эти люди вѣтрогоны, а головушка у нихъ кружится! Какъ только изъ вашихъ мѣстъ дойдутъ до меня слухи о парламентѣ, я тотчасъ затыкаю уши» [2]).

Отъ 1-го декабря: «То что вы говорите о маркизѣ Лафайэтѣ не удивляетъ меня: это, кажется, революціонная голова; говорятъ, что онъ первый забилъ въ набатъ противъ управленія Калонна. Что касается его диверсіи въ Средиземномъ морѣ, то я вовсе ея не понимаю. Онъ всегда желалъ сюда пріѣхать; и если еще не перемѣнилъ этого намѣренія, и пріѣдетъ при настоящихъ обстоятельствахъ, то можно будетъ поближе и поточнѣе узнать о чемъ идетъ рѣчь; впрочемъ готовятся сильныя вооруженія. Такъ вакъ онъ запретилъ вамъ говорить объ этомъ, то пожалуйста и вы молчите о томъ что я вамъ говорю, чтобъ потомъ не вышло, что я вовлекла его въ какія-нибудь предпріятія, которыя могли бы отозваться ему непріятностями въ настоящемъ или будущемъ» [3]).

28-го декабря: «Что вы мнѣ ни говорите, я глубока убѣждена, что тамъ гдѣ вы находитесь, несмотря на неоднократно полученныя пощечины, скорѣе свяжутся съ бр. Ге и бр. Гю и даже съ дьяволомъ, чѣмъ со мною... Ласкаю себя надеждой, что братцы Ге-Гю пріѣдутъ во Францію взглянуть, какъ будутъ засѣдать государственные чины» [4]).

Весь 1788 годъ Екатерина такъ была поглощена своими двумя войнами, что только вскользь упоминала о положеніи дѣлъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 427.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 431. Эти обѣ фразы: одна нѣмецкая, другая французская сказаны въ рифму: «Die Leute sind windig und Köpfchen ist schwindlich. Dès que chez vous j'entends parler de parlement, je détourne mon entendement».

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 433, 434.

[4]) Стр. 437.

во Франціи, и въ этомъ же году она повторяетъ предложеніе Лафайэту пріѣхать въ Россію, говоря: «Скажите мнѣ, гдѣ маркизъ Лафайэтъ! Если онъ въ немилости и никому не нуженъ, пусть пришлютъ его къ намъ: мы ему найдемъ дѣло» [1]).

24-го января 1789 г. «Мнѣ очень нравится какъ вы опредѣляете духъ заблужденія и безумія, вотъ уже два года охватившій всю Европу, и, увѣряю васъ, весьма возможно, что въ четверть часа времени всѣ эти замыслы построителей системъ улетучатся какъ дымъ. Завѣряю васъ, что *бѣдные люди* до прошлогодняго декабря мѣсяца преисправно выплачивали Фальстафу свои субсидіи и что они въ восторгѣ отъ того, что создали мнѣ со всѣхъ сторонъ затрудненія (вѣдь я ихъ пугаю), и конечно они охотнѣе вступятъ въ обязательства съ Ге-Гю, чѣмъ со мною: это доказано...... я очень рада, что г. Сенъ-При вступилъ въ совѣтъ; я знаю, гдѣ желала бы его видѣть [2]).

27-го января: «Ну ужъ ваши нотабли надѣлали дѣлъ! Но, признаюсь, я не очень одобряю отсрочку собранія государственныхъ чиновъ. Что же изо всего этого выйдетъ? Хозяйство становится день ото дня плачевнѣе».

29-го января: «Если въ нотабляхъ или государственныхъ чинахъ проявится излишній пылъ, то я посовѣтовала бы попотчевать ихъ политическимъ толчкомъ противъ партіи штатгальтера въ Голландіи [3]). Тогда всѣ горячія головы туда устремятся, а хладнокровныя станутъ выплачивать долги и устанавливать налоги. Такимъ образомъ всѣ будутъ довольны и можетъ-быть это единственное средство успокоить волненіе, охватившее у васъ умы» [4]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 466.

[2]) Стр. 471.

[3]) Жена штатгальтера была родная сестра Вильгельма Прусскаго и племянница принца Генриха, та самая о которой Екатерина въ комментаріяхъ на письма принца Генриха отзывалась, что она фурія и недоброжелательствуетъ ей безъ всякой причины.

[4]) Стр. 472, 473.

19-го марта: «Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ бѣдные люди захотѣли возвысить голосъ въ Голландіи и не дали бы окончательно задавить свою партію [1]) въ этой республикѣ, то значительно помогли бы и мнѣ. Я бы желала, чтобъ вы объ этомъ дружески поговорили съ Сенъ-При и вмѣстѣ обсудили способы склонить тотъ дворъ, гдѣ вы находитесь, къ такому вмѣшательству, которое доказало бы, что Франція еще существуетъ между вліятельными державами, и не для того же она владѣетъ 80-ю военными кораблями, чтобъ дать имъ сгнить въ гаваняхъ безъ всякой пользы для государства. Всякое уваженіе къ этому двору совершенно пропадаетъ вслѣдствіе его бездѣйствія. Меня ужъ никто не можетъ обвинить въ излишнемъ къ нему пристрастіи, но выгоды мои и цѣлой Европы требуютъ, чтобъ этотъ дворъ снова занялъ, и какъ можно скорѣе, подобающее ему мѣсто, и вотъ что, кромѣ уплаты долговъ, должны бы посовѣтовать королю государственные чины. Вся Европа одобрила бы это и честь націи была бы упрочена и въ настоящемъ вѣкѣ и въ будущемъ. Французы дорожатъ честью и славой: для нихъ сдѣлаютъ они все возможное, какъ только имъ будетъ указано, чего требуетъ эта честь и слава отечества. Всякій французъ долженъ сознавать, что нѣтъ ничего почетнаго въ этомъ отсутствіи всякаго политическаго существованія, питающемъ внутреннія смуты, которыя ширятся, растутъ и скопляются на каждомъ шагу. Пусть это напряженіе перельется за предѣлы королевства, и оно тотчасъ перестанетъ подтачивать и грызть его, какъ черви точатъ корпусъ корабля. Если мои слова могутъ произвести какое-нибудь дѣйствіе, прошу употребить ихъ въ дѣло вездѣ, гдѣ они могутъ принести пользу. Впрочемъ, какъ только выпустятъ моего посланника изъ Семибашеннаго замка, условія мира не такъ трудно будетъ установить, лишь бы Порта на нихъ согласилась; я съ своей стороны облегчу ихъ сколько возможно: островъ Березань мѣстечко не

---

[1]) Партію патріотовъ, искавшую во Франціи опоры противъ деспотизма штатгальтерскаго дома, дѣйствовавшаго въ союзѣ съ Пруссіей и Англіей.

важное, не служащее ничему передовымъ постомъ; Кинбурнъ только приманка; Очаковъ, если будетъ разоренъ, потребуетъ новыхъ сооруженій и стало-быть не малыхъ затратъ. Если бъ Франція возвысила голосъ и заняла снова свое мѣсто, то и миръ съ Турками былъ бы скоро заключенъ. Зачѣмъ не пошлетъ она флотъ свой въ Архипелагъ, чтобъ содѣйствовать миру?.. Если Мирабо въ своей книгѣ во всемъ столько же правдивъ, сколько въ отношеніи ко мнѣ, то книга его не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія. Появилась еще одна гораздо худшая, но эта носитъ на себѣ такую печать клеветы, что нигдѣ не можетъ возбудить ничего другого, кромѣ вполнѣ заслуженнаго отвращенія» [1]).

15-го ноября 1789: «Какъ времена перемѣнились! Генрихъ IV и Людовикъ XIV считали себя первыми дворянами своего королевства и полагали, что они непобѣдимы во главѣ этого дворянства. Въ ихъ время епископы и проповѣдники преимущественно извлекали изъ библіи и священнаго писанія тексты, утверждавшіе королевскую власть. Блескъ царствованія Людовика XIV поддерживался за границей еще до нашихъ дней.

«Признаюсь, мнѣ не нравится ваше правосудіе безъ правосудія, и эти варварскія экзекуціи на фонаряхъ. Не могу также вѣрить въ высокія способности мелкихъ ремесленниковъ и сапожниковъ къ управленію государствомъ и законодательству: дайте написать одно письмо тысячѣ человѣкъ, заставьте ихъ пережевывать каждое выраженіе и увидите что́ будетъ» [2]).

1790.

12-го февраля: «Вчера Бахусъ прислалъ мнѣ вашу миніатюрную грамоту, писанную 1-го и 2-го января. Около того же времени я начала подобную же, и если память мнѣ не измѣняетъ, я взяла ее съ собой на дачу, время отъ времени продолжала её, потомъ опять привезла сюда и отложила въ сторону, и это было

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 474, 475.

[2]) Стр. 479.

не по недостатку матеріала, а скорѣе по громадности событій, по странности явленій и неудачныхъ опытовъ этого времени, такого времени, когда свѣтъ пересталъ стыдиться всего что несправедливо, что достойно охужденія, что отзывается жестокостью и насиліемъ, что до сихъ поръ считалось отвратительнымъ,—такого времени, когда глупѣйшіе неучи замышляютъ силой захватить первыя мѣста.... То, что вы мнѣ разсказываете про ваше житье въ теперешнія пріятныя времена, заставляетъ меня содрогаться [1]).

«Я знала, что какой-то Бельзэнсъ погибъ, но не знала, что это братъ г-жи де Бюэль: мнѣ грустно за неё. Теперь такія времена, что приходится жалѣть о прошломъ. Здоровье ваше меня очень тревожитъ, но я вовсе не интересуюсь вашими великими производствами...... Я нахожу, что у васъ мысли самыя печальныя. Видно, что вы страдаете тѣломъ и душою; старайтесь развлекаться, и если я могу облегчить ваши заботы, то разскажите мнѣ все откровенно, съ точностью и умѣньемъ. Къ чему это: король *Французовъ?* Зачѣмъ отнимать у него Наварру — наслѣдіе отцовъ? Зачѣмъ, послѣ восьмисотлѣтняго существованія, измѣнять имя Франціи и начать говорить: Французы? Значеніе этого королевства таково, что должно бы предохранить его отъ такого переворота въ существованіи, относительно котораго опытъ еще не указалъ что́ хорошо и что́ худо, что́ полезно и что́ вредно. Съ какихъ поръ сумасбродство, легкомысліе, безпорядокъ, крайности всякого рода ставятся выше опытности, осторожности, порядка и закона? Какъ ничего не знающая и не понимающая, я только задаю вопросы, видя какъ на моихъ глазахъ рушится все, къ чему въ началѣ и въ серединѣ этого столѣтія были привязаны умы и сердца, что́ руководило въ жизни и безъ чего живешь лишь изо дня въ день» [2]).

---

[1]) Къ сожалѣнію, всей первой части писемъ Гримма за первую половину 1790 года недостаетъ.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 480, 481.

22-го іюня государыня писала изъ Царскаго-Села: «Письмо госпожи де-Бюэль отняло у меня охоту шутить. Въ немъ только и говорится что о бѣдствіяхъ Франціи и объ ужасахъ, окружающихъ васъ.... Искренно желаю, чтобъ эти бѣдствія прекратились и чтобъ Франція возвратила себѣ почетное мѣсто въ Европѣ, особенно же чтобъ положеніе королевы сдѣлалось такимъ, какъ я бы желала по живѣйшему моему участію къ ней. Въ великихъ опасностяхъ торжествуетъ великое мужество!... Послушайте, я не могу согласиться съ вашимъ предложеніемъ. Вовсе нейдетъ дворцовому меру, развѣнчавшему монархическую власть во Франціи [1]), имѣть портретъ самой аристократической императрицы въ Европѣ, а ей точно такъ же нейдетъ посылать его меру анти-монархисту. Это значило бы каждаго изъ нихъ поставить въ противорѣчіе съ самимъ собою и его призваніемъ прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ [2]).

23-го іюня: «Вы совершенно новымъ способомъ читали мое письмо въ четыре страницы, доставленное вамъ Бахусомъ. Вы прочли его по клочкамъ; я знаю, что́ такое *національное собраніе*, разрывающее Францію по клочкамъ. Но этой болѣзнью и вы заразились, поступая съ моимъ письмомъ какъ это собраніе съ королевствомъ, которое вѣроятно уже перестало быть таковымъ..... Кто бы подумалъ о Ламетѣ, въ бытность его въ Кіевѣ, что онъ будетъ изъ бѣшеныхъ?..... Вашъ комментарій о королѣ Французовъ лучшій изъ всѣхъ. Они это почерпнули въ исторіи Франціи? Кажется, Фарамондъ назывался королемъ Франковъ. Но со всѣми ихъ нововведеніями прощай Франція, а это вовсе не забавно» [3]).

24-го іюня прибавлено въ концѣ письма: «Что касается вашей тревоги насчетъ невѣрнаго состоянія вашей воспитанницы въ слѣдствіе общаго положенія страны, въ которой вы живете, я

---

[1]) Бальи.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 482, 483.

[3]) Стр. 484, 485.

конечно нахожу ваше сомоотверженіе вполнѣ прекраснымъ, но надо же позаботиться и о настоящей минутѣ, и потому я велѣла послать вамъ шесть тысячъ рублей, изъ которыхъ вы заплатите то что я должна, а остальное употребите какъ вамъ заблагоразсудится. Другія шесть тысячъ будутъ положены здѣсь въ Воспитательный домъ, чтобъ вы могли располагать и доходами и капиталомъ, какъ вамъ будетъ угодно. Я помѣстила ихъ здѣсь, такъ какъ считаю это учрежденіе вѣрнѣе чѣмъ всѣ ваши французскіе денежные дома, гдѣ ужъ вовсе ничего не платятъ... Что касается до мѣста посланника въ Италіи или Германіи, охотно дамъ вамъ его, когда вы этого пожелаете [1]).

25-го іюня: «Такъ какъ вы сознаётесь, что жизнь во Франціи не представляетъ болѣе ни малѣйшей пріятности, то видно что страна эта потеряла свое главное достоинство .... Какое паденіе! Большія дороги зарастутъ терніями, а Сюлли такъ радовался, что его любезный Генрихъ IV истребилъ ихъ. Никогда я съ такою жадностью не читала и не перечитывала Генріаду и всѣ мемуары той эпохи, какъ въ нынѣшнюю зиму. Надо будетъ національному собранію распорядиться, чтобъ бросили въ огонь всѣхъ лучшихъ французскихъ писателей, распространившихъ языкъ ихъ по цѣлой Европѣ. Иначе они будутъ свидѣтельствовать противъ отвратительнаго разрушенія ими произведеннаго. До сихъ поръ считали достойнымъ висѣлицы каждаго замышляющаго погибель своей страны, а вотъ цѣлая нація, или лучше сказать, тысяча двѣсти депутатовъ ея занимаются этимъ. Я полагаю, что еслибъ повѣсили нѣкоторыхъ изъ нихъ, остальные бы образумились. Слѣдовало бы начать съ того, чтобъ отнять у нихъ тѣ восемнадцать ливровъ, которые даются каждому депутату, и тогда эти добрые люди возвратились бы къ своимъ ремесламъ, а кромѣ того издать законъ, чтобъ ни одинъ адвокатъ не могъ быть принятъ въ собраніе» [2]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 487, 488.
[2]) Стр. 488, 489.

За этимъ слѣдуетъ то мѣсто объ адвокатахъ, которое мы уже привели въ главѣ о ея историческихъ взглядахъ и политической мудрости и гдѣ выражено убѣжденіе въ безнравственности защиты за деньги и праваго и неправаго дѣла, и въ томъ что это болѣе всего способствуетъ затемнѣнію въ умахъ понятія о хорошемъ и дурномъ, о справедливомъ и несправедливомъ. Она совѣтуетъ прежде всего уничтожить этотъ принципъ, а потомъ уже бороться со зломъ, которое онъ произвелъ. Въ концѣ же письма государыня прибавляетъ: «Никто болѣе меня не принимаетъ искренняго участія въ страданіяхъ королевы; я люблю ее какъ возлюбленную сестру лучшаго друга моего Іосифа и удивляюсь ея мужеству... Прощайте и знайте, что если отвратительныя начала вашихъ бѣшеныхъ повально распространятся въ Европѣ, можно будетъ поздравить съ этимъ Турокъ, которымъ тогда завоеваніе Европы сдѣлается удобнымъ и легкимъ; вотъ что ваша покорная слуга вамъ предрекаетъ и что она докажетъ вамъ, какъ дважды два четыре» [1]).

Съ половины 1790 года письма Гримма сохранились вполнѣ до мая 1791 г., и теперь мы будемъ приводить изъ нихъ все касающееся революціи, наглядно съ отвѣтами императрицы.

Въ письмѣ отъ 1-го августа 1790 онъ сообщаетъ, что уѣзжаетъ на воды въ Бурбонну, что надѣется присутствовать во Франкфуртѣ на коронаціи Леопольда, а потомъ имѣть свиданіе съ принцемъ Генрихомъ въ Вильгельмсбадѣ, объясняя, что цѣль послѣдняго будетъ только «пріобрѣсти вѣрныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ во Франціи, и я буду имѣть горесть геометрически доказать ему, что Франція погибла безвозвратно, и если какой богъ не сойдетъ въ машинѣ чтобъ спасти её—то на картѣ останется только черная дыра, которую Эдмундъ Бэрке и я не одни замѣтили съ самаго начала этой злополучной революціи. Анархія ея такова, что невозможно ей просуществовать даже нѣсколько времени безъ какой-нибудь новой революціи, которую впрочемъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 490.

невозможно предупредить, такъ какъ нигдѣ незамѣтно довольно хорошихъ актёровъ, чтобъ произвести развязку въ пьесѣ, усложненной бандитами и повѣсами, не вѣдающими, что они творятъ. Всего неизбѣжнѣе до сихъ поръ — банкротство, зрѣющее подъ рукою честности, но собственно говоря злобы и безсмыслія французскаго, и становящееся день ото дня неизбѣжнѣе. . . .

«До сихъ поръ августѣйшее собраніе ничего не рѣшило на счетъ пенсіи г-жи де-Бюэль, хотя г. Вимпфенъ, одинъ изъ членовъ комитета, и упомянулъ о томъ особо въ рапортѣ, здѣсь прилагаемомъ, и куда онъ вплёлъ похвалу безсмертной во вкусѣ, соотвѣтствующемъ мѣсту, гдѣ она должна была произвести свое дѣйствіе. Я не ожидалъ, что меня назовутъ, ни что я найду эту похвалу въ рапортѣ барона Вимпфена; но онъ сообщилъ мнѣ, посылая его, что не могъ воздержаться, чтобъ не похвалить ту, которой онъ такъ давно удивляется. Увѣряютъ меня, что эта похвала покрыта была рукоплесканіями въ вертепѣ тысячи двухсотъ королей — адвокатовъ и жилетовъ, куда я никогда не ставлю ноги, такъ какъ зрѣлище безумія и злобы никогда не забавляло меня. Этотъ предметъ прямо возвращаетъ меня къ пожалованію денегъ и другимъ невѣроятнымъ распоряженіямъ въ пользу г-жи Бюэль и ея опекуна, сдѣланнымъ среди грома пушекъ тою неистощимою благотворительностью, которая не довольствуется заботами о славѣ и счастіи самаго обширнаго изъ государствъ, но занимается еще двумя атомами, брошенными судьбою далеко отъ нея. Здѣсь, государыня, рыданія повторяются, и всего лучше я сдѣлаю, если запечатаю пакетъ, отдамъ его г. Павлову, уложу свои вещи для поѣздки въ Бурбонну и уѣду»[1]).

«Я такъ тронутъ всѣмъ, что ваше величество говорите мнѣ о французской королевѣ, что считаю себя обязаннымъ найти, вѣрный случай довести это до ея свѣдѣнія. Это утѣшеніе не должно быть у нея отнято. Къ несчастію, ея положеніе таково,

---

[1]) Письма Гримма, стр. 248, 252, 253.

что самыя невинныя сношенія представляютъ свою опасность, и что достаточно было бы клочка бумаги, котораго передача была бы замѣчена и худо объяснена, чтобъ породить самыя странныя и даже гнусныя подозрѣнія. Я полагаю, что мы приближаемся къ весьма скорому и насильственному кризису: финансы въ крайности и возстаніе цѣлой арміи, готовой разбѣжаться, вотъ два симптома, предвѣщающіе скорое разложеніе.

«Я забылъ сказать, что г-нъ и г-жа де-Бюэль названы въ рапортѣ г. Вимпфена именемъ дю-Ру, которое принадлежитъ г. де-Бюэлю, ведущему свой родъ отъ стариннаго Овернскаго дома, одного происхожденія, какъ думаютъ, съ домомъ Руффо изъ Неаполя. Онъ носитъ имя де-Бюэль по матери, отъ которой онъ его наслѣдовалъ. Но ваше величество вѣроятно знаете, что уже два мѣсяца какъ нѣтъ болѣе дворянства во Франціи, что есть только дѣятельные граждане, начиная съ братьевъ короля и кончая чернорабочими, метущими улицы, такъ какъ всѣ люди родятся свободными и равноправными, слѣдуя заявленію о правахъ изъ дома сумасшедшихъ во Франціи» [1]).

Государыня такъ отвѣчаетъ на это письмо Гримма начинающееся словами: «Какъ я жалокъ»! «Жалобный тонъ очень присталъ жителю столицы, которая два года уже находится въ мукахъ рожденія и которой навѣрное угрожаютъ несчастное разрѣшеніе...... чудовищемъ разложившимся и зловоннымъ. Но отведемъ взоръ отъ зрѣлища столь гнуснаго и отвратительнаго какъ преступленія этой гидры о тысячѣ двухстахъ головахъ. Вы прекрасно дѣлаете, что ѣдете путешествовать, чтобъ развлечься. Вы найдете Николая Румянцова во Франкфуртѣ, гдѣ можете съ нимъ обниматься сколько вамъ угодно......

«Надо сказать правду, что у васъ во Франціи теперь господствуетъ тонъ грязной распущенности. Однакоже не этимъ тономъ прославилась Франція, а изящнымъ языкомъ двора Людовика XIV. Этимъ блескомъ дорожило общественное мнѣніе цѣ-

---

[1]) Письма Гримма, стр. 255, 256.

лыя полтора столѣтія, и вотъ въ какіе-нибудь три года все это вдругъ исчезло! Я бы еще многое могла сказать вамъ по этому поводу, но громадный пакетъ, который мнѣ сейчасъ принесли, избавляетъ васъ на этотъ разъ отъ дальнѣйшихъ моихъ размышленій. Однако прежде чѣмъ примусь за чтеніе бумагъ, я непремѣнно должна вамъ сдѣлать вопросъ: что сдѣлаютъ Французы со своими лучшими писателями, которые почти всѣ жили въ царствованіе Людовика XIV? Всѣ они и даже Вольтеръ — приверженцы королевской власти и проповѣдуютъ порядокъ и спокойствіе, а это прямо противоположно системѣ гидры о тысячѣ двухстахъ головахъ. Можетъ-быть они бросятъ ихъ въ огонь? Если же нѣтъ, то оттуда будутъ извлечены начала совершенно противорѣчащія ихъ системѣ, если только у нихъ есть какая-нибудь система» [1]).

«Эта черная дыра, предсказанная Эдмундомъ Бэрке — дѣло весьма плачевное. Но въ эту минуту говорятъ, что г. Буде во главѣ 18,000-ной арміи подвигается отъ Нанси, а такъ какъ вы меня увѣряли, что это человѣкъ съ характеромъ, то увидимъ что̀ онъ сдѣлаетъ. Но дѣла множество, да и банкротству онъ никакъ не можетъ помѣшать. Я не хочу, чтобъ у васъ украли мои письма; они для васъ, а не для публики, которая часто лишена всякаго здраваго смысла. Одною изъ нелѣпѣйшихъ операцій тысячидвухсотголовой гидры было уничтоженіе дворянства. Какъ? То, что семьи пріобрѣли трудами, службой отцовъ — у нихъ отнято? А за что же, скажите, отнимать у людей и честь и выгоду? Какое же поощреніе будутъ они имѣть? оставаться всѣмъ въ неизвѣстности? Тогда прощай и слава! А тутъ и клевета будетъ дѣлать свое дѣло. Эта перемѣна именъ тоже престранное дѣло».

«То, что вы мнѣ сообщаете о несчастномъ положеніи Французской королевы только подтверждаетъ то, что я уже знала. Въ настоящую минуту ей можно только посовѣтовать величайшую осторожность въ дѣйствіяхъ. Впрочемъ она можетъ быть

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 492, 493, 494.

увѣрена, что я сочту за долгъ быть ей полезной во всемъ, въ чемъ только могу. Другъ и вѣрная союзница ея братьевъ не можетъ думать иначе. Желаю отъ всей души, чтобъ эти критическія обстоятельства измѣнились какъ можно скорѣе къ лучшему.... Такъ вотъ и книжная торговля тоже уничтожена во Франціи, и страна наводнена глупостями и неистовствами: о бѣдные и злые люди» [1])!

«Еслибъ я была г. Буле, то мнѣ не даромъ дали бы начальство надъ 18,000 человѣкъ. Я употребила бы ихъ на то, чтобъ изгнать изъ страны прокуроровъ и адвокатовъ и всю ихъ братію. Сегюръ пишетъ сюда, что ничего нельзя предсказывать заранѣе о томъ что у нихъ происходитъ, потому что послѣдствія всего этого неисчислимы, но не взирая на этотъ (не Калхасовскій) оракулъ, я болѣе чѣмъ когда-либо предсказываю имъ надолго всевозможныя несчастія и бѣдствія прежде чѣмъ они возвратятся къ порядку и спокойствію.

«Празднества мира наградили меня кашлемъ; чтобъ избавиться отъ него, я добровольно легла въ постель; надѣюсь черезъ шесть недѣль прочесть въ газетахъ, что я при смерти. Но въ постели я много размышляла, и между прочимъ мнѣ пришло на мысль что одна изъ причинъ почему Матьё Монморанси, Ноальи и проч. такъ дурно воспитаны и такъ неблагородно мыслятъ, та что они первые предложили декретъ объ уничтоженіи дворянства, пріобрѣтеннаго однако трудами ихъ предковъ; другая бѣда въ томъ, что у васъ уничтожили іезуитскія школы. Что тамъ ни говори, а эти плуты бдительно смотрѣли за нравами и наклонностями своихъ воспитанниковъ, и все что во Франціи было лучшаго вышло изъ ихъ школъ. Я читаю и перечитываю Генріаду во время этихъ смутъ во Франціи; посовѣтуйте и Французамъ читать ее, чтобъ бездѣльники, подобные вышеназваннымъ, научились мыслить» [2]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 495, 496.

[2]) Стр. 500.

Отъ 9-го октября Гриммъ писалъ изъ Франкфурта: «Увы! эта несчастная страна (Францiя) ежедневно приближается къ своей гибели, и нѣтъ для нея ни малѣйшаго признака спасенiя. Г. Неккеръ окончилъ свое министерское поприще и репутацiя его погребена подъ развалинами монархiи. Я опасаюсь, что Лафайэтъ кончитъ тѣмъ же. Со всѣхъ сторонъ вижу я людей, приведшихъ въ движенiе машину, для управленiя которою нѣтъ у нихъ ни умѣнья, ни силъ, и они, увлеченные ею, сами являются невинной причиной разрушенiя Францiи. Но всего болѣе виноваты именно эти невинные, вмѣшивающiеся въ великiя дѣла, и можетъ-быть въ первый разъ необходимость не создала нужныхъ людей или нужнаго человѣка, чтобъ спасти свою страну. Тогда какъ революцiя и раздоры естественно образуютъ много характеровъ,—въ эти бѣдственныя времена не нашлось ни одного, и Францiя сдѣлалась жертвою шайки адвокатовъ, пустыхъ головъ, выдающихъ себя за философовъ, также всякихъ повѣсъ, негодяевъ, молодыхъ франтиковъ, не имѣющихъ и тѣни здраваго смысла и являющихся игрушками въ рукахъ нѣсколькихъ бандитовъ, не заслуживающихъ, при всей своей преступности, даже имени знаменитыхъ злодѣевъ. Посмотрѣвъ вновь на церемонiю избранiя и коронованiя Римскаго императора съ тѣмъ же дѣтскимъ удовольствiемъ, съ какимъ я глядѣлъ на нее 45 лѣтъ тому назадъ, я вырвусь изъ объятiй друга *моего сердца* и *друга по сердцу*, чтобъ опять окунуться въ омутъ, именуемый Парижемъ, о которомъ имѣю эту зиму худшее чѣмъ когда-либо мнѣнiе; но что дѣлать? нельзя покинуть тѣхъ, кому мы отъ ихъ рожденiя дали право на насъ опираться. И такъ какъ отъ меня не зависитъ увезти изъ Францiи г-жу Бюэль съ мужемъ и дѣтьми, то надо возвратиться туда, и, если нужно, лечь съ нею, или возлѣ нея» [1]).

Франкфуртъ, 1-го ноября: «Чтобъ успокоить себя я прямо лечу окунуться въ пучину, гдѣ царствуютъ злоба и безумiе и гдѣ

[1]) Письма Гримма, стр. 265, 266.

дѣла день ото дня ухудшаются. Я не имѣю тамъ никакого дѣла, и однакоже бѣгу туда; я покидаю самаго нѣжнаго друга [1]), я противлюсь его упрашиваньямъ, потому что, не будучи въ возможности увезти мою маленькую воспитанницу и ея дѣтей изъ Франціи, но разъ пріучивъ ее съ рожденія надѣяться на меня, я необходимо долженъ ѣхать ее успокоить своимъ присутствіемъ и раздѣлить опасности, отъ которыхъ не могу уберечь ее».

«Въ поѣздку, сдѣланную мною въ Готу, я нашелъ, что тамъ господствуетъ прекрасное настроеніе и что наши писатели не заразились французской болѣзнію, какъ столько другихъ умниковъ Германіи во многихъ частяхъ ея. Наши готскія перья положительно способствовали потушенію возстанія въ курфиршеской Саксоніи, какъ ваше величество увидите изъ «Горячки бунта» и другихъ памфлетовъ здѣсь прилагаемыхъ, которые Дрезденскій дворъ требовалъ у нихъ тысячами, чтобъ распространять ихъ между непокорными подданными. Это безуміе, кажется, совершенно прекратилось. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Парижъ, буду имѣть честь говорить съ моей августѣйшей монархиней о книгѣ подъ заглавіемъ: «Маленькая книжка для помощи въ нуждѣ» (Das kleine Noth- und Hülfs - Büchlein), которой авторъ, живущій въ Готѣ, одинъ продалъ болѣе ста тысячъ экземпляровъ, хотя книга его была перепечатана во всѣхъ частяхъ Германіи» [2]).

Отъ 14-го ноября Гриммъ, по возвращеніи своемъ въ Парижъ, пишетъ: «Я вступилъ въ Парижъ съ растерзаннымъ сердцемъ, и пріѣздъ мой привѣтствованъ былъ народнымъ зрѣлищемъ грабежа отеля Кастри. Ваше величество спросите меня: Да кто же, безумецъ, заставлялъ тебя туда возвращаться? Ахъ! кто заставлялъ? Конечно не удовольствіе, конечно не желаніе моего сердца возвратили меня сюда. Я могъ бы провести самую пріятную зиму возлѣ своего святого во Франкфуртѣ; наши безпрерывныя прогулки въ Царское Село, въ Петербургъ, въ Эрмитажъ

---

[1]) Графа Н. Румянцова.

[2]) Письма Гримма, стр. 270, 271, 272.

обманывали бы мое сердце, и я въ иныя минуты мечталъ бы, что перенесенъ туда. Я могъ бы расположиться въ Лозаннѣ, возлѣ маршала Кастри, къ которому я привязанъ уже 40 лѣтъ, который переѣхалъ туда со времени возрожденія Галліи, потому что онъ съ самого начала предвидѣлъ всѣ благословенія, которыя намъ готовились. Я бы долженъ былъ для поправленія своего разстроеннаго здоровья, которое Парижъ быстро доконаетъ, поискать болѣе мягкаго неба, напр. Ниццы, Пизы или Неаполя, чтобъ дышать тамъ свободно и незадыхаясь. Но ваше величество не научили ли меня давно своимъ славнымъ примѣромъ, что есть первостепенная добродѣтель, безъ которой другія не стóятъ своего имени? Эта добродѣтель постоянство. И если постоянство есть первая изъ ея добродѣтелей, какъ смѣлъ бы многострадальный не имѣть её и не подражать издали той, которой образъ сіяющій славою преслѣдуетъ его день и ночь. Поэтому я сказалъ себѣ, что пріучивъ госпожу де-Бюэль расчитывать на меня, съ тѣхъ поръ какъ она существуетъ, я не могу въ такую минуту ее покинуть. И какъ она привязана къ почвѣ маленькимъ имуществомъ своего мужа, и потомъ съ тремя дѣтьми и скудными средствами, столь же разстроенными какъ и самыя большія имѣнія прежней Франціи, я конечно не былъ бы въ состояніи вывезти её отсюда и заставить её покинуть свое печальное отечество, какъ сдѣлали всѣ имѣвшіе на то возможность. Стало-быть, мнѣ слѣдовало возвратиться сюда, чтобы раздѣлить судьбу моей питомицы, поддержать её, хотя насъ раздѣляло пространство въ двадцать-пять миль, и наконецъ похоронить себя возлѣ нея, если надо и если мои припадки удушья, возобновившіеся съ пріѣзда моего, потребуютъ того отъ меня» [1]).

Отъ 1-го декабря Гриммъ, излагавшій въ предыдущемъ письмѣ всѣ впечатлѣнія своего путешествія и различныхъ свиданій и разговоровъ, продолжаетъ такъ: «Остальная часть моего путешествія изъ Бурбонны во Франкфуртъ прошла нѣсколько

---

1) Письма Гримма, стр. 273, 274, 275.

спокойнѣе. Я пріостановился въ Мецѣ, чтобъ видѣть маркиза Буйе, котораго не видалъ съ революціи послѣ всѣхъ угрожавшихъ ему опасностей. Этотъ человѣкъ мнѣ по сердцу, но, развѣ послѣдуетъ какое-нибудь необыкновенное и неожиданное стеченіе обстоятельствъ, онъ будетъ такъ же безполезенъ къ возстановленію порядка какъ и другіе, потому что неурядица въ этомъ несчастномъ королевствѣ такова, что мнѣ кажется невозможно уберечь его отъ разложенія. Ваше величество вполнѣ правы: человѣкъ во главѣ осьмнадцати тысячъ войска, съ характеромъ и рѣшимостью завоевателя, можетъ сдѣлаться, смотря по складу и свойствамъ своимъ, или властителемъ и тираномъ, или избавителемъ своего отечества. Но ему необходимо было бы осьмнадцать тысячъ человѣкъ, на которыхъ онъ могъ бы расчитывать, и благодаря глубокому злодѣйству тѣхъ, кто привелъ дѣла въ то положеніе, въ какомъ они находятся, все постепенно и въ опредѣленную минуту оказывается взбунтовавшимся, возставшимъ, разстроеннымъ. Ничто не представляетъ мнѣ болѣе вѣрнаго изображенія турецкой арміи, какъ настоящее состояніе арміи французской, съ тою разницей, что здѣшніе правители всячески стараются возбуждать, поощрять и награждать виновныхъ и преступныхъ, которыхъ визирь по крайней мѣрѣ велитъ душить или сажать на колъ, когда можетъ. Такова измѣнчивость всего человѣческаго, что минута безумія поставила насъ въ уровень съ безмозглыми и свирѣпыми врагами нашей августѣйшей государыни. Чтобъ спасти Францію, нужна бы чужеземная сила, способная послужить ядромъ, вокругъ котораго могли бы соединиться народныя силы, а этой чужеземной помощи не существуетъ; одинъ Французъ могъ бы также совершить это чудо двадцать разъ, сто разъ, во мгновеніе ока, но онъ этого не хочетъ. Этотъ Французъ — самъ король...... Великій Герцбергъ и великій Неккеръ, хотя вовсе не похожіе другъ на друга, заставили меня почувствовать отвращеніе къ министрамъ-литераторамъ. Если этотъ педантъ своей спесью, ложными расчетами, академическими и полемическими диссертаціями обреченъ Провидѣніемъ погубить

свою родину, другой, окончивши роль свою, могъ бы спросить себя, что сталось въ рукахъ его съ тою Франціей, которую онъ получилъ цѣлою въ 1788 г. Онъ, какъ ребенокъ, одаренный однако сатанинской гордостью и совершенною неспособностью сладить съ большой машиной, льстилъ себя надеждою подчинить себѣ государственные чины могуществомъ своего краснорѣчія и своего пера. Онъ мѣтилъ ни мало ни много — на то, чтобъ сдѣлаться министромъ націи, чтобъ болѣе не зависѣть отъ прихотей двора; а нація или лучше сказать тѣ, которые сдѣлались ея представителями, насмѣялись надъ нимъ и кончили тѣмъ, что отвергли его съ презрѣніемъ. Онъ любилъ театральные эффекты и производилъ ихъ время отъ времени въ національномъ собраніи, или посылалъ туда своего короля для той же цѣли, чтобъ привести чувствительную и кроткую націю на 24 часа въ умиленіе, надъ которымъ она черезъ день послѣ того смѣялась. Наконецъ онъ сошелъ со сцены. Умы безпристрастные, нападая на его способности, отдадутъ справедливость его честности; отказавъ ему въ дарованіяхъ и искуствѣ великаго финансиста-политика и особливо государственнаго человѣка, они не заподозрятъ его въ томъ, чтобъ онъ готовилъ или желалъ видѣть то что случилось; но они скажутъ, что если въ его министерство Франція впала въ такое плачевное состояніе, надо было или бѣжать или погибнуть вмѣстѣ съ нею» [1]).

Отъ 20-го декабря Гриммъ передаетъ разговоръ свой съ Леопольдомъ по поводу французской революціи и, сообщая свой взглядъ на нее, высказываетъ замѣчательное пророчество по отношенію къ Россіи. Онъ предвидитъ, что ей суждено принять наслѣдіе европейской цивилизаціи и развивать её далѣе, не заражаясь той болѣзнью разрушенія, которая, какъ ему ужъ тогда казалось, должна была охватить всю Европу. Это письмо такъ замѣчательно, что заслуживаетъ быть приведеннымъ почти въ цѣлости: «Въ аудіенцію, доставленную мнѣ у императора, чтобъ пере-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 284, 287.

дать ему поздравительное письмо герцога Готскаго по случаю его восшествія на престолъ, этотъ монархъ говорилъ со мною сначала о французской революціи какъ съ человѣкомъ, который только что былъ ея свидѣтелемъ. Онъ не счелъ меня достойнымъ того, чтобъ говорить со мною съ довѣріемъ въ политическомъ отношеніи, и имя сестры его не было произнесено имъ; но онъ ограничился философствованіями и общими мѣстами, и когда я сказалъ ему, что опасаюсь возвращенія варварства, уничтоженія искуствъ и просвѣщенія, онъ отвѣчалъ мнѣ, что возвращеніе суевѣрія и царства поповъ кажется ему близкимъ и неизбѣжнымъ. Тогда я сообщилъ ему предсказаніе вашего величества. Мнѣ показалось, что онъ опасался обнаружить передо мной впечатлѣніе, которое это предсказаніе произвело на него; можетъ-быть онъ вообразилъ, что я выставилъ его единственно съ тѣмъ, чтобъ дать разговору политическій оборотъ. Въ этомъ я его успокоилъ весьма скоро, погрузившись въ глубочайшія догадки философскаго и общаго характера. Неоспоримо только одно: что Волохи всегда остаются Волохами, что Вольтеръ нашелъ бы ихъ тѣми же, какими ихъ покинулъ, какими они были уже двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ; по тому, какъ они воспользовались свободой, они доказали, что столько же способны обладать ею, какъ корова способна плясать на канатѣ, и что за ихъ настоящимъ сумасбродствомъ можетъ послѣдовать только самый суровый деспотизмъ. Мой добрый нунцій Капрара, человѣкъ умный, что не помѣшало ему разводить чистую водицу при курфиршескомъ сеймѣ, потому что онъ хотѣлъ итти подъ эгидой Пруссіи, а курфиршеская коллегія не любитъ этого щита, этотъ мой нунцій говорилъ мнѣ по поводу мудрости національнаго собранія: я не боюсь за авторитетъ церкви; мы оба съ вами можетъ-быть слишкомъ стары, чтобъ видѣть её возникающею изъ пепла, но она возродится. Ваши якобинцы сдѣлали это чудо неизбѣжнымъ; но сознайтесь также, что они проиграли роду человѣческому превосходный процессъ, и что еслибъ они были въ состояніи руководить этой революціей съ умѣренностью и мудростью, они могли бы сдѣлать

её благотворною для всего рода человѣческаго. Конечно мой добрый нунцій правъ, ярость Галловъ совершила въ нѣсколько мѣсяцевъ дѣло нѣсколькихъ вѣковъ постепеннаго упадка, и даже языкъ съ ужасающею быстротою искажаетъ эта ярость, такъ что языкъ Расиновъ и Вольтеровъ скоро будетъ казаться чужимъ. Когда аббатъ Галіани пророчествовалъ, что русскій языкъ сдѣлается языкомъ дворовъ, а французскій языкомъ ученыхъ [1]), онъ не думалъ, что такъ близка эта революція. Такъ какъ всякая бѣдственная эпоха подаетъ поводъ къ предсказаніямъ, я тоже выскажу свое. Безъ сомнѣнія, если безуміе Франціи не будетъ подавлено и быстро не прекратится, оно можетъ быть болѣе или менѣе пагубно для самаго ядра Европы, ибо невозможно, чтобы чумная зараза не опустошала и сосѣдство. Уничтоженіе военной дисциплины будетъ однимъ изъ прямыхъ послѣдствій этой заразы, этой методически развившейся разнузданности, которою мы здѣсь вполнѣ наслаждаемся. Въ этомъ порядкѣ вещей свирѣпымъ варварамъ мусульманамъ была бы легкая пожива и предсказаніе безсмертной очень скоро сбылось бы, еслибъ русскій орелъ не былъ недосягаемъ для французскаго изступленія. Эта имперія и дисциплина ея армій въ случаѣ надобности обуздаетъ и уничтожитъ варваровъ и предохранитъ отъ ихъ вторженія ядро Европы, которое покроется густымъ мракомъ. *Два государства тогда подѣлятъ между собой всѣ преимущества образованности, всю силу генія въ литературѣ, искуствѣ, военномъ дѣлѣ и промышленности: Россія со стороны востока, а освобожденная въ наши дни Америка со стороны запада.* А мы, народы ядра Европы, окажемся слишкомъ развращенными, слишкомъ униженными, чтобъ иначе какъ только по глухому преданію сознавать чѣмъ мы были прежде. Конечно не было еще примѣра въ лѣтописяхъ міра, чтобъ великая нація могла внезапно исчезнуть и быть вычеркнутою изъ списка народовъ по собственному своему хотѣнію и не испытавъ никакихъ другихъ бѣдствій, кромѣ собственнаго безумія. Какой печальный удѣлъ быть уничтоженной горстью мошенниковъ и повѣсъ, которые не умѣютъ внушить къ себѣ

уваженія, хотя бы характеромъ величія въ своихъ злодѣйствахъ; которые во всякомъ спорѣ по поводу самыхъ простыхъ вещей обнаруживаютъ свою пустоту, свое невѣжество, свое безуміе, которые съ бѣшенствомъ характера соединяютъ мелочность и ребячество, покрывающія ихъ позоромъ, и при всемъ томъ постоянно воображаютъ себя свѣточемъ народовъ, тогда какъ они стали посмѣшищемъ для нихъ! Я не исключаю ни одного изъ трехъ сословій, и побѣжденные и побѣдители равно являются позоромъ для человѣчества. Не нашлось ни одного великаго характера, когда того настоятельно требовала необходимость: вотъ величайшій признакъ упадка, какой можетъ обнаружить нація. Ваше величесто спрашиваете меня, куда дѣвались эти французскіе рыцари, нѣкогда блиставшіе гордостью и мужествомъ. Передъ революціей они сдѣлались англійскими жокеями и конюхами; понятно, что послѣ революціи они сочли честью и славой быть смѣшанными со сволочью! Они въ одномъ вечернемъ засѣданіи, полупьяные, возбудили вопросъ объ уничтоженіи дворянства, принявъ на своей аудіенціи множество бездѣльниковъ, одѣтыхъ по оперному и подкупленныхъ изображать изъ себя посланниковъ націй; адвокаты такимъ образомъ довершили собственное безуміе. Что сказать о націи, которая не знаетъ, или представляется незнающею, что дворянское сословіе составляетъ такую же существенную принадлежность общества, такъ же необходимо для успѣховъ образованности, какъ развитіе красоты, силы и успѣхи роста присущи природѣ тѣла. Конечно со стороны Неккера не было непростительной ошибкой, что онъ удвоилъ среднее сословіе, что́ было согласно со справедливостью и чему онъ былъ не въ силахъ помѣшать, но непростительно было вообразить, что министръ можетъ созывать государственные чины, не позаботясь о ихъ составѣ, не наблюдая зорко за выборами, не имѣя на нихъ положительнаго вліянія, не заручившись въ нихъ преобладающей партіей. Король конечно былъ въ своемъ правѣ, когда требовалъ двухъ предварительныхъ и существенныхъ качествъ въ депутатѣ: чтобъ онъ имѣлъ 40 лѣтъ, такъ какъ разсудокъ и раз-

мышленіе зрѣютъ во Франціи позже чѣмъ гдѣ-либо, и чтобъ онъ былъ собственникомъ. Эти два необходимыя условія достаточно предохранили бы монархію отъ опасности попасть въ руки адвокатовъ и блузниковъ, и спасли бы ее отъ ихъ тупоумныхъ и тёмныхъ происковъ. Но когда я заглядываю въ исторію и вспоминаю, чѣмъ была эта нація всякій разъ какъ она хотѣла сама управляться и вести свои дѣла, я невольно прихожу къ мысли, что бѣдствія Франціи были рѣшены въ тотъ день, какъ произнесено было имя государственныхъ чиновъ. Нація, неосторожно вовлеченная въ дѣйствіе, обнаружила тотъ же характеръ запальчивости, звѣрства, необузданности и ребячества которыми она отличалась при всякомъ случаѣ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ. Мы сами жестоко заблуждались, почитая себя на тысячу лѣтъ удаленными отъ этихъ признаковъ варварства и распущенности, потому что вѣкъ счастія, легкомыслія и народной испорченности, наступивъ за вѣкомъ успѣховъ, гордости и славы, замаскировалъ и скрылъ отъ насъ неизгладившіяся черты первобытнаго характера. Когда зимою, передъ открытіемъ народнаго собранія, я подмѣтилъ среди возбужденія умовъ первые зародыши общественнаго безумія, я иногда осмѣливался имъ говорить шутя: «Вижу, что вы хотите выдумать свободу и превзойти своимъ геніемъ Англичанъ и Американцевъ; но постарайтесь не отстать отъ Поляковъ». Я тогда думалъ, что произношу злую шутку; теперь я не нанесу какому-нибудь польскому сейму такого оскорбленія, чтобы приравнять его къ національному собранію Волоховъ. Мнѣ тогда не приходило въ голову, что если Франція, полная силъ, свѣжести и мужества, могла мягкими и умѣренными законами быть возведена на высшую степень благосостоянія въ гораздо меньшій срокъ, чѣмъ какой надобенъ былъ для разрушенія Бастильи, то фурія французская, ярость адвокатовъ и повѣсъ предприметъ разрушить монархію съ такою же быстротою и не встрѣтитъ никакого препятствія своему преступному предпріятію [1]).

[1]) Письма Гримма, стр. 291—296.

1791.

Понятно какое сильное впечатлѣніе должно было производить на Екатерину чтеніе этихъ краснорѣчивыхъ страницъ, вылившихся такъ искренно изъ-подъ пера очевидца событій, тѣмъ болѣе что говорилъ съ нею человѣкъ спокойный, не принадлежавшій ни къ какой партіи дѣйствія и отнюдь не враждебно относившійся къ господствовавшей тогда идеѣ такъ называемаго обновленія Франціи.

Отъ 12-го января 1791 Екатерина писала: «Фактотумъ возвѣстилъ мнѣ объ отъѣздѣ курьера въ вашу несчастную страну, а потому примите, г. многострадальный, мои поздравленія съ новымъ годомъ; они несравненно искреннѣе, чѣмъ тѣ, что были принесены изъ вертепа злополучнаго и разрушительнаго собранія депутатовъ Французскому королю, котораго держатъ плѣнникомъ въ замкѣ Тюильри, служащемъ въ настоящую минуту Бастиліей, по словамъ Эдмунда Бэрке — англійскаго Демосѳена. Если книги Калонна и Бэрке не произведутъ впечатлѣнія на разномысленныя головы во Франціи, то придется сказать или что они ужъ вовсе не читаютъ, или у нихъ головы до того перевернулись, что только полное крушеніе исцѣлитъ ихъ, но ужъ слишкомъ поздно, отъ ихъ ярости. Что сталось съ вашими французскими рыцарями? Отчего же они дали сбросить себя въ грязь» [1]).

Въ то время какъ Екатерина писала эти строки къ Гримму, онъ сообщалъ ей одну ужасающую подробность о революціонномъ звѣрствѣ во Франціи, показавшемъ до чего можетъ дойти изступленіе разнузданныхъ страстей толпы, изъ которой въ эпохи революцій обыкновенно выступаютъ на сцену самые отвратительные по грубости и порочности подонки общества. Братъ г-жи Бельзэнсъ, о смерти котораго императрица ужъ упоминала выше, офицеръ погибшій при исполненіи своего долга на защиту порядка въ городѣ Канѣ (Caen, въ Нормандіи), былъ не только

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 501. 502.

убитъ, но и *съѣденъ*. Эти ужасныя строки Гримма заставляютъ содрогаться еще и теперь, на разстояніи цѣлаго столѣтія. Какія же чувства должны они были возбудить къ императрицѣ— современницѣ ужасныхъ событій, касавшихся лицъ ей хорошо извѣстныхъ и въ которыхъ она принимала живое участіе. Каково должны были подѣйствовать на нее самыя подробности этаго разсказа, какъ видно сообщенныя ей ранѣе въ одномъ изъ утратившихся писемъ Гримма. Отъ 10-го же января онъ писалъ: «Госпожа де-Бюэль, покинувшая Парижъ въ 1789 году, за шесть недѣль до революціи, рискнула наконецъ возвратиться въ омутъ за день до новаго года, по счету Юліанскаго календаря, къ которому Греческая императрица привязана только по непростительному расположенію къ своему двоюродному братцу Юлію Кесарю. Госпожа де-Бюэль воображаетъ, что она имѣетъ право писать хоть одинъ разъ въ годъ своей августѣйшей благодѣтельницѣ, и конечно, если признательность даетъ большія права, никто послѣ меня не имѣетъ на ваше величество такихъ правъ какъ она. Ея первое появленіе при дворѣ было крайне тяжело и нанесло ей новый жестокій ударъ. Увидѣвъ её, всякій вспомнилъ съ волненіемъ и состраданіемъ брата ея, убитаго и съѣденнаго въ Канѣ въ августѣ 1789 г. Королева подошла къ ней и со слезами на глазахъ сказала ей: «Госпожа де-Бюэль, я хотѣла бы говорить съ вами, но это невозможно»; рыданія едва не задушили маленькую протеже вашего величества; все королевское семейство показало ей необыкновенное участіе. Королева, отвернувшись и глотая слезы, продолжала исполнятъ дворскія обязанности съ видомъ величайшаго спокойствія; этому искуству она имѣла время научиться въ школѣ несчастія; я всегда, видя ее, бываю пораженъ ея достоинствомъ среди окружающихъ её опасностей. Конечно для нея было бы великимъ утѣшеніемъ, еслибъ она узнала какое участіе она внушаетъ вашему величеству, и если когда-нибудь мелькнетъ возможность доставить ей это утѣшеніе, не подвергая ея спокойствія опасности, то я ревностно это исполню; но покамѣстъ осторожность слишкомъ настоятельно тре-

буетъ не пробовать ничего такого, что могло бы доставить хотя малѣйшій предлогъ къ увеличенію опасности, въ которой находится эта злополучная принцесса» [1]),

Мудрено ли послѣ того, что Екатерина пишетъ отъ 13-го января: «Кровь кипитъ въ жилахъ, даже за 700 миль отъ вашихъ домашнихъ очаговъ, когда я вижу, что у васъ происходитъ... Теперь ужъ конечно не мои письма причиняютъ вамъ удушье; послѣдніе два года я стала вамъ писать рѣже, и письма мои кажется стали короче; но это происходитъ не отъ того, чтобъ писать было нечего, а отъ обстоятельствъ времени, потому что я не люблю посылать къ вамъ письма во время отвратительной кутерьмы, которая происходитъ вокругъ васъ. Никогда не знаешь, живы ли вы еще среди всѣхъ смутъ, убійствъ и грабежей въ этомъ вертепѣ разбойниковъ, захватившихъ власть во Франціи, чтобъ превратить ее въ Галлію временъ Кесаря. Но Кесарь ихъ усмирилъ. *Когда же придетъ Кесарь? О, онъ придетъ, не сомнѣвайтесь, онъ появится*! Еслибъ я была на мѣстѣ Артуа и Конде, я бы сумѣла употребить въ дѣло эти триста тысячъ французскихъ рыцарей. Честное слово: или я бы погибла, или они спасли бы отечество, вопреки всѣмъ вашимъ слѣдственнымъ комиссіямъ. Но эти размышленія только для васъ: я не хочу, чтобъ они повредили въ Парижѣ королю и королевѣ, которыхъ отъ души жалѣю [2]).

На тѣ же строки, которыя касались несчастнаго положенія королевскаго семейства и особливо самой королевы, государыня такъ отвѣчаетъ: «Какъ! Эта королева вся въ слезахъ не смѣетъ ни съ кѣмъ разговаривать; этотъ король-плѣнникъ, и его заставляютъ писать и обнародывать пошлости, лишенныя всякаго достоинства, всякой правды, которыя унижаютъ его столько же, сколько и его націю въ глазахъ всей Европы! И оба они не находятъ освободителей, спасителей, людей, которыхъ сердце тронулось бы ихъ судьбою, чтобъ извлечь ихъ изъ этого гадкаго

[1]) Письма Гримма, стр. 299, 300.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 502, 503.

Тюильри, построеннаго Екатериною Медичи? Пусть исторгнутъ ихъ изъ Парижа. Вотъ чѣмъ вся Франція должна была бы заняться, а до этого не ждите никакого возвращенія къ разсудку у этихъ дрянныхъ и низкихъ жилетовъ. Скажу между нами: есть люди, полагающіе что черезъ посредство графа Ферзена можно бы доставить королевѣ нѣсколько утѣшительныхъ строкъ, но вы можете сами судить съ какой особенной деликатностью можно воспользоваться этимъ путемъ и какъ надо быть притомъ осторожнымъ» [1]).

Совершенно противоположенъ этой горячей рѣчи справедливаго негодованія Екатерины тотъ оттѣнокъ понурившаго голову скептицизма, подчасъ перемѣшаннаго съ горькой ироніей, который преобладаетъ въ письмахъ Гримма. Привычка къ легкомысленной насмѣшливости пріобрѣтенная имъ въ школѣ Вольтера, среди воспитаннаго этимъ писателемъ французскаго общества, заставляла его иногда для забавы императрицы разсказывать ей самыя печальныя явленія революціонной жизни Парижа въ шутливомъ тонѣ. Разъ, когда князь де-Линь имѣлъ нескромность сообщить кой-кому одно изъ ея писемъ, въ которомъ она откровенно излагала свой взглядъ на все совершавшееся во Франціи, письмо это вдругъ появилось въ печати.

Гриммъ упрекаетъ императрицу, что у нея двѣ мѣры и двое вѣсовъ для него и для принца де-Линя, негодуетъ на вольность, которую тотъ себѣ позволилъ, и противопоставляя ей свою скромность, говоритъ въ письмѣ отъ 20-го января: «Всего досаднѣе то, что я работалъ безъ отдыха пятнадцать мѣсяцевъ, чтобъ сдѣлать вашему величеству маленькую репутацію въ этомъ августѣйшемъ собраніи тысячи двухсотъ королей — вашихъ братцевъ; адъютантъ мой, баронъ Феликсъ Вимпфенъ, тысяча-двухсотая часть королевской власти, твердилъ имъ безпрестанно въ ихъ комитетахъ и даже въ полномъ собраніи сената съ трибуны, что ваше величество уже двадцать пять лѣтъ занимаетесь

---

[1]) Стр. 235, 236.

разгадываньемъ ихъ тайны, чтобы излить на имперію Орла всѣ дары, всѣ благополучія и благодѣянія, которые они не преминуть сегодня, завтра или когда-нибудь послѣ излить на королевство Лиліи, такъ какъ у нихъ тысяча двѣсти паръ рукъ вмѣсто одной пары. И вотъ всѣ мои труды и труды моего адъютанта уничтожены во мгновеніе ока появленіемъ этого злополучнаго письма. Что теперь станется съ пансіономъ госпожи де-Бюэль? Я имъ проповѣдывалъ, что императрица конечно будетъ гордиться тѣмъ, что благодаря ея покровительству, августѣйшее собраніе удостоило бы отдѣлить эту пенсію торжественнымъ декретомъ ото всѣхъ другихъ пенсій покойной королевской щедрости и постановить ея сохраненіе; мой адъютантъ Вимпфенъ, зная своихъ собратій и какая имъ нужна пища, и чувствуя самъ давнишнюю страсть къ этой императрицѣ, увѣрялъ ихъ, что предметъ его страсти былъ бы на верху желаній своихъ, еслибъ могъ сидѣть среди августѣйшаго изъ собраній въ мірѣ и занимать хоть двѣ недѣли кресло президента. Госпожа де-Бюэль должна была пожать плоды нашего апостольства. Неукротимый, неумолимый Камю покидалъ свой свирѣпый взглядъ, слушалъ меня снисходительно, предвидѣлъ съ удовольствіемъ какую признательность его милосердіе къ госпожѣ де-Бюэль возбудитъ въ ея покровительницѣ, и забывъ на минуту свой августѣйшій санъ, провожалъ меня до лѣстницы, давая мнѣ титулъ превосходительнаго, несмотря на декреты Собранія, все для того чтобъ оказать мнѣ уваженіе, всегда прибeрегаемое королями для представителей тѣхъ лицъ обоего пола, которыя изъ одного съ ними дерева. Думали даже, чтобъ ускорить это рѣшеніе, — соединить въ этой операціи дипломатическій комитетъ съ комитетомъ пансіоновъ и потребовать приговора обоихъ, чтобъ это казалось величественнѣе. Все теперь кончено, все разрушено, роковое письмо все уничтожило. Какъ осмѣлюсь я предстать теперь передъ этимъ страшнымъ Камю съ свирѣпымъ взглядомъ? Однимъ движеніемъ своихъ жилистыхъ рукъ онъ велитъ наградить меня пятьюдесятью палками; однимъ молніеноснымъ взглядомъ — ввергнетъ меня

въ преисподнюю. Ибо не надо думать, что наши тысяча двѣсти королей очень уживчивы: они достаточно доказали противное. Они каждый Божій день упиваются для благополучія Франціи фиміамомъ, который заставляютъ воскурять себѣ при открытіи каждаго засѣданія. А чтобъ въ похвалахъ не оказалось недостатка, они стряпаютъ въ собственной аптекѣ привѣтствія и благодарственные адресы, которые заставляютъ произносить себѣ и медленно съ наслажденіемъ глотаютъ ихъ. По той же самой причинѣ они до крайности щекотливы и чуствительны къ малѣйшей царапинѣ. Вотъ уже пансіонъ госпожи де-Бюэль провалился. Правда, что г. де-Монморень уже болѣе шести мѣсяцевъ тому назадъ успокоивалъ меня по этому предмету, какъ ваше величество увидите изъ письма его отъ августа 1790 г., которое я здѣсь прилагаю. Онъ поспѣшилъ дать этотъ знакъ усердія и уваженія къ покровительству вашего величества; но кто можетъ расчесть всѣ случайности, которыя вызоветъ противъ себя это письмо? Собраніе конечно не думаетъ разойтись, но еще менѣе постановить общій и справедливый законъ о пенсіяхъ. Оно очень поспѣшно на разрушеніе, топоръ его всегда готовъ, когда рѣчь идетъ о томъ, чтобъ опрокинуть, но наши августѣйшіе гораздо менѣе прытки, когда требуется возстановлять. Годы пройдутъ прежде чѣмъ рѣшатъ участь пансіонеровъ, которая впрочемъ немудрено что будетъ самая плачевная, а покамѣстъ не только остаешься въ страдательномъ положеніи, но самая мрачная и наименѣе невѣроятная случайность — что г. де-Монморень можетъ каждую минуту быть удаленъ и стало-быть его добрая воля уничтожена. Но во всеобщемъ крушеніи кто можетъ позволить себѣ личную жалобу? [1])

Въ приложеніи къ этому же письму Гриммъ, отдавая Екатеринѣ отчетъ въ заказахъ сдѣланныхъ имъ живописицѣ г-жѣ Лебрэнъ, говоритъ о ней: «Ночь съ 5-го на 6-е октября 1789 г., которая, подобно Варфоломеевской ночи, запечатлѣетъ француз-

---

[1]) Письма Гримма, стр. 306.

скую націю вѣчнымъ позоромъ, поразила её такимъ ужасомъ, что она поспѣшно бѣжала изъ Парижа въ эту страшную ночь, сѣла съ своей палитрой и кистями въ общественную карету и уѣхала въ Римъ» [1]).

О состояніи курса въ Парижѣ по поводу нѣкоторыхъ расплатъ Гриммъ писалъ: «Курсъ на Парижъ сдѣлался удивительно невыгоденъ съ тѣхъ поръ, какъ дивное возрожденіе подняло это королевство на высоту славы и благоденствія. Французы конечно правы, что не находятъ слишкомъ дорогимъ то, во что имъ обходится наслажденіе благами столь неизвѣстными и неоцѣненными; но мы, не возрожденные, не желающіе имѣть своей части въ ихъ пирогѣ, мы по естественному праву должны бы быть избавлены и отъ убытковъ, которые приноситъ намъ курсъ, разстроившійся отъ способа приготовленія этого пирога» [2]).

Понятно что разумное отношеніе Екатерины къ горестнымъ событіямъ во Франціи, обнаруженное напечатаніемъ ея письма къ принцу де-Линю, не могло понравиться ни впадавшей изъ ошибки въ ошибку верховной власти, ни охваченнымъ революціонной горячкой головамъ якобинскаго клуба — и вотъ какъ изображаетъ это настроеніе Гриммъ въ томъ же приложеніи къ письму отъ 20-го января: «Нельзя скрыть отъ себя, что императрица всея Россіи и всѣхъ сердецъ очень въ модѣ послѣдніе шесть мѣсяцевъ и что акціи ея чрезвычайно и невѣроятно поднялись въ этотъ промежутокъ времени; но конечно не въ клубѣ якобинцевъ или бѣшеныхъ, гдѣ прежде всего смутно подозрѣваютъ, что она не имѣетъ къ гальскому возрожденью всего того уваженія, какого оно заслуживаетъ, и гдѣ письмо, которое она позволила себѣ написать князю де-Линю, а этотъ позволилъ себѣ напечатать, оставило дурное впечатлѣніе. Притомъ этотъ клубъ находится подъ вліяніемъ мошенниковъ, продавшихъ интересы своей родины иностранцамъ и разыгрывающихъ патріотовъ, а

---

[1]) Письма Гримма, стр. 309.
[2]) Тамъ же, стр. 311.

также подъ вліяніемъ англійскихъ и прусскихъ эмиссаровъ, которые задались тѣмъ, чтобъ тайно обработывать эту несчастную страну. Эти послѣдніе держатся системы возводить передъ августѣйшимъ народнымъ собраніемъ косвенныя клеветы на намѣренія императрицы и прямыя клеветы на австрійскій домъ, а клубъ, подъ вліяніемъ расточаемыхъ ему этими эмиссарами высокихъ похвалъ, довольно нелѣпъ, довольно невѣжественъ, довольно несвѣдущъ въ дѣлахъ, довольно безуменъ, чтобъ признавать ночь среди дня. Но съ тѣхъ поръ, какъ императрица заключила Верельскій миръ и послѣ конвенціи въ Рейхенбахѣ показала прежнее спокойствіе, приняла диктаторскія предложенія съ невозмутимымъ и гордымъ достоинствомъ и отклонила ихъ съ совершенной вѣжливостью, а въ то время какъ думали предписывать ей законы, одерживала надъ врагомъ побѣду за побѣдой не только оружіемъ своимъ на Дунаѣ, но и властительностью своего генія въ кабинетѣ, — съ тѣхъ поръ все что не принадлежитъ къ клубу якобинцевъ было поражено такимъ удивленіемъ, такимъ энтузіазмомъ, что всюду, куда ни придешь, какъ скоро удалишься отъ горестнаго зрѣлища, которое постоянно на глазахъ, услышишь только одинъ крикъ, одинъ общій хоръ: *Нѣтъ, во всей Европѣ только одинъ государь. Какой геній, какой характеръ! какой великій человѣкъ эта женщина*! Среди этого шума ожидаютъ, что я гордо подыму голову, оттого что видѣлъ вблизи эту единственную государыню и сталъ предметомъ ея благоволенія. А мнѣ не нужно было одобренія зѣвакъ, чтобы знать, черезъ полгода послѣ ея воцаренія, какъ надо было понимать её. Объявляю, что я вовсе не уважаю тѣхъ, кому надо было выколоть глаза, чтобы они наконецъ замѣтили то, что́ велико и достойно удивленія. Я уважаю только тѣхъ, кто заранѣе умѣетъ угадать великій характеръ и не дожидается чтобы онъ выложилъ свой товаръ и привязалъ къ своей колесницѣ друзей и враговъ, чтобъ воскурять ему фиміамъ и воздвигнуть жертвенникъ, котораго онъ достоинъ» [1]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 314, 315.

По поводу этого обнародованнаго письма къ принцу де-Линю, вотъ что писала Екатерина: «Ну что такое тамъ съ вашимъ принцемъ де-Линемъ? Право, непозволительно, что онъ выпустилъ изъ рукъ подобное письмо. Онъ оправдывается и божится, что не давалъ переписывать ни одной строчки, а выкрасть письмо тоже не позволялъ; но, говоритъ онъ, его вѣроятно наизусть выучили, такъ какъ напечатанное не вполнѣ согласно съ оригиналомъ; наконецъ, даже и въ напечатанномъ есть варіанты; но нѣкоторыя мѣста, и именно самыя сильныя, могли запомнить и это было легко. Правда ли это или онъ лжетъ, я не знаю; но я и графъ Кобенцель очень съ нимъ повздорили, потому что письмо послано съ его курьеромъ. Все это какъ-то на дѣлѣ довольно подозрительно; Господь знаетъ кто тутъ виноватъ, но на будущее время не надо писать такъ удобопонятно, и вы видите, какъ мы стали осторожны по милости этого несноснаго и незначительнаго письма, но *печатать* мы все-таки вамъ запрещаемъ. Впрочемъ, перечитавъ это письмо въ архидемократическомъ листкѣ вами присланномъ, я не нахожу въ немъ того, въ чемъ вы меня обвиняете. Вотъ, милостивый государь, что́ вы мнѣ говорите слово въ слово: «такимъ образомъ менѣе чѣмъ въ одномъ столбцѣ газетчикъ производитъ смотръ половинѣ Азіи и Европы, прилично драпированныхъ». Но я никого не драпировала; я сказала только какъ каждый дѣйствуетъ, а это всякій, какъ я полагаю, самъ про себя знаетъ. Итакъ, тутъ нѣтъ никакой драпировки; напротивъ, это по-моему истина въ полномъ обнаженіи. Можетъ-быть она и не понравится тѣмъ, кому поютъ съ утра до вечера: «Какое милосердіе! какое величіе! Ахъ, какъ вы, государь [1]), должны быть довольны собою»! Но все сказанное тѣмъ не менѣе — истина. У меня нѣтъ двухъ вѣсовъ и двухъ мѣръ на этихъ вѣсахъ; вы мнѣ затѣваете нѣмецкую ссору; я изложила вамъ вещи въ ихъ настоящемъ видѣ, и многострадальный не станетъ печатать, я въ томъ увѣрена, всѣхъ пустяковъ, которые я говорю въ своихъ

---

[1]) Людовикъ XVI.

письмахъ и которые не были бы и поняты безъ должнаго комментарія, а его составлять не сто́итъ».

Не знаю чего вы отъ меня хотите, ни чего хотятъ вашъ г. Вимпфенъ и синьйоръ Камю съ свирѣпымъ взглядомъ. Эти господа законодатели или нѣтъ? тысячу двѣсти ли ихъ или нѣтъ? Повинуются ли имъ или не повинуются? Слушается ли ихъ король или не слушается? Рѣшите все это; на каждый изъ этихъ вопросовъ достаточно будетъ отвѣчать да или нѣтъ, чтобъ доказать права я или не права въ томъ что сказала». Такъ какъ эти господа отъявленные республиканцы, то они должны любить, уважать и поощрять правду, а если они этого не будутъ дѣлать, я скажу что они *ничто*, потому что невѣрны своимъ началамъ. Finis coronat opus. Не говорите мнѣ объ этомъ больше; по мнѣ, они весьма способны уронить надолго цѣну свободы и сдѣлать ее ненавистною всѣмъ народамъ; послѣ нихъ она будетъ въ поношеніи цѣлые вѣки. Руссо сказалъ: не знаю, но если вы хотите быть свободны, готовьтесь переносить не только ужасныя бѣдствія ведущія къ ней, но еще и тѣ, которыя сопровождаютъ эту свободу и слѣдуютъ за ней» [1]).

По полученіи извѣстія о разграбленіи отеля Кастра Екатерина писала: «Прекрасную устроили вамъ забаву, когда вы вернулись въ этотъ вертепъ разбойниковъ изъ поѣздки своей во Франкфуртъ, разграбленіемъ отеля Кастри. Вотъ что производитъ управленіе прокуроровъ, адвокатовъ, и безмозглыхъ головъ, которыхъ въ былыя времена осмѣивали на театрѣ. Подумаешь, что они теперь мстятъ за насмѣшки публики. Во всякой странѣ пишутъ законы противъ ябеды и ябедниковъ, а у васъ ихъ поставили во главѣ правительства. Но довольно, я пожалуй напишу статью объемистѣе всѣхъ тѣхъ, которыя писались со времени демократіи. Еслибъ я дала волю перу разсуждать объ этой обширной матеріи, я наговорила бы много и пожалуй надоѣла бы вамъ до смерти. Но послушайте: что такое это удушье?

---

[1]) *Сб. И. О* XXIII, 536, 537.

Оно мнѣ не нравится, потому что я не желаю, чтобъ вы задохнулись. Теплый климатъ, какъ Ницца или Пиза, не исцѣлитъ васъ; климатъ болѣе холодный пригоднѣе для тѣхъ, кто страдаетъ удушьемъ. Но такъ какъ постоянство заставляетъ васъ оставаться на мѣстѣ, то я молчу и удивляюсь вамъ» [1]).

16-го апрѣля послѣ обѣда: «Англичане вооружаются. Это была бы благопріятная минута для французскаго правительства, еслибъ кому-нибудь пришла мысль вооружить французскіе порты. Если они этого не сдѣлаютъ, я болѣе чѣмъ когда-либо скажу, что у нихъ нѣтъ здраваго смысла, потому что до сихъ поръ Франція ничего подобнаго не терпѣла, и была права; посмотримъ что́ сдѣлаютъ Галлы которымъ *нуженъ Кесарь*, чтобъ опять ихъ покорить, вѣроятно чтобъ образумить ихъ» [2]).

21-го апрѣля: «Что касается дѣлъ во Франціи, то несмотря на мое расположеніе къ извѣстному лицу (Людвику XVI), я боюсь и начинаю понимать, что у друга моего голова не соотвѣтствуетъ его мѣсту и положенію. Вся бѣда частнаго дома нерѣдко заключается въ томъ, что голова хозяина или правитъ или неправитъ дѣлами, и тогда они идутъ хорошо или худо, смотря по тому какъ идетъ его голова. То же происходитъ и у васъ.... Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе на счетъ министровъ-литераторовъ. Вашъ Неккеръ никогда не былъ мнѣ по вкусу, ни Герцбергъ тоже. Министръ, не обладающій тактомъ, не можетъ имѣть вѣрнаго взгляда, и потому — это язва, противъ которой надо принимать предосторожности. Но знаете ли что́ такое вы да я? Мы болтуны, мудро разсуждающіе о дѣлахъ міра сего [3]).

Мы уже видѣли выше, какъ Гриммъ обнаруживалъ коварную политику Пруссіи и Англіи, состоявшую въ томъ, чтобъ возбуждать и поддерживать смуты въ другихъ государствахъ посредствомъ подкуповъ и эмиссаровъ и потомъ пользоватся внутренними неурядицами ихъ для своихъ личныхъ политическихъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 505.
[2]) Стр. 506.
[3]) Стр. 509.

цѣлей. Выше онъ говорилъ о роли, которую англійскіе и прусскіе эмиссары играли въ клубѣ якобинцевъ; но въ его письмахъ есть еще нѣсколько интересныхъ мѣстъ объ этихъ тайныхъ происках и интригахъ, между прочимъ и о попыткахъ тогда уже направить революціонную пропаганду и въ Россію, о чемъ Гриммъ съ участіемъ предостерегаетъ императрицу Екатерину:

«Прошлогодняя депеша графа Ріокура, второго посланника саксонскаго на франкфуртскомъ сеймѣ, присланная ко двору его, чтобы сообщить ему свѣдѣніе о нѣкоторыхъ апостолахъ французскаго возрожденія, которые чувствуютъ призваніе къ мученичеству, можетъ-быть не безызвѣстна вашему императорскому величеству. Я здѣсь присоединяю её на всякій случай, не придавая ей чести большого вдохновенія, но для того, что еслибъ кто нибудь изъ названныхъ въ ней апостоловъ, или какой-либо другой проповѣдникъ революціи нашелъ Россію достойною быть обработываемой въ смыслѣ этихъ принциповъ, то чтобъ онъ могъ тотчасъ же достигнуть чести возвышенія [1]) имъ заслуживаемой и не былъ вынужденъ долго вымаливать слѣдующую ему награду. Я не думаю, чтобъ всѣ апостолы здѣсь поименованные были уже въ миссіи; но за то я полагаю, что число менѣе извѣстныхъ и болѣе тёмныхъ миссіонеровъ несравненно значительнѣе и *достойно всякаго вниманія бдительнаго правительства.* Я полагаю, что г. Ріокуръ въ совершенномъ заблужденіи насчетъ того, что́ онъ говоритъ о Готѣ и Веймарѣ. Торгующіе ядомъ не довольно глупы, чтобъ поселяться въ маленькихъ городахъ, гдѣ въ одну минуту ихъ узна́ютъ и сорвутъ съ нихъ маску; имъ нужно широкое поприще для ихъ ремесла. Впрочемъ я не довольно знаю Веймаръ, чтобъ рѣшить, вовсе ли ихъ тамъ нѣтъ; но я очень увѣренъ, что въ Готѣ царствуетъ прекрасный духъ между тѣми, кто пишетъ для народнаго образованія. Они достойны служить образцомъ для всѣхъ тѣхъ, кто въ какой бы ни было странѣ занимается этимъ ремесломъ. Этимъ сочиненіямъ, вышедшимъ изъ

---

[1]) Т. е. висѣлицы.

типографіи Готы, курфиршеская Саксонія обязана была въ прошлую осень быстрымъ возстановленіемъ спокойствія между возмутившимися крестьянами, которые, по словамъ экспертовъ, были руководимы не апостолами новой французской доктрины, а искусными продѣлками ученаго Герцберга, надѣявшагося такимъ образомъ избавить курфирста отъ графа Марколини, въ которомъ онъ подозрѣвалъ расположеніе къ Австрійскому дому» [1]).

При отправленіи Екатеринѣ выписокъ изъ корреспонденціи принца Генриха, въ то время какъ Пруссія и Англія грозили войной Россіи, если она не подчинится ихъ вліянію при заключеніи мира съ Турками, Гриммъ, испуганный угрожающими Россіи опасностями, посылаетъ императрицѣ еще свѣдѣнія объ интригахъ Герцберга и Англіи. Между эмиссарами всесвѣтныхъ смутъ и волненій играетъ, какъ видно, не малую роль и еврейскій элементъ. Гриммъ, описывая все, что посылаетъ съ курьеромъ, которому поручены были драгоцѣнныя выписки изъ рейнсбергской корреспонденціи, говоритъ: «Послѣ этихъ выписокъ слѣдуетъ прочесть печатный листокъ, находящійся въ пакетѣ № 3 подъ заглавіемъ: *Тайна коалиціи враговъ французской революціи*. Авторъ, подъ принятою имъ маскою демократа, кажется очень свѣдущъ въ томъ, что происходитъ, и срываетъ личину со многихъ бѣшеныхъ, открываетъ много тайныхъ пружинъ, поддерживающихъ здѣсь бѣдствія анархіи. Болѣе полутора года, какъ близкіе къ чернильной бутылкѣ увѣряли меня, что Англія тратитъ много денегъ для возбужденія во Франціи безпорядковъ, которыхъ мы были свидѣтелями. Признаюсь, мнѣ было тяжело повѣрить этому, и я долго противился такимъ инсинуаціямъ. Ваше собственное безуміе, говорилъ я имъ, такъ хорошо играетъ роль Англіи, что послѣдняя была бы слишкомъ глупа, еслибъ тратила на это хотя гинею. Но когда я вижу, что это безуміе продолжается и что бѣшеные, разоривъ и уничтоживъ свою страну, накопили огромныя состоянія и пресыщены богатствами, надо сдаться передъ

[1]) Письма Гримма, стр. 318.

очевидностью. Къ тому же и геній *великаго Герцберга* состоитъ въ томъ, чтобъ возмущать подобными средствами всѣ страны, которыя онъ считаетъ достойными своего вниманія. Со вступленія его въ министерство, со времени верховной диктатуры, которую онъ присвоилъ себѣ въ качествѣ властителя и рѣшителя судебъ съ такою славой и успѣхомъ надо всѣми государствами Европы, онъ зналъ только одно искуство: производить замѣшательства, чтобъ заслужить удивленіе. По скромности, рѣдкой въ великихъ людяхъ, онъ не для себя только играетъ въ эту игру, но и для друзей своихъ онъ играетъ роль кошки, лапами которой они вытаскиваютъ изъ огня каштаны. Для собственнаго удовольствія онъ чуть не поднялъ Галицію съ величайшимъ успѣхомъ противъ императора, долго работалъ въ Венгріи въ этомъ же смыслѣ и теперь въ ней работаетъ. Онъ распространилъ свою благодѣтельную заботливость и на австрійскую Ломбардію; и такъ какъ великіе геніи все обнимаютъ, то я клянусь, хотя и не имѣю права подозрѣвать его въ этомъ, что можно найти слѣды этихъ заботъ и до Ливоніи, такъ что я страстно желаю мученическаго вѣнца его апостоламъ и чтобъ ни одинъ изъ нихъ не ускользнулъ отъ этой награды. Въ австрійскихъ Нидерландахъ вся Европа была свидѣтельницей его дѣлъ и подвиговъ. Вступая въ Люттихъ вооруженною рукою, онъ могъ кончить всю ссору въ сутки, а благодаря его стараніямъ волненія продолжались 18 мѣсяцевъ. Здѣсь, между тѣмъ какъ онъ читаетъ въ берлинской академіи ученыя диссертаціи противъ французской революціи, его эмиссары втерлись въ клубъ якобинцевъ и работаютъ на Англичанъ. Онъ сначала прислалъ сюда прошедшимъ лѣтомъ графа Редерна, прусскаго министра въ Лондонѣ, котораго смѣнилъ жидъ Ефраимъ, когда его миссія въ Брюсселѣ стала для него невыносима. Увѣряютъ меня, что съ возвращенія графа Редерна въ Лондонъ всякій разъ на придворныхъ собраніяхъ открытые разговоры между братцемъ Ге (Георгомъ) и имъ вертятся на дѣлахъ Франціи. Братецъ Георгъ разыгрываетъ аристократа, Пруссакъ демократа, и подъ этими костюмами они очень чувствительно

задѣваютъ другъ друга. Подвиги еврея Ефраима входятъ въ коалицію. Англійскія деньги проходятъ черезъ посредство принцессы Оранской въ руки жида. Геній этой принцессы, кажется, достоинъ генія великаго Герцберга. Въ эту минуту, такъ какъ императоръ послалъ горсть войска во владѣнія епископа базельскаго для прекращенія безпорядковъ, жидъ съ компаніей дѣлаютъ величайшія усилія, чтобъ увлечь нѣкоторыя пограничные муниципалитеты сдѣлать нападеніе на императорскія войска въ Порентрюи. Они безъ сомнѣнія полагали бы выслужиться у великаго Герцберга, еслибъ имъ удалось втянуть Леопольда въ открытую и прямую ссору съ національнымъ собраніемъ или съ якобинскимъ клубомъ»[1]).

Императрица отвѣчала на это отъ 25-го апрѣля: «До сихъ поръ, слава Богу, въ Лифляндіи не замѣтно никакихъ слѣдовъ благотворительности короля королей, высокаго и великодушнаго Герцберга.

«У меня это время какая-то болѣзненная страсть къ комментаріямъ. Я стану пояснять декреты національнаго собранія и особливо тотъ изъ нихъ, который занялся производствами до того, что посылаетъ всѣхъ министровъ короля на галеры за тысячи вещей, въ которыхъ они вовсе неповинны: если у короля останется послѣ того хоть одинъ министръ, то надо сказать, что министры Е. В. еще гораздо упорнѣе г. Питта»[2]).

«Будьте увѣрены, что я сдѣлаю все что могу, чтобы поддержать хорошее мнѣніе, которое обо мнѣ имѣютъ въ Парижѣ. Мнѣ кажется, что главная сумятица прошла и что послѣ нѣкоторыхъ кривляній, которыя еще будутъ продолжаться въ этомъ году, все войдетъ въ свою колею; впрочемъ я, говоря это, забываю что мы имѣемъ дѣло съ головами невообразимыми, но съ другой стороны видишь, что они безпрестанно спотыкаются: это неловкіе и нетвердые на ногахъ молодцы»[3]).

---

[1]) Письма Гримма, стр. 405, 406, 407.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 516.

[3]) Стр. 517.

Это мнѣніе Парижа, о которомъ говоритъ императрица, было уже приведено нами, когда мы говорили о заключеніи Верельскаго мира и искусномъ избѣжаніи Рейхенбахскаго конгресса, и состояло въ томъ, что въ Европѣ теперь только *одинъ государь* по генію и величію характера, и этотъ государь *женщина*.

«Я не сомнѣваюсь что ваши демократы на жалованьи у неограниченныхъ и ограниченныхъ. Надо надѣяться, что падучая болѣзнь когда-нибудь избавитъ насъ отъ величайшаго политика Герцберга, прежде чѣмъ онъ успѣетъ совершить все зло, которое замышляетъ»[1]).

Отвѣтъ на депешу графа Ріокура отъ 14 мая императрица начинаетъ на царскосельской колоннадѣ, въ виду Пеллы, и описываетъ всю прелесть вида съ нея и всю красоту колоннады съ ея статуями знаменитыхъ людей, Геркулесомъ и Флорой, озеромъ, цвѣтниками ее окружающими и пр. Тутъ видимо просвѣчиваетъ желаніе доказать Гримму, какъ мало она боится всякихъ происковъ у себя, и какъ чувствуетъ себя спокойною среди своего вѣрнаго народа. Затѣмъ она продолжаетъ: «Я однако возвращаюсь къ депешѣ Ріокура, что́ доказываетъ нѣкоторую послѣдовательность въ головѣ, хотя мысли ея порхаютъ отъ одного предмета къ другому; но кажется, въ томъ виноваты боги; они окружали насъ такимъ обиліемъ разнообразныхъ вещей, что невольно перебѣгаешь отъ письма къ колоннадѣ съ ея прелестнымъ видомъ, а тамъ опять къ письму. Но письмо г. Ріокура въ сущности не имѣетъ для насъ никакого интереса, потому что революція во Франціи сама не преминетъ сломать себѣ шею, и тогда всѣ ихъ дѣянія расплывутся какъ вода въ морѣ. Если даже нѣкоторыя нѣмецкія высочества и впали бы въ этотъ шарлатанизмъ, оно было бы неудивительно, благодаря ихъ расположенію ко всякаго рода шарлатанамъ[2]), но государственный миръ и государственная конституція непремѣнно снова обра-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 521.

[2]) Намекъ на мистицизмъ, сильно распространившійся въ Германіи.

тятъ головки свѣтлѣйшихъ принцевъ на правую сторону, особливо когда великій *вдохновитель революціи* тѣмъ или другимъ способомъ сломаетъ себѣ шею»[1]).

Отправляя курьера съ длинными своими посланіями и выписками изъ Рейнсбергской корреспонденціи, Гриммъ, домогавшійся получить отъ императрицы экземпляръ ея драматическихъ произведеній, вздумалъ послать ей четыре шуточныя пьесы на революцію, выражаясь о нихъ, что онѣ написаны въ патріотическомъ или адскомъ родѣ. Онъ снабдилъ ихъ слѣдующимъ объясненіемъ:

«По вѣтру, дующему въ Галліи вотъ уже два года, надобно будетъ вашему величеству примириться съ тѣмъ, что я и мои красильщики посвятили себя патріотическому роду, внѣ котораго и внѣ Франціи нѣтъ спасенія: если у насъ столько эмиграцій, такъ это потому что люди склонны стремиться къ погибели, и вотъ почему общество съ этихъ поръ будетъ рѣдѣть во Франціи, ибо останутся только избранные, какъ извѣстно, не многочисленные. Первая изъ моихъ пьесъ, которую я себѣ приписываю, потому что красильщиковъ можно и не брать въ расчетъ, тѣмъ болѣе что я своихъ вовсе не знаю, озаглавлена *День обманутыхъ*. Она была сочинена тотчасъ послѣ ночи съ 5-го на 6-е октября ненавистой памяти 1789 г., и еслибъ доступъ въ эрмитажный театръ остался для меня такъ же легокъ, какъ въ обыкновенное время, то болѣе года, какъ эта пьеса уже удостоилась бы чести представленія. Вторая моя пьеса въ адскомъ вкусѣ, который также господствуетъ во Франціи уже два года; итакъ я поставилъ сцену въ подземельи ада. Именемъ 1789 безъ всякихъ прибавленій называютъ клубъ, присвоившій себѣ названіе клуба 1789 и ищущій бороться противъ ненавистнаго клуба якобинцевъ; но этотъ 1789 самъ вдохновляемъ и тайно руководимъ, можетъ быть безсознательно, однимъ изъ гнуснѣйшихъ умовъ, которыми Франція, столь богатая людьми этого рода, обладаетъ въ настоящую минуту, потому что у него голова и сердце равно извра-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 541. Здѣсь разумѣется Герцбергъ.

щены, и кромѣ того пагубное честолюбіе играетъ великую роль въ общемъ разрушеніи. Этотъ адскій геній носитъ имя Кондорсэ, и вотъ почему можетъ-быть къ этому клубу строго относится адскій трибуналъ, хотя судьи не удостоиваютъ и поминать о Кондорсэ. Мы лучше желали бы, мои красильщики и я самъ, видѣть эту пьесу, разыгранною любителями нежели актерами по ремеслу; въ такомъ случаѣ я объявляю, что роль Миноса назначена мною г. оберъ-шталмейстеру Льву Александровичу [1]), потому что онъ сыграетъ эту роль со всѣмъ величіемъ ей свойственнымъ».

«Что касается третьей моей пьесы съ великой развязкой, то цензора́ императорскаго Эрмитажа можетъ-быть найдутъ, что тамъ слишкомъ часто употребляютъ всякаго рода бранныя слова, но они должны помнить, что во вкусѣ возрожденной націи браниться ab hoc и ab hac, и что въ этой пьесѣ мы особенно подчинили себя хорошему тону, а хорошій тонъ эры свободы старается быть далекъ отъ хорошаго тона и вѣжливыхъ формъ эры деспотизма. Я милостиво предваряю объ этомъ гг. цензоровъ Эрмитажа, чтобъ избавить ихъ отъ неловкости осудить то, передъ чѣмъ, не во гнѣвъ имъ, надо преклоняться» [2]).

Екатерина отвѣчала: «Ваши драматическія пьесы не могутъ быть играны на эрмитажномъ театрѣ и потому не даютъ вамъ права на полученіе экземпляра моихъ пьесъ. Онѣ грубы, грязны а у насъ уши слишкомъ избалованы, чтобъ переносить подобную дрянь, и вообще я бы желала знать, что́ Французы собираются сдѣлать со своими лучшими писателями: велятъ ли они сжечь ихъ произведенія на Гревской площади, потому что все это не подходитъ къ глупостямъ которыя они творятъ. Руссо заставлялъ ихъ ходить на четвереенькахъ. Этотъ Кондорсэ изъ клуба 1789 года, не тотъ ли, что былъ воспитателемъ герцога Пармскаго? Вотъ вопросъ, на который прошу васъ отвѣчать въ точности» [3]).

---

[1]) Нарышкину.
[2]) Письма Гримма, стр. 332—335.
[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 519, 520.

«Знаете ли что станется съ Франціей, если удастся сдѣлать изъ нея республику? Тогда всѣ пожелаютъ, чтобъ она опять стала монархіей. Повѣрьте мнѣ, никто такъ не любитъ быть при дворѣ, какъ республиканцы. Но если я буду продолжать, то напишу нѣсколько томовъ, а не письмо. То, что я вижу и слышу о Франціи, убѣждаетъ меня, что она одержима душевной болѣзнью, но по ихъ легкомыслію эта болѣзнь пройдетъ у нихъ скорѣе чѣмъ у какого-либо другаго народа, который заразился бы такой эпидеміей. Эта болѣзнь, какъ кажется, посѣщаетъ ихъ каждыя двѣсти лѣтъ; взгляните на ихъ исторію и отвѣчайте пожалуйста» [1]).

О Мирабо императрица высказывала такое сужденіе: «Мирабо — это колоссальное и чудовищное явленіе нашего времени. Во всякое другое время отъ него бы сторонились, его бы ненавидѣли, заключили въ тюрьму, повѣсили, колесовали. Надо перелистовать всю исторію, чтобъ увидѣть, что никогда еще страна не была спасаема иначе какъ истинно великимъ человѣкомъ, а по этому открытію можно предсказать, что́ станется съ Франціей».

«Мнѣ не нравятся почести, воздаваемыя Мирабо, и я не постигаю за что; развѣ только для поощренія нечестія и всякихъ пороковъ. Мирабо заслуживаетъ такого же уваженія какъ Содомъ и Гоморра» [2]).

Отъ 15-го марта Гриммъ пишетъ: «Великій Мирабо при смерти» [3]). Государыня отвѣчаетъ на это уже въ маѣ: «Вы мнѣ говорите, что Мирабо при смерти, а съ тѣхъ поръ я вамъ скажу, что онъ и умеръ и похороненъ» [4]).

Въ журналѣ Сюло «le Réveil» были помѣщены характеристики нѣкоторыхъ людей того времени и между прочимъ характеристика Мирабо. Вотъ что говорилъ по этому поводу Гриммъ:

«Сюло изображаетъ также портретъ Мирабо и называетъ его колоссальнымъ человѣкомъ. Читай: извергомъ. Невозможно,

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 521.

2) Стр. 520, 521.

3) Письма Гримма, стр. 329.

4) *Сб. И. О.* XXIII, 537.

чтобъ чудовище, выпущенное на волю, не обезсмертило себя подвигами разрушенія, и опрокинувъ все, не проглотило кой-какихъ злодѣевъ вмѣстѣ съ добрыми, попавшимися ему на пути. Но дерзость и развращенность, доведенныя до высшей степени, бывшія преобладающими свойствами Мирабо, соединенныя съ интригой и непостижимой фальшивостью поведенія, не могутъ входить въ составъ характера великаго человѣка. Онъ умеръ недѣлю тому назадъ, какъ кажется, отъ послѣдствій кутежа и отъ сильнаго и непрерывнаго волненія, въ которомъ онъ жилъ около двухъ послѣднихъ лѣтъ. Смерть его въ эту миниту считается общественнымъ бѣдствіемъ, ибо послѣ всѣхъ золъ, причиненныхъ имъ своему отечеству, надѣялись, что онъ убережетъ его хоть отъ тѣхъ ударовъ, которыми Ламеты, Барнавы и нѣсколько другихъ людей худшаго разбора изъ клуба якобинцевъ, бывшихъ съ нимъ въ ссорѣ, надѣются доконать монархію. Посмотримъ, не пошлетъ ли милостивое Небо какое-нибудь новое чудовище, чтобъ спасти её, или чтобъ быть преемникомъ предыдущему; но кажется, надо отложить всякую надежду, чтобъ какой-нибудь великій характеръ, какой-нибудь герой явился спасти Францію. Ничто не характеризуетъ лучше безумія этой націи, ничто не доказываетъ насколько она далека отъ своего исцѣленія, какъ невѣроятныя почести, возданныя послѣ смерти человѣку, вообще заслужившему презрѣніе при жизни, и на котораго во многихъ отношеніяхъ можно бы смотрѣть, какъ на сорвавшагося съ висѣлицы. Между прочимъ, только что перекрестили даже улицу Chaussée d'Antin, на которой онъ жилъ нѣкоторое время, въ улицу Мирабо. Такъ какъ я живу тутъ уже четырнадцать лѣтъ, то-есть съ той роковой минуты, которая изгнала меня изъ храма славы, гдѣ навсегда остались мой покой и мое сердце, то я готовъ, если это безуміе водворится на самомъ дѣлѣ, покинуть свой домъ по одному отвращенію видѣть на адресѣ моихъ писемъ улицу Мирабо» [1]).

---

[1]) Письма Гримма, стр. 337.

Екатерина же соболѣзновала о томъ, что по перенесеніи останковъ Вольтера въ Пантеонъ, онъ похороненъ былъ возлѣ Мирабо, и говоритъ: «Полагаю что Вольтеръ предпочелъ бы остаться тамъ гдѣ его прежде похоронили, чѣмъ находиться въ компаніи съ Мирабо въ Св. Женевьевѣ»[1]).

О странномъ характерѣ Лафайэта, въ политической совѣсти котораго уживались такія противорѣчія, какъ наивнѣйшее заигрыванье съ заговоромъ и твердое намѣреніе быстро подавлять его, Гриммъ писалъ: «Въ журналѣ le Réveil Сюло, который Сюло дѣйствительно существуетъ на самомъ дѣлѣ и смѣшной парень, ваше величество найдете портретъ г. Лафайэта, на мой взглядъ къ несчастію очень похожій. Всякій справедливо можетъ упрекнуть тѣхъ, кто не сумѣлъ направить такую бѣдственную революцію и овладѣть ею, зачѣмъ они вмѣшивались въ дѣло, и особливо зачѣмъ захватили первыя и важнѣйшія роли, чтобъ заявить себя послѣ лакеями сволочи. Я надѣюсь что предсказаніе Сюло не исполнится и что г. Лафайэтъ не будетъ повѣшенъ своимъ возлюбленнымъ народомъ; но я не удивлюсь если онъ кончитъ свою жизнь въ Америкѣ, какъ г. Неккеръ въ Швейцаріи. Сверхъ того онъ лишится огромнаго состоянія и разорится, такъ какъ онъ соединялъ великое безкорыстіе и много романическихъ качествъ со множествомъ метафизическихъ и отвлеченныхъ идей, которыми другіе плохіе работники начинили его голову; непереваренная же масса этихъ идей въ пустыхъ головахъ причинила столько же бѣдствій Франціи, сколько злодѣйство нѣсколькихъ заговорщиковъ произвело катастрофъ»[2]).

Государыня же, говоря о Лафайэтѣ, прибавляетъ слѣдующее разсужденіе о другомъ лицѣ, именно о герцогѣ Орлеанскомъ: «Но пусть предадутъ правосудію другого злодѣя, болѣе окруженнаго злодѣями чѣмъ онъ самъ дуренъ. Вы конечно угадываете что это г. О.»[3]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 565.

[2]) Письма Гримма, стр. 336, 337.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 520.

Гриммъ, говоря объ эмигрантахъ, упоминалъ съ большими похвалами о маршалѣ Кастри, удалившемся въ Швейцарію по несогласію съ планами и намѣреніями собранія нотаблей, въ которое онъ былъ избранъ въ качествѣ депутата. Гриммъ прислалъ императрицѣ три письма своего друга Шомберга, и въ одномъ изъ нихъ характеристику маршала Кастри, въ которой сказано между прочимъ: «Много другого (кромѣ его старости) можно бы еще чтить въ немъ, если позволитель говорить о старости человѣка, которому на видъ не болѣе 40 лѣтъ и въ комъ физическая и нравственная сила, такъ же какъ и гибкость, весьма рѣдкія въ этомъ возрастѣ. Это заставляетъ меня вѣрить, что лучшія составныя части жизненнаго бальзама суть: разумъ, мудрость, постоянство, кроткое и добродушное подчиненіе обстоятельствамъ, которыхъ не можешь измѣнить; вотъ что даетъ эту физіономію всегда одинакую, вотъ что составляетъ человѣка по Горацію:

Справедливаго и непреклоннаго въ своихъ намѣреніяхъ мужа.
Ни пылъ согражданъ, призывающихъ къ дурному,
Ни взглядъ грознаго тирана
Не заставятъ отказаться отъ твердаго образа мыслей.

Зато и здоровье у него прекрасное, и эти чудные берега озера не видали еще человѣка, который былъ бы такъ легокъ на ходу и верхомъ. Весь замокъ впрочемъ наполненъ людьми здоровыми, начиная съ рыцаря Шовиньи и кончая кавалеромъ Ботвилемъ, который въ 87 лѣтъ не знаетъ никакого недуга» [1]).

«Я согласна съ г. Шомбергомъ въ томъ что онъ говоритъ о маршалѣ Кастри», отвѣчаетъ императрица: «и раздѣляю его мнѣніе, что лучшія составныя части жизненнаго бользама — благоразуміе, мудрость, постоянство; но вмѣсто кроткой и легкой покорности событіямъ, которыхъ, какъ онъ говоритъ, нельзя измѣнить, я желала бы видѣть стараніе ихъ поправить, потому что нахожу что умный человѣкъ и вообще всякій человѣкъ не ли-

---

[1]) Письма Гримма, стр. 322, 323.

шенъ средствъ помощи. Я никогда не любила фигуры Пьеро со спущенными и болтающимися рукавами, особливо съ тѣхъ поръ какъ я знаю русскую поговорку: «не сиди спустя рукава».

«Лучшая изъ конституцій не стóитъ дьявола, потому что она дѣлаетъ болѣе несчастныхъ, нежели счастливыхъ; хорошіе и честные люди отъ нея страдаютъ, и только злодѣямъ отъ нея хорошо, потому что имъ наполняютъ карманы, и никто ихъ не наказываетъ. Вотъ образецъ, который предлагаютъ въ подражаніе всей Европѣ; надо, я полагаю, чтобъ она прежде сошла съ ума. Да не прогнѣваются французскіе демократы, но они заражены безуміемъ. Я читаю девятый томъ исторіи Гиббона и желала бы, чтобъ онъ кончилъ свой трудъ прежде чѣмъ умретъ» [1]).

Императрица такъ хорошо предвидѣла трагическую развязку революціи для короля, сознавая вполнѣ его слабость и робкій и нерѣшительный характеръ, что писала изъ Царскаго Села отъ 1-го іюня: «Не знаю, найдетъ ли васъ это письмо на водахъ въ Бурбоннѣ, или во Франкфуртѣ; но куда бы вы ни отправились, молю Всевышняго благословить путь вашъ. Вы прекрасно бы сдѣлали еслибъ увезли съ собою, а когда бы возможно, даже положили въ карманъ короля Французовъ, чтобъ онъ добрался цѣлъ и невредимъ по крайней мѣрѣ до границы своего королевства. Тамъ вы бы его передали г. Буле или кому другому благонамѣренному, чтобъ онъ предохранилъ его христіаннѣйшее величество ото всѣхъ несчастій, угрожающихъ ему, и хотя намъ никогда ни минуты не случалось дрожать за себя, мы ежедневно, въ теченіе почти трехъ лѣтъ, дрожимъ за нашего большого друга Людовика XVI, за королеву его супругу, за милыхъ дѣтей его, которыхъ желали бы видѣть внѣ Парижа. Но скажите, многострадальный, отчего ихъ оставляютъ тамъ покинутыми, среди грозящихъ со всѣхъ сторонъ бѣдствій? Вотъ этого не одобряютъ у насъ, и я не могу этого сносить: *они должны оттуда вы-*

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 539.

браться, потому что это невыносимо, и мнѣ кажется, что даже Карлъ I въ Англіи столько не вытерпѣлъ срама» [1]).

«Вы можетъ-быть не подозрѣваете, что это отвѣтъ на письмо ваше, начатое 19-го (30) апрѣля, которое вы послали черезъ Бахуса, а онъ, получивъ, принесъ мнѣ въ тотъ же день. Я такъ думала найти въ этомъ письмѣ по крайней мѣрѣ тайны десяти или двѣнадцати государствъ и Богъ знаетъ, куда бѣжала моя голова, когда я узнала, что Бахусъ самъ принесетъ мнѣ письмо, присланное съ нарочнымъ; а фактотумъ уже принималъ свою таинственную мину, такъ какъ видѣлъ уже таинственнаго посланнаго, который самъ несъ къ Бахусу пакетъ съ этимъ великимъ секретомъ. Я думала по меньшей мѣрѣ найти въ немъ форменное приглашеніе или отъ мужа или отъ жены [2]) постараться освободить ихъ, и многое другое носилось въ Сведенборговой радугѣ воображенія, но вотъ пріѣзжаетъ Бахусъ на весьма усталыхъ лошадяхъ, въ очень жаркій день; тогда фактотумъ, весь въ поту, самъ бѣжитъ на встрѣчу и съ весьма озабоченнымъ видомъ суетъ мнѣ въ руку два пакета; два — это много и тяжело, одинъ падаетъ на землю, другой я держу крѣпко; читаю скорѣе, но посланіе очень огромно и растянуто; тутъ прибѣгаетъ вся ватага дѣтей (т. е. внучата) всѣ шестеро вдругъ на встрѣчу; всѣхъ ихъ послали обѣдать, такъ какъ было поздно, и наконецъ принялись за чтеніе» [3]).

Можно себѣ представить впечатлѣніе государыни, когда, вмѣсто ожидаемой заботливости французскихъ вѣрноподданныхъ о спасеніи своего короля, она получила длинное и многословное ходатайство Гримма за двухъ французскихъ, знаменитыхъ, по словамъ его, генераловъ Буйе и Геймана, искавшихъ продать ей свои услуги за весьма высокую цѣну въ самыя критическія минуты для ихъ родины. Ей не нужно было болѣе ясныхъ дока-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 543.
[2]) Т. е. отъ Людовика XVI или Маріи Антуанеты.
[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 543, 544.

зательствъ глубокаго паденія французскаго общества. Немудрено, что она отвѣчала на это тѣми ироническими презрительными словами, которыя мы уже привели выше, говоря о предложеніяхъ Булье и Геймана, и гдѣ государыня, выставивъ доблесть своихъ героевъ-полководцевъ и своихъ войскъ, прибавляетъ къ этому: «Трудно не сознаться, что успѣхи цѣлаго столѣтія не доказываютъ, чтобъ мы были чурбанами (buches), а еслибъ это могли о насъ сказать, то я ужъ предпочитаю своихъ чурбановъ тѣмъ искусникамъ, которые даютъ машинѣ совсѣмъ развалиться и получаютъ удары сзади..... не трогаясь съ мѣста какъ истые чурбаны. Но, милостивый государь, какъ же возможно выносить это, и если они къ тому не чувствительны, то могли ли они прослыть бравыми молодцами, и не объявилъ ли бы самъ досточтимый отецъ германской націи (Фридрихъ II), что всѣ эти нечувствительные — бездѣльники? Но такъ какъ нѣтъ правила безъ исключенія, то мы поступимъ какъ будетъ сказано ниже, а остальное прошепчемъ на ухо одному г. многострадальному. И такъ, ежели есть у васъ еще старинные рыцари, пусть придутъ или нѣтъ — это какъ имъ угодно. Вы говорите: «Но что можно сдѣлать для тѣхъ, кто не умѣетъ и не хочетъ себѣ пособить?» На это я отвѣчу, что если ужъ онъ рѣшился спуститься съ лѣстницы и на дворѣ вдругъ начинаетъ кричать и плакать, говоря что его губятъ, мой совѣтъ былъ бы взять его подъ обѣ руки и сказать ему: «Кто говоритъ *а*, долженъ выговорить и *б*», и вотъ съ двумя помощниками онъ сталъ бы ходить. Но какое ужасное время, когда приходится писать все то, что про себя думаешь! Ради Бога, г. многострадальный, бросьте въ огонь всѣ мои письма; я все боюсь, чтобъ васъ не повѣсили, желая добраться до моихъ писемъ. А это была бы весьма плохая штука, потому что Богъ знаетъ что̀ такое пишетъ это перо, когда идетъ своимъ естественнымъ ходомъ» [1]).

Когда Гриммъ предлагалъ государынѣ пріобрѣсти видъ Цар-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 544, 545.

скаго Села, картину заказанную ему графомъ Строгановымъ, тотъ прибавляетъ: «Надо полагать, что Роберъ, который отличается особенно талантомъ рисовать развалины, долженъ въ эту минуту находиться въ своей стихіи у себя въ отечествѣ. Въ какую бы сторону онъ ни повернулся, онъ видитъ свой родъ живописи торжествующимъ и самыя прекрасныя и свѣжія развалины въ мірѣ» [1]). Государыня отвѣчала на это: «Если вашъ Роберъ не главнокомандующій войсками, ни демагогъ, ни бѣшеный, то пріѣхавъ сюда, онъ нашелъ бы много хорошенькихъ видовъ достойныхъ кисти, потому что все Царское Село есть собраніе ихъ; одна колоннада представила бы ихъ нѣсколько. Но такъ какъ этотъ живописецъ болѣе любитъ рисовать развалины, а у него ихъ столько передъ глазами, то онъ совершенно правъ что остается въ странѣ развалинъ» [2]).

27-го августа: «Я очень сожалѣю, что здоровье г-жи Бюэль пострадало по милости этой преступной революціи. Іюньскія событія не могли подѣйствовать успокоительнымъ образомъ на чувствительную душу монархистки; неблагодарность съ какою нація или, лучше сказать, французская чернь, относится къ королю просто поразительна. Г-жа Бюэль удивляется, что король или правительство не назначили себѣ адвокатовъ; я полагаю, что это было не трудно, особливо вначалѣ. Я отъ природы питаю большое презрѣніе ко всѣмъ народнымъ движеніямъ и бьюсь объ закладъ, такъ же вѣрно какъ дважды два четыре, что стóитъ только открытою силою разнести двѣ лачужки, чтобы всѣхъ барановъ заставить скакать въ какую хотите сторону черезъ палку, которую вы имъ подставите; самые безумные, самые бѣшеные изъ нихъ первые покорятся и будутъ съ жаромъ опровергать то что прежде защищали. Я полагаю, что главная помѣха бѣгству короля была въ немъ самомъ, и это крайне досадно; королева, зная своего супруга, не покидаетъ его и она правá; но это еще

---

[1]) Письма Гримма, стр. 413.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 548.

новое затрудненіе для побѣга. Что касается меня, то я никогда не считала право короля чуждымъ коронованнымъ главамъ; этотъ вопросъ касается всѣхъ царствующихъ лицъ и даже всѣхъ существующихъ правительствъ, потому что преступное національное собраніе своими нелѣпыми дѣйствіями всѣхъ ихъ оскорбляетъ. Мнѣ кажется, вы важничаете тѣмъ что васъ, судя по вашимъ разсказамъ, чуть не повѣсили въ Миркурѣ; все во Франціи—мода; должно быть, теперь это въ модѣ. Но я думаю, вы бы хорошо сдѣлали, еслибъ вывезли изъ адской бездны, называемой Франціей, вашу воспитанницу съ мужемъ и дѣтьми.... Когда мнѣ случается видѣть Французовъ, я всѣмъ имъ проповѣдую объединеніе въ одномъ духѣ: въ духѣ полнѣйшей вѣрности королю и монархіи жить и умереть для ихъ защиты, и потомъ отсылаю ихъ, говоря: «я буду другомъ и опорою всякому, кто будетъ держаться такого образа мыслей». — Я уже спровадила много такихъ горячихъ головъ подобныхъ братьямъ короля; они воспользуются моими совѣтами когда найдутъ удобнымъ. Я желала бы чтобъ они менѣе расчитывали на другихъ чѣмъ на самихъ себя, и если они будутъ таковы, какъ имъ слѣдуетъ быть, то силы ихъ учетверятся и они станутъ во главѣ королевскаго двора, который долженъ состоять исключительно изъ французскихъ дворянъ и никого болѣе. О, дѣло пойдетъ тогда на ладъ, ошибки не будетъ; я имъ пошлю всѣхъ головорѣзовъ, и успѣхъ будетъ, несмотря ни на какія препятствія. Кавалеръ де Бельзёнсъ справедливо полагаетъ что нечего ждать пощады и милосердія отъ людей, которые теперь распоряжаются и стоятъ во главѣ всѣхъ ужасовъ, совершаемыхъ вотъ ужъ два года въ его отечествѣ; это все висѣльники, которымъ не миновать казни; послушайтесь его совѣта, увезите изъ Франціи его сестру съ мужемъ и дѣтьми: это единственное средство спасти ихъ» [1].

Отъ 30-го августа: «Я сдѣлала непріятное открытіе, что Си-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 550, 551.

молинъ [1]) сдѣлался ярымъ демагогомъ и что онъ начинаетъ восхищаться глупостями, которыя производитъ гадкое собраніе». «Это г. Отэнь его развратилъ» [2]).

1-го сентября: «Скажите французскимъ маршаламъ, прежнимъ министрамъ, льстецамъ и модникамъ, нѣкогда посѣщавшимъ ужины г-жи Реньеръ, которые теперь преслѣдуютъ васъ просьбами устроить чтобъ я купила ихъ старую мебель, скажите имъ что я не для покупки всякихъ обломковъ частныхъ имуществъ берегу свои деньги. Мнѣ можетъ-быть удастся употребить ихъ на спасеніе обломковъ королевства, лишь бы я нашла кому вручить ихъ съ полной увѣренностью, что мои деньги будутъ въ точности и съ пользой употреблены для этой цѣли. Вотъ для чего эти пріятные посѣтители ужиновъ должны бы были соединиться и душою и рѣчью, и этимъ должны бы они были бомбардировать денно и нощно всѣхъ заинтересованныхъ, пока они всѣхъ не приведутъ къ своему убѣжденію» .... [3]).

«Примѣръ короля Французскаго можетъ служить всѣмъ другимъ королямъ сильнымъ поощреніемъ къ тому, чтобъ быть добрыми и милосердыми къ своимъ подданнымъ, да вотъ ужъ и по истинѣ любезные подданные! Вы увидите, что нужно будетъ тысячи золъ и бѣдствій, чтобъ раскрыть имъ глаза на истинные ихъ интересы. Вся нація впала въ слабость и умственное разстройство; середины нѣтъ. Мнѣ не нравятся и эти двѣ отдѣльныя партіи королевы и принцевъ. Я желала бы видѣть партію короля и никакой другой болѣе, но этотъ несчастный государь слишкомъ слабъ чтобъ имѣть ее. Г. Бретэль первымъ министромъ. Это ужъ черезъ чуръ плохо: онъ слишкомъ крутъ и ограниченъ; я знаю г. Бретэля и не считаю его способнымъ къ такому трудному посту» [4]).

«Я боюсь, какъ и вы, что голова г. Булье сильно потрясена неудавшимся побѣгомъ короля, но отъ него зависитъ вступить

---

[1]) Симолинъ былъ русскимъ посланникомъ въ Парижѣ.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 552.

[3]) Стр. 553. [4]) Стр. 554.

на службу туда, куда ему хочется: что до меня, то я отъ этого ничего не проиграю и не выиграю, потому что дѣла пойдутъ такъ же какъ шли и безъ меня. Я полагаю, что въ настоящую минуту всего лучше ему служить тамъ, гдѣ ему представится случай возстановить на престолѣ Людвика XVI. Боже мой! кто же когда-нибудь сказалъ бы, что́ однимъ изъ самыхъ сильныхъ сторонниковъ внуковъ Людвика XV, моего врага, буду я?... Если французская революція распространится по всей Европѣ, то явится новый Чингисъ-ханъ или Тамерланъ, чтобъ образумить ее: вотъ ея участь, будьте въ томъ увѣрены; но это будетъ не въ мое время, и не въ Александрово. Если державы согласятся сдѣлать воззваніе, я примкну къ нимъ, но надо поддержать его силой. Я утверждаю что достаточно овладѣть двумя, тремя мѣстечками во Франціи, и все падетъ само собою. Англія обѣщаетъ остаться нейтральной, но она такъ часто сама себѣ противорѣчила, что трудно на нее положиться. Увидимъ что́ произведетъ свиданіе между императоромъ и братцемъ Гю (Вильгельмомъ) и дастъ ли послѣдній войско; никогда не повѣрю этому, пока не увижу: всякій лжецъ теряетъ мое довѣріе. Завоеванія отъ Франціи невозможны по причинѣ соперничества. Уплаты за издержки придется ждать долго; Густавъ навѣрное явится первый; ужъ онъ велѣлъ готовить свои яхты... Жаль что у принцевъ (братьевъ короля Людовика XVI) денегъ мало, но ихъ и много понадобится. Всѣ согласны что г. д'Артуа ведетъ себя какъ слѣдуетъ. Я знаю что маршалъ Кастри съ ними, и мнѣ кажется что братьевъ короля окружаютъ хорошіе совѣтники»[1]).

Изъ этого отрывка видно, какъ хорошо Екатерина понимала, что ни Пруссія, ни Англія не станутъ помогать возстановленію власти во Франціи и что поддержаніе смутъ въ этой странѣ было даже отчасти дѣломъ рукъ ихъ. Ясно поэтому, что хотя Екатерина душевно желала помочь несчастной французской династіи, но одна, безъ содѣйствія другихъ державъ, она сдѣлать этого

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 554, 555.

не могла, не желая ввергать свою страну, только что вынесшую двѣ тяжелыя войны, въ новыя столкновенія съ европейскими державами, которыхъ взаимно враждебныя отношенія и коварная политика всегда поддерживали всякое зло, лишь бы только оно служило къ ослабленію сосѣда и къ личной эгоистической пользѣ. Между тѣмъ дипломатическія сношенія Россіи съ революціонной Франціей также становились весьма затруднительны, и потому государыня пишетъ отъ 1-го же сентября:

«Навѣрное Симолинъ первый покинетъ Парижъ, и все это оттого, что вице-канцлеръ посовѣтовалъ бывшему уполномоченному короля не являться ко двору, а послѣдній вздумалъ протестовать противъ такого насилія и объявилъ, что все-таки явится ко двору, несмотря на совѣты вице-канцлера. Тогда графъ Остерманъ сказалъ ему, что если онъ принимаетъ вещи на такой тонъ, то онъ моимъ именемъ запретитъ ему являться ко двору; послѣдній пришелъ въ бѣшенство и пошелъ жаловаться всѣмъ другимъ посланникамъ; эти хотѣли его образумить, но не было возможности. А въ концѣ концовъ король въ темницѣ, власть его не дѣйствуетъ и мнѣ кажется, что ни одной изъ коронованныхъ главъ неприлично принимать людей уполномоченныхъ мятежниками или королемъ-плѣнникомъ; притомъ же и Симолинъ не видитъ короля Франціи; а если мой посланникъ не принятъ, зачѣмъ же принимать уполномоченнаго отъ заключеннаго короля или отъ мятежниковъ? Этого человѣка зовутъ Женэ (Genet): онъ ярый демагогъ; онъ послалъ протестъ свой вице-канцлеру и курьера во Францію. И еще разсказываетъ, что вооружитъ двухъ человѣкъ на свой счетъ стеречь границу отъ внѣшнихъ враговъ. Г. Сенъ-При говоритъ: «Это бѣшеный дурачекъ». Берегитесь, если вернетесь во Францію, чтобъ вамъ не затѣяли тамъ ссору, зная что вы мнѣ преданы: они повѣсятъ васъ за то что вы со мною переписываетесь» [1]).

---

[1]) Вице-канцлеръ графъ Остерманъ.

«Письма мои, по желанію вашему, буду посылать св. Николаю во Франкфуртъ, но этой предосторожности еще недостаточно противъ такихъ людей: надо бѣжать отъ нихъ; вотъ единственное средство отъ нихъ избавиться. Если у васъ нѣтъ никакой должности, а таковая нужна чтобъ быть дѣятельнымъ гражданиномъ, то будьте гувернёромъ Като де Бюэль, и вытащите ихъ всѣхъ изъ Франціи» [1]).

2-го сентября: «Двадцати тысячъ казаковъ было бы слишкомъ много, чтобъ образовать зеленый коверъ отъ Страсбурга до Парижа; двухъ тысячъ казаковъ и 6,000 кроатовъ было бы достаточно..... Я очень сожалѣю о нездоровьи божественнаго въ Римѣ (Рейфенштейна) и кардинала Берни. Свиданіе съ принцессами Франціи (сестрами короля Людовика XVI Аделаидой и Викторіей) должно было ужасно поразить его святѣйшество» [2]).

Уже ранѣе, въ маѣ, государыня соболѣзновала объ участи несчастныхъ принцессъ и говорила: «Эти дочери стольких королей, вынужденныя странствовать вдали отъ отечества на шестидесятилѣтнемъ возрастѣ, въ самомъ дѣлѣ представляютъ трогательное зрѣлище. Здѣсь толкователь (т. е. сама императрица) произноситъ длинную диссертацію о превратностяхъ міра сего, и какъ важно воспитывать дѣтей лучше чѣмъ это до сихъ поръ дѣлалось; онъ приводитъ по этому поводу китайскую пословицу, которая говоритъ что воспитаніе возвышаетъ или унижаетъ племена людскія. Вы можете представить себѣ что мнѣ рѣшительно некогда слѣдовать за толкователемъ, когда онъ дѣлаетъ такія отступленія, доставляемыя ему досужимъ воображеніемъ, потому что съ возрастомъ онъ становится все болтливѣе» [3]).

Екатерина проницательнымъ умомъ своимъ хорошо понимала, что безъ подъема духа въ самомъ французскомъ обществѣ спасти его невозможно, и къ этому она безпрестанно возвращается въ сношеніяхъ своихъ съ эмигрантами и тѣми Французами, кото-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 556.
[2]) Стр. 556, 557.
[3]) Стр. 524.

рые извнѣ искали помощи въ своихъ бѣдствіяхъ. Она не перестаетъ повторять имъ, что никто не можетъ спасти Францію, если того не захотятъ горячо и искренно сами Французы и самъ король ихъ.

Отъ 16-го сентября она пишетъ: «Г. д'Артуа прислалъ ко мнѣ изъ Дрездена графа Эстергази. Я стараюсь разгорячить головы тѣмъ, кто оттуда попадается мнѣ въ руки, но всѣ они пріѣзжаютъ съ головами, вовсе не настроенными въ уровень съ требованіями. Не знаю, какими они уѣзжаютъ, но я начиняю ихъ сколько могу; я проповѣдую имъ, чтобъ они искали себѣ указаній и средствъ въ поведеніи Генриха IV, который имѣлъ противъ себя гораздо болѣе препятствій нежели всѣ они, да и не вся Европа была за него. Изо всѣхъ кого я видѣла, голова Сенъ-При кажется мнѣ самою разумною: онъ соединяетъ съ тонкимъ пониманіемъ вещей большую опытность, онъ мужественъ и мудръ» [1]).

И нѣсколько ранѣе, тотчасъ по пріѣздѣ Сенъ-При, императрица говорила: «Увидѣвъ г. Сенъ-При и узнавъ его образъ мыслей, услышавъ съ какою благородной откровенностью онъ говоритъ о событіяхъ, я сказала себѣ: — какъ жаль, что король Франціи не умѣлъ слѣдовать совѣтамъ умнаго человѣка, преданнаго ему и монархіи, дававшаго совѣты разумные и по-моему согласные съ тѣмъ, чего требовали обстоятельства» [2]).

23-го сентября: «Три дня тому назадъ я получила черезъ курьера принцевъ, братьевъ Французскаго короля, ваше письмо изъ Кобленца отъ 3-го сентября. Принцъ Нассаускій уѣхалъ въ Кобленцъ (гдѣ вы его видѣли), чтобъ присоединиться къ потомкамъ Генриха IV, бѣжавшимъ изъ отечества; они должны бы имѣть такіе же планы, какіе имѣлъ этотъ герой Франціи, и только такія правила поведенія, какихъ держался этотъ возстановитель монархіи; но тѣ самыя причины, которыя породили всѣ бѣдствія

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 558.
[2]) Стр. 552.

Франціи и привели ее на край погибели, распространяютъ свои вредныя вліянія и на выборъ средствъ, какими можно бы достичь возстановленія этой монархіи. Эти причины—необыкновенная слабость тѣхъ, для кого однакоже въ этомъ случаѣ приходится работать. Что значитъ напримѣръ это двойное полномочіе, данное барону Бретэлю, и другое такое же, данное позже старшему брату короля? вѣдь этотъ баронъ переговаривается съ дворами въ совершенно иномъ смыслѣ нежели принцы? Они конечно роняютъ вліяніе другъ друга и производятъ во всѣхъ нерѣшительность, потому что одни ведутъ переговоры о сдѣлкѣ между монархомъ и его подданными, а принцы хотятъ дѣйствовать вооруженной силой: вотъ и не знаютъ кого слушать. Я бы не колебалась ни минуты, но я вижу что всѣ колеблются, а я только и проповѣдую, что надо привести къ единодушію главныхъ лицъ, которымъ мы должны и желаемъ помочь. Вдобавокъ этотъ баронъ де Бретэль, въ котораго и король и королева вмѣстѣ такъ вѣрятъ, и котораго я хорошо знаю, — человѣкъ чрезвычайно надменный, болѣе жаждущій власти, чѣмъ способный употреблять ее съ мудростью. У него и нѣтъ, кажется, другой заслуги въ глазахъ королевы, кромѣ той, что онъ былъ креатурой герцога Шуазэля и посланникомъ въ Вѣнѣ; онъ будетъ до крайности подозрителенъ и щекотливъ, и будетъ полагать, что хороши только мнимыя его услуги, которыхъ онъ никогда не сумѣетъ оказать, а между тѣмъ онъ будетъ мѣшать другимъ оказывать истинныя услуги королю и отечеству. Что тамъ ни говори, а братья короля болѣе всѣхъ заинтересованы въ возстановленіи его, и ревновать ихъ къ тому, чего они еще и не сдѣлали — мысль мелкая, идущая прямо отъ дьявола».

«Что касается двухъ внуковъ Генриха IV, удалившихся въ Кобленцъ, то я съ нѣкоторыхъ поръ съ ними на очень дружеской ногѣ и не съ сегодняшняго дня я въ нихъ принимаю участіе и буду помогать имъ съ постоянствомъ и различными способами. Ихъ напечатанное письмо замѣчательно хорошо написано, и безспорно оно должно производить удивительное дѣйствіе, но необхо-

димо его поддержать. Король въ заключеніи можетъ только поступать худо: уже потому что онъ въ тюрьмѣ, онъ преступникъ. Не мѣсто королямъ находиться въ тюрьмѣ: тамъ они играютъ плачевную роль».

«Но посмотрите пожалуйста, что такое этотъ свѣтъ: у меня никогда не было враговъ, которые бы за это жестоко не поплатились, но не по моему злопамятству. У меня его нѣтъ. Вотъ двадцать лѣтъ, какъ Французы хотѣли съѣсть меня; еще менѣе времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ они дѣлали все на свѣтѣ чтобъ создать изъ Турóкъ грозную силу; но эти не помогутъ наихристіаннѣйшему королю въ его несчастіи, а я ни минуты въ томъ не отказывала. Но послушайте же, этотъ наихристіаннѣйшій король подпишетъ ли антихристіанскую конституцію? Вѣдь фактъ тотъ, что онъ послѣ подписанія ея будетъ отлученъ отъ церкви; развѣ онъ этого не видитъ? а если видитъ, то зачѣмъ же ставитъ себя въ такое затрудненіе? Я вамъ скажу, отчего: оттого что всѣ умники этого міра не предвидятъ куда это поведетъ: пусть *они* [1]) вступятъ только во Францію; объ закладъ бьюсь, что они станутъ тамъ хозяйничать кáкъ захотятъ. Графъ Эстергази здѣсь; я съ нимъ обхожусь совсѣмъ безъ церемоніи и мнѣ кажется что онъ доволенъ мною» [2]).

25-го сентября: «Ну вотъ таки сэръ Людовикъ XVI влѣпилъ свою подпись подъ этой сумасбродной конституціей и спѣшитъ произнести присягу, которой конечно не сдержитъ и которой вдобавокъ никто отъ него не требуетъ. Но кто же эти люди, безъ всякаго разумѣнія заставляющіе его дѣлать всѣ эти глупости? Вѣдь это въ самомъ дѣлѣ недостойныя низости: подумаешь, что у нихъ нѣтъ ни совѣсти, ни чести.... Я ужасно сержусь: я топнула ногой, читая всѣ эти .... эти .... мерзости. Тьфу, какіе негодники! Когда вы вернетесь въ Парижъ, если ихъ всѣхъ еще не повѣсили, возьмите розгу и просто высѣките этихъ школьни-

---

[1]) Императрица видимо подразумѣваетъ здѣсь приглашаемыхъ помощниковъ: Пруссаковъ и Австрійцевъ.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 558, 559, 560.

ковъ, совѣтниковъ Французскаго короля, за всѣ жалкія вещи. которыя ему совѣтуютъ дѣлать. Это называется ронять, унижать себя, дѣлать себя презрѣннымъ и смѣшнымъ. Однимъ словомъ, поколотите ихъ, я вамъ даю на то позволеніе, только бы они были побиты:

«Отказаться отъ боговъ, которымъ вѣришь въ сердцѣ, это преступленіе низкой души, а не заблужденіе:

«(Renoncer aux dieux que l'on croit dans son coeur,

C'est le crime d'un lâche, et non une erreur).

«Я думаю вы посмѣетесь моему гнѣву, но право я не люблю глупостей. Еслибъ король не принялъ банкротства, онъ не былъ бы въ немъ участникомъ: теперь же онъ во главѣ его» [1]).

Около этого времени Екатерина вступила въ союзъ съ Густавомъ; но какъ ни желала она видѣть единство намѣреній между всѣми европейскими державами, она не могла этого достигнуть. Конгрессъ въ Пильницѣ [2]) казался ей непрочнымъ, и не серьёзнымъ, и она писала объ этомъ отъ 22-го октября: «Ну вотъ, несмотря на то, что я употребила шесть сотъ тысячъ на укрѣпленіе Финляндіи, я третьяго дня получила извѣстіе о заключеніи союза между Густавомъ III и мною; вотъ онъ, по желанію вашему, совершенно выкарабкался изъ когтей Гегю. Новый союзникъ не стыдится выражать желаніе показаться здѣсь, что́ мы всячески стараемся отклонить, насколько это человѣчески возможно. Какъ хотите вы, чтобъ я ему поручила войско? Онъ не умѣетъ имъ предводить. Вы видите, что конвенція, подписанная въ Пильницѣ, не имѣетъ ни твердости, ни послѣдовательности; я дѣлаю все на свѣтѣ, чтобъ воспламенить ихъ: я обоимъ [3]) имъ писала по просьбѣ принцевъ; я еще не получила отвѣта, но на-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 560

[2]) Знаменитый конгрессъ въ Пильницѣ былъ созванъ для коалиціи европейскихъ державъ противъ Франціи въ пользу Людовика XVI и его возстановленія на престолѣ: на немъ были представители Австріи и Пруссіи, графъ д'Артуа, экслинистръ Калоннъ и маркизъ Буле.

[3]) Т. е. Вильгельму и Леопольду.

дѣюсь, что новое законодательство во Франціи надѣлаетъ столько глупостей, что оно вновь заставитъ короля кричать или бѣжать, и тогда увидимъ. Но важнѣе всего, чтобъ королева примкнула къ партіи принцевъ, и чтобъ она глядѣла на эту партію какъ на самую многочисленную и преданную королевской власти, ка́къ оно и есть на дѣлѣ, и тогда пусть она соединится со мною, чтобъ заставить дѣйствовать своего брата, а когда этотъ поднимется, то Гю (Вильгельмъ) будетъ вынужденъ сдѣлать тоже.

«Г. Сенъ-При былъ здѣсь и я имъ очень довольна: это человѣкъ достойный, выражающій свои мысли на чистоту; жаль, что не слѣдовали его совѣтамъ. Что касается госпожи Сенъ-При, она осталась у брата въ Стокгольмѣ.

«Я очень довольна, что вы одобряете мое поведеніе съ потомками Св. Людовика; клянусь вамъ, я принимаю въ нихъ живое участіе. Мнѣ нравится что дворяне, эти настоящіе французскіе рыцари, собрались вокругъ нихъ. Они написали мнѣ прекрасное письмо и я имъ отвѣчала.

«Такъ какъ мужъ госпожи Бюэль подписалъ письмо дворянства, поселившагося въ Турнэ (Tournay), полученное мною третьяго дня, 21-го октября, то я полагаю что она уже выѣхала изъ Франціи... Въ эту минуту говорятъ, что парижская чернь за короля, но чтобъ каждыя двѣ недѣли не мѣнять мнѣнія, я остаюсь твердою въ принятой разъ рѣшимости, которая заявлена открыто: я думаю, что помогаю королю и Франціи, стараясь помочь, какъ я это дѣлаю, изгнанникамъ.

«Мнѣ не время читать Гиббона или что-либо другое. Я очень довольна, что принцы дали вамъ порученіе къ королю и королевѣ; надѣюсь, что вы постараетесь согласить ихъ въ основаніяхъ; по крайней мѣрѣ и я надъ этимъ работаю. Я вовсе не сомнѣваюсь въ добрыхъ чувствахъ принцевъ ко мнѣ. По-моему, императоръ (нѣмецкій) высказалъ имъ только одни неопредѣленныя слова, но видимо, что есть тайные переговоры между императоромъ и королевой; я полагаю, что послѣдняя замышляетъ второй побѣгъ, и вотъ отчего теперь стараются усыпить всѣхъ.

Надо, чтобъ принцы продолжали ухаживать за всѣми дворами; жалобы ни къ чему не служатъ. Нужно бы огласить, какъ клубъ якобинцевъ хвастаетъ, что закупилъ Шпильмана. Очень трудно будетъ мнѣ такъ издалека направлять ладью принцевъ; я пишу имъ самимъ съ этимъ курьеромъ, и извѣщаю также графа Румянцова о своихъ намѣреніяхъ. Пишу вамъ второпяхъ, потому что не имѣю почти ни минутки свободной» [1]).

23-го октября: «Мнѣ говорятъ, что королева не любитъ парламентовъ, а я говорю, что король самъ возстановилъ ихъ и будетъ въ противорѣчіи съ самимъ собою, если теперь захочетъ ихъ уничтожить: эти парламенты привержены къ монархіи, и безъ нихъ Франція станетъ республикой, или король сдѣлается деспотомъ» [2]).

Этимъ письмомъ императрицы заканчивается 1791 годъ. Здѣсь мы на время перейдемъ къ обзору событій, касавшихся собственныхъ дѣлъ и работъ Екатерины за это послѣднее время.

Окончаніе второй турецкой войны. Смерть Потемкина. Графъ Зубовъ. Сенакъ де-Мельянъ.

По заключеніи Леопольдомъ мира съ Турками мудрость Екатерины заставила и её помышлять о мирѣ, только конечно безъ посторонняго вмѣшательства. Уже 14 мая 1791 г. императрица писала: «Надѣюсь, что миръ будетъ скоро заключенъ», а 3-го іюня: «Благодарите Бога, что Юсуфъ-паша опять назначенъ визиремъ. Такъ какъ онъ началъ войну, то чтобъ спасти свою голову, долженъ и заключить миръ; несмотря на всѣ вздорныя рѣчи, вы увидите, что онъ заключитъ его. Притомъ это человѣкъ не глупый, а съ умными людьми пріятнѣе имѣть дѣло, чѣмъ съ олухами» [3]).

Между тѣмъ искусныя дипломатическія дѣйствія нашего посланника въ Англіи гр. С. Р. Воронцова разстроили планы Питта

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 562, 563. [2]) Стр. 563. [3]) Стр. 542, 547.

и союзъ Пруссіи съ Англіею противъ Россіи. Не только народъ въ Англіи былъ противъ войны, но и въ парламентѣ противъ нея краснорѣчиво возсталъ Фоксъ, за что Екатерина поставила бюстъ его на царскосельской колоннадѣ. Послѣ переговоровъ съ мягкимъ и уступчивымъ Фокнеромъ, о которомъ было говорено выше, Потемкинъ отправился въ Яссы 24 іюля 1791 года съ инструкціями о заключеніи мира. Извѣстія о новыхъ побѣдахъ на сушѣ и на морѣ должны были сдѣлать Турокъ уступчивѣе; но они не отступали отъ своей системы затягиванья переговоровъ. Отъ 27 августа 1791 г. Екатерина пишетъ Гримму: «Предварительныя условія мира съ Турками подписаны 31 іюля... Но кстати, къ намъ пришло черезъ турецкій лагерь странное извѣстіе, что адмиралъ Ушаковъ поднялъ дьявольскую возню: гдѣ? Передъ Константинополемъ, какъ будто для того чтобъ ему сказали: — баста! — Фельдмаршалъ князь Потемкинъ вынужденъ былъ послать къ визирю подполковника и вмѣстѣ отвезти къ контръ-адмиралу приказъ остановить свое пламенное рвеніе. Не могу и разсказать что́ онъ натворилъ! Вы узна́ете это изъ другихъ источниковъ, но это не остановитъ заключенія мира» [1]).

1-го сентября 1791 г.: «Я получила съ минуту тому назадъ, т. е. между восемью и девятью часами утра, подробности о сраженіи, данномъ адмираломъ Ушаковымъ на Черномъ морѣ 31 іюля, въ день подписанія предварительныхъ условій. Онъ такъ хорошо распорядился съ турецкимъ флотомъ, что тотъ бросился на глазахъ Селима въ константинопольскую гавань. Послѣдній испугался, увидѣвъ свои корабли безъ мачтъ и отлично обработанными, а между людьми экипажа множество убитыхъ и раненыхъ, и тотчасъ послалъ своему визирю приказъ, какъ можно скорѣе прекратить битву. Сами Турки говорятъ съ радостью, что его высочество, который за 24 часа до того храбрился, сдѣлался послѣ этого происшествія смиренъ и кротокъ какъ овечка» [2]).

Въ сентябрѣ государыня извѣщаетъ Гримма о болѣзни князя Потемкина по поводу присылки ей Гриммомъ реестра вещей,

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 550. [2]) Стр. 553.

вѣроятно, одного изъ разоренныхъ революціей: «Князь Потемкинъ боленъ въ Яссахъ, гдѣ онъ находится для заключенія мира; если я ему пошлю реестръ, то онъ навѣрно его потеряетъ и о немъ болѣе рѣчи не будетъ. Если стану ждать съ этимъ реестромъ его возращенія, то будетъ слишкомъ долго; итакъ отошлю вамъ всю эту дрянь». Въ концѣ того же письма сказано: «Замиреніе съ великимъ Туркомъ будетъ подписано, о чемъ извѣщаетъ князь Потемкинъ, который былъ очень боленъ; но ему было уже гораздо лучше 24 августа. Я нарочно называю число, чтобъ вы не вѣрили ложнымъ слухамъ» [1]).

23 сентября 1791 г. «Правда, что предварительныя условія мира подписаны; но вотъ въ продолженіе почти двухъ мѣсяцевъ мы отъ этото нисколько не подвинулись впередъ, такъ какъ Порта назначила для переговоровъ съ нашими въ Яссахъ тѣхъ же уполномоченныхъ, которыхъ имѣла въ Систовѣ» [2]).

Менѣе нежели черезъ мѣсяцъ послѣ того, Потемкина не стало. и императрица пишетъ отъ 15 декабря 1791 г.: «Снова поразилъ меня, какъ обухомъ въ голову, страшный ударъ. Послѣ обѣда часовъ въ шесть курьеръ привезъ горестное извѣстіе, что мой воспитанникъ, мой другъ, можно сказать мой идолъ, князь Потемкинъ Таврическій скончался въ Молдавіи отъ болѣзни, продолжавшейся цѣлый мѣсяцъ. Вы не можете себѣ представить, какъ я огорчена. Съ прекраснымъ сердцемъ онъ соединялъ необыкновенно вѣрное пониманіе вещей и рѣдкое развитіе ума. Виды его всегда были широки и возвышенны. Онъ былъ чрезвычайно человѣколюбивъ, очень свѣдущъ, удивительно любезенъ, а въ головѣ его непрерывно возникали новыя мысли. Никогда человѣкъ не обладалъ въ такой степени какъ онъ даромъ остроумія и умѣніемъ сказать словцо кстати. Его военныя способности поразительно обрисовались въ эту войну, потому что онъ ни разу не оплошалъ ни на морѣ, ни на сушѣ. Никто менѣе его не поддавался чужому вліянію, а самъ онъ умѣлъ удивительно упра-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 554, 555.

[2]) Стр. 558, 559

влять другими. Однимъ словомъ, онъ былъ государственный человѣкъ, какъ въ совѣтѣ, такъ и въ исполненіи. Онъ страстно, ревностно былъ преданъ мнѣ: бранился и сердился когда полагалъ, что дѣло было сдѣлано не такъ какъ слѣдовало. Съ лѣтами и опытомъ онъ исправился отъ многихъ своихъ недостатковъ. Три мѣсяца тому назадъ, когда онъ пріѣхалъ сюда, я говорила генералу Зубову, что меня пугаетъ эта перемѣна и что я не вижу въ немъ его прежнихъ недостатковъ, и вотъ къ несчастію мои опасенія оказались пророчествомъ. Но въ немъ было еще одно рѣдкое качество, отличавшее его отъ всѣхъ другихъ людей: у него была смѣлость въ сердцѣ, смѣлость въ умѣ, смѣлость въ душѣ. Благодаря этому, мы всегда понимали другъ друга и не обращали вниманія на толки тѣхъ, кто меньше насъ смыслилъ. По моему мнѣнію, князь Потемкинъ былъ великій человѣкъ, который не выполнилъ и половины того, что въ состояніи былъ сдѣлать» [1]).

22 октября 1791: «Въ вашемъ письмѣ отъ 20-го августа вы начинаете рѣчь съ мира моего съ Турками, который еще не заключенъ; я недѣлю тому назадъ отправила г. Фактотума (Безбородку) въ Яссы, чтобъ поскорѣй покончить съ ними, и вотъ завтра недѣля какъ онъ въ дорогѣ. Князь Потемкинъ своею смертью сыгралъ мнѣ злую шутку! На меня теперь пало все бремя: мнѣ хотѣлось попросить васъ помолиться за меня. Но какъ быть? Надо дѣйствовать. Вообразите, что у меня есть князь Вяземскій, который уже года два буквально заговаривается отъ старости, потомъ еще во флотѣ графъ Чернышевъ: послѣ паралича нынѣшней весной онъ опять поѣхалъ путешествовать и все это живетъ, а тотъ, кто обѣщалъ долго жить, вздумалъ умереть!!!... Ахъ, Боже мой! вотъ ужъ я теперь вполнѣ заслуживаю прозванія Madame la Ressource (госпожи Изворотливости). Опять я должна воспитывать себѣ людей, и конечно оба генерала Зубовы подаютъ наибо́льшія надежды. Но подумайте! Старшему

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 561.

изъ нихъ только 24 года, а младшему только 20. Но это люди умные и разсудительные, а старшій оченъ свѣдущъ и все удивительно въ порядкѣ укладывается въ его головѣ. Это въ самомъ дѣлѣ здравый умъ!!...

«Я очень сожалѣю, что подписаніе предварительныхъ условій мира помѣшало адмиралу Ушакову пойти подальше бросить бомбу вслѣдъ за своей морской побѣдой 12 декабря» [1]).

«Я здорова и дѣла идутъ тѣмъ же порядкомъ, несмотря на ужасную потерю, о которой я вамъ писала въ ту же ночь, какъ пришло роковое извѣстіе. Я все еще продолжаю грустить. Замѣнить его невозможно, потому что надо родиться такимъ человѣкомъ какъ онъ, а конецъ этого столѣтія какъ-то вовсе не предвѣщаетъ геніевъ. Не теряю надежды, что будутъ, по крайней мѣрѣ, умѣлые люди, но надо время, старанія, опытность. Что касается до меня, будьте увѣрены, что я останусь неизмѣнной. Я всѣмъ проповѣдую постоянство, и конечно сама не стану мѣняться» [2]).

Въ 1794 году, какъ кажется, государыню манило желаніе посѣтить югъ, и въ слѣдующихъ строкахъ замѣтна мысль побывать на могилѣ Потемкина: «Вы совѣтуете мнѣ ѣхать въ ваши края, но въ этомъ выражается ваша собственная лѣность: полагаю, что вы желаете меня видѣть, а далекій путь въ Петербургъ васъ пугаетъ. Но знайте, что если я предприму путешествіе, то конечно не въ вашу сторону. Прежде чѣмъ отойду въ другой міръ, я должна видѣть плодородныя земли, лежащія между Бугомъ и Днѣстромъ, которыхъ одинъ воздухъ исцѣляетъ больныхъ. Туда ѣхалъ умирающій князь Потемкинъ, но скончался въ дорогѣ» [3]).

Отъ 4-го сентября 1794 г. государыня писала: «Говорятъ что покамѣстъ Николаевъ на Бугѣ несравненно превосходитъ и постройкой и мѣстоположеніемъ Екатеринославъ, который остается

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 561, 562, 563. [2]) Стр. 564.
[3]) Стр. 597.

въ небреженіи по причинѣ войны и смерти князя Потемкина, тогда какъ тысячи другихъ заботъ были важнѣе этой, а финансы требовали пріостановки построекъ. Когда мы исправимъ казну, мы все сдѣлаемъ что́ захотимъ, а до тѣхъ поръ баста!» [1]).

Искуство Безбородки въ переговорахъ съ Турками, поддерживаемое энергіею и настойчивостью самой Екатерины и подробными собственноручными ея инструкціями, достигло своей цѣли: миръ въ Яссахъ былъ заключенъ 29 декабря 1791 г. Въ іюнѣ 1792 она пишетъ Гримму: «Благодарю васъ за пожеланія и поздравленія по случаю мира съ Турками» [2]). Уже долгое время спустя, государыня, вспоминая эти тяжелыя для себя времена, очерчиваетъ свой образъ дѣйствій, основанный на непоколебимой ея вѣрѣ въ силы Россіи. Она считаетъ страхъ и трусливую уступчивость въ дипломаціи величайшимъ стыдомъ и позоромъ для такой великой и сильной духомъ страны какъ Россія. Она говоритъ 11-го сентября 1795 года, когда затѣвались новыя интриги европейской дипломаціи въ Турціи: «Пусть пособляютъ Марабутамъ сколько хотятъ; но я надѣюсь, что когда бы и сколько бы разъ ни пришлось намъ имѣть съ ними дѣло, Господь поможетъ намъ разрушить козни нашихъ враговъ явныхъ и тайныхъ; всѣ они занимаются вздоромъ. Будьте увѣрены, что Фоксъ столько же руссофилъ, сколько Питтъ. Но Фоксъ говорилъ противъ войны съ Россіею, потому что нація не желала войны, а желалъ ее одинъ только дворъ, и Питтъ былъ настолько уменъ, что уступилъ, видя что противная партія слишкомъ сильна. Какъ и многіе другіе, онъ полагалъ, что насъ можно запугать и заставить подписать нѣчто въ родѣ рейхенбахской конвенціи: на этотъ разъ ошиблись. Запугиванья никогда еще на насъ не дѣйствовали, по той причинѣ что трусость никогда не годится и что храбрая нація не станетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ страха, который всегда и во всякомъ случаѣ ведетъ за собою позоръ. Если интересы Великобританіи не приведутъ Питта къ дружбѣ съ Россіей, конечно я не стану соблазнять

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 611. [2]) Стр. 569.

ни его, ни Фокса никакой другой приманкой. Какому-нибудь маленькому государству можетъ быть выгодно скрывать свои силы; но какая же возможность скрыть силы Россіи? И все-таки ихъ или совсѣмъ не знаютъ, или плохо знаютъ; у насъ въ Россіи есть еще такіе народы, которыхъ, еслибы только явился сильный врагъ, можно разомъ поднять съ оружіемъ и всѣмъ скарбомъ, и они пойдутъ на кого угодно; если же придется имѣть дѣло съ жалкими китайскими войсками, то у насъ конечно болѣе чѣмъ нужно силъ для этого» [1]).

Когда рѣшенъ былъ бракъ Мамонова съ княжной Щербатовой и удаленіе его отъ двора, императрица писала 12 февраля 1790 года: «Ученица г-жи Кардель, найдя что красный кафтанъ болѣе заслуживаетъ жалости чѣмъ гнѣва, наказана на всю жизнь за самую глупую изъ привязанностей, которая не привлечетъ смѣющихся на ея сторону, а его унизитъ какъ неблагодарнаго. Она постарается какъ можно скорѣе прекратить эту шутку къ удовольствію заинтересованныхъ» [2]). Послѣ брака говорится 25 іюня: «Что касается неблагодарныхъ, то они очень строго наказали сами себя. Повидимому, семейнаго ладу нѣтъ. Да и что можетъ быть хуже положенія человѣка, одареннаго умомъ и способностями и имѣющаго познанія, какъ очутиться въ 30 лѣтъ въ деревнѣ съ женою брюзгой и капризной, которой онъ ежедневно попрекаетъ, что остался одинъ съ нею и для нея? Кромѣ того вся тяжесть неблагодарности пала ему на грудь и онъ сначала по мнительности, а потомъ на самомъ дѣлѣ сталъ страдать одышкой» [3]).

Изъ отзывовъ о Мамоновѣ въ перепискѣ можно заключить, что онъ очень интересовался художествами, самъ рѣзалъ на камнѣ, и что особенно его заботамъ обязанъ эрмитажъ своими богатыми коллекціями рѣзныхъ камней, которыхъ пріобрѣтеніе началось еще при Ланскомъ. Часто упоминается также, что Мамоновъ писалъ небольшія пьесы для эрмитажнаго театра (proverbes).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 645, 646. [2]) Стр. 481.
[3]) Стр. 489.

Во время охлажденія къ Мамонову, въ эпоху самыхъ тяжелыхъ военныхъ тревогъ, императрица, какъ она сама вспоминала позже, «была одна и безъ помощниковъ» [1]). Имя Зубова въ первый разъ встрѣчается въ сентябрѣ 1790 года. Разсуждая о геройствѣ древнихъ и о томъ что современные герои должны бы подражать имъ, а для этого читать древнихъ писателей, Екатерина прибавляетъ: «Хотите знать, что́ г. Зубовъ и я дѣлали это лѣто въ Царскомъ Селѣ въ свободные часы при громѣ пушекъ? ну вотъ нашъ секретъ: мы переводили томъ Плутарха на русскій языкъ. За то мы были спокойны и счастливы во время сумятицы. Кромѣ того онъ читалъ Полибія» [2]).

24-го апрѣля 1791: «Графъ Зубовъ говоритъ, что девятнадцатому вѣку предстоитъ весьма печальное будущее. Эта перспектива ему не улыбается. Но онъ молодъ, онъ увидитъ этотъ вѣкъ во всемъ блескѣ: какая разница со второй половиной осмнадцатаго вѣка! Бо́льшая часть оставшихся на землѣ людей или сумасшедшіе или бѣшеные. Живите же съ этими людьми, если можете» [3]).

9-го мая 1792 г. выраженъ такой отзывъ о графѣ Зубовѣ: «Этотъ генералъ Зубовъ трудолюбивъ, честенъ, исполненъ доброй воли, и настроеніе его ума отличное. Это человѣкъ, о которомъ вы услышите: о немъ будутъ говорить. Отъ меня зависитъ образовать изъ него новаго фактотума» [4]).

Въ 1794 году государыня упоминаетъ, что Зубовъ отлично владѣетъ итальянскимъ языкомъ: «Я подарила письмо Кориллы, которое не могла прочесть, кому-то, кто особенно любитъ итальянскій языкъ и прочелъ на немъ все самое лучшее: это графъ Платонъ Зубовъ» [5]).

Изъ числа литераторовъ, пожелавшихъ пріѣхать въ Россію и искавшихъ покровительства Екатерины, очень часто упоминается имя Сенака де Мельяна. Этотъ эксъ-интендантъ французской службы собирался писать русскую исторію и обратился съ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 630. [2]) Стр. 496. [3]) Стр. 516.
[4]) Стр. 566. [5]) Стр. 592.

письмомъ изъ Эксъ-Ла-Шапеля къ императрицѣ, чтобъ испросить у нея дозволеніе пріѣхать съ этой цѣлью въ Россію. Императрица поручила нашему посланнику въ Венеціи Мордвинову собрать о немъ свѣдѣнія. Въ замѣчательномъ письмѣ ея [1]) выражены весьма вѣрные взгляды на условія, необходимыя для того, кто примется за трудъ написанія русской исторіи. Такъ какъ тутъ рѣчь идетъ объ иностранцѣ, то по ея мнѣнію ему прежде всего надо отрѣшиться отъ предвзятыхъ и общихъ всѣмъ иностранцамъ предразсудковъ, заставляющихъ ихъ видѣть въ черномъ свѣтѣ весь періодъ Россіи до Петра, предполагая, что до него не было у насъ ни законовъ, ни администраціи, тогда какъ на дѣлѣ было совершенно противоположное и только смутныя времена послѣ Іоанна Грознаго помѣшали Россіи двигаться впередъ почти наравнѣ съ остальной Европой. Затѣмъ императрица находитъ, что мысль писать исторію ея царствованія то же, что ставить государю монументъ при его жизни, не зная еще будетъ ли то однимъ украшеніемъ города, или дѣйствительно заслуженнымъ отличіемъ. Она находитъ также, что тотъ, кто пишетъ исторію страны, долженъ умѣть оцѣнить ея *славныя* страницы, отыскать въ этой исторіи все, что въ ней есть возвышающаго духъ и могущаго служить образцомъ для потомства. Особливо же въ такое время какъ настоящее, говоритъ она, никакъ не слѣдуетъ умалять цѣну хорошаго, если хочешь поддержать и ободрить умы и устремить ихъ къ великому и прекрасному. Наконецъ государыня высказываетъ мысль, что только исторія Россіи хорошо понятая и разработанная можетъ пополнить пробѣлы въ исторіи другихъ народовъ. Впрочемъ, если справки о Сенакъ де Мельянѣ будутъ удовлетворительны, то она соглашается на его пріѣздъ и назначаетъ ему двѣ тысячи дукатовъ на дорогу. Мордвиновъ, хотя и исполнилъ въ точности порученіе императрицы, однако воздержался отъ всякой оцѣнки свойствъ

---

[1]) Оно напечатано въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій Екатерины, а также въ *Русскомъ Архивѣ* 1866 года, въ статьѣ Сенакъ де Мельянъ, князя Оболенскаго

Сенака де Мельяна. Но умный Н. П. Румянцовъ, котораго императрица тоже спрашивала о немъ, отозвался, что «у него *блестящій*, но не здравый умъ (un bel esprit, mais non pas un bon esprit)».

Гриммъ, привыкши къ тому, что всѣ искательства, всѣ переговоры и порученія за границей шли черезъ него, нѣсколько обиженнымъ тономъ писалъ отъ 21 октября 1791 года:

«Всѣ меня спрашиваютъ, правда ли, что г. Сенакъ де Мельянъ, валансьенскій эксъ-интендантъ, путешествовавшій съ начала революціи по Италіи, перешелъ на службу къ вашему величеству исторіографомъ съ пятью тысячами рублей жалованья. Я отвѣчаю, что ничего объ этомъ не знаю, но во всякомъ случаѣ онъ имѣетъ должность весьма пустую, потому что императрица сама уже 29 лѣтъ пишетъ свою исторію, не портя ни перьевъ, ни бумаги. Меня спрашиваютъ, не на мѣди ли она пишетъ. Я отвѣчаю, что мнѣ это неизвѣстно, но полагаю, что рѣзецъ, который она употребляетъ, начертываетъ навѣки. Очень непріятно, когда васъ безпрестанно спрашиваютъ, а вамъ постоянно приходится отвѣчать: не знаю» [1]).

Императрица отвѣчала: «Г. Сенакъ де Мельянъ предложилъ пріѣхать сюда, какъ литераторъ, желая заниматься исторіей. До сихъ поръ онъ у меня не на службѣ, но это человѣкъ весьма пріятный въ разговорахъ. Я полагаю, что онъ теперь занимается планомъ своей исторіи» [2]).

Сначала государыня ожидала успѣха въ предпріятіи Сенакъ де Мельяна, много съ нимъ бесѣдовала, наставляла его и переписывалась съ нимъ; но скоро разочаровалась въ немъ и уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ сентябрѣ того же года, писала: «Онъ очень плохого здоровья и я нахожу въ немъ гораздо болѣе хотѣнья чѣмъ умѣнья: онъ весьма велерѣчивъ, но высказываетъ весьма мало. Если онъ напишетъ исторію, на что

---

[1]) Письма Гримма, 366.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 546.

я надѣюсь, то она будетъ въ томъ же родѣ. У насъ было съ нимъ два, три разговора: онъ любитъ поучать и когда начинаетъ говорить, то слушающій его уже напередъ знаетъ все, что онъ скажетъ. Кромѣ того онъ, какъ и всѣ его друзья, самъ не увѣренъ, что онъ такое: демагогъ или роялистъ, согласно своей прежней должности, но я думаю это все равно. Онъ пишетъ хорошенькіе стишки. Недѣль шесть или два мѣсяца тому назадъ онъ уѣхалъ отсюда черезъ Москву: тамошніе архивные ученые пришли въ негодованіе отъ его легкомыслія, и вообще я никогда не видѣла человѣка, который менѣе его сумѣлъ здѣсь понравиться. Говорятъ, онъ въ Москвѣ сказалъ, что въ Россіи видишь только бороды да ленты, и что почетнѣе не имѣть ленты, чѣмъ имѣть ее. Судите сами поэтому, могъ ли онъ понравиться? Онъ здѣсь посѣщалъ только общество г-жи Щербининой, съ которой всѣ женщины прекратили знакомство. Это дочь княгини Дашковой, но она ведетъ такую жизнь, что мать и слышать о ней не хочетъ. Въ Москвѣ онъ разсказывалъ, что только у нея собирается хорошее общество; говорятъ однако, что частехонько онъ засыпалъ у нея на креслахъ. Вы когда-нибудь узнаете, зачѣмъ я приглашала г. де-Мельяна. Онъ оказался, однако, ниже моихъ ожиданій, но довольно объ этомъ, и прошу не болтать: это про васъ однихъ» [1]).

Черезъ годъ послѣ того, въ августѣ 1792 года: «Сенакъ де Мельянъ все еще сохраняетъ добрую волю высказать наилучшія вещи, но не всегда онѣ въ его распоряженіи, а такъ какъ онъ всегда желаетъ поучать своихъ слушателей, то они по большей части слушаютъ его разиня ротъ, но ничего не услышатъ необыкновеннаго, или такого, что бы не знали уже. Совершенно вѣрно, что онъ самъ не знаетъ, какого онъ цвѣта. Никогда ему не предлагали чина тайнаго совѣтника: онъ предлагалъ себя въ исторіографы, чего ему запретить нельзя было, но я старалась постоянно отклонить его отъ этого, безпрестанно повторяя ему,

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 553, 554.

что нельзя писать исторію страны, когда не знаешь ни языка ея, ни обычаевъ. Что касается до сравненія меня съ храмомъ св. Петра [1]), скажу объ этомъ, вмѣстѣ съ оберъ-шталмейстромъ Нарышкинымъ, что оно не стоитъ и десяти копеекъ» [2]).

Уѣхавъ въ Германію, Сенакъ де Мельянъ все еще думалъ заняться русской исторіей: онъ даже написалъ и прислалъ введеніе въ эту исторію, и потомъ письмомъ изъ Гамбурга къ графу Зубову спрашивалъ о немъ мнѣнія императрицы. На это собственноручно замѣчено Екатериной въ выноскѣ: «Я читаю и началá дѣлать примѣчанія на его сочиненіе». Такъ какъ въ концѣ письма Сенака было сказано въ P. S: «Боюсь, что въ сочиненіе, которое я имѣлъ честь послать императрицѣ, вкралось, по винѣ писца, много ошибокъ», то государыня внизу сдѣлала примѣчаніе: «Ихъ слишкомъ много для печати».

Вѣроятно, объ этомъ-то введеніи императрица писала отъ 3-го апрѣля 1794 года: «Мельянъ прислалъ мнѣ великолѣпную вступительную рѣчь о русской исторіи, для которой онъ ѣздилъ отыскивать матеріалы въ библіотекѣ принца Генриха. Послѣдній считаетъ его *ученымъ*. А я его считаю невѣждой, потому что человѣкъ этотъ убивается надъ тѣмъ, чтобъ написать исторію страны, которой языка онъ вовсе не знаетъ, и потому онъ спотыкается на каждомъ шагу. Я сама убивалась надъ тѣмъ, чтобъ объяснить ему это самымъ учтивымъ образомъ, но вѣдь мы признаёмъ себя геніемъ, тогда какъ ничего геніальнаго въ насъ нѣтъ. Когда онъ раскроетъ ротъ, подумаешь, что онъ станетъ говорить самыя превосходныя вещи въ мірѣ; но это ожиданіе напрасно: ничего прекраснаго не выходитъ, а только самое обыкновенное, или что-нибудь возлѣ да около предмета. За то въ концѣ концовъ онъ очень скученъ и съ безконечными претензіями, силясь все объяснять съ педантической точностью и считая себя первымъ

---

[1]) Брошюра, въ которой Сенакъ сравниваетъ Екатерину съ храмомъ св. Петра въ Римѣ, озаглавлена: *La comparaison de S. Pierre de Rome avec Catherine II* и напечатана въ его Oeuvres philosophiques et littéraires.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 572.

человѣкомъ своего времени. Онъ хотѣлъ сдѣлаться здѣсь министромъ финансовъ, почитая себя свѣдущимъ по этой части для Россіи, потому что былъ интендантомъ во Франціи. Потомъ онъ просилъ мѣста посланника въ Константинополѣ, говоря что ему нравятся турецкіе диваны и турецкій образъ жизни. На это я отвѣчала ему, что могу поставить на это мѣсто только Русскаго греческой вѣры. Потомъ онъ отправился къ Потемкину въ армію, гдѣ онъ вздумалъ давать ему совѣты по военному дѣлу, отчего тотъ сильно зѣвалъ» [1]).

Отъ 6 апрѣля 1795 г. государыня говоритъ Гримму: «Я сказала вамъ все что думала о прелестномъ человѣкѣ, который во что бы ни стало хочетъ писать исторію Россіи въ воображеніи, точно такъ какъ принцъ Генрихъ (который съ ума сходитъ по этомъ человѣкѣ) управлялъ Пруссіей при своемъ братѣ и своемъ племянникѣ» [2]).

Въ сентябрѣ 1795-го года императрица спрашиваетъ: «Скажите-ка мнѣ пожалуйста, что заставило Мельяна покинуть Рейнсбергъ? Когда-то герой (т. е. принцъ Генрихъ) былъ имъ весьма очарованъ, хотя, по правдѣ сказать, восхищаться было нечѣмъ» [3]). А въ маѣ 1796-го года, получивъ вѣроятно отъ Гримма объясненіе на этотъ вопросъ, она говоритъ: «Исторія Мельяна въ Рейнсбергѣ, а стало-быть историческая сторона двора гражданина Генриха Рейнсбергскаго, очень меня позабавила. Этотъ гражданинъ всегда на ходуляхъ» [4]).

Продолженіе французской революціи. 1792 и 1793 годы.

Отъ 4-го апрѣля 1792 г. Екатерина дѣлаетъ обзоръ европейскимъ событіямъ и возвращается къ впечатлѣніямъ, производимымъ на нее извѣстіями о ходѣ революціи: «Я въ восторгѣ, что вы еще въ состояніи шутить; что до меня касается, то я боюсь одурѣть отъ всѣхъ потрясающихъ нервы событій, каковы напр.:

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 602. [2]) Стр. 622. [3]) Стр. 653.
[4]) Стр. 674.

неожиданная смерть императора [1]), убійство короля Шведскаго, развязка событій ежедневно ожидаемыхъ въ Франціи, да еще и бѣдная королева Португальская вздумала сойти съ ума. Правда, что она внучка Филиппа V, и кажется, это наслѣдственно въ Анжуйскомъ домѣ. Ну да это простительно, вѣдь тутъ ужъ никто не виноватъ! Но чего нельзя простить, такъ это предательства дома Орлеанскаго, перешедшаго въ ряды бѣшеныхъ и орудующаго стало-быть всѣми совершающимися ужасами, въ которыхъ онъ принимаетъ участіе; и какая была нужда этому скверному Филиппу Капету посылать дочь свою въ Англію, чтобъ она тамъ научилась сквернѣйшему ремеслу» [2]).

Отъ 14 апрѣля: «Послушайте-ка, якобинцы печатаютъ и объявляютъ на всѣ стороны, что собираются убить меня и поспѣшили отправить съ этою цѣлью трехъ или четырехъ человѣкъ, которыхъ примѣты мнѣ отовсюду присылаютъ. Я полагаю, что еслибъ они въ самомъ дѣлѣ замышляли такое дѣло, то такъ не распространяли бы слухъ о немъ, чтобъ онъ дошелъ до меня. Въ Варшавѣ Маззей держалъ пари, что 3-го мая меня не будетъ въ живыхъ, а меръ Петіонъ, говорятъ, увѣрялъ, что 1-го іюня меня уже не будетъ на этомъ свѣтѣ. Я по совѣсти нахожу, что должна вамъ заявить эти слухи, чтобъ вы узнавали въ эти дни, жива ли я. Какъ только будетъ можно, я постараюсь проучить негодяевъ за такія рѣчи. Въ концѣ XVIII столѣтія, кажется, считается заслугою убивать людей изъ-за угла, и потомъ меня увѣряютъ, будто бы Вольтеръ это проповѣдывалъ. Вотъ какъ смѣютъ клеветать на людей!... Странно, что во всемъ этомъ дѣлѣ всѣ дворы слѣдуютъ внушеніямъ и направленію короля и королевы Французскихъ, которые во всемъ своемъ поведеніи показали полное неумѣнье держать себя; я знаю, отчего это происходитъ, но причина и побужденія именно мнѣ и не нравятся. Если принцъ Нассаускій взялъ г-на де Бюэль себѣ въ адъютанты, то пусть онъ носитъ русскій мундиръ» [3]).

---

[1]) Леопольда Австрійскаго.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 564. [3]) Стр. 565.

«Царское Село, 9-го мая, Николинъ день.

«Я вчера получила извѣстіе, что при первомъ столкновеніи въ Монсѣ, французская сволочь была хорошо встрѣчена австрійскимъ войскомъ. Я очень этимъ довольна, только удары могутъ исцѣлить этихъ сумасбродовъ. Всего лучше то, что они со всѣми перессорились: такъ скорѣе наступитъ развязка; я бы желала, чтобъ они предприняли нападеніе на Остенде и Голландію. Тогда Англичане живо вышли бы изъ своего нейтралитета. Всего страннѣе, что они объявляютъ войну тѣмъ, кто имъ показываетъ снисхожденіе: кажется, что скоро этого не миновать королю Сардинскому. Богъ свидѣтель, что я ихъ не ублажала: никто откровеннѣе меня не высказывался на ихъ счетъ. Еслибъ всѣ слѣдовали съ ними той же методѣ, они были бы менѣе нахальны. Они желали бы запугать весь міръ, а сами трусятъ до смерти, потому что совѣсть говоритъ имъ, что они втайнѣ злодѣи, погрязшіе во всевозможныхъ преступленіяхъ... Вы услышите о насъ, и дѣла Франціи не будетъ забыты. Но я шагу не сдѣлаю безъ тѣхъ, кого мы взяли подъ свое покровительство [1]), и безъ этого французскаго дворянства, которое буду поддерживать изо всѣхъ силъ.... Вотъ подождите, когда Французы будутъ хорошенько побиты, смѣшенію языковъ и возрожденію настанетъ конецъ. Сосѣди... сосѣди положатъ этому предѣлъ. Они въ восторгѣ отъ такого благопріятнаго случая: давно они о подобномъ и не мечтали, ужъ если говорить на чистоту... На все, что вы мнѣ сообщаете о баронѣ Бретэлѣ и о планахъ, которые ему приписываютъ, я отвѣчу въ свою очередь вотъ что: — такъ какъ всѣ новѣйшія шарлатанства только привели Францію къ погибели, то, по моему мнѣнію, всякая другая форма, кромѣ старой, только увеличитъ смуту. Но изъ этой старой формы слѣдовало бы вытащить тѣ гвозди, которые наносятъ раны политическому тѣлу, и это надо сдѣлать, соблюдая мѣру, осторожность и мудрость. Къ несчастію, между нами сказать, зло кроется въ Тюильри и нигдѣ болѣе. Что значитъ

---

[1]) Принцевъ — братьевъ короля.

этотъ образъ дѣйствій двойственный, тройственный, четверной, эти письма, то утверждающія, то отрицающія? Чего хотятъ, чего не хотятъ, не узнаешь, и никто, точно такъ же, какъ и я сама, ничего тутъ понять не можетъ. Мужъ говоритъ одно, жена другое; то онъ соглашается съ своей сожительницей, то грубо ей противорѣчитъ. Берегите это про себя, но это доказанная истина.

«Вы говорите, что надо все прощать несчастью. Ну, такъ простимъ имъ это, лишь бы они исправились» [1]).

Въ письмѣ отъ 4-го іюня императрица между прочимъ говоритъ, что она «пугало для якобинцевъ» [2]).

О нежеланіи своемъ вступить въ союзъ съ Пруссіей для возстановленія порядка во Франціи, Екатерина отзывалась такъ: «Вы говорите мнѣ, что Пруссаки увѣряютъ будто русскій корпусъ вступитъ въ Силезію, чтобъ двинуться на Рейнъ. Но высокіе союзники вовсе не желаютъ этого корпуса, а вмѣсто того просятъ денегъ. Покойный король Шведскій и я помышляли о томъ, чтобъ дѣйствовать. Испанія обѣщала намъ денегъ, но со смертью его она денегъ не даетъ, а регентъ плохо исполняетъ пункты завѣщанія своего брата. По этой причинѣ мы выступимъ не скоро. Однакоже я конечно не покину внуковъ Генриха IV; да и отъ нихъ ожидаю, что, разъ вступивъ во Францію, они будутъ вести себя какъ достойные представители своего рода. Дѣла́ нѣсколько измѣнились со времени объявленія войны Франціей Австрійскому Дому; я союзница послѣдняго и концертъ выходитъ ужъ не тотъ» [3]).

Государыня во все время смутъ во Франціи сохраняла убѣжденіе, что возстановить эту страну могутъ только сами Французы, т. е. младшіе братья короля и эмигранты, если захотятъ дѣйствовать согласно и опираться другъ на друга, а никакъ не внѣшняя сила чужихъ армій, которыхъ доброжелательность была болѣе чѣмъ сомнительна. Только на этомъ основаніи давала она свою

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 565, 566, 567.
[2]) Стр. 569. [3]) Стр. 570, 571.

помощь и поддержку. Потому, когда присланъ былъ изъ Франціи для переговоровъ съ нею маркизъ де Бомбель, она писала отъ 14 августа: «Мнѣ вовсе не нужно этого интригана и злого сплетника Бомбеля, бывшаго посланникомъ Французскаго короля, а теперь чиновника барона Бретэля, котораго наихристіаннѣйшій король то признавалъ, то отъ него отрекался, какъ и отъ многихъ интригановъ. Такимъ образомъ его величество и королева, его супруга, только роняютъ себя, употребляя этихъ двойственныхъ и тройственныхъ уполномоченныхъ — выразителей ихъ воли или неодобренія, а когда посильнѣе прижмешь названныя величества по поводу такихъ дурныхъ средствъ, ими избираемыхъ, они извиняются тѣмъ, что у нихъ нѣтъ совѣтниковъ и что ихъ заставляютъ дѣлать многое противъ воли. Но если у нихъ нѣтъ совѣтниковъ, то болѣе чѣмъ когда-нибудь они должны бы были дѣйствовать неуклонно, честно, открыто и прямодушно, и этою непоколебимою и твердою прямотою они наконецъ выпутались бы изъ бѣды. Но конечно не тѣмъ они спасутся, что двадцать разъ на день себѣ противорѣчатъ: удивительно, какъ часто людямъ недостаетъ правилъ въ жизни. Чему же обучали этихъ людей въ дѣтствѣ? Александръ, будучи еще ребенкомъ, говорилъ своей нянѣ: «я люблю книжки, которыя даетъ мнѣ бабушка, потому что изъ нихъ я узнаю, какъ я долженъ себя вести»; оттого мой Александръ знаетъ съ чего начать и послѣдователенъ во всемъ, что онъ дѣлаетъ. Я полагаю, что кавалеръ Бельзэнсъ привезъ Бомбелю приказаніе сблизиться съ графомъ Эстергази, потому что я наотрѣзъ объявила, что всѣ эти дѣленія на партіи могутъ только вредить благу и пользамъ короля, и высказала ему, что я сильно предана партіи принцевъ, которая представляетъ авторитетъ королевской власти, религіи, дворянства, парламента. Итакъ они, потерявъ надежду поколебать мое мнѣніе, начали здѣсь ухаживать за тѣми, кому прежде старались вездѣ вредить, особенно же въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Недавно еще довели до моего свѣдѣнія, что король Французскій скорѣе готовъ броситься въ объятія якобинцевъ, чѣмъ попасть въ руки своихъ

братьевъ. Что сказать послѣ всего этого и удивляться ли тому, что все перевернуто вверхъ дномъ? Тутъ на цѣлые десятки лѣтъ ошибокъ, паденій и новыхъ паденій, такъ что можетъ-быть ни вы, ни я тому конца не увидимъ. Не хотятъ, чтобъ партія принцевъ подняла голову! Такъ сильно боятся этой партіи, что не хотятъ, чтобъ она соединила всѣ свои силы; ихъ разъединяютъ на мелкія партіи. А дали бы имъ только войти во Францію; по всей вѣроятности, если только эти принцы сознаю́тъ, какая кровь течетъ въ ихъ жилахъ, они одни совладаютъ съ положеніемъ. Австрійцы не много сдѣлаютъ, Пруссаки утомятся, изнурятся, а Французы останутся во Франціи, благодаря правотѣ дѣла, которое защищаютъ. Составивъ себѣ партію, они восторжествуютъ, если только будутъ вести себя какъ слѣдуетъ. А для этого нужны четыре или пять снадобьевъ, которыя не такъ трудно соединить: мужество, твердость, великодушіе, благоразуміе и здравое понятіе какъ и гдѣ примѣнять эти свойства» [1]).

«Этотъ самый курьеръ отвезетъ вашему святому (Румянцову) приказъ присоединиться къ внукамъ Генриха IV; надѣюсь, что онъ не будетъ имъ безполезенъ. Самое лучшее то, что теперь они вѣроятно вернулись во Францію; еслибъ я была возлѣ нихъ, какъ бы я ихъ подвигла на великія дѣла съ небольшими средствами! Вѣнское министерство такъ мало ихъ любитъ, что когда увидитъ какъ они быстро шагаютъ, то заключитъ миръ какой бы то ни было. Что касается Прусскаго короля и принца Брауншвейгскаго, это другое дѣло. Если я не всегда имѣла случай быть довольной послѣднимъ, я не переставала цѣнить его достоинства. . . Я нахожу его манифестъ энергическимъ и яснымъ; вотъ какъ надо разговаривать, особливо съ негодяями, когда они позволяютъ себѣ пускаться въ разсужденія; я не люблю, чтобъ съ ними разговаривали съ кашей во рту, какъ правительство Нидерландовъ» [2]).

Не одинъ Гриммъ, но и сама императрица были убѣждены,

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 572, 573.

[2]) Стр. 574, 575.

что Англія заодно съ Пруссіей поощряетъ революцію во Франціи. Это видно изъ слѣдующихъ ея словъ: «Вы хотѣли вмѣшать вашего св. Николая даже въ составленіе манифеста, сочиненнаго въ Майнцѣ; но развѣ вы не видите, что очень рады насъ удалить отъ этого, потому что боятся, что тогда дѣло кончится скорѣе и нѣсколько иначе, чѣмъ дѣльцы двухъ дворовъ этого хотятъ. Когда я говорю *дѣльцы*, я хорошо знаю кого разумѣю». И далѣе: «Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Англія вмѣшивается по-своему посредствомъ тайныхъ происковъ въ эти отвратительныя дѣла во Франціи; все это вмѣстѣ производитъ такую путаницу, что ничего не разберешь... Я же никогда не говорила съ кашей во рту о тѣхъ негодяяхъ, которые губятъ Францію; поэтому я не мало способствовала тому, что и Европа какъ будто приняла взгляды нѣсколько противоположные образу мыслей этихъ разбойниковъ... Сегодня пришло извѣстіе, требующее еще подтвержденія: оно говоритъ, что національная гвардія выпроводила короля въ Компіенъ» [1]).

О неудачѣ прусскихъ войскъ въ Шампани Гриммъ писалъ отъ $^{16}/_{27}$ октября 1793 года: «Принцъ Кобургскій сознается, что его войска дрались двое сутокъ безъ передышки и не принимая пищи, потому что непріятель не переставалъ замѣнять нападавшихъ новыми, свѣжими силами. Ваше величество видите, что я долженъ требовать отъ своего полуфаворита строгаго отчета въ этомъ дѣлѣ, которое я считаю роковымъ, такъ же какъ и всю компанію съ той минуты, какъ злополучная осада Дюнкирхена остановила его прежде славныя дѣйствія. Я все еще силюсь смиренно представлять коронованнымъ иноходцамъ, если таковые есть, что ежели все шарлатанство ихъ знаменитыхъ смотровъ, маневровъ, ученыхъ эволюцій, вся торжественность ихъ карауловъ не доставляютъ имъ болѣе вѣрныхъ и рѣшительныхъ успѣховъ противъ арміи, въ которой уничтожена всякая дисциплина, — арміи, составленной изъ грубыхъ и непослушныхъ солдатъ и пестраго сброда

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 575

мужиковъ и мѣщанъ подъ командой пивоваровъ, мясниковъ и сапожниковъ, то право игра не стóитъ свѣчъ».

На это императрица отвѣчала отъ 31-го октября: «Но что же это за ужасъ, какой срамъ потерпѣлъ этотъ герцогъ Брауншвейгскій! Теперь эта безплодная Шампань удобрится навозомъ, который они тамъ оставили! Ахъ, Боже мой! Боже мой! до чего оба двоюродные братца дурно повели и свои дѣла и чужія! Но жалобы ничему не помогутъ: лучше постарайтесь о томъ, чтобъ они впредь дѣйствовали умнѣе. Вы должны быть въ отчаяніи, потому что вотъ теперь всѣ ваши любимые германскіе принцы, или большая часть изъ нихъ бѣжали или разорены, или покинули свои домы. Но что же это наконецъ будетъ? Я смертельно боюсь за свои письма: да бросьте же ихъ разъ навсегда въ огонь. Еслибъ я знала гдѣ отъискать ихъ, я бы сама послала ихъ сжечь, вопреки вашему желанію. А эта драгоцѣнная золотая булла—палладіумъ Германіи! Дрянной Кюстинъ захватилъ ее. Да еслибъ только это была единственная бѣда, но вѣдь три курфиршества заняты! И что же это за Донъ-Кишоты германскіе? Они разоряются на содержаніе войскъ, надрываются надъ ихъ обученіемъ, а когда ихъ надо пустить въ дѣло, то августѣйшія высочества обращаются въ бѣгство вмѣстѣ съ войскомъ или безъ него. Приведите же это въ порядокъ, вы, который теперь находитесь въ своемъ центрѣ [1]), и скажите имъ, что на войнѣ кто не бьетъ, тотъ побитъ. Слышите ли, я хочу чтобъ вы имъ это сказали; тогда они увидятъ, что вы и я умные люди.

Не говорю уже о несчастномъ королѣ, заключенномъ въ Тамплѣ; было бы всего счастливѣе для него, когда бы его тамъ совсѣмъ забыли; но я очень боюсь, что этого не будетъ, развѣ совершится чудо... А эти бѣдные принцы, братья короля, и эти эмигранты, что съ ними будетъ? я все о нихъ думаю и о срéдствахъ загладить стыдъ и позоръ высокихъ союзниковъ, или по

---

[1]) Гриммъ тогда находился въ Готѣ

крайней мѣрѣ двухъ кузеновъ. Но тамъ такое множество дѣльцовъ, что голосъ разума никогда не будетъ услышанъ» [1]).

7 декабря 1792 г., отвѣчая на письмо Гримма съ поздравленiями по случаю приближающагося новаго года, начинавшееся разсужденiемъ о новомъ и старомъ стилѣ, императрица говоритъ, что она любитъ свой старый календарь, какъ «принадлежащiй греческой церкви, — апостольской» и еще потому, что болѣе чѣмъ когда-либо ненавидитъ новое. Называя этотъ годъ—годомъ неудачъ, она прибавляетъ: «Прошу васъ извѣстить меня, гдѣ вы находитесь, и такъ какъ вы бѣжали, преслѣдуемые Кюстинами и Дюмурье, не вздумаете ли вы въ одинъ прекрасный день, согласно усердной моей просьбѣ, бросить въ огонь мои письма? Я не желаю, чтобъ они попали въ руки демоновъ, которые, какъ вы видите, умѣютъ итти впередъ, несмотря на дожди, грязь и недостатокъ провiанта и фуража, тогда какъ наши *размѣренные* (compassés) не доходятъ туда, гдѣ бы имъ слѣдовало быть. Я также весьма радуюсь, что разбойники отказываются войти въ переговоры, которые съ такимъ умомъ и достоинствомъ предлагаетъ имъ донъ Альбертъ; увѣряю васъ, я до того зла на нѣкоторыхъ людей, что охотно бы ихъ поколотила. Съ такимъ расположенiемъ, вы понимаете, что вѣсти о смертяхъ Жиллэ, Рюльеровъ, Фальконетовъ почти не были мною замѣчены. Меня однако огорчила смерть г. Монмореня. Но, Боже, что́ я вижу! Вы изъ осторожности пристроили мои письма во Франкфуртѣ у банкира; стало быть г. Кюстинъ, если только догадался, овладѣлъ ими и упряталъ въ свой мѣшокъ, потому что онъ завладѣлъ франкфуртскими банкирами. Развѣ только какое-нибудь потаенное дно спасетъ ихъ. Повторяю вамъ, бросьте же все это въ огонь, если оно когда-нибудь возвратится въ ваши руки. Это ужъ ни на что болѣе не годно и никто въ мiрѣ этимъ дорожить не станетъ; повѣрьте мнѣ и сдѣлайте то, что́ я вамъ говорю» [2]).

Подсмѣиваясь опять надъ храбростью нѣмецкихъ принцевъ,

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 578. [2]) Стр. 579.

Екатерина въ томъ же письмѣ прибавляетъ: «Но кстати, скажите мнѣ, что́ дѣлаетъ прелестный вашъ, въ нѣкоторомъ родѣ, ученикъ, знаменитый ландграфъ Гессенъ-Дармштадтскій со своими 4000 войска въ Гисенѣ, оставаясь нейтральнымъ противъ Французовъ изъ собственной выгоды? Право, только въ Германіи можно встрѣтить образцы подобнаго неразумія! Этотъ сумасшедшій не могъ ничего лучшаго сдѣлать, какъ драться на смерть въ своихъ выгодахъ; но вовсе нѣтъ! Онъ и его войска умираютъ со страху въ Гисенѣ; вотъ такъ достойный герой нашей современности!...

«А принцъ Изембургъ, военный министръ курфирста Баварскаго, у котораго вы услышите самую ученую въ Германіи музыку, можетъ разсказать вамъ, какъ его высочество, выйдя полковникомъ въ отставку изъ нашей службы, гдѣ онъ слылъ трусомъ, пишетъ мнѣ тому назадъ два мѣсяца, что желалъ бы возвратиться къ намъ генералъ-аншефомъ, на что я очень учтиво отвѣчала, что такъ какъ у насъ нынче миръ, а германской имперіи угрожаетъ война, то я не хочу лишать родину его высочества столь знаменитыхъ талантовъ и славы, ихъ ожидающей... Я очень рада, если вы убѣждены въ томъ, что я прямо вижу и понимаю обстоятельства этого времени, но несмотря на то, я проповѣдую глухимъ; всякій думаетъ, что онъ судитъ лучше меня. Спросите у своего св. Николая: онъ скажетъ вамъ, что меня никто не слушаетъ, хотя я и говорю наилучшія въ мірѣ вещи...

«Слушай, многострадальный, я всѣ эти дни столько писала о дѣлахъ нашего времени, что тебѣ болѣе не скажу ни слова. Дай Богъ, чтобъ меня послушались, но къ несчастію многія головы не стоя́тъ на высотѣ обстоятельствъ и своего призванія» [1]).

Наконецъ наступила кровавая развязка ужасныхъ событій, потрясавшихъ Францію: совершилась казнь короля и вотъ какъ отозвалась Екатерина объ этой катастрофѣ:

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 580, 581.

13 апрѣля 1793: «Событія въ послѣднее время такъ быстро, такъ стремительно слѣдовали одно за другимъ, что я за ними не поспѣваю и ни на что времени не хватаетъ: вотъ отчего вы получили этотъ клочекъ бумаги, на которомъ не наберется столько строкъ, сколько я обыкновенно пишу вамъ страницъ или листовъ. Послушайте, до сихъ поръ были примѣры, что государства переходили въ женскія руки, но никогда еще, сколько я знаю, не было примѣра, чтобъ они попадали въ руки разбойниковъ. Это прекрасное зрѣлище досталось на долю XVIII вѣка, который нѣкогда хвалился тѣмъ, что онъ самый мягкій, самый просвѣщенный между всѣми вѣками, и этотъ-то вѣкъ породилъ звѣрскія души, да еще среди самаго прославленнаго изъ всѣхъ извѣстныхъ городовъ! Фуй, что за изверги! Прекрасно слово ирландскаго священника, сказавшаго Людовику XVI: «Сынъ святого Людовика, гряди на небо!» Помните ли, вы мнѣ когда-то говорили, что видѣли отъ людей одно добро, а я вамъ отвѣчала: — Въ какомъ же тѣсномъ кружкѣ жили вы до сихъ поръ?

«Знаете ли вы, что̀ происходитъ на нашихъ глазахъ во Франціи? Галлы силятся изгнать Франковъ, но вы увидите, Франки опять вернутся, и дикіе звѣри, такъ жадно пьющіе кровь человѣческую, будутъ или истреблены или принуждены скрываться гдѣ попало. Я же велѣла у себя привести къ присягѣ всѣхъ тѣхъ, кто не хочетъ быть изгнаннымъ изъ Россіи, и представьте что̀ случилось: всѣ присягнувшіе оказались ревностными роялистами. Беру въ свидѣтели графа д'Артуа, который живетъ здѣсь вотъ уже пять недѣль. Съ нимъ всѣ здѣсь обращались какъ съ королевскимъ сыномъ и онъ ѣдетъ завтра, кажется довольный своимъ пребываніемъ у насъ: по крайней мѣрѣ онъ могъ видѣть, что всѣ старались облегчить его несчастное положеніе, а не подбавлять къ нему горечи, какъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ жестоко тщились ихъ къ тому пріучить. Наконецъ, я надѣюсь, что онъ отдастъ справедливость нашему честному и прямому образу дѣйствій. Я нашла этого принца такимъ, какимъ желала его видѣть: онъ одаренъ яснымъ пониманіемъ, душою возвышенною, сердцемъ добрымъ.

Какихъ имъ еще нужно принцевъ? Епископъ Аррасскій умный человѣкъ и съ нимъ пріятно вести бесѣду. Касательно вашихъ проектовъ можно сказать, что мысли умныхъ людей сходятся. Придетъ пора, и эмигранты соединятся съ принцами: тамъ ихъ мѣсто. Мы получили извѣстіе объ отступленіи Дюмурье; отчего онъ этого не сдѣлалъ на мельницѣ Вальми? Король былъ бы теперь живъ; если онъ тогда предлагалъ это, а этотъ проклятый герцогъ Брауншвейгскій не воспользовался предложеніемъ, то онъ дѣйствительно очень виноватъ. Я передала ваше письмо графу д'Артуа...» [1]).

Отъ 22 апрѣля 1793: «Графъ д'Артуа уѣхалъ отсюда въ Ревель съ недѣлю тому назадъ на прекрасномъ фрегатѣ, который перенесетъ его въ Гуллъ въ Англіи, или во всякую другую гавань, гдѣ онъ вздумаетъ пристать, въ Англіи ли или въ Голландіи. Онъ знаетъ о пораженіи Дюмурье и его отступленіи къ князю, ученику Суворова-Рымникскаго, къ тому Іосіи Кобургскому [2]), который одинъ что-нибудь дѣлаетъ; у него на роду написано, что ему облегчаютъ побѣды, а это не всякому дается. Но я люблю манифесты его в. Они обнаруживаютъ намъ зрителямъ планы, которые не совсѣмъ-то прямо ведутъ къ миру, а напротивъ обѣщаютъ продолженіе смутъ, для того, чтобъ въ мутной водѣ ловить рыбу. Что касается принца д'Артуа и епископа Аррасскаго и пр., они казалось были очень довольны пріемомъ и пребываніемъ въ Россіи. Принцъ д'Артуа любитъ меня какъ родную мать; всѣ были очень имъ довольны. У этого принца предоброе сердце, ясное пониманіе вещей и прямой, здравый смыслъ. Онъ охотно выслушиваетъ хорошіе совѣты и охотно слѣдуетъ имъ.

Я предполагаю въ немъ храбрость и рѣшимость. Епископъ Аррасскій хорошая и умная голова; я бы желала видѣть около принца д'Артуа опытнаго и дѣльнаго военнаго. Наконецъ надо

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 581, 582.

[2]) Принцъ Фридрихъ Іосія Кобургскій, отличившійся во вторую турецкую войну, командовалъ теперь австрійскими войсками и одержалъ при Нервинденѣ въ Бельгіи побѣду надъ Дюмурье.

быть весьма разборчивымъ, если отыскивать что-либо лучше этого. Въ должности генералъ-лейтенанта королевства, когда онъ разъ возвратится къ дѣлу, онъ навѣрное сумѣетъ себя показать. Несчастіе великій учитель, и право, я полагаю, что и Генрихъ IV не болѣе его смыслилъ. Великія дѣла совершаются съ помощью четырехъ, пяти аксіомъ: если онъ будетъ ихъ придерживаться, то будетъ имѣть успѣхъ. Здѣшніе Французы, очищенные присягой, выказали ему такія чувства, какія слѣдовало» [1]).

Отъ 28 іюня 1793 года государыня писала: «Вы мнѣ дѣлаете премилые упреки и прилагаете ко мнѣ прелестный эпитетъ великой мастерицы на колкія рѣчи, потомъ говорите, что я прицѣпляюсь къ мелочамъ и позволяю себѣ скользить по поводу главнаго предмета. Вотъ въ самомъ дѣлѣ превосходныя истины. Но ужъ если такъ, то я васъ обвиню въ принадлежности къ якобинцамъ. Вспомните-ка маскарадъ въ Петергофѣ, когда оба сѣверные тирана встрѣтились съ философомъ, какіе они ему пропѣли грубости? Но ладно, ладно, не взирая на наши тиранскіе недостатки, болѣе чѣмъ когда-нибудь міръ въ насъ нуждается: посмотрите же, какимъ образомъ распоряжаются безъ насъ. Графъ Панинъ, который произносилъ въ носъ, прибавляя къ каждой остановкѣ: гм, гм, говоривалъ: «*Короли, короли, это необходимое зло, безъ котораго никакъ не обойтись!*» А когда ему жаловались, что то или другое идетъ не такъ какъ бы хотѣлось, онъ возражалъ мнѣ: «*На что вы жалуетесь? Еслибъ все на свѣтѣ шло или могло итти наилучшимъ образомъ, тогда бы васъ совсѣмъ и не нужно было*». Ну, развѣ теперешняя Францiя или Галлія этого не доказываетъ? А когда я говорю Галлія, я очень себя понимаю, потому что кто не видитъ (любимое выраженіе Лафатера), что изгнавъ дворянство изъ Франціи, Галлы изгнали своихъ побѣдителей Франковъ? Одинъ изъ критиковъ Лафатера, которому надоѣло безпрестанно повторяющееся восклицаніе: «Кто жъ не видитъ, что у него на носу то и то», отвѣчаетъ ему: — *Да вотъ я не*

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 582, 583.

вижу. — Заранѣе прощаю вамъ, если вы мнѣ сдѣлаете тотъ же отвѣтъ на эту страницу во вкусѣ Пиндара» [1]).

О несогласномъ дѣйствіи западныхъ державъ въ подавленіи ужасовъ революціи и о соблюденіи ими своихъ личныхъ корыстныхъ расчетовъ Екатерина говоритъ въ этомъ же письмѣ: «Да будутъ прокляты жалкіе иноходцы (Passgänger), которые ничего не замышляютъ кромѣ грязныхъ дѣлъ, разоряются и преслѣдуютъ только грязныя цѣли. Ничто нейдетъ толкомъ съ этими бездѣльниками, которые принимаютъ истину за нелѣпость, а нелѣпость за истину. Ну вотъ, милостивый государь, примѣръ конференціи въ Тарговицѣ поразилъ только ваше превосходительство, другіе продолжали итти избитымъ путемъ; посмотримъ что́ они сдѣлаютъ; но если ужъ я должна быть замѣшана въ дѣло, то конечно не пущусь по пути глупостей. Я старалась приготовиться, отсылая д'Артуа въ Англію: ужъ онъ не рѣшился бы на высадку во Францію безъ меня [2]) и можетъ-быть намъ удалось бы прекратить сумятицу. Но въ Англіи, подъ предлогомъ долговъ, отклонили это и отправили принца въ Гамъ! Ни тамъ и нигдѣ не желаютъ того, что можетъ положить конецъ смутамъ, а между тѣмъ вездѣ жалуются на двойные и тройные расходы, а все оттого, что не принимаютъ такихъ мѣръ, которыя могли бы прямо вести къ развязкѣ. Однимъ словомъ, это путаница политики и противорѣчій, которыхъ плачевныя послѣдствія у васъ на глазахъ. Всѣ желаютъ мира, а заключать его не съ кѣмъ, и никто не принимаетъ необходимыхъ мѣръ къ тому, чтобъ онъ осуществился; напротивъ по всему, что они дѣлаютъ, очевидно что война продлится.

Любопытны сообщенія Гримма отъ 9-го октября 1793 года о связи революціонеровъ съ нѣкоторыми заправителями дѣлъ въ кабинетахъ и въ лагерѣ союзниковъ: они хорошо дополняютъ картину той политической интриги, которая мѣшала имъ энергически дѣйствовать противъ революціи. О Пруссіи онъ говоритъ:

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 584, 585.

[2]) Императрица обѣщала оказать принцу д'Артуа помощь для высадки его въ Вандеѣ, еслибъ Англія согласилась энергично дѣйствовать съ нею заодно.

«Какого же наконецъ въ сущности цвѣта политическая система Берлина? И есть ли тамъ въ самомъ дѣлѣ какая-нибудь система? И кто теперь въ настоящія четверть часа тамъ акредитованный глава, сообщающій государству политическую окраску? Чтобъ дать отвѣтъ на всѣ эти частности, голова многострадальнаго слишкомъ глупа, да тутъ была бы нелишнею и глубокомысленная и остроумная голова самого Герцберга.

«Не рѣшаюсь также сообщить вашему величеству всѣ слухи, которые ходятъ въ настоящую минуту о Вѣнѣ и въ Вѣнѣ и о тѣхъ открытіяхъ, которыя императоръ будто бы сдѣлалъ по бумагамъ, перехваченнымъ у взятаго въ плѣнъ якобинца де Семонвиля,—открытіяхъ застававшихъ молодого монарха воскликнуть въ первую минуту изумленія и огорченія, что лучше бы ему никогда не видать всего этого. Отъ подобнаго восклицанія до ареста нѣкоторыхъ высоко поставленныхъ лицъ одинъ шагъ; и вотъ мы видимъ довольно длинный списокъ лицъ, исчезнувшихъ, арестованныхъ и перевезенныхъ въ вѣрныя мѣста, и къ этому прибавляютъ, что императоръ подарилъ всѣмъ своимъ союзникамъ списки тѣхъ якобинцевъ, которыми каждый изъ нихъ обладаетъ при своемъ дворѣ и въ своемъ совѣтѣ. По вѣнскому списку сильно скомпрометированъ бывшій вице - канцлеръ, теперь канцлеръ по дѣламъ миланскимъ, графъ Кобенцель, политически умершій баронъ Шпильманъ, секретарь императорскаго кабинета Шлёсеръ. Г. Манфредини, тосканскій правитель при молодомъ великомъ герцогѣ, братѣ короля, тоже не забытъ, и стоитъ только вспомнить тѣ ноты, которыя милордъ Гарвей, англійскій посланникъ въ Тосканѣ, подавалъ своему правительству, чтобъ оцѣнить гражданскія доблести этого министра якобинца, и тогда не будешь удивляться, видя его имя на спискѣ. Политикъ Шпильманъ уже на конгрессѣ въ Пильницѣ показалъ себя усерднымъ якобинцемъ, а графъ Кобенцель на коронаціи въ 1790 г. выказывалъ свое удовольствіе, когда услышалъ ночью на франкфуртскихъ улицахъ пѣсню: «Ça ira». Казалось, онъ желалъ, чтобъ и его хозяинъ былъ такъ же свободенъ въ Вѣнѣ, какъ Людовикъ

XVI въ Парижѣ. Но несмотря на все, что слышишь и читаешь по этому поводу во всѣхъ письмахъ изъ Вѣны, несмотря на то, что еще называютъ множество важныхъ лицъ въ австрійской арміи, какъ министровъ, такъ и генераловъ, которые будто бы состоятъ на жалованьи у гнуснаго якобинскаго гнѣзда (Jacobinière) въ Парижѣ, я до тѣхъ поръ не повѣрю всѣмъ этимъ слухамъ, пока императоръ самолично мнѣ это не подтвердитъ или не напишетъ собственноручное письмо: — Многоуважаемый многострадальный моей августѣйшей сестры и высокой союзницы, ты долженъ и можешь этому вѣрить, и я тебѣ докажу это безпощаднымъ осужденіемъ измѣнниковъ. — Вѣрно только одно, что какая-то *невидимая сила* останавливаетъ всѣ соединенныя старанія задавить стоглавую гидру, которой ядовитое дыханіе такъ давно грозитъ благоденствію человѣчества. Но чтобъ произвести это темное и непостижимое дѣйствіе, недостаточно ли можетъ-быть и помимо измѣны того всеобщаго *скудоумія*, которое такъ разлито въ эти дни бѣдствій и униженія?

Гриммъ заключаетъ это письмо словами: «Мое исповѣданіе сходно съ тѣмъ, которое исповѣдуетъ небольшое число избранныхъ православныхъ. Я вѣрую въ Екатерину II, единственный маякъ человѣчества въ эти времена тьмы, его единственную опору въ эти дни бѣдствій, его единственную надежду на спасеніе. Я вѣрую, что геній ея витаетъ надъ Европой, чтобъ отвратить отъ нея варварство, звѣрство и кровожадность того безбожнаго и святотатственнаго исчадія, которое адъ извергнулъ на землю для устрашенія добрыхъ».

Отъ 19-го ноября 1793 г. государыня писала своему бѣжавшему изъ Парижа и Франціи и совершенно разоренному и ограбленному другу: «Узнавъ изъ вашего послѣдняго октябрскаго письма о безденежьѣ, въ которомъ вы находитесь вслѣдствіе потерь, причиненныхъ вамъ злодѣями-цареубійцами, которые, похитивъ власть во Франціи, обращаютъ страну въ обширную пустыню, населенную самыми лютыми звѣрьми, когда-либо осквернявшими землю, посылаю вамъ при семъ три векселя, какъ грушу во время

жажды: одинъ въ двадцать тысячь рублей, другой въ
 [1]), третій въ [1]), всего же двадцать тысячъ. Если вы переѣдете въ Вѣну и тамъ купите домъ или дачу, я вамъ пришлю еще пятьдесятъ тысячъ на будущій годъ. Прощайте, будьте здоровы какъ я. Пусть все это останется между нами» [2]).

Это письмо было отвѣтомъ на слѣдующія строки Гримма: «Благодаря моему высокому мнѣнію о герцогѣ Брауншвейгскомъ я ничего не спасъ въ то время, когда это было еще возможно. Но кто могъ угадать оборотъ кампаніи 1792 года? Она повергла меня въ положеніе Іова; но она же похитила у Людовика XVI и тронъ и жизнь; она держитъ вотъ уже четырнадцать мѣсяцевъ и королеву и всю королевскую фамилію въ состояніи гораздо болѣе мучительномъ, чѣмъ самая казнь. При видѣ такихъ бѣдствій и такихъ преступленій надо быть слишкомъ смѣлымъ, чтобъ жаловаться на свои несчастія! Увы! изъ похищеннаго у меня разбойниками я не могъ бы унести ничего, при разставаньи съ жизнью. Незаслуженныя милости вашего императорскаго величества давно поставили меня внѣ всякой нужды. Послѣ случившагося, еще одно или два несчастія —и я обрѣту невозмутимый покой... Но умереть съ отчаяніемъ въ душѣ, что оставляешь и видишь въ настоящемъ нѣжно любимыя во всю жизнь существа въ крайней нуждѣ и безо всякаго обезпеченія въ будущемъ — это истязаніе, это мука, которой сокрушенная душа не можетъ вынести» [3]).

Отвѣчая на переданную государыней шутку Панина о необходимости существованія королей, Гриммъ замѣчалъ, что дикіе звѣри въ нихъ не нуждаются: «что тигры, леопарды, пантеры,

---

[1]) Пропуски въ подлинникѣ. Позднѣе сказано, что сверхъ двадцати тысячъ послано еще семь, чтобъ покрыть потерю отъ дурнаго курса.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 586.

[3]) Изъ вновь доставленныхъ писемъ Гримма отъ октября 1793 года. Послѣднія слова написаны по итальянски: «questo è un martiro, questo è un tormento, che un' alma trafitta soffrir non sa».

гіэны, крокодилы, гремучія змѣи, волки съ широкой пастью —всѣ чистые демократы, съ давнихъ временъ пользующіеся всѣми выгодами свободы, включая въ нихъ и право пожирать себѣ подобныхъ, и что Французы *получили это откровеніе* съ 1789 года». По поводу этой-то фразы Гримма Екатерина въ отвѣтѣ своемъ выгораживала вліяніе французскихъ философовъ на революцію и извиняя ихъ тѣмъ, что они впали въ ошибку, полагая что проповѣдуютъ людямъ съ добрымъ сердцемъ и доброй волей, а прокуроры и адвокаты, только прикрываясь ихъ принципами, произвели ту свободу, которая на дѣлѣ можетъ назваться самой жестокой и безсмысленной тираннiей [1]). «Теперь», продолжаетъ она въ томъ же письмѣ отъ 5-го декабря, уже получивъ извѣстіе и о казни королевѣ Маріи Антуанеты, «только голодъ и моровая язва могутъ ихъ образумить, и когда убійцы короля взаимно истребятъ другъ друга, тогда можетъ-быть явится надежда на другіе порядки. Боже! Боже! еслибъ мнѣ повѣрили, многое бы не случилось; но Вѣнскій дворъ, руководимый барономъ Бретэлемъ и графомъ де Мерси, полагалъ, что я издали ни чего не вижу и что они своею неумѣлостью (Passgängerei) все спасутъ. Они упорствовали въ томъ, что королевѣ безопаснѣе быть въ рукахъ якобинцевъ, чѣмъ въ рукахъ братьевъ короля. Я это не выдумываю, это фактъ. Такое ложное убѣжденіе стоило ей жизни. Теперь кажется, что дворъ Вѣнскій и Англійскій пришли къ тому, что́ я имъ проповѣдывала три года неустанно. Но сколькихъ ужасовъ, сколькихъ расходовъ избавились бы, еслибъ послушали меня ранѣе! А въ то время какъ эти опомнились, иноходцы короля прусскаго толкаютъ его на неумѣренныя и несообразныя требованія; увидимъ, что́ изо всего этого выйдетъ и если онъ не образумится — ему же будетъ хуже.

«Въ девять часовъ того же дня. Мнѣ помѣшали продолжать» [2]).

---

[1]) Это мѣсто приведено выше въ главѣ: «Литер. труды. Исторія и политическая мудрость».

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 587, 588.

6 декабря: «Не знаю, говорила ли я вамъ, но очень живо чувствовала, что, кромѣ разныхъ другихъ неудовольствій на людей Гриммы, цареубійцы ограбили васъ за то, что знали вашу привязанность ко мнѣ. Посмотрите однако, какъ они расправляются съ тѣми, кому они обязаны своимъ существованіемъ, со всѣми, кто прислуживался имъ во всемъ ихъ безуміи, какъ на пр. съ Бальи-астрономомъ, съ Кондорсэ и тысячью другими. Они умѣютъ только грабить и убивать, и столько совершили убійствъ, что наконецъ сами будутъ истреблены. Правда, что это ничего не поправитъ, а предостережетъ развѣ только будущее. О державы, державы! Зачѣмъ онѣ не дѣйствовали иначе, а этотъ отвратительный герцогъ Брауншвейгскій! Сообщала ли я вамъ когда-нибудь, что́ покойный Бауэръ говорилъ о немъ здѣсь всѣмъ и каждому? Этотъ человѣкъ далеко не то, что объ немъ думаютъ, и при первомъ представившемся случаѣ онъ потеряетъ свою репутацію» [1]).

О плачевной судьбѣ королевы Маріи Антуанеты Гриммъ писалъ въ августѣ, незадолго до ея казни: «Мнѣ говорятъ, что я слишкомъ рано пугаюсь за участь Французской королевы, надъ которой палачи ея не рѣшатся можетъ-быть совершить послѣднее злодѣяніе. Но, Боже мой! ужъ не лучше ли было бы для этой злополучной принцессы скорѣе окончить свою жизнь, нежели быть ежедневнымъ предметомъ оскорбленій со стороны самой гнусной и презрѣнной сволочи въ мірѣ? Увѣряютъ, что эти чудовища, утоливъ свою ярость всѣми возможными способами, хотятъ сдѣлать ее залогомъ для переговоровъ съ державами, которыхъ арміи они привлекли въ свою сторону собственнымъ безуміемъ, говоря что они выдадутъ и королеву и королевское семейство, если ихъ оставятъ хозяйничать въ странѣ. Это конечно значило бы только дать имъ возможность истреблять другъ друга до тѣхъ поръ, пока они сдѣлались бы добычею перваго, кто пожелалъ бы поработить этотъ отвратительный народъ».

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 588, 589.

Отъ $^{16}/_{27}$-го октября Гриммъ извѣщалъ о казни королевы въ слѣдующихъ словахъ: «Я въ эту минуту узналъ, государыня, о новомъ возмутительномъ злодѣяніи 16-го октября. Оно леденитъ меня до мозга костей. Какъ ни старайся приготовить свое воображеніе къ самымъ ужаснымъ катастрофамъ, какъ ни умѣй предвидѣть ихъ заранѣе, все же исполненіе ихъ на дѣлѣ поражаетъ васъ на смерть. Сознаюсь, что такія звѣрскія жестокости слишкомъ сильны для моего слабаго сердца: оно изнемогаетъ подъ ихъ тяжестью. Но это также заставляетъ вѣрить въ существованіе ада, когда мы видимъ, какъ онъ свирѣпствуетъ на землѣ. Единственный лучъ утѣшенія, закрадывающійся въ мою душу— это мысль, что при такой скорбной жизни и продолжительныхъ и жестокихъ мученіяхъ, какія пережила эта королева-страдалица, приближеніе конца должно было имѣть для нея нѣкоторую сладость». Далѣе, отъ 18 октября, говорится: «Съ тѣхъ поръ какъ я узналъ объ ужасной катастрофѣ, которая завершила долгое и жестокое мученичество королевы Французской, я не могу ни на минуту оторвать мысль свою отъ вашего величества, иначе долженъ впасть въ отчаяніе. Какъ ни ужасно было убійство короля, ярость тигровъ, направленная на мужчину, все-таки представляетъ менѣе потрясающее зрѣлище. Естественно предполагается, что мужчина обладаетъ бо́льшею физической силою, болѣе подготовленъ къ опасностямъ и даже къ самымъ ужаснымъ ударамъ судьбы. Но здѣсь мы видимъ, что послѣ самыхъ долгихъ и утонченныхъ терзаній пала подъ ударами палача августѣйшая и прелестная голова женщины. Мы видимъ, что ни санъ, ни полъ, ни красота, которой ничего въ мірѣ не можетъ противостоять, не были въ состояніи обезоружить звѣря даже и тогда, когда никто не возбуждалъ и не раздражалъ его свирѣпости, кромѣ развѣ твердости духа и высоты положенія, которыя могли казаться вызовомъ въ ихъ глазахъ, жаждавшихъ крови!...» Далѣе Гриммъ спрашиваетъ что же остается дѣлать? Дѣйствовать ли прямо, честно и энергично, безо всякихъ сдѣлокъ съ революціонерами, какъ настоятельно совѣтовала проницательная императрица, или

подписать погибель и всеобщее сверженіе правительствъ, разрушеніе порядка и культуры и потерю пятнадцати вѣковъ просвѣщенія. «И Европа колеблется!» продолжаетъ Гриммъ. «И въ ней находятся правительства, которыя считаютъ этотъ процессъ для себя чуждымъ и до нихъ не касающимся. И всякій ведетъ свой мелкій мимоходящій расчетецъ, всякій довольствуется своими крошечными, ограниченными замыслами, своимъ мелочнымъ соперничествомъ, среди ничтожной игры жалкихъ интригъ, не понимая какой великій, какой настоятельный интересъ развертывается передъ нимъ въ самомъ угрожающемъ видѣ. Но если до конца года эта отвратительная гидра еще просуществуетъ, то горе Европѣ! Опасность для нея заключается не въ безуміи ихъ принциповъ на счетъ управленія: я никогда не боялся этого рода заразы, хотя въ адвокатахъ, въ крикунахъ, въ сумасбродахъ и властолюбцахъ нѣтъ нигдѣ недостатка. Сосѣдніе съ Франціей народы имѣютъ однако слишкомъ много здраваго смысла, чтобъ увлечься такими софизмами, такими фокусничествами, которые въ самое короткое время обратили Французскій народъ въ шайку разбойниковъ. Но эти разбойники, выгнанные изъ своихъ вертеповъ голодомъ и жаждою грабительства, не находя ничего для грабежа у себя дома, бросятся на своихъ сосѣдей, не для того чтобъ внести къ нимъ свою свободу, но чтобъ произвести у нихъ тѣ же опустошенія, какія произвели во Франціи; къ тому вынудитъ ихъ необходимость жить грабежемъ: вослѣдъ же имъ придетъ варварство, разрушеніе всякаго порядка, голодъ и можетъ быть моровая язва, которая обратитъ Европу въ громадное кладбище».

«Но пока я предаюсь своимъ мрачнымъ мыслямъ, мнѣ приносятъ анонимное письмо подъ штемпелемъ «Франкфуртъ»,— письмо которое я принужденъ переписать, потому что оно обращается не ко мнѣ, хотя и адресовано на мое имя. Авторъ, оплакавъ, какъ всякая честная душа, злополучный жребій Французской королевы, продолжаетъ:

«Зачѣмъ же государи Европы какъ будто не желаютъ знать

опасности, имъ грозящей? Какъ могутъ они изъ-за частныхъ интересовъ забыть общую пользу, забыть хотя на минуту революціонную гидру, грозящую разложеніемъ всѣмъ правительствамъ и всему общему порядку? Станутъ ли они и впредь щадить виновныхъ и бояться ихъ? Эта слабость придаетъ злодѣямъ дерзости. Ложная политика только ускоритъ всеобщій взрывъ этого зла, и спокойная безпечность — приблизитъ опасность. Однако слѣдуетъ болѣе жалѣть чѣмъ порицать бо́льшую часть государей, которыхъ воля направляется произволомъ министровъ. Но для вашей императрицы нѣтъ оправданія, если она въ этомъ кризисѣ не проявитъ всю власть, врученную ей судьбою, все вліяніе своего возвышеннаго генія и той непоколебимой силы характера, которыми природа ее надѣлила. Повторяю еще, для нея нѣтъ оправданія, если она не употребитъ всѣхъ своихъ средствъ, чтобъ спасти Европу отъ всеобщаго разрушенія. А для Европы нѣтъ спасенія безъ ея вмѣшательства. Вотъ что я почувствовалъ непреодолимое желаніе сообщить ей. Вамъ я поручаю передать ей это».

На это письмо императрица отвѣчала уже въ началѣ 1794 года въ февралѣ: «Не могу еще отвѣчать на первую часть первой вашей грамоты. Я еще не могу раскрыть рта, чтобъ говорить объ этомъ, потому что... потому что.... предметъ, подобный плачевной участи королевы и внушающій такую глубокую горесть, затворяетъ мнѣ уста. Но не бываетъ никакого явленія безъ причины. Только великія и страшныя истины могутъ служить объясненіемъ всего этого.... Баста. Когда всѣ цареубійцы истребятъ другъ друга, тогда будетъ менѣе людей, заинтересованныхъ въ продолженіи этого порядка вещей. Уже болѣе половины этихъ чудовищъ погибли тѣмъ или другимъ способомъ. Божественное правосудіе обрекаетъ ихъ на погибель. Они избиваютъ другъ друга. Это очень поучительно, потому что это—слѣдствіе ихъ собственныхъ принциповъ.

«Что касается мира теперь, то не надѣйтесь на него. Никогда крики, подобные раздававшимся въ Парижѣ 21-го января этого года о войнѣ, войнѣ вѣчной, не являлись такъ кстати, чтобъ разо-

чаровать всѣхъ на счетъ этой химеры. Миръ конечно не есть преступленіе, но у нихъ преступленіе сдѣлалось добродѣтелью, а добродѣтель преступленіемъ. Убѣждайте безумныхъ возвратиться къ разуму, если можете. Вы только приведете ихъ въ ярость, такъ какъ они не въ состояніи образумиться. Я, какъ и вы, получила анонимное письмо въ двѣнадцать страницъ, убѣждающее меня послать войска на Рейнъ. Если послать ихъ въ маломъ количествѣ и для служенія цѣлямъ пачкуновъ (Köther [1]), они будутъ побиты какъ и другіе, а въ бо́льшемъ количествѣ я не могу, потому что каждую минуту должна ожидать замѣшательствъ со стороны Турокъ, которыхъ милордъ Энсли и Декоршъ [2]) на насъ натравливаютъ. Пожалуйста въ эту минуту раздѣлите немножко милорда Энсли съ англійскимъ министромъ [3]). Послѣдній хочетъ, чтобы Турки напали на меня въ томъ случаѣ, если никакъ нельзя будетъ удержать ихъ отъ войны съ Вѣнскимъ дворомъ, и для этого проповѣдуетъ войну съ Россіей, а Энсли желаетъ, чтобъ во всякомъ случаѣ воевали съ Россіей. Декоршъ же совѣтуетъ войну съ обоими дворами. Изъ всей этой путаницы выходитъ то, что я должна быть на сторожѣ, и не приходится посылать большого количества войска въ далекую страну. Вы впрочемъ должны знать, что я прошедшей весной предлагала Англіи послать порядочное количество войска въ помощь Вандейцамъ, или лучше сказать, роялистамъ, и графъ Д'Артуа долженъ былъ принять участіе въ экспедиціи, но тамъ не хотѣли и слышать объ этомъ» [4]).

Вскорѣ за казнью королевы Маріи Антуанеты послѣдовала и казнь принца Орлеанскаго. Вотъ интересная характеристика

---

[1]) Это выраженіе, которое Гриммъ приписалъ изобрѣтенію Екатерины, говоря что его нѣтъ ни въ какихъ словаряхъ, государыня сама такъ объясняетъ на стр. 609-й: «Я утверждаю, что въ Помераніи называютъ Köther самую грязную и безобразную собаку, и когда я употребила это выраженіе, я знала что́ хотѣла выразить, и вовсе не противно орѳографіи писать Köther, а напротивъ это очень выразительно и вѣрно».

[2]) Англійскій и французскій посланники въ Турціи.

[3]) Т. е. съ Питтомъ.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 590, 591.

его, сдѣланная по этому поводу Гриммомъ отъ 13 (24) ноября 1793 года: «Какъ жестоко жить въ постоянной увѣренности, что каждый почтовый день принесетъ извѣстія о новыхъ ужасахъ, безпримѣрныхъ въ лѣтописяхъ исторіи, видѣть какъ падаютъ невинныя и именитыя жертвы подъ ударами палачей, наравнѣ съ толпами величайшихъ злодѣевъ міра. Вотъ теперь одинъ изъ главныхъ виновниковъ бѣдствій Франціи — этотъ жалкій герцогъ Орлеанскій, только что получилъ награду заслуженную его преступленіями. Вмѣстѣ съ нимъ казнены человѣкъ двадцать его гнусныхъ сообщниковъ. Скоро же послѣдовалъ онъ за тѣнью Маріи Антуанеты! Но, Боже мой! такими ли преступными жертвами можетъ быть успокоенъ августѣйшій прахъ ея? Не менѣе беззаконнымъ былъ и судъ надъ нимъ, какъ и надъ нею. Одна характеристическая черта отличаетъ эту навѣки злополучную эпоху: невинный и виновный падаютъ безъ разбора жертвами самой чудовищной тиранніи, какая когда-либо отягчала землю. Но надъ преступленіями этого принца приговоръ давно уже былъ произнесенъ на судѣ всего, что есть честнаго на землѣ, и потомство конечно утвердитъ его всею силою своего негодованія и омерзенія къ преступнику. Въ какую бездну можетъ быть вовлечено даже ничтожество при полномъ отсутствіи нравственныхъ качествъ! Этотъ несчастный менѣе всякаго другого имѣлъ въ себѣ закладку изверга, но, не обладая ни малѣйшей каплей нравственнаго чувства, онъ хотя и не былъ лишенъ нѣкотораго рода ума, никогда не умѣлъ отличить честнаго человѣка отъ негодяя, и потому ему трудно было въ эти времена не попасть въ сѣти такихъ злодѣевъ, которые, не придавая ему лично никакого значенія, обратили его въ орудіе своихъ преступныхъ замысловъ».

Затѣмъ Гриммъ дѣлаетъ сравненіе сына съ отцомъ, который, по словамъ его, хотя и былъ человѣкъ недальній, но всегда оставался вѣренъ правиламъ чести и умѣлъ отличать людей порядочныхъ отъ обманщиковъ и плутовъ. Воспитаніе принца Орлеанскаго и заботливость отца о томъ, чтобы окружать его всѣмъ

хорошимъ онъ хвалитъ и приписываетъ развращеніе молодого принца вліянію двора Людовика XV, говоря: «Когда были сдѣланы первые шаги, онъ незамѣтно и понемногу втягивался во всю грязь разврата, наконецъ окружилъ себя игроками, шулерами, спекулянтами, ажіотёрами, пьяницами и развратниками: однимъ словомъ — погибшими людьми обоего пола, и это общество развило въ немъ всѣ низкія чувства. Уже при жизни отца онъ, посреди своей безпорядочной жизни, по жадности къ деньгамъ, пустился на самыя грязныя спекуляціи финансовыя и ажіотажныя. Вымоливъ неотступными просьбами у отца владѣніе Палэ-Роялемъ, онъ превратилъ его садъ въ публичное мѣсто разврата и въ самомъ зданіи отдавалъ квартиры подъ лавки и дурные притоны для увеличенія своего дохода. Къ несчастію Франціи, этому презрѣнному человѣку, недостойному своего имени и званія, пришлось жить въ самое смутное время, въ царствованіе кроткое, но слабое, и встрѣтиться съ женщиной, обладавшей безмѣрнымъ честолюбіемъ и какимъ-то адскимъ геніемъ. Подъ ея руководствомъ онъ переходилъ отъ порока къ пороку, отъ преступленія къ преступленію, сдѣлавшись въ рукахъ ея самымъ низкимъ измѣнникомъ своему государю и предметомъ вѣчнаго позора и омерзенія въ исторіи. Мужъ этой женщины, казненный нѣсколько дней ранѣе герцога Орлеанскаго вмѣстѣ съ двадцатью другими бандитами, подобными ему, носилъ имя графа де-Жанлисъ, а потомъ маркиза Селлери. Сама же она со времени революціи, какъ добрая якобинка, возвратила себѣ свою первоначальную фамилію Брюларъ. Она была низкаго происхожденія, но великая комедіантка и имѣла нравъ пылкій и гордый. Мать ея знала, что съ хорошенькимъ личикомъ и интригой можно всего достигнуть во Франціи. Она выучила ее играть на арфѣ и съ помощью этого таланта ввела ее сначала въ скромный кружокъ, а тамъ понемногу въ большой свѣтъ и ко двору». Далѣе Гриммъ описываетъ, какъ она была помѣщена въ Палэ-Рояль компаніонкой герцогини Орлеанской, тогда еще герцогини Шартрской, какъ ей удалось овладѣть сердцемъ принца Орлеанскаго и

заправить всѣмъ его дворомъ. Задумавъ попасть въ воспитательницы дофина Франціи, г-жа Жанлисъ вдругъ изъ легкомысленной женщины превратилась въ набожную проповѣдницу нравственности и написала брошюру о воспитаніи дофина. Когда же королева Марія Антуанета воспротивилась ея опредѣленію, то она сдѣлалась заклятымъ врагомъ королевской фамиліи. Оставшись при дѣтяхъ принца Орлеанскаго, она окружила себя и своихъ воспитанниковъ всѣми заговорщиками и отчаянными, которымъ терять было нечего и для которыхъ съ разрушеніемъ существующаго порядка являлась надежда на выгоды и возвышеніе. Вполнѣ поработивъ своей власти злополучнаго принца Орлеанскаго, она сдѣлала его орудіемъ своихъ коварныхъ замысловъ и, погубивъ его, сама должна была укрываться отъ ярости якобинцевъ. Въ концѣ письма Гриммъ приводитъ свой разговоръ объ этомъ предметѣ съ однимъ эмигрантомъ.

На это длинное и интересное письмо государыня отвѣчала отъ 13 февраля 1794 года:

«Я надѣюсь, что ни одинъ изъ Бурбоновъ не захочетъ болѣе носить имя принца Орлеанскаго послѣ того позора, который навлекъ на него послѣдній носившій это имя. Благодарю васъ за подробности, которыя вы мнѣ сообщаете о немъ и о гадкой женщинѣ, его погубившей. Но трудно себѣ представить, чтобы въ планахъ этой женщины было столько обдуманности, сколько ей приписалъ впослѣдствіи вашъ эмигрантъ въ своемъ разговорѣ. Очень вѣроятно, что, будучи оба порочны въ душѣ и въ характерѣ, они произвели много злобныхъ и дурныхъ дѣлъ, сами не видя, куда эти пороки и злыя дѣла приведутъ ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что ни у одного изъ нихъ не было ума возвышеннаго, потому что ничего возвышеннаго они не проявили и сильно содѣйствовали торжеству пороковъ, злобы и ужасовъ, ихъ сопровождавшихъ. Это неоспоримо, потому что совершилось у насъ на глазахъ. Каковы средства, таковы и результаты. Счастье и несчастье каждаго въ его характерѣ, въ правилахъ, имъ принятыхъ... Путь, избираемый порочными сердцами, труденъ, потому

что, кромѣ заботы объ успѣхѣ своихъ замысловъ, необходимо еще прикрываться плащемъ» [1]).

Въ концѣ этого же письма Екатерина возвращается къ австро-прусскому походу и говоритъ. «Если король Прусскій возвратитъ свою армію съ береговъ Рейна, никто не пострадаетъ отъ этого кромѣ его самого. Конечно, очень было бы великодушно со стороны Англіи дать ему десять милліоновъ, чтобъ онъ остался; но онъ долженъ самъ это сдѣлать: иначе вся Европа будетъ въ правѣ бросить ему въ голову не камни только, а цѣлыя скалы. Я помню время, когда англійскіе министры находили четыреста тысячъ фунтовъ стерлинговъ слишкомъ громадной суммой, чтобы окончить французскія дѣла французскими же руками, сами выдвигая и подталкивая ихъ. Тутъ же за пустякъ пожертвуютъ цѣлыхъ десять милліоновъ! Но всякій смотритъ на вещи своими глазами. Что до меня касается, я предлагаю всѣмъ протестантскимъ державамъ принять греческую вѣру, чтобъ предохранить себя отъ заразы безвѣрія, безнравственнаго, анархическаго, злодѣйскаго и дьявольскаго, противнаго Богу и престоламъ. Наша церковь одна — апостольская. Это дубъ съ глубокими корнями» [2]).

Смерть Рейфенштейна. Семейныя событія. Свадьба в. кн. Александра Павловича. Таврическій дворецъ. Воспоминанія.

Еще во время послѣдней болѣзни Рейфенштейна Гриммъ предлагалъ императрицѣ замѣнить его другимъ комиссіонеромъ въ Италіи, и получилъ слѣдующій отвѣтъ: «Мнѣ никого не нужно въ Римѣ. Я въ восхищеніи, что Рейфенштейнъ еще живъ». Отъ 30-го октября 1793 г. Гриммъ извѣстилъ Екатерину о смерти ея вѣрнаго слуги, благословлявшаго её до послѣдней минуты

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 595, 596.

[2]) 596, 597. Мы позволили себѣ повторить здѣсь къ слову этотъ отзывъ Екатерины о православіи, уже приведенный нами выше.

своей жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщилъ, что Рейфенштейнъ завѣщалъ ей портретъ Рафаэля Менгса, имъ самимъ написанный, или по крайней мѣрѣ имъ ретушованный. Императрица отвѣчала: «Вчера я извѣщала васъ о полученіи вашихъ грамотъ и всего, что къ нимъ относится, такъ же какъ и портрета Менгса, завѣщаннаго мнѣ божественнымъ. Хотѣлось сказать: покойнымъ—но я замѣтила, что это слово въ первый разъ станетъ рядомъ съ божественнымъ, а въ моемъ возрастѣ и въ нынѣшнее время чувствуешь особенное отвращеніе ко всякому нововведенію» [1]).

О рожденіи внучки, Ольги Павловны, Гриммъ былъ извѣщенъ слѣдующими словами: «Великая княгиня угостила насъ пятой дочкой, у которой такія же широкія плечи, какъ у меня. Такъ какъ она родилась 11 іюля, въ день св. Ольги, которая была крещена въ Константинополѣ въ 956 г., то я сказала: «Ну, такъ у насъ будетъ одинъ праздникъ вмѣсто двухъ». Вотъ ее и назвали Ольгой. Надѣюсь, вы радуетесь, что прибавилось еще высочество» [2]).

О внукѣ своемъ Александрѣ и его успѣхахъ государыня отзывается все съ тѣми же похвалами. Въ маѣ 1791 г.: «Крестный отецъ Александръ (онъ крестилъ сына г-жи де Бюэль-Като), переросъ меня на цѣлую ладонь и каждый день видимо поднимается... Миніатюра Терезины Марронъ (св. Архангелъ Михаилъ) мнѣ доставлена и совершенно побѣдила кума Александра, который самъ очень мило рисуетъ и, наглядѣвшись на многое, кажется, пріобрѣтаетъ довольно вѣрный глазъ, чтобъ отличать дурное отъ посредственнаго, а это послѣднее отъ хорошаго. Св. Михаилъ поразилъ его, и онъ воскликнулъ: — Ахъ, какъ это прелестно! — Я подозрѣваю, что мы не совсѣмъ равнодушны къ прекрасному» [3]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 604, 605.

[2]) 570. На поздравленіе Храповицкаго по этому случаю императрица отвѣчала: «Много дѣвокъ, всѣхъ замужъ не выдадутъ». Но эта забота была напрасна: великая княгиня скончалась уже въ январѣ 1795 г.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 522, 524.

30 августа того же года сказано: «Сегодня день ангела г. Александра, который не кстати заболѣлъ. Не знаю, что съ нимъ! Жалуется на головную боль, ознобъ, колотье. Надѣюсь, что не будетъ ничего важнаго. Этотъ молодецъ на три пальца выше меня. Г. Сенъ-При, который здѣсь, говоритъ, что Александръ красавецъ. Онъ очень имъ доволенъ и я тоже» [1]).

Отъ 14 августа 1792 года государыня писала: «Благодарю васъ за прекрасное поздравленіе по случаю исполнившихся тридцати лѣтъ моего царствованія. Года черезъ два, три надѣюсь имѣть правнучатъ отъ Александра. Какъ бы вы удивились и въ какое бы пришли восхищеніе при видѣ этого высокаго, красиваго и добраго юноши! Какъ много онъ обѣщаетъ, какая это воплощенная чистота и вмѣстѣ съ тѣмъ глубина! Какая послѣдовательность въ правилахъ и сколько безпримѣрнаго желанія поступать во всемъ хорошо! Послушайте, я не люблю коронацій по почтѣ. Соломонъ сказалъ:—Всему свое время.—Сперва мой Александръ женится, а со временемъ и коронуется со всевозможными церемоніями, торжествами и народными праздниками. Онъ пройдетъ черезъ все это съ блескомъ и величіемъ. О, какъ онъ самъ будетъ счастливъ и какъ всѣ съ нимъ будутъ счастливы! При всемъ томъ онъ необыкновенно скроменъ и безо всякаго жеманства: все въ немъ естественно. Что за прелесть этотъ юноша, отъ котораго всѣ безъ ума, да и есть чѣмъ восхищаться! Это нашъ любимчикъ; онъ очень хорошо знаетъ это и идетъ своей дорогой. Голова у него нѣсколько напередъ, но красивая голова! Какъ увидишь ее, такъ забудешь, что молодой человѣкъ держитъ ее не довольно прямо, а немножко наклоняетъ впередъ. Его очень часто осуждали за это, но когда онъ танцуетъ или сидитъ на лошади, то держитъ голову вверхъ и тогда напоминаетъ Аполлона Бельведерскаго тѣмъ, кто имѣетъ честь знать послѣдняго. У него такой же величественный видъ, а это для четырнадцати лѣтъ, право, очень много. Но баста! Не надо слишкомъ много о немъ говорить» [2]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 551, 552.

[2]) Стр. 573, 574.

Можетъ показаться страннымъ, что при такой нѣжной любви къ своему внуку Александру, Екатерина могла такъ поспѣшить его бракомъ, женивши его шестнадцати лѣтъ. Уже съ самаго начала воспитанія замѣтно нетерпѣніе страстно любившей внука бабушки видѣть его взрослымъ, и нѣтъ сомнѣнія, что угодники нашептывали ей мысль короновать его помимо отца; но изъ предыдущаго письма мы видимъ, что Екатерина отвергла эту мысль. Можно полагать, что главнымъ ея побужденіемъ къ этой ранней свадьбѣ было желаніе еще при жизни насладиться зрѣлищемъ юнаго счастья своего любимца, и вмѣстѣ надежда видѣть престолъ упроченнымъ за его родомъ. Но тутъ-то геніальная прозорливость Екатерины и измѣнила ей. Слишкомъ ранняя женитьба можетъ-быть и оставила молодую чету безъ потомства. Ужъ осенью 1792 года вызвали въ Петербургъ принцессу Баденскую съ двумя дочерьми, и императрица писала отъ 31 октября: «Сегодня вечеромъ ожидаемъ мы обѣихъ принцессъ Баденскихъ: одной 13 лѣтъ, другой 11. Вы, конечно, не думаете, что у насъ женятъ и отдаютъ замужъ такъ рано: это не для настоящей минуты, а про запасъ, на будущее время, а покамѣстъ онѣ къ намъ привыкнутъ и сживутся съ нашими нравами и обычаями. Что касается нашего молодца, онъ объ этомъ и не думаетъ въ своей невинности сердечной. Я тутъ разыгрываю роль дьявола, вводя его въ соблазнъ» [1]).

1-го ноября: «Принцессы Баденскія прибыли вчера между 8-ю и 9-ю часами вечера, и я нашла ихъ такими, какими мнѣ ихъ описывали — прелестными. Г. Александръ ужъ слишкомъ былъ бы разборчивъ, еслибъ старшая отъ него ускользнула. Прощайте, многострадальный, будьте здоровы, если то возможно въ нашемъ желѣзномъ вѣкѣ, въ которомъ однако есть и прекрасныя принцессы» [2]).

Не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ, 7-го декабря, государыня писала уже: «Г. Александръ будетъ себя вести умно и осторожно;

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 577. [2]) Стр. 579.

однако онъ понемножку становится влюбленъ въ старшую изъ принцессъ Баденскихъ, и я не поручусь, что ему не отвѣчаютъ взаимностью. Еще не бывало лучше подобранной парочки: они прекрасны какъ день, полны граціи, ума; всѣ стараются поощрять ихъ рождающуюся любовь. Прошедшую недѣлю Александръ смотрѣлъ комедію: «Новичекъ въ любви», сидя возлѣ своей невѣсты, и неистово аплодировалъ во всѣхъ мѣстахъ, которыя ему нравились, такъ что никто не сомнѣвался, что онъ покажетъ болѣе ловкости, чѣмъ тотъ, кого представляли. Надѣюсь, что вы будете читать эту грамоту лѣтъ черезъ восемь, когда рѣчь будетъ уже итти о дѣтяхъ Александра» [1]).

Весною 1793 года государыня говѣла въ Таврическомъ дворцѣ, и писала отъ 22 апрѣля: «Вчера въ великій четвергъ и день моего рожденья я здѣсь причащалась, находясь тутъ уже съ воскресенья. Этотъ дворецъ—одноэтажный и въ уровень съ садомъ. Вы знаете, что и тотъ и другой принадлежали князю Потемкину и что вся постройка и посадка превосходны. Такъ какъ всю эту недѣлю была прелестная погода, то мы гуляли, сколько говѣнье намъ позволяло. Говоря *мы*, я разумѣю своихъ трехъ внучекъ и себя. Что касается гг. Александра и Константина, то они остались съ папенькой и маменькой, двумя младшими сестрами и принцессами Баденскими въ Зимнемъ дворцѣ. На это Константинъ возражалъ: «Я понимаю, что брата оставили съ его красавицей, но я-то что буду здѣсь дѣлать?—И по правдѣ сказать, оба очень завидуютъ своимъ тремъ старшимъ сестрамъ, пріѣхавшимъ сюда говѣть со мною» [2]).

Изъ Царскаго Села 14 мая: «Я здѣсь съ третьяго дня и много съ воскресенья придѣлала дѣлъ. Во-первыхъ принцесса Луиза Баденская приняла православіе, и греческая церковь дала ей имя Елизаветы Алексѣевны. Потомъ, во вторникъ, она была обручена в. кн. Александру. Всѣ говорили, что обручаютъ двухъ ангеловъ.

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 579, 580. [2]) Стр. 582.

«Ничего нельзя вообразить прелестнѣе этого 15-тилѣтняго жениха и 14-тилѣтней невѣсты; притомъ они очень любятъ другъ друга. Тотчасъ послѣ обрученія принцессы, она получила титулъ великой княжны. Но представьте себѣ, какое подозрѣніе падаетъ на Александра. Кто бы это подумалъ? Одинъ изъ кавалеровъ, его воспитателей, вздумалъ прошедшее лѣто перевести на русскій языкъ англійскую комедію Шеридана: «Школа злословія». Ее играли въ Эрмитажѣ и пьесу эту нашли гораздо выше французскаго перевода, сдѣланнаго во Франціи. Такъ какъ этотъ русскій переводъ блестѣлъ остроуміемъ и оргинальностью языка и былъ прекрасно приноровленъ къ нашимъ нравамъ и обычаямъ, то всѣ пришли отъ него въ восторгъ. Александръ принималъ живое участіе въ одобреніяхъ и восклицаніяхъ зрителей. Я думала, что онъ просто по дружбѣ къ своему кавалеру придаетъ такую цѣну аплодисментамъ. Пьесу сыграли и въ городѣ, но тамъ публику не такъ легко было провести какъ меня, и всѣ заговорили, что Александръ сдѣлалъ бо́льшую часть этого перевода съ англійскаго, что онъ лучше знаетъ по-англійски, чѣмъ его кавалеръ, и какъ бы ни скрывался, всѣ знаютъ, что самыя удачныя остроты принадлежатъ ему. Слухи дошли до меня; я ему сказала это. Онъ сталъ отрекаться, покраснѣлъ и увѣрялъ, что онъ слышалъ отрывки въ чтеніи и можетъ-быть иногда дѣлалъ свои замѣчанія, а кавалеръ его могъ этимъ воспользоваться, чтобъ измѣнить кое-что въ переводѣ. Видите, какъ болѣзни прилипчивы и что́ значитъ дурной примѣръ» [1]).

Въ письмѣ отъ 5-го августа говорится, что слухъ о путешествіи великаго князя Александра по Европѣ — выдумка газетчиковъ, которая не имѣетъ никакого основанія, и что еще до Рождества будетъ его свадьба [2]), которая дѣйствительно и состоялась 28 сентября 1793 года, когда великому князю, родившемуся въ декабрѣ 1777, еще не минуло и 16-ти лѣтъ.

Письмо отъ 6-го декабря начинается слѣдующимъ отзывомъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 583, 584. [2] Стр. 58?

о новобрачныхъ: «Наши молодые, кажется, очень заняты другъ другомъ, а шалунъ Константинъ все прыгаетъ около нихъ. Вы не можете себѣ вообразить, что это за чудакъ! Во-первыхъ, онъ не красивъ, чрезвычайно живого характера, уменъ, остеръ, вѣтренъ какъ жукъ, но охотно сознается въ своихъ проступкахъ; у него превосходное сердце и сильное стремленіе къ добру. На мой взглядъ, онъ очень милый юноша и далеко не дюжинная личность. Вотъ ужъ въ полномъ смыслѣ взбалмочная голова (bâton rompu). Въ публикѣ братъ его пользуется несравненно большей любовью. Но, несмотря на все это, я предсказываю ему блестящую будущность. Въ дѣтствѣ онъ былъ неуклюжій медвѣжонокъ: теперь совсѣмъ не то» [1]).

Весною 1794 года императрица опять говѣла въ Таврическомъ дворцѣ, откуда писала 3-го апрѣля: «Я здѣсь съ третьяго дня. Я опять тутъ расположилась со своими внуками и внучками, и мы будемъ тутъ говѣть; мы останемся здѣсь до суботы, а праздникъ поѣдемъ встрѣчать въ Зимнемъ дворцѣ; потомъ вернемся сюда же. Папенька и маменька находятся въ Гатчинѣ со второй недѣли» [2]).

Отъ 21 апрѣля 1794 государыня пишетъ изъ Зимняго дворца: «65 лѣтъ тому назадъ я не писала. Я совершенно здорова и вчера переѣхала сюда изъ Таврическаго дворца въ ужасную бурю, которая подняла воду въ Невѣ почти на семь футовъ выше ея обыкновеннаго уровня. Когда я вчера ѣхала изъ одного дворца въ другой, то кой-гдѣ стояли лужи, въ которыхъ однако нельзя было утонуть. Итакъ, когда вамъ будутъ говорить о новомъ наводненіи, не вѣрьте: здѣсь всѣ здоровы» [3]).

27 августа государыня опять жила въ Таврическомъ дворцѣ, такъ какъ въ Зимнемъ были большія передѣлки, и писала: «Погода у насъ ужасная, почти не было лѣта и ни одного жаркаго дня, а теперь вотъ ужъ болѣе двухъ мѣсяцевъ все льетъ дождь. Этотъ дворецъ у меня очень въ модѣ, потому что онъ одноэтаж-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 588. [2]) Стр. 600. [3]) Стр. 603.

ный, среди большого великолѣпнаго сада на берегу Невы вблизи казармъ: Кавалергарды направо, Преображенцы позади сада. Не можетъ быть ничего лучше этого помѣщенія для весны и осени. Я живу направо отъ подъѣзда; такого подъѣзда, я думаю, нѣтъ въ цѣломъ мірѣ. Александръ помѣщается налѣво.—Правда, что въ этомъ дворцѣ было не немного, но даже чрезвычайно сыро, такъ что сверху зальныхъ колоннъ струилась вода и образовала лужи на полу; происходило это отъ того, что вода въ прудѣ была выше фундамента залы. Но я исправила это, приказавъ вырыть водосточную трубу между домомъ и прудомъ. Эта труба идетъ вокругъ всего дома и такъ вытягиваетъ воду, что ни малѣйшей сырости теперь незамѣтно, а запахъ плѣсени совершенно прошелъ. Весна и у насъ была прекрасная»[1]).

Въ послѣднихъ числахъ августа императрица переѣхала въ Зимній дворецъ, откуда писала отъ 29-го: «Холодъ выгналъ меня изъ Таврическаго дворца; конецъ августа былъ настоящимъ октябремъ. Вступая въ свою зимнюю лачужку (taudis[2]) по большой мраморной лѣстницѣ, я прошла черезъ три залы, недавно вновь отдѣланныя подъ мраморъ къ свадьбѣ Александра, по рисункамъ и подъ надзоромъ г. Кваренги. Онѣ прелестны и ведутъ въ комнаты Александра, которыя прошлаго года были великолѣпно убраны; теперь сняли излишнія украшенія, и онѣ сдѣлались очень удобны, хотя менѣе роскошны. Оттуда я отправилась въ комнаты Александры Павловны, которой минуло одиннадцать лѣтъ, и съ этой минуты мы уже считаемъ ее взрослой дѣвицей; отъ нея я зашла къ ея сестрѣ Еленѣ, которая навѣрное не уснетъ эту ночь, такъ прелестно отдѣлана ея комната. Потомъ пошла я въ церковь посмотрѣть, что́ тамъ сдѣлано новаго, оттуда въ извѣстную вамъ галлерею, затѣмъ въ свои комнаты, и наконецъ въ Эрмитажъ и эрмитажный театръ, въ ложи Рафаэля; прошла тѣ три залы, въ которыхъ помѣщается кабинетъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 605.

[2]) Такъ всегда называлъ свое жилище Гриммъ.

естественной исторіи и послѣ всего этого вернулась въ свою комнату, гдѣ и сѣла вамъ писать, исходивъ буквально весь дворецъ и Эрмитажъ, что составитъ пожалуй версты двѣ, три. Я вамъ все это разсказываю, чтобъ вы подивились, какъ ваша покорная слуга въ настоящее время еще бодра и подвижна» [1]).

1-го октября въ 5 часовъ вечера: «Отобѣдавъ, я похитила г. Константина и отправилась въ Таврическій дворецъ съ нимъ и четырьмя его сестрами. Я обошла огромный садъ этого дворца, послѣ чего мы сѣли въ карету и по англійской набережной доѣхали до параднаго подъѣзда, откуда я пришла къ себѣ, правда, немножко усталая, но и молодые устали не менѣе меня, и я этимъ утѣшаюсь. Съ сентября мѣсяца у насъ совершенное лѣто» [2]).

Въ письмѣ отъ 11-го января 1795-го говорится въ заключеніе: «Прощайте, спѣшу: сегодня вечеромъ концертъ, гдѣ трое нашихъ (т. е. внучковъ) поютъ, двое играютъ на скрыпкѣ, одинъ на фортепіано. Вы уже знаете, или должны знать, что число ихъ увеличилось дамой— Анной [3]), весьма крупныхъ размѣровъ и въ длину и въ толщину. Но эта еще не поетъ и до сихъ поръ не кричитъ» [4]).

Отъ 16-го января: «Вотъ двѣ недѣльки хорошо наполненныя. 1-го января Новый годъ — праздникъ, 6-го января Богоявленіе—праздникъ и водосвятіе. 7-го января явилась на свѣтъ в. княжна Анна, 13-го января праздникъ по случаю рожденія в. княгини Елизаветы. 14-го — крестины новорожденной, 15-го скончалась в. княжна Ольга. Представьте себѣ, отчего? Вотъ уже недѣль осмнадцать, какъ у нея проявился такой голодъ, что она безпрестанно просила кушать; оттого она росла непомѣрно для своихъ двухъ съ половиною лѣтъ: въ то же время вышло множество коренныхъ зубовъ за разъ, и послѣ 16-ти недѣль страданій и медленной изнурительной лихорадки наступила суточная мучитель-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 608. 609. [2]) Стр. 612, 613.

[3]) В. княгиня Анна Павловна, впослѣдствіи королева Нидерландская.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 617.

ная агонія: она скончалась вчера, между семью и восемью часами вечера. Въ пятницу или суботу — погребеніе» [1]).

Въ апрѣлѣ 1795 г. государыня упомянула еще объ одномъ концертѣ, въ которомъ участвовали ея внучки: «Я иду одѣваться, такъ какъ сегодня вечеромъ должна присутствовать на любительскомъ концертѣ, гдѣ великій князь Александръ и гр. Платонъ Зубовъ будутъ играть на скрыпкѣ. Елизавета, Александра и Елена будутъ пѣть, а акомпанировать на фортепіано будетъ Марія, которая удивительно любитъ музыку. Ей только 9 лѣтъ, а она уже прошла у Сарти генералъ-басъ; Сарти говоритъ, что у нея замѣчательный музыкальный талантъ, и затѣмъ она очень умна, у нея способности ко всему и она будетъ премудрая дѣвица. Она любитъ читать и, по словамъ генеральши Ливенъ, проводитъ много часовъ въ день за книгой. Къ тожу же она очень весела и предпріимчива и танцуетъ какъ ангелъ. Вообще это довольно красивая семейка. Тяжелый обозъ три дня тому назадъ отбылъ въ Гатчину. Когда кошки нѣтъ дома, то мышки пляшутъ по столамъ и имъ раздолье» [2]).

7-го апрѣля 1795 г.: «Вчерашній концертъ очень удался: гг. литовскіе депутаты присутствовали на немъ; я сказала имъ, что пригласила ихъ для того, чтобъ они короче ознакомились со мной и моими. Одинъ старикъ, котораго Александръ и его супруга кажется совсѣмъ обворожили, сказалъ мнѣ, что отъ нихъ должны родиться ангелы. Это настоящая Сирена, великая княгиня Елизавета; ея голосъ идетъ прямо къ сердцу, и мое сердце она совсѣмъ плѣнила; что касается ея мужа, который съ самой колыбели былъ такъ близокъ ко мнѣ какъ только возможно, а когда былъ ребенкомъ все хотѣлъ быть еще ближе и всегда тихонько прижимался ко мнѣ плечомъ, то онъ теперь все подталкиваетъ свою жену, чтобъ и она покрѣпче ко мнѣ прижималась, считая что ей нигдѣ не можетъ быть лучше, какъ возлѣ меня. Онъ не мало старается объ этомъ; да́, онъ настоящее мое сокровище.

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 617, 618. [2]) Стр. 621, 622.

Три часа продолжалась музыка: mademoiselle Marie хозяйничала на своемъ фортепіано и не только не наскучила, но теперь она во всей Литвѣ прослыветъ великой музыкантшей» [1]).

11-го сентября 1795 г. «Вчера спустили на воду военный 74 пушечный корабль въ моемъ присутствіи, и онъ слетѣлъ такъ же проворно, какъ вел. княгиня Елизавета имѣетъ привычку ходить; эта дамочка у насъ очень въ модѣ: она кротка какъ ангелъ и хороша какъ сердечко» [2]).

Отъ 17-го сентября императрица писала между прочимъ: «Александръ для лѣченья своей глухоты поѣдетъ можетъ-быть въ Карлсбадъ; но въ Англію слишкомъ далеко» [3]).

Грустныя ноты звучатъ въ воспоминаніяхъ Екатерины, при сознаніи своего приближенія къ старости. Въ 1794 году 11-го февраля она пишетъ: «Русская пословица говоритъ: — чтобъ не было скучно, мѣшай дѣло съ бездѣльемъ. — Поэтому послѣ цѣлаго дѣловаго листа разскажу вамъ вотъ что. Во-первыхъ, что третьяго дня, въ четвергъ 9-го февраля, исполнилось 50 лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ я съ матушкой пріѣхала въ Москву. Это было въ четвергъ, 9-го февраля, слѣдовательно вотъ уже 50 лѣтъ, какъ я живу въ Россіи; изъ этихъ пятидесяти протекшихъ лѣтъ я милостію Божіею царствую тридцать два года. Во-вторыхъ, вчера было при дворѣ разомъ три свадьбы. Вы понимаете, что это ужъ третье или четвертое поколѣніе послѣ тѣхъ, кого я тогда застала, и я думаю, что здѣсь въ Петербургѣ едва ли найдется десять человѣкъ, которые помнили бы этотъ мой пріѣздъ. Во-первыхъ Бецкій, слѣпой, дряхлый старикъ: онъ сильно заговаривается и спрашиваетъ у молодыхъ людей, знавали ли они Петра I-го. Потомъ графиня Матюшкина, 78 лѣтъ, вчера танцовавшая на свадьбѣ. Потомъ оберъ-шенкъ Нарышкинъ, тогда камеръ-юнкеръ, и его жена. Затѣмъ братъ его, оберъ-шталмейстеръ; но онъ не сознаётся въ этомъ, чтобъ не казаться слишкомъ старымъ. Далѣе оберъ-камергеръ Шуваловъ, который по

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 622, 623. [2]) Стр. 645. [3]) Стр. 648.

дряхлости уже почти не выѣзжаетъ изъ дому, и наконецъ старуха, моя горничная, которая уже ничего не помнитъ. Вотъ каковы мои современники; это очень странно: всѣ остальные могли бы быть моими дѣтьми или внуками. Вотъ какая я старуха. Есть семьи, въ которыхъ я знаю пятое и шестое поколѣніе. Это — убѣдительное доказательство моей старости, да и самый разсказъ этотъ не о томъ же ли свидѣтельствуетъ? Но какъ быть? Несмотря на то, я до безумія, какъ пятилѣтній ребенокъ, люблю играть въ жмурки и во всевозможныя дѣтскія игры. Молодёжь — мои внуки и внучки — говорятъ, что я непремѣнно должна быть тутъ, чтобъ было настоящее веселье, и что они при мнѣ чувствуютъ себя гораздо смѣлѣе и свободнѣе нежели безъ меня. Итакъ я настоящій коноводъ въ весельи» [1]).

Дѣла Польши.

Когда, во время второй турецкой войны, подъ вліяніемъ Пруссіи образовалась въ Польшѣ партія непріязненная Россіи и совершился переворотъ съ измѣненіемъ конституціи, то Екатерина писала объ этомъ отъ 29-го апрѣля 1791 года: «Сію минуту пріѣхалъ курьеръ изъ Варшавы, съ которымъ мнѣ пишутъ, что 22-го апрѣля тамъ была революція: посмотримъ, въ чемъ она состоитъ. Первыя извѣстія говорятъ, будто дворъ и среднія сословія предоставили королю неограниченную власть. Надо будетъ разсмотрѣть это въ подробности, но мы ко всякимъ событіямъ готовы и не отступимъ передъ самимъ дьяволомъ» [2]).

Отъ 10-го мая: «Ну, такъ вотъ, этотъ польскій сеймъ, который вы ставите выше національнаго собранія, превзошелъ его глупостью, такъ какъ изъ любви къ свободѣ и чтобъ лучше ее обезпечить, даетъ себя связать по рукамъ и ногамъ Польскому королю, уничтоживъ *liberum veto* — этотъ палладіумъ польской

---

[1]) *Сб. И. О.* XXII, 591, 592.

[2]) Стр. 519.

свободы, отмѣнивъ *конфедерацію*, и установивъ наслѣдственнаго короля [1]). Ну, не значитъ ли, что въ нихъ дьяволъ сидитъ съ головы до ногъ, когда такимъ образомъ измѣняютъ собственнымъ основнымъ началамъ? И можно ли имѣть въ головѣ такъ мало послѣдовательности, чтобъ дать себя такъ грубо обмануть насчетъ своихъ важнѣйшихъ интересовъ? Король Польскій увѣрилъ ихъ, что сосѣди собираются опять раздѣлить Польшу, и всѣ тотчасъ согласились вручить ему неограниченную власть. Теперь посмотримъ, что сдѣлаетъ его величество со своей двойной присягой, и броситъ ли онъ въ огонь свои договоры (pacta conventa) съ Россіей, или поѣдетъ путешествовать на венеціанскій карнавалъ, чего ему, какъ говорятъ, очень хочется» [2]).

Въ 1792 году 9-го мая государыня пишетъ: «Г. многострадальный, скажите мнѣ пожалуйста, отчего вы полагаете, что дѣла Польши не могутъ итти вровень съ французскими? Вѣроятно, вамъ неизвѣстно, что якобинское гнѣздо въ Варшавѣ правильно сносится съ таковымъ же въ Парижѣ, что Маззеи, основавшіе одно, основали и другое и что Піатоли сочинили въ Брабантѣ знаменитый манифестъ Ванъ-деръ-Ноота [3]), которымъ въ настоящее время руководятся и король и сеймъ. Они согнали со свѣта мою старую пріятельницу Польскую республику, уничтожили всѣ договоры, заключенные съ Россіей, и вотъ уже четыре года не перестаютъ наносить послѣдней всѣ обиды и оскорбленія, какія только могутъ придумать, до того что во время войны нашей съ Турціей, отрядили посланника въ Константинополь, чтобъ заключить съ Портой наступательный и оборонитель-

---

1) Съ тѣмъ чтобы по смерти короля Станислава корона перешла къ курфирсту Саксонскому и сдѣлались родовымъ достояніемъ Саксонскаго дома.

2) *Сб. И. О.* XXIII, 534, 535.

3) Ванъ-деръ-Ноотъ, брюссельскій адвокатъ, принималъ, въ 1789 году, большое участіе въ возстаніи, имѣвшемъ цѣлью изгнать Австрійцевъ изъ Нидерландовъ, и былъ назначенъ президентомъ національнаго конгресса по удаленіи австрійскихъ войскъ, а когда въ 1790 году Австрійцы возвратили свои владѣнія, онъ удалился въ Голландію.

ный союзъ. Еслибъ я не имѣла въ рукахъ доказательствъ, никогда бы я не повѣрила, что Польскій король настолько неблагодаренъ и недальновиденъ, какъ онъ это показалъ въ послѣдніе четыре года. Или его водятъ за носъ, или онъ съ ума спятилъ, чтобъ дать себя увлечь въ поступки не только вредные, но прямо противные чести и благодарности. Они вообразили себѣ, что Россія въ отчаянномъ положеніи и оттого-то его польское величество позволилъ себѣ нарушить клятвенные договоры, по которымъ, въ случаѣ ихъ нарушенія, онъ дозволяетъ своимъ подданнымъ болѣе не повиноваться ему. И вотъ съ помощью 25—30 нунціевъ, которыхъ онъ пристращалъ тѣмъ, что они будутъ избиты варшавскою чернью, онъ присвоиваетъ себѣ неограниченную власть. А получивъ ее, что онъ дѣлаетъ? Онъ рѣшаетъ продажу староствъ; онъ уничтожаетъ должность «великихъ генераловъ»; онъ лишаетъ людей мѣстъ безъ суда; онъ захватываетъ казну республики. Замѣтьте, началъ онъ съ того, что уничтожилъ отвѣтственность правительства, которое захотѣлъ свергнуть. Наконецъ, эти якобинцы вездѣ стараются произвести смѣшеніе языковъ, потому что всѣ эти польскія затѣи такъ же вяжутся съ ихъ законами, какъ по русской пословицѣ коровѣ пристало сѣдло. И вы хотите, чтобъ я такъ и покинула тамъ всѣ мои интересы и интересы республики, моей союзницы и республиканцевъ, моихъ друзей, и все для того, чтобъ заняться парижскимъ якобинскимъ клубомъ? Нѣтъ, многострадальный, я буду съ ними бороться и побивать ихъ, но въ Польшѣ, хотя тѣмъ не менѣе буду заниматься и французскими дѣлами и помогу побить блузниковъ такъ же, какъ дѣлаютъ другіе, но ни за что безъ самихъ принцевъ и дворянъ французскихъ, потому что желаю, чтобъ это дворянство сохранило свое существованіе, а всякій французскій дворянинъ зналъ бы, что я смотрю на него какъ на защитника престола и королевской власти. Ну что же, многострадальный, права я или нѣтъ»? [1]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 567, 568.

Въ августѣ того же года о дѣлахъ польскихъ говорится: «Я согласна съ вами, что Польскій король былъ очень не правъ, когда подчинился руководству разныхъ плутовъ швейцарскихъ, итальянскихъ и польскихъ, которые такъ худо повели его, что онъ не устыдился нарушить свою клятву, свои договоры, разорвать всѣ трактаты свои съ республикой, уничтожить послѣднюю, обидѣть Россію, оскорбить свою благодѣтельницу и тѣмъ навлечь на себя всю горечь, теперь имъ испытываемую. Когда кто не уменъ въ шестьдесятъ лѣтъ, то навѣрное ужъ никогда уменъ не будетъ. Теперь нѣтъ такого коварства и фальши, которыхъ онъ не употреблялъ бы съ нами; и я, и конфедерація могли бы какъ дважды два четыре доказать ему, что онъ фальшивъ и двойственъ и тройственъ на каждомъ шагу. Я вынуждала его говорить со мною прямо и ясно; но онъ играетъ въ большую игру: привычки и сплетни ужасное зло! Вы вполнѣ правы, презирая этихъ дюжинныхъ совѣтниковъ, которымъ всегда хочется напугать васъ напрасными страхами; вы видите, что Маззеи и имъ подобные солгали: я въ полномъ здравіи и, по правдѣ сказать, и слѣдовъ никакихъ не было того, чѣмъ они грозили» [1]).

И въ другомъ письмѣ: «Чему же вы такъ радуетесь? Развѣ фальшивому нападенію на меня короля Польскаго и тому что онъ долженъ былъ отказаться отъ своей прошлогодней затѣи 3-го мая? У насъ есть въ рукахъ письма, писанныя имъ къ разнымъ лицамъ, гдѣ онъ говоритъ, будто дѣлаетъ только видъ, что уступаетъ, намѣреваясь обмануть насъ, и что онъ никогда искренно не откажется отъ своего дѣла. А это дѣло противно клятвеннымъ договорамъ, а ужъ если на то пошло, то онъ вѣдь на ихъ основаніи и былъ посаженъ на престолъ Россіею. Кромѣ того, всѣ безъ изъятія трактаты наши заключены съ республикой. Я эту зиму спрашивала пріѣзжихъ Поляковъ: — Что сдѣлали вы съ моей пріятельницей? Гдѣ я ее опять отыщу? Возвратите мнѣ ее. — Они не знали, что отвѣчать на это. Его польское величе-

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 571.

ство задался цѣлью раздражать, возбуждать свою націю противъ Россіи за то, что она любила свою старую пріятельницу, которую его величество задумалъ уничтожить» [1]).

Въ концѣ 1793 года у Гримма гостилъ богатый шотландскій перъ Финдлэтеръ, извѣстный тѣмъ, что, путешествуя по Европѣ, онъ употреблялъ свои огромныя средства на поощреніе винодѣлія и садоводства, на украшеніе городовъ, особливо въ Германіи. Впослѣдствіи онъ посылалъ императрицѣ много интересныхъ англійскихъ книгъ, за которыя она часто благодаритъ его въ своихъ письмахъ. Теперь же его, вмѣстѣ съ Гриммомъ, сильно занимала карта Европы, и они забавлялись различными предположеніями о возможномъ расширеніи предѣловъ главныхъ европейскихъ государствъ. Гриммъ въ шуточномъ тонѣ сообщилъ эти предположенія Екатеринѣ. Такъ Финдлэтеръ будто бы рѣшилъ, что предѣлы Россіи на западѣ не требуютъ расширенія. На востокѣ же онъ указывалъ на необходимость пріобрѣтенія всего Кавказа между Чернымъ и Каспійскимъ морями, на югѣ онъ назначалъ великому князю Константину Павловичу греческую корону со всѣмъ Балканскимъ полуостровомъ южнѣе Дуная и Савы, включая сюда и собственную Грецію. Австріи онъ отдавалъ Молдавію, Валахію и Бессарабію, съ тѣмъ чтобъ она Галицію возвратила Польшѣ. Пруссіи онъ отводилъ часть Царства Польскаго, по лѣвому берегу Вислы съ Краковомъ и Варшавою, или предлагалъ замѣнить это шведской Помераніей и Мекленбургомъ съ прибавкой Бамберга и Вюрцбурга. Судьбу Польши онъ устроивалъ такъ, чтобы кромѣ Галиціи она получила еще Курляндію, и король ея имѣлъ бы мѣстопребываніе въ Гроднѣ, или какомъ-нибудь другомъ значительномъ городѣ Польши или Литвы. Наконецъ, чтобъ не забыть никого, онъ уступалъ Англіи островъ Кипръ или Кандію; въ заключеніе же предлагалъ уничтожить всѣ крѣпости въ Дарданеллахъ, чтобъ всѣ государства, прилегающія къ Черному морю, имѣли свобод-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 576, 577.

ный выходъ изъ него и полную свободу плаванія по всѣмъ морямъ. Если же этотъ проектъ не понравился бы Екатеринѣ, то ей стоитъ только сказать, и они тотчасъ составятъ новый, и изобрѣтательность ихъ въ этомъ будетъ такъ же неистощима, какъ Россія неисчерпаема въ своихъ средствахъ. Въ концѣ письма Гриммъ съ обычнымъ своимъ юморомъ подшучиваетъ надъ неудачной кокетливостью Польши съ Западомъ и ея перемигиваньями со всѣми державами, враждебными Россіи. Онъ радуется, что сеймъ въ Гроднѣ покончилъ дѣло, говоря что Польша можетъ пенять только на себя, если ей пришлось укоротить юбочку, сузить корсетъ и даже обстричь ногти, чтобъ она не царапалась. Затѣмъ онъ представляетъ, что Польша бросается въ объятія Россіи, обѣщая не только жить въ мирѣ съ нею, но обвивать ее, какъ плющъ обвиваетъ могучій дубъ, повторяя: «Отнынѣ мы неразлучны, ты большая, я маленькая».

На это замысловатое посланіе послѣдовалъ отъ 11-го февраля 1794 г. такой отвѣтъ: «Вашему милорду Финдлэтеру ужъ вѣрно дѣлать нечего, если онъ занимается проектами насчетъ того, что мы можемъ и не можемъ сдѣлать. Прежде всего я полюбопытствовала бы узнать, чтó онъ такое: чиновникъ ли, или путешествуетъ для своего удовольствія, послѣ чего надо конечно поблагодарить шотландскаго пэра, что онъ нами занимается, и сказать ему, что въ мирное время, всѣ идеи и помыслы должны быть мирные, что я обезпечила за каждымъ изъ своихъ союзниковъ его настоящія владѣнія, именно за Польшей, Швеціей и Австріей, да и королю Прусскому я не вижу нужды увеличивать въ такой степени владѣнія во всѣхъ направленіяхъ. Я же, съ своей стороны, находясь въ мирѣ со всѣми, сижу смирно и ничего не требую, кромѣ того, чтобъ меня оставили въ покоѣ и тишинѣ, приличныхъ моему возрасту. Что касается Константина, то мнѣ кажется, что онъ считается однимъ изъ самыхъ завидныхъ жениховъ въ Европѣ: на комъ только его всякій день не женятъ изъ находящихся на лицо партій въ Европѣ и наперерывъ отдаютъ ему то одно, то другое владѣніе, тогда какъ онъ и не по-

мышляетъ ни о чемъ подобномъ.... Вы видите, что я не забыла и свою маленькую проказницу (égrillarde); но меня сердитъ, что она опять даетъ нѣкоторыя доказательства не совсѣмъ искренняго раскаянія въ своихъ чудовищныхъ заблужденіяхъ; она опять отличилась маленькими злобными выходками, которыя къ ней вовсе не пристали. Не понимаю, какъ ей удалось до того заколдовать г. посланника, что онъ въ концѣ сейма предоставилъ ей полную свободу дѣйствій, а она его надувала какъ ученикъ надуваетъ своего ректора»[1]).

Въ мартѣ 1794 г., предполагая возможность новой войны съ Турціей, государыня прибавляетъ къ этому: «Та минута, въ которую Костюшко и Мадалинскій подняли знямя возстанія во всей якобинской чистотѣ и воздвигли въ Краковѣ висѣлицу, чтобъ вѣшать на ней всѣхъ, не раздѣляющихъ убѣжденій ихъ, — такая минута должна казаться Портѣ особенно благопріятною»[2]).

Отъ 3-го апрѣля: «Ну, пока его прусское величество покровительствуетъ во Франціи трехцвѣтному знамени и входитъ въ открытые переговоры съ мятежниками, слышно, что четыре комиссара отъ конвента вошли въ Краковъ, чтобъ помочь польскимъ заговорщикамъ отнять у Прусскаго короля провинціи, имъ пріобрѣтенныя. Его кордонъ былъ опрокинутъ и орлы сброшены. Генералъ Игельстромъ, мой посланникъ въ Варшавѣ, извѣстившись объ этомъ возстаніи синьйора Мадалинскаго и его товарища г. Костюшко въ Варшавѣ, послалъ нѣсколько сотенъ казаковъ противъ перваго. Эти — задали имъ хорошую русскую встрепку и теперь они разбѣжались въ разныя стороны. Увидимъ, какъ-то ихъ поддержатъ изъ Кракова и въ Краковѣ. И по всей вѣроятности коммиссары конвента со своими 30 милліонами ливровъ, назначенными на поднятіе Польши, такъ же скоро уберутся во-свояси, какъ пришли, изъ опасенія, чтобъ наши казаки ихъ не повѣсили, что навѣрное случится, если только они попадутся»[3]).

---

1) *Сб. И. С.* XXIII, 593, 594. 2) Стр. 600. 3) Стр. 601, 602.

21-го апрѣля: «Если вы услышите о новыхъ проказахъ шалуньи, будьте увѣрены, что долгъ этотъ будетъ заплаченъ съ процентами, и посмотримъ, кто въ концѣ концовъ будетъ правъ. . . Я писала вамъ въ одномъ письмѣ, посланномъ черезъ курьера, о путешествіи вашемъ сюда; если вы на него рѣшитесь, то хорошенько выберите время: въ эту минуту Самогитія въ полномъ возстаніи, даже почта приходитъ къ намъ черезъ Мемель и Либаву, а въ Польшѣ рѣзня» [1]).

25-го мая: «Говорятъ, что восемьдесятъ тысячъ людей идутъ съ сѣвера, съ одной стороны, и четыре съ другой, чтобъ покончить съ заблужденіями шалуньи» [2]).

1-го сентября: «Церковный годъ начинается превосходно. Вы конечно знаете, что онъ начинается 1-го сентября. Генералъ-майоръ Циціановъ, послѣ четырехчасового боя, и имѣя вчетверо меньшія силы чѣмъ противникъ, взялъ въ плѣнъ генерала Грабовскаго со всѣмъ его корпусомъ, пушками и пр. и со множествомъ дамъ, находившихся въ свитѣ. Послѣ взятія Вильны, при чемъ польскія войска обратились въ бѣгство по тремъ различнымъ направленіямъ, Грабовскій устремился въ Минскъ, какъ бѣшенный добѣжалъ до Любена и попалъ въ нашъ кордонъ. Тутъ князь Циціановъ разбилъ ихъ и велѣлъ обезоружить весь корпусъ; у нихъ были ружья, пики, косы и пушки. Теперь можно сказать, что мы скоро будемъ держать ихъ за уши. Замѣтьте, что этотъ князь Циціановъ грузинъ, родился и воспитывался здѣсь, храбръ какъ сама шпага, уменъ и съ познаніями. Я радуюсь, когда думаю, сколько теперь въ арміи молодыхъ людей, подающихъ величайшія надежды: Это не иноходцы. Они исполнены огня и отваги. Господь да благословитъ и сохранитъ ихъ» [3]).

3-го сентября: «Сегодня утромъ я получила извѣстіе, что королю Прусскому вздумалось снять осаду Варшавы подъ предлогомъ, что въ его собственныхъ владѣніяхъ возмущеніе. Ну, ужъ еслибъ я была на его мѣстѣ, я тотчасъ овладѣла бы Варшавой и тѣмъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 603. [2]) Стр. 604. [3]) Стр. 610.

задушила бы бунтъ въ самомъ началѣ: тамъ-то и слѣдовало съ нимъ покончить. О Господи! я не смѣю сказать что̀ думаю, но къ несчастію я предсказала принцу Нассаускому и многимъ другимъ еще за четыре года все то, что случилось съ Людовикомъ XVI. Бываетъ такъ, что взглядъ мой съ быстротою ракеты пронизываетъ будущее и тамъ провидитъ одну яркую черту какого-нибудь явленія. Но лучше молчать: между окружающими короля нѣтъ ни одной умной головы. У насъ всѣ возмущены и осыпа́ютъ ихъ всевозможными ругательствами. Польскіе разбойники отняли у его величества два обоза: одинъ на Вислѣ съ крупной артиллеріей, другой съ военными запасами, шедшій изъ Силезіи Я дорого бы дала, чтобъ захватили его маркиза Луккезени, который ѣдетъ къ нему назадъ изъ Вѣны: но этого, я увѣрена, не возьмутъ. Онъ слишкомъ хорошо имъ прислуживаетъ, и притомъ онъ Итальянецъ, а Итальянцы, какъ Греки, всегда сумѣютъ высвободить голову изъ-подъ топора и плахи»[1]).

4-го сентября 1794 г. «Принцъ Нассаускій прислалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ о снятіи осады Варшавы очень молодого человѣка, и я его распрашивала о многомъ, между прочимъ о добродѣтельномъ Манштейнѣ, которому хотѣлось войти въ переговоры съ Костюшкой, какъ прежде съ Дюмурье. Я спросила его, что это за человѣкъ; онъ отвѣчалъ мнѣ въ двухъ словахъ: «это дуракъ». Я была очень довольна такимъ отвѣтомъ и повторяю вамъ: — это дуракъ, если вы этого еще не знали». — [2]) 30-го сентября: «Поляки напечатали подробно весь разговоръ добродѣтельнаго Манштейна съ Заіончекомъ: вотъ высокое проявленіе глупости» [3]).

8-го декабря. 1794 г.: «Королю Прусскому необходимы лѣкарства, если онъ будетъ дѣйствовать какъ теперь, и для этого я не знаю лучшаго лѣкаря, какъ фельдмаршала, графа обѣихъ имперій; онъ подтолкнетъ въ бока этого господина, что̀ сдѣлаетъ его менѣе судорожнымъ, когда придется дѣйствовать. . . Не го-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 610. [2]) Стр. 611. [3]) Стр. 613, 614

ворю вамъ ничего о взятіи Варшавы и Праги: вы это знаете также хорошо, какъ и я; вы знаете также, что графъ обѣихъ имперій (Суворовъ) произведенъ въ фельдмаршалы» [1]).

15-го декабря: «Другу моему Валеріану Зубову ядромъ раздробило ногу, и при этомъ о́нъ показалъ высокое мужество: лошадь подъ нимъ была убита тѣмъ же ударомъ; онъ упалъ вмѣстѣ съ нею и только слѣзая съ лошади, когда не могъ ступить на ногу, замѣтилъ, что она сломана. Окружающіе его о́фицеры бросились со своихъ лошадей и унесли его за небольшую защиту. Пришелъ хирургъ, и раненый просилъ его отнять ему ногу на четыре пальца выше перелома, что́ хирургъ и исполнилъ при громѣ непріятельскихъ пушекъ, среди свиста ядеръ летавшихъ вокругъ, такъ что два раза надо было перемѣнять мѣсто во время операціи. Потомъ его понесли на носилкахъ, и когда шли мимо второй линіи нашихъ войскъ, наступавшихъ на непріятеля, Валеріанъ разговаривалъ съ солдатами и шутилъ съ ними. Многіе солдаты прослезились, увидѣвъ его. Наконецъ его отнесли въ домъ помѣщика, ближайщій къ тому мѣсту на Бугѣ, гдѣ было сраженіе. Всѣ окружающіе его обливались слезами, а онъ только думалъ о другихъ и о той печали, какую испытаютъ его родители и друзья, когда узнаютъ его несчастіе. Надо прибавить, что всѣ храбрецы, всѣ молодые люди въ арміи всегда хотѣли служить съ нимъ, что онъ очень любимъ начальниками и подчиненными и его военная репутація упрочена. На него смотрятъ съ великими надеждами. Онъ написалъ родителямъ, увѣряя что какимъ онъ былъ, такимъ и остался, и будетъ продолжать службу, только сожалѣетъ, что не участвовалъ во взятіи Праги. Однимъ словомъ, онъ показалъ геройскую душу; замѣтьте, что нашему герою только 24 года. Онъ велѣлъ перевезти себя въ Варшаву, гдѣ ужъ началъ ходить на костыляхъ. Графъ обѣихъ имперій проводитъ у него всѣ свои свободные часы, а фельдмаршалъ Румянцовъ такъ влюбленъ въ этого молодого человѣка, что посылаетъ курье-

---

[1]) *Сб. И О.* XXIII, 615.

ровъ узнавать о его здоровьи. Короче, никто никогда у насъ не пользовался такой общей любовью, уваженіемъ и почетомъ, какъ онъ. — Въ подробной реляціи о взятіи Праги фельдмаршалъ обѣихъ имперій выставляетъ заслуги одного лейтенанта инженернаго корпуса, о которомъ онъ говоритъ, что этотъ воспитанникъ артиллерійскаго кадетскаго корпуса начерталъ планы взятія Измаила и Праги, которые онъ фельдмаршалъ исполнилъ. Мы только и слышимъ что подобныя вѣсти. Это молодой человѣкъ 24—25 лѣтъ, по фамиліи Глуховъ. Кажется, на сегодня довольно. Прощайте, многострадальный: у меня ухо болитъ. Это можетъ-быть отъ всѣхъ скверныхъ извѣстій, которыя до меня доходятъ отовсюду, кромѣ нашихъ собственныхъ. Костюшко привезенъ сюда: его признали глупцомъ въ полномъ смыслѣ слова и недостойнымъ своего призванія» [1]).

Въ 1795 году, когда шла рѣчь объ окончательномъ уничтоженіи Польши, императрица, опираясь на свое изученіе русской исторіи по источникамъ, просвѣщаетъ Гримма насчетъ давней принадлежности западнаго края Россіи [2]) и исторически доказываетъ ему эту принадлежность, упоминая, что до XVII вѣка не въ одномъ Полоцкѣ, но и во всей Литвѣ дѣла производились на русскомъ языкѣ со славянской азбукой, что лѣтосчисленіе велось по нашему церковному обычаю, что православіе было во всей Литвѣ господствующимъ, даже между князьями и великими князьями, а церкви, особливо соборы, строились съ алтаремъ на востокъ, по установленію восточной церкви.

11 апрѣля 1795 г. «Валеріанъ здѣсь и проворно ходитъ на двухъ костыляхъ. Онъ заказалъ себѣ ногу, которая должна быть превосходна, потому что доктора запрещаютъ ему ее показывать, изъ боязни чтобъ онъ не завладѣлъ ею, пока рана еще не закрыта. Она уже закрылась было, но нашъ молодецъ, въ жару разговора, забывъ совершенно, что у него недостаетъ половины

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 616, 617.

[2]) Стр. 620, 621. Приведено въ цѣлости выше, въ главѣ «Исторія и политическая мудрость».

одной ноги, вскочивъ со стула, растянулся во всю длину. Это паденіе опять раскрыло рану, изъ которой вышли остатки первой перевязки. Но затѣмъ онъ красивѣе чѣмъ когда-либо и совсѣмъ здоровъ.... Король Прусскій торговался подъ Варшавой, какъ и подъ Базелемъ; изъ этого вышла глупость, да и изъ того надо ожидать подобной же. Еслибъ Лафайетъ и Дюмурье прибыли въ Польшу, то и они раздѣлили бы судьбу Костюшки; эти герои играли бы у насъ жалкую роль: второй ужъ былъ тамъ, и графъ обѣихъ имперій прогналъ его въ Краковъ въ то же скопище, откуда онъ вышелъ, а онъ объ этомъ ни слова не поминаетъ ни въ своихъ мемуарахъ, ни въ своей жизни..... Представьте себѣ, что газеты говорятъ о 18 или 20 пушкахъ, взятыхъ Пруссаками у Поляковъ по ту сторону Пилицы; но умному свистни, умный ужъ смыслитъ. Когда Ферзенъ послѣ взятія Варшавы преслѣдовалъ остатокъ польскихъ шаекъ, то нашъ отрядъ отнялъ у нихъ пушки, но за недостаткомъ лошадей и, занятый преслѣдованіемъ, принужденъ былъ бросить ихъ въ лѣсу; прусскій кордонъ былъ оттуда близко и вытащилъ ихъ изъ лѣсу, увѣривъ его величество, что они взяты съ бою, а это лишило нашихъ бѣдныхъ офицеровъ отряда георгіевскихъ крестовъ, которыхъ имъ не дали, такъ какъ они не могли показать того, что отняли у непріятеля.

«Скажите же мнѣ, кто глупѣе: Манштейнъ или его господинъ, такъ какъ вы ихъ обоихъ знаете. Знаете ли также что генералъ-лейтенантъ графъ Ферзенъ нѣсколько разъ напрасно просилъ короля Прусскаго позволить ему перейти Вислу, чтобъ напасть на Прагу и что никогда Е. В. и его жокей нехотѣли на это согласиться; что Ферзену предлагали атаковать одинъ редутъ и онъ отвѣчалъ:—одинъ, я не согласенъ, а на всѣ вдругъ пойдемте вмѣстѣ.—Знаете ли что мнѣ не разъ посылали курьеровъ жаловаться на Ферзена черезъ принца Нассаускаго, которому Луккезини свернулъ голову обнадёживъ что ему дадутъ командованіе корпусомъ вмѣсто Ферзена, дѣйствовавшаго съ твердостью и мужествомъ поистинѣ рыцарскими. А принцъ Нассаускій напротивъ потерялъ довѣріе войска и офицеровъ, когда погубилъ

половину своей гребной флоттиліи. У насъ не любятъ битыхъ, и чтобъ быть уваженнымъ, надо бить. Онъ три раза билъ, но и это его не спасло и всѣ радовались, когда онъ подалъ въ отставку» [1]).

11-го іюня: «Генералъ-лейтенантъ Ферзенъ написалъ одному изъ прусскихъ генераловъ, чтобъ онъ шелъ впередъ на соединеніе съ нимъ; но тотъ отвѣчалъ, что это ему невозможно, потому что оба его фланга ни на что не опираются. Ферзенъ возражалъ просьбой слѣдовать только его первому совѣту, прибавляя, что онъ, Ферзенъ, всю жизнь поступалъ такимъ образомъ и имѣлъ успѣхъ: и что же случилось? Ферзенъ разбилъ Костюшку и взялъ его въ плѣнъ, а прусскій генералъ остался неизвѣстнымъ въ своей берлогѣ, со своими двумя опирающимися флангами» [2]).

28-го августа: «Ну вотъ, многострадальный, меня съ одной стороны донельзя превозносятъ, а съ другой бранятъ. Теперь уніаты и римское духовенство жалуются на притѣсненія; а никто ихъ не притѣсняетъ. Вотъ въ чемъ дѣло: въ старину, римское духовенство ввело въ Литву унію, чтобъ обратить и привлечь къ себѣ православныхъ — не уніатовъ. А въ прошедшемъ году изрядное количество уніатскихъ приходовъ опять присоединилось къ нашей церкви. Уніаты кричатъ, потому что при этомъ нѣкоторые уніатскіе священники очутилисъ одни, безъ прихожанъ, но я въ этомъ неповинна. Что касается вашего антверпенскаго епископа, то я ему откланиваюсь, во-первыхъ потому что онъ слишкомъ много извергаетъ латыни, во-вторыхъ потому что онъ не остался вѣренъ австрійскому дому. Я получила его книги и благодарю его, вотъ и все» [3]).

Въ одномъ изъ писемъ своихъ Гриммъ увѣрялъ, что Поляки болѣе всего плачутся о томъ, что ихъ отчизна вычеркнута изъ списка живыхъ, а Финдлэтеръ, дѣлая разныя комбинаціи въ пользу Россіи и въ ущербъ Пруссіи и Австріи, совѣтуетъ Екатеринѣ поправить это, принявъ титулъ королевы Польской. Императрица

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 633, 634. [2]) Стр. 641. [3]) Стр. 644.

отвѣчала отъ 16-го сентября: «Выслушайте-ка о Польшѣ историческое евангеліе, которое я докажу какъ дважды два четыре. Польша сначалѣ и до 1386 года состояла изъ воеводствъ Краковскаго, Сендомирскаго, Мазовецкаго, изъ того, что называютъ Великой Польшей, по ту сторону Вислы. Въ 1386 году королева Польская Гедвига вышла замужъ за Ягеллона, великаго князя Литовскаго, происходившаго по прямой линіи отъ Владиміра I, великаго князя Русскаго, давшаго своему старшему сыну Изяславу Полоцкъ, а другому—Литву, которая по наслѣдству перешла въ родъ Изяслава. Итакъ я при раздѣлѣ не получила ни одной пяди польской земли: мнѣ дали то̀, что сами Поляки не переставали называть Червонной Русью, Кіевское воеводство, Подолію и Волынь съ главнымъ городомъ Владиміромъ, основаннымъ Владиміромъ I въ 992 году, Литва же никогда не была коренною частью Польши. Итакъ, не владѣя ни однимъ вершкомъ польской земли, какъ же я могу принять титулъ королевы Польской? Сверхъ того, если эта нація потеряла даже свое имя, то по моему мнѣнію она сама въ томъ виновата, уничтоживъ всѣ трактаты, обезпечивавшіе ея существованіе, не слушая никогда никакихъ резоновъ и дойдя наконецъ до такого разъединенія, что нельзя было найти двухъ человѣкъ, которые въ чемъ-нибудь были бы согласны между собою. Продажный народъ, испорченный, легкомысленный, болтливый. Всѣ они притѣснители, прожектёры, частныя имѣнія свои они роздали въ управленіе жидамъ, а тѣ высасывали кровь изъ народа, имъ же давали весьма мало: вотъ каковы Поляки. Они даже не знаютъ, что я не владѣю ни пядью польской земли, а сами предлагаютъ мнѣ быть ихъ королевой. Передъ тѣмъ они просили у меня внука, у Прусскаго короля — сына, у Вѣнскаго двора — эрцгерцога, и все это въ одно время, у Испанскаго короля—инфанта, у Бурбонскаго дома — одного изъ принцевъ, а у себя установляли законъ, чтобъ король былъ изъ рода Піастовъ. Вѣдь все это безсмыслица, но въ польской головѣ оно хорошо укладывается» [1]).

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 647, 648.

19-го сентября: «Если толстякъ Вильгельмъ выдастъ мнѣ своего болвана Мадалинскаго, я ему выдамъ моего простяка Костюшку, который все еще очень боленъ; я помѣстила его въ домѣ Штегельмана, гдѣ прежде жилъ покойный графъ Ангальтъ: при домѣ есть садикъ, въ которомъ онъ можетъ гулять. Онъ кротокъ какъ ягненокъ, но, я думаю, былъ бы не прочь подраться съ толстякомъ» [1]).

Отъ 3-го октября государыня пишетъ подъ заглавіемъ:

Оправдательная записка.

«Если вамъ станутъ разсказывать, что я налагаю секвестръ и конфискую имѣнія въ Литвѣ и въ моемъ участкѣ, то знайте всю правду. Секвестрованы были имѣнія тѣхъ, кто принималъ участіе въ заговорѣ, по которому Костюшко съ братіей взялись за оружіе. Во-вторыхъ, всѣ присягнувшіе, и потомъ возставшіе тѣмъ самымъ отказались отъ своихъ правъ, и имѣнія ихъ были конфискованы. Несмотря на это, я ежедневно возвращаю ихъ многимъ, потому что вѣдь я не очень зла, но все-таки хорошо если вы будете это знать. Что же касается староствъ, то это бывшія королевскія владѣнія; они могутъ быть возвращены только казнѣ, и я предпочитаю ихъ раздавать за заслуги, вмѣсто того чтобъ оставлять ихъ въ рукахъ людей сомнительной вѣрности. Итакъ извините меня пожалуйста» [2]).

Общее состояніе Европы. 1794 годъ.

Въ началѣ 1794 года Екатерина характеризуетъ общее замѣшательство дѣлъ въ Европѣ и опять возвращается къ выраженному уже разъ предчувствію появленія Наполеона, которое было такъ близко и совершенно измѣнило и направленіе умовъ и характеръ событій. Она писала отъ 11-го февраля: «Давно уже говорятъ, что въ южныхъ странахъ Европы обнаруживается

[1]) *Сб. И. О* XXIII, 650. [2]) Стр. 655, 656.

упадокъ. Однако всѣ туда ѣдутъ, вѣроятно чтобъ потереться объ этотъ упадокъ. А этому паденію такъ легко было помѣшать! На всякомъ шагу приходится удивляться, какъ это могло случиться! Я думаю, тутъ не мало виновата небрежность. Если Франція выпутается изо всего этого, она будетъ сильнѣе чѣмъ когда-либо; она будетъ послушна и кротка какъ овечка; но ей нуженъ человѣкъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ: ловкій, храбрый, стоящій не только выше своихъ современниковъ, но можетъ-быть и выше самаго вѣка. Родился ли онъ, или не родился? придетъ ли онъ? Все отъ этого зависитъ. Если таковой найдется, онъ поставитъ ногу, чтобъ остановить дальнѣйшее паденіе, и оно остановится тамъ, гдѣ онъ будетъ стоять: во Франціи или въ другомъ мѣстѣ...

«Скажите мнѣ когда-нибудь, знавали ли вы этого гадкаго аббата Сіэса, который, какъ кажется, былъ однимъ изъ великихъ дѣльцовъ во Франціи? Помните, къ какому обществу причисляли васъ два капуцина въ Петергофѣ? [1]) Вспомните также, что покойный король Прусскій увѣрялъ, будто Гельвецій сознавался ему, что главная цѣль философовъ — опрокинуть всѣ престолы, и энциклопедія имѣетъ только одну цѣль — уничтожить всѣхъ государей и всѣ религіи. Помните также, что вы никогда не хотѣли, чтобъ васъ причисляли къ философамъ. Да, вы были правы, что никогда не хотѣли быть причтены къ иллюминатамъ, ясновидцамъ, философамъ, потому что у нихъ всѣхъ, какъ доказываетъ опытъ, была одна цѣль — разрушать. Но что бы они ни говорили и ни дѣлали, міръ никогда не обойдется безъ хозяина и все-таки лучше для него временное заблужденіе *одного*, чѣмъ безуміе *множества*, приводящее двадцать милліоновъ людей въ ярость изъ-за одного слова: *свобода*, которой они не находятъ и тѣни, и за которой, безумцы, гонятся, никогда ее не достигая» [2]).

Объ отъѣздѣ турецкаго посланника и о перспективѣ новой

---

[1]) Намекъ на одинъ маскарадъ въ Петергофѣ, на которомъ сама государыня интриговала Гримма въ бытность его въ Россіи.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 592, 593.

войны съ Турціей государыня писала отъ 13-го февраля: «Марабутъ уѣхалъ и уѣзжая заявилъ родъ протеста, что ему будто бы не дали удовлетворительнаго отвѣта на нѣкоторые пункты мирнаго договора, который ему захотѣлось измѣнить. Только-то! Отъ насъ зависитъ принять этотъ протестъ за предвѣстіе объявленія войны. Кромѣ того, Высокая Порта заготовляетъ громадные запасы въ Молдавіи и Валахіи и подъ предлогомъ наказанія скутарійскаго паши собираетъ значительное войско и строитъ два моста: одинъ на Дунаѣ близь Исакчи, а другой на Прутѣ около Рябой могилы. NB. все это никогда у нихъ не дѣлается въ мирное время, а только когда готовятся къ войнѣ съ Россіей. Итакъ не принимать своихъ предосторожностей значило бы уподобиться цаплѣ. Есть очень любопытный анекдотъ объ этомъ только что уѣхавшемъ отсюда посланникѣ-марабутѣ, будто надо было почти что палками выгонять его свиту изъ Петербурга, потому что они, кромѣ десяти, двѣнадцати человѣкъ, всей компаніей умоляли, чтобъ имъ позволили здѣсь остаться; даже нѣкоторыя изъ женъ повыпрыгали отъ него изъ оконъ. Ну ужъ видно дѣла плохи, если имъ захотѣлось оставаться у христіанъ!» [1]).

Когда, послѣ свиданія съ лордомъ Элліотомъ, Гриммъ описывалъ императрицѣ, какъ онъ съ жаромъ убѣждалъ его въ необходимости согласія Англіи съ Россіей по дѣламъ Франціи, то она отвѣчала на это: «Кажется, лордъ Эллiотъ ловко увернулся, когда вы ему приставили ножъ къ горлу. Эти дѣла — послѣдствіе ужаснаго злопамятства С. Джемскаго двора противъ меня за Америку, по поводу которой я въ свое время довольно наговорила имъ истинъ; особливо же за вооруженный нейтралитетъ. Король Георгъ отъ природы склоненъ къ ненависти, а королева Шарлотта — пруссачка до мозга костей; однако оба сына Прусскаго короля ускользнули отъ нея, хотя у нея семь дочерей невѣстъ: правда, что они женились на ея племянницахъ, и это должно бы уменьшить ея горе. Что касается Пруссака Борка, онъ завзятый

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 595.

смутникъ, такъ же какъ пруссакъ Герцбергъ, извѣстный грубый педантъ и необтесанный померанецъ: этого довольно. Я полагаю, что онъ тогда царствовалъ, а г. Луккезини управлялъ и велъ дѣла моей маленькой неблагодарной (Польской республики) съ такимъ необыкновеннымъ тщеславіемъ, какое сродно только выскочкамъ. При всемъ этомъ приходится только пожимать плечами»[1]).

На похвалы Гримма наслѣдному принцу Прусскому, который, по его мнѣнію, долженъ былъ поднять свой родъ и подавалъ большія надежды, Екатерина отвѣчала: «О любезный многострадальный! Ты все еще въ восторгѣ отъ нѣмецкихъ принцевъ. Тотъ, котораго ты теперь хвалишь, говорятъ, какъ двѣ капли похожъ даже видомъ и осанкой на знаменитаго ландграфа Гессенъ-Дармштадтскаго, явившагося нейтральнымъ въ собственномъ дѣлѣ и у котораго теперь цѣлые батальйоны устремились къ карманьйоламъ.—Симъ, Хамъ и Іафетъ, сыновья Ноя, чьи были дѣти? — спросилъ разъ у экзаменуемаго на священство одинъ испанскій епископъ. И вы не задумайтесь, какъ тотъ экзаменуемый. Откуда же берется у васъ смѣлость надѣяться? И говорите послѣ того, что многострадальный въ нихъ не влюбленъ»[2]).

15-го февраля: «Вы пишете, что непоправимымъ несчастіямъ надо противопоставлять спокойствіе и покорность. Вы этому научились отъ вашего отца, а то же самое говорилъ и покойный г. Вагнеръ древней памяти. Прощай, многострадальный, будь здоровъ. Я не больна, потому что присутствовала вчера и третьяго дня на двухъ балахъ, гдѣ наша молодёжь веселилась до упаду; сегодня я отъ этого упражненія очень устала, а вечеромъ буду присутствовать на третьемъ. Вы спросите меня, отчего столько баловъ сряду, а я вамъ отвѣчу: потому что масляница и послѣдняя недѣля, которую я провожу среди праздниковъ, театровъ или писанья къ вамъ, а хронологія[3]) за то отдыхаетъ»[4]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 596. [2]) Стр. 598.

[3]) Годы 1794 и 1795 Екатерина всего усерднѣе занималась русской исторіей.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 599.

31-го марта: «Вотъ крѣпостныя пушки палятъ въ ту минуту какъ я беру перо, чтобъ сообщить вамъ, что Нева вскрылась и начнется навигація нынѣшняго года,—года, въ который у насъ почти не было зимы, ни снѣгу на семьдесятъ верстъ вокругъ Петербурга.... Вы говорите, что отомстите когда-нибудь за обвиненіе Вольтера, будто онъ приготовилъ революцію, тѣмъ что назовете ея настоящихъ виновниковъ. Пожалуйста назовите мнѣ ихъ и скажите, чтó вы объ этомъ знаете» [1].

Въ тотъ же день послѣ обѣда: «Не знаю, чтó за выходъ былъ у г. Кутузова, посланника въ Константинополѣ, чтó за праздникъ въ мои именины; кто же читаетъ о выходахъ и праздникахъ въ газетахъ, кромѣ васъ? Но мнѣ сдается, что послѣ выхода помянутаго превосходительства и его переговоровъ съ гадкимъ марабутомъ, бывшимъ здѣсь, вы прочтете въ тѣхъ же газетахъ объявленіе войны султана Селима мнѣ, а можетъ-быть и обѣимъ имперіямъ вмѣстѣ» [2].

1-го апрѣля: «Не знаю, кто былъ этотъ многозначительный человѣкъ, присутствовавшій на балѣ посланника Кутузова; онъ никогда объ этомъ не поминалъ, или я забыла. Но говорятъ, что султанъ Селимъ недавно давалъ балъ на европейскую ногу въ своемъ seралѣ. Не знаю, состоялъ ли этотъ балъ изъ однихъ мужчинъ, или изъ однѣхъ женщинъ, иначе это былъ бы скандалъ ни на что не похожій у мусульманъ. Вы очень правы, говоря, что ребячество Французовъ сквозитъ у нихъ даже изъ-за ихъ звѣрства. Пачкуны же (die Köther) помогаютъ безумцамъ, потому что сами пачкуны—безумцы. И теперь, какъ и вначалѣ, все что возможно сдѣлать путнаго, должно исходитъ изъ французскихъ рукъ съ поддержкою другихъ державъ, но при этомъ не надо бы заявлять о намѣреніи захватовъ, завоеваній и проч. Города сдавались бы Французамъ и только въ крайности сдадутся завоевателямъ, отъ-

---

[1]) 599. Отвѣта Гримма на этотъ вопросъ нѣтъ и въ новыхъ его письмахъ, такъ какъ письма 1794 г. идутъ только до апрѣля.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 600.

явленнымъ врагамъ государства. Можно бы написать цѣлые томы о глупости пачкуновъ, и всѣ они дѣйствуютъ одинаково»[1]).

Въ Таврическомъ дворцѣ 3-го апрѣля: «Но послушайте, я вчера вспомнила, что вы мнѣ не разъ говорили, что нашъ вѣкъ — переходный. А я говорю, что этотъ переходъ заключается въ томъ, чтобъ приготовить грязныя дѣла и грязныхъ людей всякаго рода, которыя произвели, производятъ и будутъ производить безконечныя бѣдствія и сдѣлаютъ безчисленное множество несчастныхъ. Еслибъ эти эмигранты, о которыхъ вы мнѣ говорите, могли сплотиться во Франціи, то имъ было бы тамъ лучше, чѣмъ гдѣ-либо, и вотъ почему я уже два года проповѣдую принцамъ Бурбонскаго дома овладѣть хоть какъ-нибудь первой лачужкой, которая имъ попалась бы въ руки, потому что эта лачужка послужила бы имъ ядромъ, но они въ Кобленцѣ мѣтили на Страсбургъ; а этотъ кусокъ былъ имъ не по силамъ, и кромѣ того никуда не годился: вотъ они его и не получили. Правда, что я не спѣшила отвѣчать многимъ эмигрантамъ, потому что изъ первыхъ, принятыхъ мною, кромѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей, на службѣ ни одинъ не остался; я полагала, что они собираются возвратиться въ отечество и что чѣмъ значительнѣе ихъ число, тѣмъ лучше будетъ. Маркизъ Жюйнье писалъ мнѣ о поступленіи ко мнѣ на службу; я знаю, что это человѣкъ достойный уваженія, но его военныя способности мнѣ неизвѣстны, онъ долженъ быть очень старъ, и вы весьма хорошо ему отвѣчали»[2]).

27-го августа того же года государыня писала: «По послѣднимъ письмамъ изъ Гама, маршалъ сопровождаетъ графа д'Артуа въ Англію; это лучшее, чего онъ могъ ожидать для праваго дѣла; я увижу какъ дѣла́ повернутся тамъ и чѣмъ будетъ мнѣ можно помочь этому достойному человѣку. Я не отчаиваюсь въ возвращеніи эмигрантовъ во Францію, и по этому пункту, какъ и по многимъ другимъ, я вовсе не раздѣляю мнѣнія героя Брауншвейгскаго; напротивъ, сквозь всѣ тучи, застилающія горизонтъ,

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 600. [2]) Стр. 601.

я вижу, что эта минута — одна изъ самыхъ благопріятныхъ для возвращенія къ порядку. Вся Франція измучена, особливо провинціи, этимъ царствомъ злодѣйства, и увѣрена, что изъ Вандеи выйдетъ спасеніе Франціи; я тоже этому вѣрю и въ этомъ убѣждена. Пора всѣмъ державамъ признать, какъ и я признаю́, Людвига XVII королемъ, пора выдвинуть впередъ его друзей и родныхъ и дать имъ средства отправиться туда, куда призываетъ ихъ долгъ и всеобщая необходимость для возстановленія религіи и короля!» [1]).

28-го августа: «Вы говорите мнѣ, что императоръ поѣхалъ, чтобы стать во главѣ своей арміи; мы съ тѣхъ поръ видѣли, что онъ выигрывалъ сраженіе за сраженіемъ, не подвигая однако дѣла впередъ, и потомъ вдругъ неожиданно вернулся въ Вѣну, отчего покинули Нидерланды и проч. и проч. и проч. и потомъ вы задаете вопросы объ обязанностяхъ государей, вопросы похожіе на проповѣди, которыми я конечно постараюсь воспользоваться. Но скажите мнѣ, многострадальный, выбиралъ ли кто-нибудь своихъ министровъ и другихъ чиновниковъ болѣе съ голоса общественнаго мнѣнія, нежели Людовикъ XVI? И мы видѣли, что́ изъ этого вышло» [2]).

Затѣмъ государыня говоритъ о томъ, что во всякой странѣ можно найти людей, но надо умѣть управлять ими, надо пользоваться и тѣмъ, что́ есть подъ рукою, и приводитъ въ примѣръ Петра Великаго, у котораго нѣкоторые сподвижники не умѣли ни читать ни писать, а все шло, потому что была *та сила*, которая все приводила въ движеніе [3]). Потомъ она опять переходитъ къ сужденію объ императорѣ Францѣ II, и говоритъ: «Потому, что тотъ или другой ограниченъ, не значитъ, что и хозяинъ ограниченъ. Этого вовсе нельзя сказать о Францѣ II; напротивъ, этотъ государь показываетъ мужество и честолюбіе. Онъ урвался ото всѣхъ, чтобы ѣхать въ армію; вотъ это — было его

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 606. [2]) Стр. 607.

[3]) См. выше въ главѣ «Литературные труды, исторія и политическая мудрость».

дѣло, и это хорошо. Онъ пойдетъ, и надѣюсь пойдетъ самъ, когда увидитъ и убѣдится, что понимаетъ лучше другихъ. Въ молодости, въ первые годы хорошо и послушать; потомъ увидимъ. У нихъ *былъ орелъ*, и они его не оцѣнили. Этотъ орелъ говорилъ мнѣ о своемъ племянникѣ и спрашивалъ, что́ я о немъ думаю; на это я просила его задавать тому вопросы. Онъ отвѣчалъ мнѣ охотно и обстоятельно на всякій вопросъ; тогда я ему́ сказала: «Ну вашъ племянникъ уменъ и честолюбивъ и я поддерживаю свое мнѣніе» [1]).

1-го сентября: «Смѣю надѣяться, что въ эту минуту Англія, призывая графа д'Артуа, начнетъ съ математической точки: съ признанія законнаго короля Франціи, и разъ установивъ эту точку, будетъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, потому что этотъ пунктъ важенъ болѣе чѣмъ когда-либо; я убиваюсь, повторяя это: это начало, а безъ начала не можетъ быть и конца» [2]).

30-го сентября: «Послушайте вы, которые теперь находитесь въ центрѣ Священной Римской Имперіи: скажите, что же наконецъ станется съ этой имперіей? Одно курфиршество уже почти потеряно; два другія въ самой большой, самой неминуемой опасности, а защитники ея? Король Прусскій, напримѣръ:—имъ руководитъ весьма рѣшительно маркизъ Луккезини. Нѣтъ низости, которую бы онъ его не заставилъ сдѣлать: онъ такимъ образомъ ведетъ его прямо къ дьяволу» [3]).

Отъ 1-го октября: «Но послушайте, многострадальный, вы, будучи однимъ изъ оракуловъ Германіи, должны бы были вразумить герцога Веймарскаго, что сестра, когда братъ ея умираетъ безъ другихъ наслѣдниковъ кромѣ нея, дѣлается наслѣдницей всей ему принадлежавшей собственности, и что тогда не отыскиваютъ потомковъ прабабушки, когда ближайшая изъ потомковъ послѣдняго владѣтеля жива. Представьте себѣ: его высочество извѣстилъ меня письмомъ, что посылаетъ мнѣ огромную диссертацію, долженствующую убѣдить меня, что онъ—наслѣдникъ моего брата, а вовсе

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 608. [2]) Стр. 610. [3]) Стр. 612.

не я въ княжествѣ Іеверъ. А это княжество также мало принадлежитъ ему, какъ и привязанность жителей этой страны, которые несказанно гордятся тѣмъ, что они мои подданные, и уже вездѣ хотѣли водрузить русскій гербъ и носить зеленые съ краснымъ казакины; но я посовѣтовала имъ сохранить гербъ княжества. Я передала управленіе моей невѣсткѣ, и по неотступной ихъ просьбѣ послала имъ свой портретъ во весь ростъ. Они будутъ какъ нельзя болѣе несчастливы, когда узнаютъ, что его в—ство оспариваетъ у меня это владѣніе. Мнѣ кажется изъ этого письма, что г. Гёрцъ, застегнутый, прежній воспитатель его высочества, передалъ отъ имени герцога Веймарскаго моему уполномоченному въ Регенсбургѣ, что его в-ство готовъ бы былъ уступить мнѣ свои мнимыя права за вознагражденіе. Не могли ли бы вы узнать у герцога Саксенъ-Готскаго въ чемъ бы, напримѣръ, это вознагражденіе могло заключаться, такъ какъ я желала бы, чтобъ мнимое его право осталось за мной? Въ сущности герцогъ Веймарскій имѣетъ не болѣе правъ, чѣмъ самъ герцогъ Саксенъ-Готскій, который тоже потомокъ одной изъ сестеръ принца Ангальтъ-Цербстскаго, владѣльца Іевера, отъ котораго и наслѣдовали его мой дядя и мой отецъ, а стало-быть и мой братъ, котораго я единственная законная наслѣдница. Однако я не слышу ни слова о претензіяхъ Готскаго дома, тогда какъ герцогъ Веймарскій ихъ заявляетъ. Я почти въ состояніи подумать, что отвратительная политика Берлинскаго кабинета подстрекаетъ этого претендента, чтобы купить у него его права, въ случаѣ моего отказа, а въ самомъ дѣлѣ, чтобы по времени присоединить княжество Іеверъ къ восточной Фрисландіи. Эти люди такъ гнусно коварны, что отъ нихъ можно ожидать всего, что нравственно не хорошо... Если царствованіе курфирста Саксонскаго отличается мудростью, то справедливость не всегда его сопровождаетъ, потому что онъ удерживаетъ по смерти моего брата у Ангальтскаго дома округъ, которымъ онъ владѣлъ непрерывно болѣе двухсотъ лѣтъ» [1]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 613.

Копія съ письма ея императорскаго величества герцогу Саксенъ-Веймарскому отъ 23-го марта 1795 года:

«Милостивый государь, двоюродный мой братецъ, письмо вашего высочества, вмѣстѣ съ приложенною къ нему родословною, доказывающею права ваши на наслѣдство Іевера, происходящія отъ вашей прабабушки, принцессы Софіи Августы Ангальтъ-Цербстской, дошло до меня исправно. Я увѣренъ, что в. в., разсмотрѣвъ сами подробнѣе эти права, безъ труда убѣдитесь, что въ качествѣ сестры и единственной законной наслѣдницы моего брата, я имѣла неоспоримое право распорядиться всѣмъ этимъ наслѣдствомъ, какъ только оно мнѣ досталось; и потому вамъ легко будетъ вывести изъ этого заключеніе, что отъ меня уже не зависитъ сдѣлать по этому поводу какое-либо другое распоряженіе».

«Съ чувствомъ искренняго уваженія и пр.» [1]).

29-го ноября: «Если страхъ нападетъ на многострадальнаго, какъ онъ напалъ на Англичанъ и Голландцевъ, то надѣюсь, что онъ не оставитъ ни въ одномъ изъ покинутыхъ имъ мѣстъ того, что не должно тамъ оставаться. Впрочемъ, для васъ нѣтъ ничего проще, какъ путешествовать налегкѣ, оставивъ только необходимое и бросивъ въ огонь все лишнее, а въ настоящія времена всего умнѣе такъ поступить, чтобъ путешествовать безопасно. Что касается Голландцевъ, я бы имъ посовѣтовала заложить ворота своихъ крѣпостей: тогда нельзя было бы выходить изъ однихъ, пока отворяютъ другія непріятелю. Къ чему эти громадные расходы на постройку и содержаніе крѣпостей, которые они дѣлали, когда всѣ были сданы даже безо всякой осады? Еще другое правило: что никакой генералъ не долженъ напиваться, развѣ онъ предыдущими побѣдами пріобрѣлъ право выпить лишнюю чарочку» [2]).

8-го декабря: «Я получила черезъ Ливіо ваше письмо отъ 12-го ноября, и такъ какъ я изъ него увидѣла, что вы мнѣ имѣете

---

[1]) Копія эта писана рукою неизвѣстнаго лица. *Сб. И. О.* XXIII, 614.

[2]) Стр. 614, 615.

что-то сообщить, то велѣла послать вамъ этого нарочнаго. Я не въ состояніи окончить этого письма, потому что у меня на головѣ что-то похожее на рожу, и я отъ нея страдаю ужасно и ничего не могу дѣлать. Вотъ двѣнадцать дней какъ я не сплю и ничего не ѣмъ, а доктора просто нелѣпы. Я твержу имъ до упаду, что эта боль нервная, и сегодня — я окончательно взбунтовалась, начала́ лѣчить свою боль какъ нервную, и стала употреблять, какъ самое сильное противосудорожное средство изъ мнѣ извѣстныхъ, Бестужевскія капли, и вотъ я спала часъ и могу вамъ писать, и вотъ доктора дураки, а я права» [1]).

По отношенію къ безпокойствамъ въ Польшѣ и угрозъ Турціи государыня писала отъ 15-го декабря: «Мы вооружены и должны такимъ образомъ до сихъ поръ стоять сложа руки; надо кончить начатое, прежде чѣмъ вмѣшиваться въ чужія дѣла [2]), въ которыхъ съ нами не согласны, и гдѣ начали свой менюэтъ съ лѣвой ноги и танцуютъ не въ тактъ, а притомъ, если всѣ влюблены въ эту игру, то зачѣмъ ихъ лишать ея. Не бойтесь, они раскаются и дѣло кончится само собою, безо всякой выгоды и славы для кого-либо, кончится — взаимнымъ истребленіемъ [3]).

1795 годъ.

22-го января: «Я получила ваше письмо отъ 31-го декабря минувшаго года. Такъ какъ соперничество между державами превозмогло всѣ другія добродѣтели, то результатомъ этого явились три злосчастныя кампаніи, которыя мы видѣли: трактаты не соблюдаются, торжественныя обѣщанія нарушаются; итакъ они пожнутъ только стыдъ. Одни Англичане въ эту минуту говорятъ:—не должно быть безчестнаго мира;—я совершенно одного съ ними мнѣнія. Какъ заключать миръ съ злодѣями, съ цареубійцами, которыхъ коварство обнаруживается на каждомъ шагу?

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 615.

[2]) Т. е. французскія.

[3]) Стр. 617.

Чего можетъ ожидать Германія отъ этого мира, который у нея выторговываютъ, кромѣ разоренія настоящаго и будущаго? Не лучше ли, не почетнѣе ли было бы, спрашиваю васъ, вооружиться сильно, дѣйствовать съ энергіей для общей защиты; наконецъ итти прямо и оттѣснить республиканскій сбродъ въ ихъ прежніе притоны, гдѣ голодъ покончилъ бы съ этимъ прекраснымъ правленіемъ—порожденіемъ ада. Удивительно, какъ многіе не видятъ, что у нихъ самая почетная роль, и не умѣютъ ее сыграть, потому что имъ мѣшаютъ въ этомъ въ самыя рѣшительныя минуты кривыми видами, не приносящими никакой чести. Я говорила выше: безъ чести не можетъ быть мира. Я скажу болѣе: безъ чести не можетъ быть ни выгоды, ни пользы, и я говорю правду. Смѣю прибавить, что я берусь доказать то, что говорю. Но я боюсь, что проповѣдывать благородный и открытый образъ дѣйствій—значитъ проповѣдывать глухимъ, потому что для осуществленія его, надо бы вымести со сцены по крайней мѣрѣ двѣ трети актеровъ: одну треть якобинцевъ, другую треть кривотолковъ изъ тщеславія: тогда осталась бы одна треть здравомыслящихъ. Прощайте, будьте здоровы» [1]).

1-го февраля 1795 года: «Скажу вамъ, что если не прекратятъ всѣхъ этихъ химерическихъ и безумныхъ переговоровъ о мирѣ, кокорые должны покрыть позоромъ всѣхъ ихъ изобрѣтателей, дѣльцовъ и посредниковъ, и если, не теряя ни минуты, не возьмутся за самыя энергическія мѣры продолженія войны противъ Франціи честно и открыто, отославъ къ дьяволу всѣ мелочныя соперничества, всѣ старые счеты, всѣ пошлыя двуличности, всѣ измѣны своему слову, обычныя у людей фальшивыхъ и мнительныхъ, и отъ которыхъ пожинается только стыдъ, я пророчу, что тогда достанется всѣмъ державамъ безъ исключенія то же, что досталось Голландіи, и ихъ всѣхъ постигнетъ кара небесная [2]), которая можетъ употребить руку отвратительнѣйшихъ злодѣевъ, чтобъ задавить ихъ всѣхъ. И это не слова́, и не надо

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 618.

[2]) Не постигла ли она дѣйствительно всю Европу въ лицѣ Наполеона I?

видѣть особенно далѣе своего носа, чтобъ получить на каждомъ шагу не одно доказательство тому. Война была бы давно кончена, еслибъ слушали моихъ совѣтовъ, еслибъ приняли начала, мною давно предлагаемыя. Вмѣсто того, чтобъ избрать настоящія средства для приведенія дѣла къ концу, увязли теперь въ грязи по уши. Если теперь не послушаютъ меня, будьте увѣрены, что настанетъ всеобщее разрушеніе. Я вамъ это говорю: я роковой пророкъ, и къ несчастію никогда не ошибалась. Пришлю вамъ десять тысячъ для раздачи бѣднымъ, но если возможно, не говорите откуда они, и потому всѣмъ ходатайствующимъ, о которыхъ вы мнѣ писали, перешлите при письмахъ сколько-нибудь пособія, не называя отъ кого; вы можете даже скрыть и свое имя, чтобъ не подозрѣвали меня» [1]).

7-го апрѣля: «Вотъ король Прусскій собирается заключить позорный миръ съ цареубійцами, и этимъ сдѣлаетъ всѣхъ счастливыми и спокойными. Если онъ на это рѣшился, то можно сказать, что никто не принесъ такой великой жертвы міру, какъ король Прусскій, потому что онъ этимъ теряетъ репутацію, честь, доброе имя, а можетъ быть даже покой и государство, и проч. и проч., а кромѣ того онъ сдѣлается первой жертвой обмана въ Европѣ. Такъ какъ Французы удаляются къ Исселю, какъ говорятъ въ эту минуту, надѣюсь что мои добрые граждане Іевера спасутся отъ грабежа; впрочемъ, это такой маленькій уголокъ, упирающійся въ море, что надо ихъ отъискивать, чтобъ найти; онъ такъ ничтоженъ, что не стоитъ дѣлать крюкъ, чтобы посѣтить ихъ.

«Благодарю васъ за отрывки изъ Рейнсберга, которые вы для меня выписали. Я вовсе не поручала опредѣленнымъ образомъ князю Волконскому нарочно ѣхать въ Рейнсбергъ, чтобъ передать привѣтствія принцу Генриху. Этотъ отрывокъ имѣетъ характеръ хвастовства выскочки, который очень радъ посѣщенію двухъ, трехъ лицъ, пріѣхавшихъ къ нему. Отчего это? оттого

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 619.

что онъ вовсе къ этому не привыкъ, что его к. в. вполнѣ убѣжденъ, что только онъ одинъ видѣлъ дѣла въ настоящемъ свѣтѣ. О крайнихъ глупостяхъ г. Герцберга я согласна съ мнѣніемъ его к. в., и судя по тому, что вы мнѣ сообщаете по памяти изъ трехъ писемъ, написанныхъ этимъ ярымъ человѣкомъ королю Прусскому, я считаю его помѣшаннымъ. Но куда же его к. в. хочетъ ѣхать со своимъ скарбомъ? Не въ Америку ли, куда переѣхали многіе конституціоналисты? Да и самъ онъ, кажется, того же настроенія; когда онъ писалъ вамъ то, что называетъ нескромными откровеніями, мнѣ кажется, онъ желалъ, чтобъ племянникъ прочелъ ихъ. Это мнѣ напомнило анекдотъ, кажется того же времени, какъ одинъ изъ чиновниковъ его племянника разсказывалъ кому-то изъ нашихъ, что если принцъ Генрихъ будетъ такъ дѣйствовать и говорить, то наконецъ король его племянникъ вынужденъ будетъ запереть его въ Шпандау.

«Графъ обѣихъ имперій выдаетъ дочь свою замужъ за старшаго брата Платона Зубова: этого брата зовутъ Николаемъ. Самъ фельдмаршалъ позвалъ его и сказалъ: «Вы храбры и честны; сдѣлайте мнѣ удовольствіе, женитесь на моей дочери». Тотъ согласился на это. Признаюсь, эта свадьба самая удачная, какую я видѣла»[1]).

8-го апрѣля: «Вы можете быть увѣрены, что любезный дядюшка (принцъ Генрихъ) надоѣлъ своему королевскому племяннику и несносенъ также для окружающихъ его. Всѣ дѣльцы тамошніе имѣютъ свои претензіи; каждый изъ нихъ захватываетъ ниточку и дергаетъ за ногу картоннаго плясуна (Pantin), но плясунъ остается плясуномъ, а всякій плясунъ имѣетъ смѣшную наружность, движется только искуственно, безъ всякаго благородства и стройности; хоть онъ и громаденъ, а силы у него отъ этого не много. Принцъ Генрихъ въ своемъ письмѣ очень напираетъ на два пункта: одинъ—это конституціонный король, другой—пребываніе графа д'Артуа въ Петербургѣ. Этотъ конституціонный король, при задуманномъ союзѣ Франціи съ Пруссіей—совершенное противорѣ-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 623, 624.

чіе; это значитъ лишить короля Прусскаго могущественныхъ союзниковъ, давъ ему союзника на картинкѣ. Графъ д'Артуа не дѣлалъ ничего особеннаго въ Петербургѣ; онъ былъ здѣсь принятъ какъ братъ короля, дружески и гостепріимно; отсюда онъ поѣхалъ въ Англію, гдѣ его не приняли, а оттуда возвратился въ Гамъ... Я утверждаю, наперекоръ принцу Генриху, что только неограниченная власть будетъ охотно принята французскимъ народомъ и никакое другое правительство не будетъ въ состояніи успокоить внутреннія волненія во Франціи. Франція до крайности утомлена республиканизмомъ, который причинилъ ей столько вреда. И потомъ всякая республика кончается монархіей. Загляните во всемірную исторію, посмотрите на игры дѣтей, животныхъ: всѣ ли они равны силою, и не сильнѣйшій ли побѣждаетъ другихъ? . . .

«Я не дамъ ни малѣйшаго куска братцу Гю (Вильгельму Прусскому), потому что сколько ни давай ему кусковъ и гиней, онъ всѣ ихъ возьметъ себѣ, а поступать будетъ по-своему, не имѣя ни чести, ни совѣсти, ни сердца, и едва зная только по имени, что такое честь и слава. . . Я отъ всей души согласна на повѣшеніе Луккезини и дала бы въ прибавокъ къ нему собратій его Манфредини и Карлети и еще съ пол-дюжины другихъ, которыхъ предоставляю себѣ назвать въ свое время. Его прусское в. теперь занимается возбужденіемъ новыхъ польскихъ свинствъ. Ужъ если это ему удастся, то обѣщаю вамъ, что онъ дорого за это поплатится. Что же это такое за вѣчный трудъ у принца Генриха? Всѣ знаютъ, что ему нечего дѣлать: это кумушка-сплетница, и больше ничего. Вы можете быть увѣрены, что племянникъ будетъ въ восхищеніи если онъ возвратится въ Рейнсбергъ и переѣхалъ въ Потсдамъ ранѣе обыкновеннаго, только затѣмъ, чтобъ выжить дядюшку изъ Берлина. . . Онъ говоритъ, что у него важныя дѣла. Я ничему этому не вѣрю: это франтъ, который, желая увѣрить всѣхъ, что у него интересныя свиданія, покидаетъ веселое общество и запирается у себя, чтобъ скучать одному.

«Я слышала объ англійскомъ посольствѣ въ Китай; но съ этими людьми ничего не подѣлаешь: они всегда сидятъ по уши въ своихъ преданіяхъ и обычаяхъ и не могутъ высморкаться, не справляясь съ ними. Я полагаю, что деньги, израсходованныя на это посольство, могли быть лучше употреблены: напримѣръ, овладѣвъ голландскими колоніями въ этихъ странахъ, чтобъ онѣ не попали во французскія руки, а также мысомъ Доброй Надежды. Надѣюсь, что г. Питтъ догадался туда послать эскадру [1]). . .

10 апрѣля. «Господа Литовцы и Курляндцы прибыли сюда, не затѣмъ чтобъ предъявлять какія-либо условія, а чтобъ просить уравненія съ другими областями имперіи, то есть учрежденія у нихъ губерній. Я отвѣчала, что это само собою разумѣется и тотчасъ приступлено будетъ къ предварительнымъ распоряженіямъ, то есть къ устройству округовъ, къ раздѣленію дѣлъ на четыре категоріи, къ приготовленію зданій присутственныхъ мѣстъ и ихъ внутреннему распредѣленію. Все это займетъ не менѣе года; но такъ какъ эта процедура производилась уже до сорока и болѣе разъ, то теперь есть много людей освоившихся съ этимъ, и мало по малу это становится такъ же ясно какъ нотная бумага, и всѣ этимъ довольны, и я тоже» [2]).

Того же числа въ 4 часа послѣ обѣда: «Я раздѣляю чувство милорда Финдлэтера къ Malet Dupan [3]) и Неккеру: я нахожу ихъ обоихъ не только ненавистными, но кромѣ того болтунами и до невозможности скучными. Довѣрьтесь въ дѣлѣ контръ-революціи самимъ Французамъ: они съ этимъ покончатъ лучше всѣхъ союзниковъ. Они проворно распоряжаются. Я полагаю, что когда изверги-цареубійцы будутъ истреблены, явятся люди менѣе преступные, которымъ не будетъ болѣе выгоды защищать ихъ возмутительные парадоксы. Но, чтобъ быть съ успѣхомъ ихъ королемъ, надобенъ такой, который соединялъ бы многія качества и разнообразные пріемы. Надо бы имъ сказать между прочимъ: «Господа, я хочу блага всѣхъ и каждаго въ отдѣльности; это моя

---

[1]) *Сб И. О.* XXIII, 625, 626, 627. [2]) Стр. 630.

[3]) Издатель женевскаго Меркурія.

страсть и я въ этомъ нахожу свое благополучіе столько же, сколько и ваше; прошу васъ содѣйствовать мнѣ на этомъ поприщѣ». Послѣ этого слѣдовало бы вынимать одинъ за другимъ всѣ гвозди, впивающіеся въ политическое тѣло Франціи. Не надо бы спѣшить до усталости, но неутомимо работать, чтобъ каждый день сдѣлать что-нибудь для этой цѣли, удаляя препятствія, какъ скоро они будутъ представляться; выслушивать всякаго терпѣливо и благодушно, показывать всѣмъ довѣріе и добрую волю, и пріобрѣсти ихъ довѣренность большою справедливостью и непоколебимой твердостью въ правилахъ, принятыхъ для возстановленія порядка, спокойствія, всеобщей личной и имущественной безопасности. Всѣ споры и процессы надо отдавать въ судебныя мѣста, покровительствовать угнетеннымъ, не питать злопамятства и не быть пристрастнымъ. Если дать нечего, то и надо говорить:— у меня ничего нѣтъ, иначе охотно бы далъ вамъ.—А если будетъ что давать, то хорошо быть подъ-часъ и щедрымъ. И я васъ увѣряю, уже въ шесть мѣсяцевъ такого поведенія дѣла́ измѣнятся, или я позволяю вамъ сказать мнѣ, что я ни дать, ни взять братецъ Гю (Вильгельмъ). Такимъ образомъ благосостояніе само собой возродилось бы. Вѣдь наконецъ люди не пѣшки: правда, ихъ вели какъ барановъ, но народъ дѣлается умнѣе, когда выходитъ утомленный изъ сумятицы. Говорятъ, что переговоры въ Базелѣ въ эту минуту не двигаются съ мѣста; надѣюсь, что конвульсіи внутри Франціи оборвутъ ихъ нить.

«Какъ бы конвентъ ни грабилъ Голландію, онъ отъ этого не разбогатѣетъ; ея богатствъ едва хватитъ имъ на мѣсячный расходъ, все это пройдетъ у нихъ сквозь пальцы. Маршалъ Кастри, какъ и я, не любитъ отступленій, судя по его письму отъ 22 января, котораго копію вы мнѣ посылаете. Надо бы противъ сорокатысячнаго корпуса карманьйоловъ выставить сто тысячъ Австрійцевъ; и отъ чего это зависитъ? отъ одного слова: идите впередъ» [1]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 631, 632.

11-го апрѣля: «Еслибъ мы были на Рейнѣ съ Пруссаками, мы бы одни все тамъ сдѣлали по благородному нашему обычаю, и этимъ вдохнули бы въ другихъ соревнованіе хоть подавать видъ, что они что-нибудь дѣлаютъ...

«Самая святая обязанность, возстаніе, теперь воспрещается въ Парижѣ; это называется противорѣчіемъ собственнымъ началамъ, а съ этимъ далеко не уйдешь» [1]).

13-го апрѣля: «Вчера курьеръ привезъ сюда письмо отъ Прусскаго короля ко мнѣ, гдѣ онъ сообщаетъ о заключеніи мира съ бандитами-цареубійцами, подонками рода человѣческаго, которые покамѣстъ думали, что ихъ убьютъ въ Парижѣ и ни минуты не могутъ быть увѣрены въ своей безопасности. Итакъ великій Генрихъ втолкнулъ короля, своего племянника, въ поступокъ противный всѣмъ трактатамъ, заключеннымъ имъ съ императоромъ, съ Англіей и со мною. Они не рѣшились прислать мнѣ постыдныя условія этого мира, гдѣ, кромѣ измѣны своимъ союзникамъ, вѣроятно часть Германіи принесена въ жертву, не считая бѣдствій, которыя за этимъ послѣдуютъ. Французы поднесли королю Прусскому это настоящее 1-е апрѣля, въ то самое число, въ которое былъ заключенъ миръ. Полюбуйтесь-ка этой поспѣшностью сообщить мнѣ, что онъ два раза всѣхъ обманулъ, заключивъ этотъ отдѣльный миръ. Принцъ Генрихъ отъ души ненавидитъ своего племянника, потому что еслибъ онъ хотя сколько нибудь любилъ его, то никогда не подтолкнулъ бы его на поступки, столь же постыдные для него самого, сколько бѣдственные для остальной Европы и можетъ-быть всего болѣе для самого Прусскаго короля» [2]).

14-го апрѣля: «Я прочла цѣлый коробъ старыхъ новостей и подписываюсь подъ казнію аббата Сіэса. Если принцъ Генрихъ сдѣлается королемъ Франціи въ награду за постыдный миръ, навязанный имъ своему племяннику [3]), надо по крайней мѣрѣ на-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 633. [2]) Стр. 635.

[3]) По письмамъ Гримма принцъ Генрихъ хвасталъ, что этимъ миромъ обязаны ему.

дѣяться, что если онъ самъ не подпадаетъ подъ гильйотину, то расправится съ врагами своего дѣла; иначе мы скажемъ, что маленькій великій человѣкъ дѣлаетъ и внушаетъ жалкія и непростительныя вещи, и что у него и у его племянника нѣтъ ни чести, ни совѣсти, ни чувства.

«Все, что пишетъ маршалъ Кастри, носитъ на себѣ печать мудрости...

«Поздравляю васъ, что вы наконецъ прекратили сношенія съ гражданиномъ Неккеромъ. Помните ли, какое я всегда питала отвращеніе къ этому накрахмаленному фразёру, у котораго на всякой строчкѣ можно было прочесть написанное большими буквами: Я».

«Итакъ вотъ великіе дѣльцы, которыхъ совѣты такъ часто слѣпо принимаются; это заставляетъ дрожать за будущее, особливо когда видишь, что ни одинъ трактатъ не исполняется, что арміи вмѣсто того чтобъ итти впередъ, отступаютъ, что мелкіе, ревнивые взгляды преобладаютъ надъ широкими и спасительными и что итальянскіе проходимцы орудуютъ всѣмъ этимъ. Тутъ поневолѣ сдѣлаешься желчнымъ. Подписать Базельскій миръ значитъ сказать: «да здравствуютъ цареубійцы!» Спрашиваю васъ, можетъ ли какой король сказать это по чести и совѣсти. А если онъ это скажетъ, то подпишетъ собственный приговоръ» [1]).

11-го іюня. «Многострадальный! Вотъ два дня, какъ я получила ваши №№ 93 и 94 и всѣ подарки милорда Финдлэтера; прошу васъ передать ему мою благодарность; не знаю, чѣмъ я заслужила его расположеніе: вѣрно это *вы* ему наговорили обо мнѣ слишкомъ много хорошаго. Съ нетерпѣніемъ жду того, что ваше перо начертало подъ его диктовку... Княгиня Радзивиллъ въ Берлинѣ, и пишетъ оттуда, что женитъ своего второго сына, Антона, на дочери прусскаго принца Фердинанда. Я не мало удивлена этимъ бракомъ, который былъ бы невозможенъ двадцать лѣтъ назадъ, когда даже Курляндскій герцогъ получилъ отказъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 636, 637, 638.

отъ маркграфа Генриха. Это происходитъ отъ равенства сословій, тогда неизвѣстнаго [1])... Иные увѣряютъ, что принцъ Генрихъ Прусскій будетъ назначенъ цареубійцами въ опекуны Людовику XVII, когда они возстановятъ его. Если это такъ, то бьюсь объ закладъ, что черезъ шесть мѣсяцевъ его королевское высочество подпадетъ гильйотинѣ. . . .

«Я не виновата, что Англія заключила свой трактатъ съ нами такъ поздно. Политика и тактика многое испортили... Я полагаю, что причина голода во Франціи англійское крейсерство; но правда и то, что всѣ эти дѣла могли быть устроены справедливѣе, и покойнаго милорда Чатама недостаетъ во многихъ случаяхъ: многое несогласно съ обстоятельствами. Что же вы хотите чтобъ сэръ Элліотъ пережевывалъ въ Дрезденѣ? Вѣдь онъ только и можетъ пережевывать. Впрочемъ интриги отца шотландскаго пéра намъ не безызвѣстны; но вѣтеръ пусть уноситъ все это, тáкъ это неловко и достойно жалости во всѣхъ отношеніяхъ. Притомъ сэръ Элліотъ пустой мечтатель, который самъ куетъ слухи, когда ему нечего ковать иного; доказательство— его страхъ завоеванія Египта и пр. Они провидятъ будущее, а въ настоящемъ спотыкаются. Что касается дорогого посольства въ Китай, то цѣль его была извѣстна и никакого не могло быть сомнѣнія въ ея неуспѣхѣ: Китайцы слишкомъ недовѣрчивы, чтобъ дать обойти себя и очутиться въ положеніи подобномъ Индіи. Вымышленный охотскій флотъ — химера, никогда не существовавшая; развѣ станутъ называть этимъ именемъ два, три купеческія и не купеческія судёнышка, назначенныя для перевозки запасовъ въ разныя береговыя укрѣпленія» [2]).

12-го іюня: «Что касается претензій г-на Местмахера, я въ нихъ нахожу одинъ маленькій недостатокъ, который, если память

[1]) По поводу этого брака Финдлэтеръ сообщалъ Гримму, изъ Берлина, что тамъ замышляли Радзивилла отца, или сына, возвести на Польскій престолъ подъ покровительствомъ Пруссіи, и поднять Поляковъ противъ Россіи, снабдивъ ихъ оружіемъ; а по другимъ слухамъ хотѣли предъявить претензіи семейства Радзивилловъ на нѣкоторую часть Литвы.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 640, 641.

меня не обманываетъ, заключается въ томъ, что я запретила своимъ министрамъ (посланникамъ) брать въ аренду земли въ Курляндіи, и что никакихъ земель не было опредѣлено при назначеніи русскаго министра, и я не только не одобряю того, что дѣлалось въ этомъ родѣ, но чрезвычайно охуждаю это, какъ злоупотребленіе, недостойное званія и противное пользамъ службы и представительства нашего.... Впрочемъ, въ сентябрѣ 1788 г. у меня было другое въ головѣ и некогда было думать объ этомъ во всѣхъ отношеніяхъ весьма гадкомъ дѣлѣ: это было въ самый разгаръ войны съ Турціей и Швеціей, и событія легко вытѣсняютъ изъ памяти подобныя дрязги.

«Но послушайте, какая у меня непріятная исторія съ принцемъ Ксаверіемъ Саксонскимъ. Онъ помѣстилъ своего сына ко мнѣ на службу; я недавно произвела его въ полковники. Вдругъ онъ затѣялъ ссору съ маленькимъ княземъ Щербатовымъ, мальчикомъ лѣтъ 15, 16. Вмѣсто того чтобъ уладить дѣло, нашлись вздорные люди, которые его еще болѣе запутали; наконецъ дошло до того, что разъ, при выходѣ изъ театра, кавалеръ де Саксъ, встрѣтивъ этого молокососа, публично далъ ему пощечину, а молокососъ въ отвѣтъ ударилъ его маленькой, премаленькой тросточкой по лицу. Полиція вступилась и задержала обоихъ. Тогда какой-то г. Макартней собралъ толпу молодёжи и хотѣлъ отбить арестованныхъ у полиціи, но та исполнила свою обязанность. Былъ составленъ актъ, и кавалеръ де Саксъ и Макартней высланы за границу, съ запрещеніемъ возвращаться въ Россію, за нарушеніе закона и общественной безопасности и за публичное сопротивленіе полиціи. Теперь принцъ Ксаверій проситъ меня простить его сына, но я этого сдѣлать не могу. Пятнадцатилѣтняго молокососа отправили къ отцу въ деревню; пусть отецъ высѣчетъ его, если хочетъ, но онъ мальчикъ очень тихій, между тѣмъ какъ кавалеръ де Саксъ—взрослый верзила, вдвое выше и сильнѣе его, и здѣсь онъ уже начиналъ болѣе нравиться женщинамъ, чѣмъ мужчинамъ. Вообще, прескверная исторія! Я все сдѣлала что̀ слѣдовало, и менѣе чѣмъ въ 24 часа дѣло

было покончено и о немъ болѣе не говорятъ. По правдѣ сказать, всѣ эти эмигранты по большей части превздорныя головы; но одно изъ двухъ: или они перемѣнятся въ Россіи, или должны будутъ выѣхать. . . .

«Я посовѣтовала графу Валерьяну Зубову поселиться, пока я здѣсь живу, въ Таврическомъ дворцѣ: онъ послушалъ меня и это ему было въ пользу; надѣюсь, что онъ въ теченіе лѣта поправится; онъ только все вздыхаетъ о своей деревянной ногѣ, которую ему употреблять еще не позволяютъ» [1]).

31-го августа: «Что до меня касается, я считаю постыднымъ, если не признаютъ Людовика XVIII правителемъ, какъ скоро Людовикъ XVII умеръ [2]). Я въ этомъ смыслѣ говорила со своими союзниками. Если вторая экспедиція, для которой онъ поѣхалъ, удастся, вы увидите какъ всѣ поспѣшатъ признать Людовика XVIII, и республику отошлютъ къ дьяволу тѣ именно, кто имѣлъ глупость ее признать».

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 642, 643.

[2]) Ходилъ слухъ, что какъ только въ Европѣ зашла рѣчь о возстановленіи Людовика XVII, то его отравили. Въ бюллетеняхъ, которые присылались Гриммомъ императрицѣ за 1795 годъ о состояніи политики всѣхъ кабинетовъ, есть интересное сообщеніе одного англичанина, по протекціи проникшаго подъ видомъ національнаго гвардейца въ Тампль. Онъ разсказываетъ, что молодой принцъ, съ которымъ онъ заговорилъ, когда тотъ игралъ на дворѣ, сначала отвѣчалъ на всѣ вопросы его сдержанно, но узнавъ, что онъ англичанинъ, сдѣлался откровеннѣе и говорилъ о своихъ надеждахъ быть черезъ пять лѣтъ королемъ Франціи. О своемъ содержаніи онъ сообщилъ, что при Робеспьерѣ и Симонѣ съ нимъ обращались безчеловѣчно и послѣдній даже билъ его, но теперь ему гораздо лучше; онъ ни въ чемъ не нуждается, ему даны учителя: чистописанія, языковъ, математики, танцевъ и рисованія; что у него нѣтъ недостатка въ книгахъ и съ мѣсяцъ уже ему даютъ читать газету. На вопросъ о сестрѣ, онъ отвѣчалъ, что теперь ея здоровье получше и они часто видятся за столомъ. Англичанинъ прибавляетъ, что видъ у принца былъ совершенно здоровый и что онъ нашелъ въ немъ умъ и тактъ выше его возраста. Въ этихъ же бюллетеняхъ за 1796-й годъ находится интересное описаніе переѣзда несчастной сестры дофина, послѣ смерти его, въ Австрію черезъ Швейцарію и какъ она въ слезахъ прощалась съ сопровождавшими ее изъ Франціи, столь неумолимо жестокой ко всему ея семейству, и оплакивала судьбу родины, желая ей прекращенія всѣхъ ея бѣдствій.

«Я премного благодарна лорду Финдлэтеру, что ему благоугодно постоянно заниматься благополучіемъ моей имперіи. До сихъ поръ китайское посольство принесло Англіи только лишніе расходы. Что касается интригъ съ Игнатіемъ Потоцкимъ, вы знаете какъ онѣ всѣ кончились. Если Англія захочетъ сдѣлать высадку въ Перу, Испанія даетъ ей къ тому отличный случай, такъ какъ своимъ миромъ съ Франціей нарушила утрехтскій договоръ.

«Ничего нѣтъ для меня забавнѣе, какъ проекты союзовъ Прусскаго короля и Англійскаго съ Шведами, Датчанами, Турками, съ конвентомъ цареубійцъ: это значитъ опутываться паутинами» [1]).

Когда Гриммъ писалъ Екатеринѣ, что молодой Австрійскій императоръ утомляетъ себя ненужными пріемами, она отвѣчала отъ 11-го сентября: «Іосифъ II уходилъ себя пріемами до сотни въ день; удивительно, что отъ этого не исправляются въ Вѣнѣ: такіе пріемы совершенно безполезны и много уносятъ времени. Я говорила это покойному; онъ зналъ обо всемъ, кромѣ какъ о настроеніи умовъ и революціи въ Нидерландахъ; я была свидѣтельницей его удивленія, когда онъ получилъ о томъ первое извѣстіе. Онъ пришелъ со мною совѣтоваться, желая представить дѣло пустякомъ, но я взяла смѣлость совѣтовать ему обратить на это серьёзное вниманіе.

«Теперь неудивительно, если армія императора упала духомъ: ужъ нѣсколько лѣтъ не было ни производствъ, ни наградъ; а однако было множество выигранныхъ битвъ, послѣ которыхъ перепрыгивали обѣими ногами черезъ рѣки, только вспять, какъ говоритъ принцъ де Линь.....

«Луккезини отзываютъ въ Вѣну; я думаю онъ поѣдетъ засѣдать къ цареубійцамъ, если они до тѣхъ поръ еще не будутъ перевѣшаны.

«Братецъ Гю въ настоящую минуту вполнѣ убѣжденъ, что онъ умѣетъ становиться невидимкой; но я полагаю, что это ему стóитъ большихъ усилій, такъ какъ онъ огроменъ и толстъ.

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 645.

«Что касается маленькаго великаго Генриха, то онъ хлопоталъ о подписаніи мира единственно потому, что имѣлъ въ виду сдѣлаться опекуномъ Людовика XVII» [1]).

16-го сентября: «Я съ удовольствіемъ прочла ваши похвалы курфирсту Саксонскому. Я давно знаю и знала непреодолимое влеченіе ваше ко всему, что носитъ титулъ германскаго высочества. Никогда я не признавала законность правъ Саксонскаго курфирста на владѣніе, переходившее отъ отца къ сыну болѣе двухсотъ лѣтъ и принадлежащее Ангальтскимъ принцамъ, владѣніе, которое попробовали отнять у моего отца и возвратили ему, точно такъ какъ теперь пробуютъ отнять его у наслѣдниковъ моего брата, чѣмъ я нимало не довольна, и на что я вовсе не соглашалась» [2]).

17-го сентября: «Я не могу имѣть посланника при Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, такъ какъ я еще не признала ихъ независимость. Точно такъ же нѣтъ и рѣчи о возстановленіи Греческой имперіи, такъ какъ мы въ мирѣ съ Оттоманской Портой. Мы однако очень хорошо знаемъ, что Селима возбуждаютъ къ объявленію намъ войны, и что его высочество не упускаетъ изъ виду никакихъ приготовленій къ этому; что шестьсотъ человѣкъ изъ его подданныхъ образованы по-европейски, къ великому неудовольствію янычаръ, которые доказываютъ это безпрестанными поджогами нѣкоторыхъ лачужекъ въ Константинополѣ. Кромѣ того шестьдесятъ тысячъ войскъ направляются къ берегамъ Дуная, подъ предлогомъ непокорности пашей, и тамъ собираютъ огромные запасы въ магазинахъ. Ну, пусть ихъ утѣшаются: это не въ первый разъ.

«Мы въ послѣдніе годы призвали прекрасныхъ инженеровъ и гидравликовъ изъ Голландіи. Множество меннонитовъ поселяются въ заднѣпровскихъ губерніяхъ». . . . [3]).

18-го сентября: «Такъ какъ Французы перешли Рейнъ, то возможно, что, по желанію шотл. пера, они избавятъ Англію отъ Ганновера.

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 646. [2]) Стр. 647. [3]) Стр 648.

«Зачѣмъ же г. Клерфей[1]) опять разбитъ?

«Стоитъ ли заставлять плясать дрянную маріонетку?[2]) Я слишкомъ расположена къ Англіи, чтобъ посовѣтовать ей такъ бросать деньги даромъ; впрочемъ, если имъ хочется выбрасывать свои гинеи за окно, я не стану имъ мѣшать. Если несвареніе желудка или ударъ унесетъ дурную маріонетку, то преемникъ его будетъ имѣть не мало причинъ искать нашей дружбы безъ всякаго съ нашей стороны старанія. Я, признаюсь вамъ, не люблю ни интригъ ни дрянныхъ средствъ; они рѣдко удаются и вводятъ васъ въ слишкомъ дурное общество. Эти секретари посольства — настоящая политическая сволочь. Покойный Шведскій король и я согласились такъ величать ихъ. Эти люди обыкновенно исполнены предубѣжденій и злобы, и всѣ лгутъ какъ зубные рвачи.

«Такъ какъ я считаю Тугута[3]) зараженнымъ доброй дозой якобинства, я вовсе не сомнѣваюсь, что онъ сильно недоброжелательствуетъ Россіи, которая всегда знаетъ чего хочетъ и никогда не дѣлаетъ пустяковъ»[4]).

19-го сентября: «Я признала Людвика XVIII. Я бы очень желала, чтобъ его отправили во Францію съ корпусомъ принца Конде, и чтобъ высадка удалась въ Бретани. Но якобинецъ Тугутъ хочетъ, чтобъ республика продолжала опустошать Францію. Онъ держится системы адвокатовъ: то есть хочетъ школить весь міръ, тогда какъ до сихъ поръ всѣ законы были писаны противъ адвокатовъ и прокуроровъ.

«Бельтъ очень удобенъ для мореплаванія, но Датчане оставили его себѣ»[5]).

---

[1]) Австрійскій полководецъ отличившійся въ началѣ и въ концѣ кампаніи.

[2]) Т. е. Прусскаго короля.

[3]) Тогдашній австрійскій первый министръ.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 649, 650.

[5]) Стр. 651. Всѣ эти отрывочныя замѣчанія были отвѣтами на политическія свѣдѣнія и совѣты, которыя доставляли Екатеринѣ Гриммъ и новый ея поклонникъ Финдлэтеръ. Между прочимъ они сообщили ей что всѣ европейскіе дворы употребляютъ другъ противъ друга систему подкуповъ, что множество министровъ и генераловъ австрійскихъ на жалованьи у якобинцевъ,

20-го сентября: «Многострадальный и шотландскій перъ оба хвалятъ 33-хлѣтнее царствованіе, а вотъ какой-то секретаришка саксонскаго посольства Гельбигъ [1]), живущій здѣсь давно, то и дѣло бранитъ его и на словахъ и на письмѣ, и даже на улицѣ поучаетъ въ этомъ смыслѣ прохожихъ. Онъ мой личный врагъ и ненавидитъ русское имя. Двадцать разъ я обращалась къ саксонскому двору съ просьбой отозвать его отсюда; но, должно быть, тамъ его письма очень нравятся, такъ какъ онъ все еще здѣсь. И если послѣдняя попытка, недавно мною сдѣланная, не будетъ уважена, то я прикажу посадить его въ кибитку и отвезти на границу; право, бездѣльникъ становится черезъ-чуръ дерзокъ. Если вы и шотландскій перъ имѣете тамъ голосъ, помогите мнѣ выпроводить отсюда ненавистника вашей любимицы и ея 33-хлѣтняго царствованія, которое вы находите столь чудеснымъ» [2]).

Изъ писемъ Гримма видно, что онъ писалъ по этому поводу въ Дрезденъ къ графу де Лоссу и копію съ этого письма прислалъ императрицѣ. Въ маѣ 1796 г. она отвѣчала: «Премного благодарю за посланіе, которое вы отъ себя написали гр. де Лоссу. Оно превосходно подѣйствовало, потому что этотъ бездѣльникъ Гельбигъ былъ тотчасъ же отсюда отозванъ. Многострадальный имѣлъ въ этомъ случаѣ болѣе вліянія, чѣмъ все русское министерство, включая Местмахера и Фёлкерзама, саксонскаго посланника, здѣсь находящагося, который очень хорошо зналъ поведеніе своего секретаря посольства и только флегматически вздыхалъ, однако писалъ объ этомъ своему двору. Этотъ Гельбигъ былъ большой

отчего талантливыхъ и отличившихся полководцевъ безпрестанно удаляютъ и замѣняютъ бездарными; что Англія и въ Пруссіи и въ Польшѣ и въ Турціи дѣйствуетъ противъ Россіи деньгами, что въ Англіи есть множество секретарей, выученныхъ читать шифрованныя депеши другихъ дворовъ, за что они получаютъ большіе оклады. На все это приводились доказательства и сообщались многочисленныя корреспонденціи и бюллетени, доказывающіе какъ искренно и Гриммъ и Финдлэтеръ были преданы интересамъ Екатерины и Россіи. Но императрица отвергала всякій тайный и безчестный путь для своей политики.

[1]) Авторъ извѣстнаго сочиненія: «Russische Günstlinge», напечатаннаго въ Тюбингенѣ 1809 г. и нынче весьма рѣдкаго.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 651.

любимецъ графа Гэрца, застегнутаго: тотъ и воспиталъ его для упражненія здѣсь своихъ талантовъ» [1]).

21-го сентября: «И у дядюшки и у племянника нѣтъ вовсе памяти. Не знаю, доволенъ ли милый племянничекъ непрерывной перепиской дорогого своего дядюшки съ гражданиномъ Бахеромъ, и его нѣжной любовью къ республиканскимъ началамъ и къ республикѣ, которыя онъ тамъ выставляетъ. Правда, что племянникъ не видитъ далѣе своего носа.

«Его королевское высочество въ письмѣ, къ вамъ написанномъ, сознается однако самъ, что о мирѣ, которому онъ будто содѣйствовалъ, мнѣнія различны.

«Милый племянникъ не показалъ никому моего отвѣтнаго письма на сообщеніе его о мирѣ, столь же постыдномъ какъ и безчестномъ; онъ отвѣчалъ, что очень имъ доволенъ, но я велѣла копіи съ него послать моимъ союзникамъ, которые были тоже очень довольны. Никогда и ни въ какомъ письмѣ я не выражала удовольствія по поводу этого мира, и если меня въ этомъ обвиняютъ, то говорите смѣло, что это клевета.

«Не знаю, старался ли англійскій посланникъ поссорить опять дядюшку съ племянникомъ; но русскій посланникъ не имѣетъ подобныхъ инструкцій. А по естественному ходу вещей дядюшка долженъ быть несносенъ для племянника. Дядя — это вѣчно натянутый лукъ, а племянникъ — полнѣйшая распущенность.

«Ого! вотъ и гнѣвъ! Великій примиритель думаетъ, что я вамъ запрещаю ѣхать въ Рейнсбергъ и считаю его чудовищемъ. Ну ужъ какъ этотъ маленькій великій человѣкъ ошибается! Я не отнимаю отъ него его славы, а за грубости которыя онъ мнѣ говоритъ, я подсмѣиваюсь надъ его заносчивостью и знаю ея источникъ; онъ самъ недоволенъ дурнымъ дѣломъ, которое совершилъ и въ которое вовлекъ другихъ. Онъ ставитъ меня на одну доску съ Робеспьеромъ. Великій Герцбергъ въ разсужденіи, напечатанномъ въ мемуарахъ берлинской академіи, ставитъ этого чело-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 674.

вѣка въ одну линію съ покойнымъ королемъ Прусскимъ. Онъ говоритъ, что нарушители общественнаго спокойствія и ему возмущаютъ желчь, а въ письмѣ къ Бахеру желаетъ всякаго благополучія цареубійцамъ и выражаетъ имъ всю свою нѣжность. Такую гуманность онъ бы долженъ былъ внушить конвенту, который всевозможными способами столькихъ лишилъ жизни»! [1])

2-го октября: «Что скажете вы о великолѣпныхъ отступленіяхъ Австрійцевъ? Полагаю, что они скоро дойдутъ до Вѣны.

«Нѣтъ такого позора, который бы не совершался»! [2])

5-го октября: «Я не хочу, многострадальный, чтобъ вы думали, будто я могу измѣнять своимъ началамъ, какъ братецъ Гю, съ которымъ никогда каши не сваришь, если хоть на минуту забудешь, что онъ и его ближайшіе способны на всевозможные плутни, лишь бы зашибить копейку» [3]).

7-го октября: «Что касается померанскаго лебедя, то онъ всегда былъ очень надутъ своимъ достоинствомъ, которое, какъ вы знаете, я у него оспариваю даже по части литературы. Это былъ выскочка въ полномъ смыслѣ слова; не старался ли онъ всѣхъ увѣрить, что покойный король былъ обязанъ всѣмъ своимъ достоинствомъ ему, Герцбергу? Я никогда не терпѣла этого грубьяна, да и никто ему не довѣрялъ, точно такъ же какъ хитрому плуту Луккезини; эти грязные люди испортили и извратили все царствованіе толстяка, потому что во всемъ хватали черезъ край. Русская пословица говоритъ: «Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней» [4]).

14-го октября: «Всѣ, даже самъ прусскій министръ говорятъ, что принцъ Генрихъ совершенно усвоилъ себѣ и систему и образъ дѣйствій Филиппа Эгалите, оставившаго по себѣ такую позорную память».

12-го декабря: «Вы первые сообщили мнѣ о взятіи Мангейма. Такъ какъ г. Клерфей идетъ впередъ, то вамъ нечего

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 652, 653. [2]) Стр. 655. [3]) Стр. 656.
[4]) Стр. 659.

бояться разбойниковъ, и надо надѣяться что вы спокойно проведете зиму въ Готѣ съ моими крестниками, и ихъ матерью»[1]).

23-го декабря: «Лондонскій кабинетъ объявилъ во всеуслышаніе, что онъ будетъ переговариваться съ цареубійцами о мирѣ»[2]).

Совѣты Финдлэтера. Суворовъ. Смерть Бецкаго. Головкинъ. Муртаза Кули-ханъ. Море и моряки.

Интересъ, который Гриммъ умѣлъ возбудить въ своемъ другѣ Финдлэтерѣ къ предмету своего поклоненія, Екатеринѣ, и ея странѣ, выражался между прочимъ самыми усердными измышленіями всего, что, по его мнѣнію, могло служить ко благу великой повелительницы и ея народа. При этомъ онъ называлъ Россію *любимою страною* (pays de préférence), *страною чудесъ* (pays de féerie), а Гриммъ прилежно сообщалъ императрицѣ отрывки изъ его писемъ. Такъ въ 1795 году Финдлэтеръ сожалѣлъ, что у Россіи нѣтъ посланника въ Америкѣ, чтобъ тамъ узнавать о планахъ и предпріятіяхъ Англіи во всѣхъ уголкахъ земнаго шара. Онъ мечталъ о пріобрѣтеніи Россіей Мемеля для судоходства по Нѣману и возможности вывозить произведенія Литвы, не подчиняясь прусской таможнѣ. По части внутренняго устройства Финдлэтеръ совѣтовалъ обратить вниманіе на водяныя сообщенія, соединить Западную Двину съ Днѣпромъ и для этихъ работъ выписывать гидравликовъ и инженеровъ изъ Голландіи и Англіи. Успѣхи земледѣлія въ великой земледѣльческой странѣ онъ считалъ наиболѣе важными и достойными неусыпныхъ заботъ. Онъ желалъ даже, чтобъ великій князь Александръ былъ отправленъ въ Англію съ весьма небольшой свитой, дабы серьёзно присмотрѣться ко всѣмъ усовершенствованнымъ способамъ хозяйства, такъ процвѣтавшаго въ Англіи, и самому приложить руку къ сохѣ, какъ великій Петръ приложилъ ее къ топору,

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 660, 662. [2]) Стр. 666.

когда хотѣлъ создать у себя флотъ. Онъ находилъ также, что Англія была обязана цвѣтущимъ состояніемъ своего земледѣлія вольнымъ экономическимъ обществамъ и ихъ полезнымъ изданіямъ по части сельскаго хозяйства, которыя совѣтовалъ давать переводить на русскій языкъ, напримѣръ, лондонскому священнику Смирнову, и даже снабжалъ ими императрицу. Наконецъ, онъ возставалъ противъ столицы, построенной на суровомъ Сѣверѣ, въ болотахъ Ингріи, тогда какъ въ обширной Россійской имперіи есть мѣста съ гораздо болѣе мягкимъ климатомъ и благодатной природой, и приводилъ въ примѣръ какого-то восточнаго властелина, построившаго свою резиденцію на краю государства. Одинъ изъ его министровъ велѣлъ разостлать у него въ саду воловью кожу и просилъ его становиться попеременно на одинъ изъ угловъ: всякій разъ, какъ онъ это дѣлалъ, кожа съ другихъ концовъ приподнималась вверхъ, а какъ только онъ сталъ въ серединѣ, то кожа осталась ровно разостланною во всѣхъ направленіяхъ. Столицей Финдлэтеръ избиралъ Кіевъ, или какой-нибудь новый городъ на Днѣпрѣ, подъ именемъ Екатеринополя.

На совѣтъ выписывать гидравликовъ и инженеровъ изъ Голландіи, Екатерина отвѣчала, что это уже сдѣлано; о посланникѣ въ Америкѣ она говорила, что еще не признала Американскихъ Штатовъ, а къ экономическимъ обществамъ относилась съ недовѣріемъ и показывала большое нерасположеніе къ существовавшему тогда въ Петербургѣ Вольно-экономическому обществу. Отъ 9-го апрѣля 1795 года она писала:

«Петербургское экономическое общество извѣстно мнѣ по тѣмъ геніальнымъ выходкамъ, которыми оно ознаменовало себя съ самаго рожденія; по учрежденіи своемъ оно шесть мѣсяцевъ размышляло, какъ добыть денегъ, и возымѣло геніальную догадку попросить ихъ у меня. Прошедшій годъ я открыла, что это ловкое общество сумѣло, сама не знаю какъ, исторгнуть у меня позволеніе печатать свои изданія на мой счетъ, увѣряя что это будетъ стоить не болѣе ста рублей въ годъ. Но вслѣдъ за тѣмъ оно, подъ предлогомъ увеличенія расходовъ, изловчилось

извлекатъ изъ моего кабинета, нѣсколько лѣтъ къ ряду, до четырехъ тысячъ рублей; изъ этихъ денегъ оно раздавало награды направо и налѣво и задавало вопросы, одинъ глупѣе и безполезнѣе другого. Тогда, посмѣявшись сначала этому геніальному пріему общества, такъ какъ я смѣялась снятію осады Варшавы (Пруссаками), я ужъ не на шутку разсердилась и сказала президенту, что это называется плутовать, тѣмъ болѣе что вѣдь они должны имѣть барышъ отъ продажи своихъ знаменитыхъ изданій, за которыя я однако не дамъ и десяти копеекъ. Тутъ онъ мнѣ сознался, что ихъ не покупаютъ, на что я ему возразила, что тогда ихъ и печатать не сто́итъ, и я не даю болѣе ни гроша на это. Съ тѣхъ поръ они умолкли и ничего болѣе не слышно о ихъ экономіи, изъ чего я извлекла новую аксіому: что всякое экономическое общество, не умѣющее подавать примѣръ, существуя на собственную экономію, не должно браться писать и поучать экономіи другихъ»[1]). 17-е сентября того же года сказано: «Господь знаетъ, что я не люблю экономическихъ обществъ. Мнѣ были извѣстны изъ нихъ такія, которыхъ почти всѣ члены были купцы, или обанкрутившіеся или близкіе къ тому. Сюда былъ присланъ проектъ Синклера объ основаніи экономическаго бюро, но все это къ намъ пристало какъ къ коровѣ сѣдло: все это — безполезная болтовня»[2]).

Объ улучшеніи у насъ земледѣлія государыня отвѣчала, что способы заграничнаго хозяйства такъ же непримѣнимы къ нашимъ громаднымъ пространствамъ, какъ нельзя платье карлика натягивать на великана, да они и не соотвѣтствуютъ степени развитія у насъ народа, а что касается выписныхъ ученыхъ агрономовъ, не знающихъ ни мѣстныхъ условій, ни языка, то она боялась, какъ бы они не сдѣлались эксплоататорами нашихъ богатствъ, а пожалуй и не были убиты нашими крестьянами. Этотъ отвѣтъ, данный ею, когда Финдлэтеръ рекомендовалъ агронома Яниша, былъ приведенъ нами въ главѣ «Литературные труды, исторія и

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 627, 628. [2]) Стр. 648.

политическая мудрость». Тамъ же помѣщено и мнѣніе ея о перенесеніи столицы на югъ,—что сѣверъ всегда призванъ властвовать надъ югомъ, а югъ безъ сѣвера всегда будетъ слабъ и немощенъ. «Итакъ», прибавляетъ она, «столица этой имперіи, по моему разумѣнію, еще не найдена и вѣроятно не мнѣ найти её» [1]). О Кіевѣ же она говоритъ: «Еслибъ милордъ Финдлэтеръ видѣлъ Кіевъ, то не посовѣтовалъ бы мнѣ въ немъ жить. По русской поговоркѣ, въ немъ живутъ однѣ только вѣдьмы» [2]).

Но во всякомъ случаѣ совѣты Финдлэтера о необходимости упрочить въ Россіи хорошіе способы зеледѣлія такъ дѣльны, что мы рѣшаемся привести ихъ здѣсь: «Основами величія и прочности имперіи, должны быть хорошее воспитаніе и земледѣліе. Торговля—это коварная и легкомысленная кокетка, которая, заставивъ войти въ разныя издержки того кто захочетъ ей понравиться, вдругъ броситъ его, чтобъ начать ласкать его соперника; земледѣліе же — это домовитая хозяйка, не бѣгающая изъ дому; это надежный другъ, всегда готовый пособить вамъ въ нуждѣ. Вмѣсто того чтобъ имѣть въ Петербургѣ Вольно-экономическое общество, составленное изъ обанкрутившихся купцовъ, я составилъ бы его изъ крупныхъ землевладѣльцевъ имперіи, подобно агрономическимъ обществамъ Англіи и помѣстилъ бы общество этого рода въ Москвѣ; тогда помѣщики находили бы для себя болѣе выгоднымъ заниматься обработкою своихъ земель, чѣмъ всю жизнь играть въ карты. Я посовѣтовалъ бы императрицѣ выписать въ Россію на нѣсколько мѣсяцевъ Артура Юнга, чтобъ онъ основалъ практическую земледѣльческую школу въ какой-нибудь губерніи на югѣ отъ Москвы, гдѣ климатъ получше, чтобъ научить низшіе классы народа пріемамъ этого полезнаго искуства, до сихъ поръ находившагося въ слишкомъ большомъ пренебреженіи. Увеличеніе народонаселенія въ Россіи и истинное ея величіе должны стоять на этомъ основаніи.

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII. 648. [2]) Стр. 664.

«Мнѣ приходитъ въ голову еще одна мысль, которая, можетъ быть, встрѣчаетъ важныя препятствія, иначе она была бы уже осуществлена: надо бы позволить всѣмъ крѣпостнымъ въ Россіи съ женами и дѣтьми откупаться на волю за извѣстную плату, такъ чтобъ владѣльцы ихъ не могли тому противиться. Этимъ способомъ, какъ мнѣ кажется, получили бы свободу только тѣ, кто ее заслуживаетъ и кто въ состояніи хорошо употребить ее, и не во власти помѣщиковъ было бы задерживать развитіе промышленности, притѣсняя людей достойныхъ».

Затѣмъ Финдлэтеръ, высказавъ чрезвычайно умныя сужденія о преимуществѣ земледѣлія передъ фабричной промышленностью по вліянію на благоденствіе, гражданское довольство и нравы народные, заканчиваетъ такъ: «Правительство каждаго государства и всѣ его добрые граждане должны серіозно соединиться, чтобъ подвигать впередъ культуру почвы, на которой они живутъ, — единственное средство упрочить его существованіе противъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Такъ какъ земледѣліе въ Россіи требуетъ большихъ улучшеній, то здѣсь можно ожидать и огромныхъ успѣховъ. Кто будетъ въ состояніи въ 1800 году продать около милліона лишнихъ кулей муки противъ 1795, тотъ почувствуетъ оживленіе въ своихъ банкахъ, страховыхъ обществахъ, въ торговлѣ и на пристаняхъ, будетъ имѣть тѣмъ болѣе помола на своихъ мельницахъ, предметовъ транспорта для своихъ каботажныхъ судовъ, свободныхъ денегъ для покупки за границей предметовъ прихоти, тѣмъ болѣе груза для рѣчныхъ барокъ и вообще болѣе пріятныхъ и полезныхъ мелочей для честной, умной и цвѣтущей торговли, твердо основанной на благосостояніи фермера, пахаря, кузнеца и землевладѣльцевъ всѣхъ сословій».

Еще до революціи Гриммъ былъ знакомъ съ однимъ силуэтистомъ Антингомъ, который какъ-то попалъ въ русскую службу на югѣ, сдѣлался извѣстенъ Суворову и теперь былъ при немъ переводчикомъ и адъютантомъ въ Польшѣ. Гриммъ рѣшился написать ему, чтобъ онъ ему выхлопоталъ портретъ Суворова,

котораго Нѣмцы прозвали «General Vorwärts» (генералъ Впередъ). Знаменитый герой самъ прислалъ этотъ портретъ Гримму и въ письмѣ Антинга сдѣлалъ приписку, которая съ гордостью была переписана и послана императрицѣ. Вотъ она:

«Мнѣ слѣдуетъ во всемъ подражать мудрости вашего превосходительства, какъ европейской знаменитости. Ученые болѣе всѣхъ другихъ приближаются къ богамъ своимъ безсмертіемъ. Ихъ вліяніе подымаетъ насъ до самой возвышенной добродѣтели. Они внушаютъ намъ высокую и святую рѣшимость жить для блага общаго. Отъ нихъ мы научаемся не думать о себѣ, презирать превратности судьбы и жертвовать собою для отчизны и человѣчества.

«Слава Господу воинствъ! Я раздѣляю ваши правила.

Г. А. С. Р.»

Государыня отвѣчала 25 августа 1795 г.: «Такъ вотъ теперь мой многострадальный очень высоко поднялъ носъ, услышавъ, что онъ былъ учителемъ графа обѣихъ имперій; но вы можетъ-быть не знаете, что онъ всегда подписываетъ свое имя маленькими буквами: во-первыхъ изъ смиренія, во-вторыхъ, чтобъ показать, что онъ не носитъ очковъ. Затѣмъ, если онъ къ кому нибудь обращается съ вопросомъ, надо всегда не задумываясь отвѣчать тотчасъ же, иначе онъ страшно разгнѣвается; но самый нелѣпый отвѣтъ его не сердитъ. Во всѣхъ отношеніяхъ это престранная личность. Онъ необыкновенно начитанъ, у него много врожденной геніальности, но чудачествъ— безъ конца: есть даже такія, которыя вредятъ ему.... Мнѣ кажется, что я видѣла вашего силуэтиста, который втянулъ васъ въ переписку съ графомъ обѣихъ имперій» [1]).

Гриммъ прислалъ императрицѣ и копіи своихъ писемъ къ Суворову. Она говоритъ о нихъ 25 сентября 1795 года:

«Ваши оба письма къ Суворову прелестны. Онъ пріѣхалъ третьяго дня изъ своего объѣзда Финляндіи, гдѣ осматривалъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 644.

все что тамъ сдѣлано по его предначертаніямъ, и вернулся совершенно довольный, не оставивъ тамъ ни уголка, куда бы могли пробраться Шведы, не встрѣтивъ большого противодѣйствія» [1]).

О смерти Бецкаго государыня такъ извѣщала Гримма въ томъ же 1795 году, отъ 1 августа (послѣ обѣда): «Бецкій только что скончался, часа два тому назадъ, 93-хъ лѣтъ отъ роду. Уже семь лѣтъ какъ онъ совершенно впалъ въ дѣтство, а иногда былъ даже не въ своемъ умѣ; десять лѣтъ онъ былъ слѣпъ. Когда кто-нибудь приходилъ къ нему, онъ говорилъ:—Если васъ императрица спроситъ, чтó я дѣлаю, скажите ей, что я работаю со своими секретарями.—Онъ особенно тщательно скрывалъ отъ меня свою слѣпоту, чтобъ я не распорядилась его мѣстами; а на дѣлѣ всѣ его должности были замѣщены, только онъ этого не зналъ» [2]).

Въ томъ же году Гриммъ переслалъ императрицѣ написанное ему посланникомъ Головкинымъ письмо, въ которомъ онъ черезъ посредство Гримма хлопочетъ о нѣкоемъ служившемъ по дипломатической части Италинскомъ, который не могъ переносить петербургскаго климата. Головкинъ проситъ объ опредѣленіи его на службу въ южный край, гдѣ, по его словамъ, мало людей способныхъ и честныхъ, и жалуется на удаленіе свое отъ императрицы, которая могла бы воспользоваться его способностями и подготовить его для дѣлъ (me former aux affaires), какъ онъ выражается. На это Екатерина отъ 7 октября 1795 г. дѣлаетъ слѣдующую, не совсѣмъ лестную характеристику Головкина:

«Сказать правду, графъ Головкинъ человѣкъ не только самонадѣянный, но и интриганъ, и этимъ онъ во многихъ мѣстахъ повредилъ себѣ, а особенно въ Вѣнѣ, гдѣ онъ сдружился съ Луккезини — чертá неосновательности и безтактности. Во-первыхъ, онъ такъ недавно въ Неаполѣ, а успѣлъ ужъ до того привязаться къ Италинскому, что они во всемъ сходятся, говоритъ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 666. [2]) Стр. 644, 645.

Головкинъ. Что-то ужъ очень скоро они стали друзьями! Замѣтьте, что Италинскій тамъ получаетъ такое же жалованье, какъ и другіе. Если онъ сюда пріѣдетъ и выйдетъ изъ дипломаціи, то ему дадутъ мѣсто и безъ Головкина и его рекомендаціи. Головкинъ никогда не бывалъ въ нашихъ черноморскихъ губерніяхъ; какъ же онъ говоритъ наобумъ о чиновникахъ, которыхъ не знаетъ? Слѣдовательно все, что онъ вставляетъ о нихъ неспособности, лишено всякаго основанія. Генералъ-губернатору, графу Зубову, безпрестанно приходится уличать во лжи посланника. Не знаю, про какихъ людей онъ говоритъ, которые окружаютъ меня и могли бы оскорбиться довѣріемъ г. посланника ко мнѣ. Самъ онъ, повѣрьте мнѣ, никогда не былъ въ такомъ положеніи, чтобъ могъ жаловаться на неблагодарность облагодѣтельствованныхъ имъ людей. И опять-таки вовсе не онъ заблагоразсудилъ удалиться; но такъ какъ его считали за человѣка умнаго и способнаго къ выполненію обязанностей своего новаго поприща, то ему дали это мѣсто, чему онъ былъ крайне радъ. Особенными милостями онъ никогда не пользовался. Но вотъ вамъ одна достаточно яркая черта его характера: получивъ все что дается обыкновенно отъѣзжающимъ въ качествѣ посланниковъ, онъ отправился къ графу Зубову съ просьбой передать мнѣ, что онъ не можетъ уѣхать, если не получитъ еще восьми тысячъ въ прибавку къ тому, что́ ему уже выдали. Я велѣла отвѣчать ему, что не сдѣлаю для него болѣе чѣмъ для другихъ. Послѣ того онъ уже не былъ у графа Зубова, но долго оставался еще въ городѣ; кто-то встрѣтилъ его и спросилъ: «Отчего вы перестали бывать у гр. Зубова?» Головкинъ отвѣчалъ: — Мы переписываемся раза по два, по три въ день, съ насъ этого довольно.—А никакой переписки бывало» [1]).

Въ мартѣ 1796 года государыня пишетъ: «Головкинъ былъ отозванъ изъ Неаполя, потому что онъ осмѣлился надѣлать ты-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 657, 658.

сячи дерзостей королевѣ Неаполитанской, и послѣ того имѣлъ наглость самъ мнѣ описать ихъ въ длинномъ письмѣ» [1]).

Въ концѣ 1795 г. гостилъ въ Петербургѣ одинъ персидскій вельможа, и вотъ о немъ отзывъ государыни: «У насъ здѣсь уже съ мѣсяцъ гоститъ знатный персіянинъ, по имени Муртаза Кули-ханъ, пріѣхавшій искать убѣжища въ Россіи, потому что братъ его, Ага-Мехметъ ханъ, присвоилъ себѣ его владѣнія. Онъ человѣкъ очень умный и притомъ весьма вѣжливый и обходительный. Онъ просилъ позволенія осмотрѣть эрмитажъ, и сегодня былъ въ немъ уже въ четвертый разъ. Онъ проводитъ тамъ часа по три, по четыре сряду и все осматриваетъ, какъ настоящій любитель; все прекрасное въ различныхъ родахъ его поражаетъ; но отъ вниманія его и ничто другое не ускользаетъ. Ему хотѣлось видѣть какъ гравируютъ, какъ пишутъ картины: ему доставили это удовольствіе; онъ цѣлые часы простоялъ возлѣ гравёра и живописцевъ. Онъ входилъ и въ ложи Рафаэля, и тотчасъ заговорилъ о библіи, признавъ на потолкѣ и вездѣ кругомъ исторіи изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Когда онъ увидѣлъ изгнаніе Адама и Евы изъ рая, то замѣтилъ: «Здѣсь можно подумать, что вся эта исторія выдумана, потому что мы находимся въ земномъ раѣ», намекая на ложи Рафаэля. Турки настоящіе мужики въ сравненіи съ Персіянами, особенно эти чванные дураки посланники, какихъ намъ нѣсколько разъ присылали. Намедни на балѣ я черезъ переводчика велѣла сказать Муртазѣ Кули-хану, что наши обычаи должны казаться ему очень странными и необыкновенными. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что было бы желательно, чтобъ у нихъ стали намъ во многомъ подражать. Его отвѣты всегда мѣтки и разумны. На Георгіевскомъ праздникѣ, видя, что я обѣдаю вмѣстѣ съ кавалерами ордена, онъ просилъ объяснить ему всѣ подробности этого учрежденія, и потомъ воскликнулъ: «Какъ это должно поощрять и возбуждать усердіе!» [2])

Въ томъ же году, по поводу записки, присланной импера-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 672. [2]) Стр. 663, 664.

трицѣ Финдлэтеромъ о морскомъ дѣлѣ, она пишетъ отъ 7 октября: «Да кто же, скажите на милость, когда-нибудь слыхалъ, будто для обученія морской службѣ надо воспитывать морскихъ офицеровъ внутри страны и для этого извлекать ихъ изъ морскихъ портовъ и верфей? Доводы къ такому измѣненію слишкомъ слабы. Нѣтъ ничего лучше тѣхъ поколѣній моряковъ, въ которыхъ служба на морѣ переходила отъ отца къ сыну, гдѣ каждый съ самой колыбели наслушался разсказовъ о морѣ. Математикѣ можно учиться и въ портахъ, на практикѣ, да и за нравственностью можно тамъ наблюдать не хуже, чѣмъ внутри страны. Я полагаю, что шотландскій перъ прислалъ мнѣ эту записку для того, чтобъ я остереглась впасть въ подобную ошибку, и это я ему отъ души обѣщаю» [1]).

Дѣти нѣкоторыхъ эмигрантовъ были приняты Екатериной въ наши учебныя заведенія. Такъ она пишетъ: «Маленькій Дама́ (Damas) здѣсь въ артиллерійскомъ корпусѣ, вмѣстѣ съ Раулемъ Шуазэлемъ, съ молодымъ Гриньяномъ, съ сыномъ г. Сенъ-При и многими другими: я часто говорю, что мы воспитываемъ надежды Франціи, и эти молодые люди возстановятъ монархію» [2]).

Свадьба великаго князя Константина Павловича. Великія княжны. Лебрэнъ. Кваренги.

Въ началѣ 1795 года Екатерина стала серіозно помышлять о женитьбѣ второго своего внука, великаго князя Константина Павловича, и писала Гримму отъ 16-го апрѣля: Слушайте, многострадальный, дружны вы съ герцогиней Мекленбургской, урожденной кажется принцессой Саксенъ-Готской, или нѣтъ? Если дружны, то поручается г. многострадальному, отложивъ въ сторону всякое пристрастіе къ нѣмецкимъ принцамъ и принцессамъ, представить мнѣ нельстивое описаніе всѣхъ дочерей на возрастѣ этой принцессы и, если возможно, сообщить мнѣ мысли

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 659. [2]) Стр. 652.

отца, матери и дочерей насчетъ религіи. До сихъ поръ всѣ они въ той странѣ слыли за ревностныхъ протестантовъ, не допускающихъ никакой перемѣны исповѣданія. Прошу мнѣ отвѣчать на это самымъ точнымъ образомъ. Сколько между прочимъ у нихъ дочерей въ семьѣ, большихъ и маленькихъ? Одинъ долговязый юноша, при видѣ счастливаго супружества своего брата, все думаетъ и вздыхаетъ о той суженой, которую и ему захотѣлось имѣть. Забавникъ этотъ во всемъ проявляетъ пылкость характера. Но, многострадальный, отвѣчайте же намъ скорѣе, знаете ли вы что-нибудь объ этомъ, или не знаете?» [1]).

Изъ писемъ Гримма не видно его отвѣта на это; но отъ 11-го іюня государыня писала: «Ну вотъ ваши свѣдѣнія о принцессѣ Мекленбургской разнятся съ моими, которыя говорятъ, что она не хороша и кажется кривобока, но впрочемъ очень тщательно воспитана. Весьма возможно, что короля Шведскаго заставятъ на ней жениться противъ воли» [2]). Послѣ этого императрица обратилась въ другую сторону для переговоровъ о принцессахъ Кобургскихъ. Судя по обиженному тону Гримма въ одномъ изъ его писемъ, онъ уже въ этихъ переговорахъ не участвовалъ, однакоже поѣхалъ взглянуть на принцессъ передъ ихъ отъѣздомъ и прислалъ вслѣдствіе того съ генераломъ Будбергомъ, сопровождавшимъ ихъ съ матерью въ Россію, особо запечатанную записочку, гдѣ называлъ ту, которая, по его мнѣнію, должна была сдѣлаться великой княжной: именно среднюю—Антуанету; но, какъ увидимъ, не угадалъ, тогда какъ Финдлэтеръ былъ счастливѣе въ своихъ догадкахъ и прямо назвалъ Юлію—младшую, которая и была выбрана. Про среднюю же императрица сдѣлала слѣдующее замѣчаніе: «У вашей протеже́, прекрасной принцессы Антуанеты, носъ слишкомъ длиненъ, нашелъ Константинъ» [3]). О догадливости же Финдлэтера сказано: «Шотландскій оракулъ вѣрно угадалъ; онъ какъ хищная птица устремился прямо на

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 637. [2]) Стр. 640. [3]) Стр. 672.

Юлію. Вотъ второй разъ наши мысли съ милордомъ встрѣчаются» [1]). Императрица писала отъ 20-го сентября:

«Сегодня утромъ получила я извѣстіе, что г. Будбергъ со своими похищенными принцессами, говорятъ, прибудетъ 28-го этого мѣсяца. Это повергло сэра Константина въ глубокую задумчивость. Я ему посовѣтовала пріукраситься и быть любезнымъ: а онъ можетъ быть необыкновенно любезенъ, когда захочетъ» [2]). 22-го сентября: Я утромъ получила извѣстіе, что сегодня Будбергъ проводитъ праздникъ въ Митавѣ, завтра будетъ ночевать въ Ригѣ, гдѣ останется три дня, и стало-быть здѣсь не можетъ быть ранѣе начала октября» [3]).

И дѣйствительно, 6-го октября путешественники прибыли, и отъ 7-го октября сказано: «Мои принцессы пріѣхали вчера вечеромъ 6-го октября: онѣ прехорошенькія. Генералъ Будбергъ передалъ мнѣ сегодня утромъ, 7-го октября, ваши письма и посылки: завтра буду отвѣчать.

«NB. Это завтра затянулось до сегодня, 9-го октября; я такъ была утомлена всѣ эти дни Константиномъ и всѣмъ до него касающимся, кромѣ обычной сумятицы, что не имѣла ни минуты свободной. Наслѣдная принцесса Саксенъ-Кобургская—хорошая и достойная женщина; дочки ея очень красивы; жаль, что нашъ женихъ можетъ выбрать только одну, а ихъ всѣхъ трехъ стоило бы удержать. Но кажется, что нашъ Парисъ отдастъ яблоко меньшой: увидите, что Юлія побѣдитъ. Болѣе двухсотъ человѣкъ, видѣвшихъ ихъ до сихъ поръ, всѣ въ одинъ голосъ повторяютъ: Юлія—рѣзвушка, Юлія—лучшая изъ сестеръ: увидимъ! Смотрите, будетъ ли это согласно съ вашей запиской, которая была распечатана и прочтена прежде письма, даже несмотря на ваше строгое запрещеніе» [4]).

12-го октября: «Вѣроятно это письмо, повезетъ въ Кобургъ курьеръ съ извѣстіемъ, что сэръ Константинъ рѣшилъ свой выборъ. Вчера всѣ отличія съ его стороны были для Юліи» [5]).

---

[1]) *Сб. И. С.* XXIII, 664. [2]) Стр. 651. [3]) Стр. 653.
[4]) Стр. 658. [5]) Стр. 659, 660.

13-го октября: «Константинъ хочетъ сегодня принести свою жалобу наслѣдной принцессѣ по поводу прекрасныхъ глазъ ея младшей дочери; онъ говоритъ, что не можетъ ждать болѣе ни минуты, такъ что дѣло кипитъ, какъ видите».

14-го октября послѣ обѣда: «Дѣло наше рѣшено. Константинъ женится на Юліи; они влюблены другъ въ друга; мать и другіе то плачутъ, то смѣются, видя эту интересную парочку; жениху 16 лѣтъ, невѣстѣ 14. Оба они очень шаловливы. Кобургскій курьеръ вѣроятно поѣдетъ завтра».

23-го октября: «Принцессы Саксенъ-Кобургскія уѣзжаютъ въ суботу; младшая останется у насъ и будетъ жить съ в. княжнами Александрой и Еленой до своей свадьбы, которой срокъ еще не назначенъ. Прощайте, будьте здоровы какъ я. Послѣзавтра большой маскарадъ: зачѣмъ васъ не будетъ съ нами?

27-го октября: «Вчера пришло письмо къ наслѣдной принцессѣ Саксенъ-Кобургской; оно было вручено ей сегодня утромъ. Она уѣхала отсюда въ Царское Село, гдѣ будетъ ночевать; завтра обѣдать будетъ въ Гатчинѣ, откуда выѣдетъ обратно въ Германію; она намъ оставила свою младшую дочь.

«Послѣдняя поручена генеральшѣ Ливенъ, гувернанткѣ великихъ княженъ; у нея будутъ тѣ же учителя; она будетъ обѣдать, ужинать и проводить весь день съ ними. Итакъ все устроено такъ хорошо и семейно, какъ только можно. Свадьба будетъ въ концѣ зимы или весною» [2]).

15-го декабря: «Вы можете понять, что мнѣ некогда разбирать подробно всѣ мысли шотландскаго пéра. Это завело бы меня слишкомъ далеко въ такое время, когда я занимаюсь самой педантической работой, какую можно себѣ представить. Напримѣръ, сегодня утромъ я забавлялась тѣмъ, что нанизывала цѣлыхъ три часа *обстоятельства;* вчера я столько же употребила времени, чтобъ нанизать *средства* [3]): поймете ли вы тутъ что-ни-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 660. [2]) Стр. 661.

[3]) Рѣчь идетъ о какомъ-то историческомъ трудѣ, который сильно занималъ государыню въ послѣднее время ея жизни.

будь? Что касается Константина, который нѣсколько посвященъ въ то что я дѣлаю, то онъ сегодня утромъ говорилъ мнѣ только о *положеніи*, въ которомъ *онъ* находится: то есть, что въ февралѣ будетъ его свадьба; а одно изъ *обстоятельствъ* его женитьбы будетъ его переѣздъ въ мраморный дворецъ, и вотъ какъ мы болтали и помирали со смѣху, и все это педантическимъ тономъ. Знаете ли, что съ Константиномъ можно говорить обо всемъ, перескакивая изъ пятаго въ десятое: онъ очень остеръ» [1]).

«Переходъ въ православіе Юліи вѣроятно состоится 2-го февраля; 3-е будетъ обрученіе, а съ Божіей помощью 13-го февраля свадьба, послѣ которой праздники окончатся только на масляницѣ. Дня три я хромаю отъ ревматической боли въ колѣнѣ, но это пустякъ, и произошло отъ того, что я года три тому назадъ упала съ пятнадцати ступеней лѣстницы, ведущей въ мою ванну, и съ тѣхъ поръ въ дурную погоду я чувствую эту боль въ томъ колѣнѣ, которое больше было ушибено; это было дня за два до пріѣзда графа д'Артуа» [2]).

5-е февраля: «2-го этого мѣсяца принцесса Кобургская приняла православіе и ей дали имя Анны Феодоровны. На другой день — память св. Анны, ее обручили великому князю Константину и назвали великой княгиней Анной Феодоровной: вотъ что я имѣю честь вамъ сообщить; свадьба будетъ 13 февраля, то есть черезъ девять дней, включая сегодня. Сэръ Константинъ влюбленъ въ полномъ смыслѣ слова» [3]).

18 февраля: «Свадьба Константина назначена была на 13-ое; но съ воскресенья его невѣста схватила лихорадку съ такой ужасной зубной болью, что пришлось отложить свадьбу до 15-го, пятницы, такъ какъ у бѣдняжки до того распухла щека, что глазъ сдѣлался совсѣмъ маленькій. Наконецъ въ пятницу ихъ обвѣнчали; былъ большой обѣдъ въ мраморной залѣ или иначе Георгіевской. Потомъ былъ балъ, послѣ котораго новобрачныхъ отвезли въ Мраморный дворецъ, гдѣ они и живутъ. На другой день

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 664. [2]) Стр. 667. [3]) Стр. 668.

они у меня обѣдали, а вечеромъ былъ балъ и ужинъ въ большой залѣ, которую не надо смѣшивать съ Георгіевской: та въ половину меньше. Вчера, 17-го, въ воскресенье, былъ день отдыха. Сегодня въ двѣнадцать часовъ былъ народный праздникъ съ мачтой и призами, что́ очень забавляло народъ, а послѣ того я поѣхала обѣдать къ сэру Константину въ Мраморный дворецъ. Полагаю, что трудно найти домъ красивѣе и роскошнѣе этого, гдѣ бы все было убрано съ такимъ вкусомъ, комфортомъ и изяществомъ; мы и до обѣда и послѣ обошли весь дворецъ: я имъ очень довольна, Константинъ тоже.

«Вернувшись отъ него, я съ часъ отдохнула, а теперь пишу вамъ. Завтра и послѣзавтра дни отдыха. Въ четвергъ будетъ обѣдъ, а вечеромъ балъ у родителей. Въ суботу обѣдъ, а вечеромъ балъ у Александра. Въ воскресенье большой маскарадъ при дворѣ. Въ понедѣльникъ отдыхъ. Во вторникъ послѣдній заключительный балъ съ ужиномъ во дворцѣ. Въ среду все закончится фейерверкомъ. Послѣ этого останется до Великаго поста только четвергъ, пятница, субота и воскресенье; въ первый понедѣльникъ Великаго поста мы скажемъ: — Слава Богу, что эта суматоха кончилась, мы ужъ довольно устали» [1]).

25 февраля: «Вотъ одиннадцатый день послѣ свадьбы Константина. Вчера былъ большой маскарадъ при дворѣ; было только восемь тысячъ пятьсотъ сорокъ замаскированныхъ, отдавшихъ свои билеты при входѣ, а всѣ придворные и живущіе во дворцѣ не были замаскированы. Завтра будетъ балъ и заключительный ужинъ при дворѣ, а послѣзавтра фейерверкъ. Вчера на маскарадѣ великія княгини и княжны Елизавета, Анна, Александра, Елена, Марія, Екатерина и придворные фрейлины, всего двадцать четыре дамы и ни одного кавалера, исполнили русскій танецъ подъ русскую музыку, что́ всѣхъ привело въ восторгъ: сегодня еще только объ этомъ и толкуютъ при дворѣ и въ городѣ. Онѣ всѣ были красавицы и прелестно одѣты. Вы видите, что мы

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 668, 669.

по уши въ праздникахъ. На будущей недѣлѣ начинается Великій постъ» [1]).

Женивши обѣихъ внуковъ, императрица Екатерина стала помышлять о женихахъ для старшихъ своихъ внучекъ и писала Гримму отъ 7-го октября 1795 г.: «Благодарю герцогиню Готскую за присылку сочиненія барона Тюммеля. Скажите пожалуйста, каковъ второй сынъ герцогини, красивъ ли, уменъ ли, добръ ли сердцемъ? Я хочу собрать справки о всѣхъ младшихъ сыновьяхъ германскихъ государей, и когда у меня будетъ полный списокъ, я выберу изъ нихъ сколько нужно для моихъ невѣстъ, а онѣ пусть выбираютъ себѣ каждая по сердцу мужа, котораго она и выведетъ въ люди. Я начинаю съ младшаго Готскаго; есть еще младшій сынъ въ Кэтенѣ, его тоже я стану ловить; если можете сообщить о немъ свѣдѣнія, очень меня обяжете. Но держите про себя мою погоню за женихами; я не хочу, чтобъ это разгласилось прежде времени. Царствующихъ принцевъ мнѣ не нужно, а только младшихъ, у которыхъ кромѣ шпаги да плаща ничего нѣтъ» [2]).

18-го февраля, послѣ свадьбы великаго князя Константина, государыня опять пишетъ: «Теперь у меня жениховъ больше нѣтъ; остается только пять дѣвицъ, изъ которыхъ младшей годикъ, а старшая — невѣста. Послѣдняя и ея вторая сестра — красавицы въ полномъ смыслѣ и все другое соединено въ нихъ съ этой красотою: онѣ обѣ очаровательны, всѣ восхищаются ими. Жениховъ придется имъ искать днемъ со свѣчкою. Безобразныхъ мы исключаемъ, дураковъ тоже; бѣдность же не порокъ. Но и внутреннее содержаніе должно соотвѣтствовать красивой наружности. Если попадется такой товаръ на рынкѣ, сообщайте мнѣ о находкѣ, но надо чтобъ она была одобрена и шотландскимъ пéромъ, потому что ваше мнѣніе на этотъ счетъ не внушаетъ мнѣ полнаго довѣрія. Вѣдь вы отъ рожденія влюблены во всѣ нѣмецкія высочества [3]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 671. [2]) Стр. 658. [3]) Стр. 669.

И вотъ Гриммъ и Финдлэтеръ принялись наводить справки, перечислять въ своихъ письмахъ различныхъ принцевъ, отдавая отчетъ о ихъ наружности, свойствахъ и воспитаніи. Такъ они называли принцевъ Гомбургскихъ, младшаго Дармштадтскаго, Фридриха Саксенъ-Готскаго, принцевъ Шверинскихъ и Стрелицкаго, наконецъ младшихъ принцевъ Прусскихъ и даже принцевъ англійскаго дома. Финдлэтеръ, живя въ Галле, по близости Кэтена, поѣхалъ туда и давалъ самыя точныя свѣдѣнія о младшемъ принцѣ, нашедъ его одареннымъ прекрасными душевными качествами, но не особенно привлекательной наружностью.

О внукахъ своихъ государыня часто давала отзывы въ письмахъ. О Еленѣ она писала — въ концѣ 1795 года: «Скажу вамъ, что Елена становится замѣчательной красавицей. Но вы пожалуй скажете, что вамъ до этого нѣтъ дѣла; Солонъ [1]) станетъ требовать добродѣтелей, какъ будто красота не есть добродѣтель весьма располагающая; не станемъ презирать ни одного изъ даровъ небесныхъ: а я такъ люблю хорошенькія личики..... Сегодня имянины дамы Анны, которая до сихъ поръ столько же неинтересна, сколько толста; вообще трое послѣднихъ [2]) не стóятъ пятерыхъ старшихъ» [3]). О Маріи же она говорила въ 1796 году: «Еслибъ вы слышали какъ прекрасно играетъ на фортепьяно и поетъ великая княжна Марія, вы бы расплакались горячими слезами. Она дѣлаетъ это еще лучше, чѣмъ сестры ея танцуютъ менуэтъ» [4]).

Около этого времени прибыла въ С.-Петербургъ знаменитая женщина—живописецъ Ле-Брэнъ. Въ первый разъ о ней упоминается въ 1791 году: «Анджелика Кауфманъ раздѣляетъ съ пріятельницей своей Ле-Брэнъ славу въ Римѣ. Такъ какъ я изъ

---

[1]) Друзья называли часто Гримма Солономъ Германіи.

[2]) Великія княжны Екатерина, Анна и умершая Ольга.

[3]) Великихъ князей Александра, Константина и великихъ княженъ Александры, Елены и Маріи.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 666 — 667, 668, 672.

работъ второй видѣла только одну, а имѣю уже нѣсколько произведеній первой, то я придерживаюсь ея»[1]).

О пріѣздѣ Ле-Брэнъ говорится въ концѣ 1795 года: «Ле-Брэнъ здѣсь и пишетъ портреты моихъ двухъ внучекъ Александры и Елены, которыя обѣ красавицы[2]).

Вскорѣ послѣ того, отъ 8-го ноября: «Послушайте однако: во времена Людовика XIV французская школа живописи много обѣщала, отличаясь благородствомъ въ изображеніяхъ, и казалось, стремилась сочетать благородство съ изяществомъ. Пріѣзжаетъ къ намъ госпожа Ле-Брэнъ въ августѣ мѣсяцѣ: я возвращаюсь въ городъ. Она имѣетъ притязанія соперничать съ Анджеликою Кауфманъ, которая несомнѣнно умѣетъ придать благородство и изящество своимъ фигурамъ. Болѣе того: ея фигуры отличаются даже идеальной красотой. Соперница Анджелики для перваго своего опыта начинаетъ съ портретовъ великихъ княженъ Александры и Елены. У первой — наружность благородная, привлекательная и царственная осанка; вторая совершенная красавица съ видомъ святой невинности. Г-жа Ле-Брэнъ усаживаетъ обѣихъ на диванъ, заставляя младшую совсѣмъ вывернуть шею, и выходитъ точно двѣ обезьяны грѣются на солнцѣ, или, если хотите, двѣ отвратительныя маленькія савоярдки съ виноградными кистями въ волосахъ какъ у вакханокъ; одѣты же онѣ, одна въ ярко красную, другая въ фіолетовую тюнику. Словомъ, не только нѣтъ ни малѣйшаго сходства, но обѣ сестры такъ обезображены, что люди спрашиваютъ, которая изъ нихъ старшая, которая младшая. Приверженцы г-жи Ле-Брэнъ превозносятъ картину до небесъ; но на мой взглядъ—это дрянь, потому что въ этомъ портретѣ-картинѣ нѣтъ ни сходства, ни вкуса, ни изящества. Нужно большое тупоуміе, чтобъ имѣя передъ глазами такой оригиналъ, не сумѣть ничего изъ него сдѣлать: надо было рисовать натуру какъ она есть, а не придумывать такія положенія, что вышли обезьяны вмѣсто людей»[3]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 527. [2]) Стр. 655. [3]) Стр. 661, 662.

Еще сильнѣе выразила императрица свое неудовольствіе въ другомъ письмѣ: «Нельзя себѣ представить ничего безобразнѣе мнимаго портрета Александры и Елены, писаннаго г-жою Лебрэнъ: это двѣ обезъяны гримасничаютъ одна передъ другой. Нѣтъ ни благородства, ни вкуса, ни тонкости манеры: этотъ портретъ не передаетъ ни невинности ихъ возраста, ни ихъ красоты, однимъ словомъ ничего ихъ напоминающаго! Это двѣ дѣвки, вотъ и все» [1]).

По части художествъ Екатерина писала отъ 6 апрѣля: «Не посылайте мнѣ тетрадей миѳологіи. Онѣ такъ грубо награвированы, что ничего не передаютъ, только развиваютъ дурной вкусъ, и потомъ это вѣдь только слѣпки. Вы можетъ-быть знаете, что въ моемъ огромномъ кабинетѣ рѣзныхъ камней очень мало слѣпковъ (pâtes), и всѣ кабинеты Европы сущее ребячество въ сравненіи съ моимъ, а что касается слѣпковъ, то у насъ другой кабинетъ, въ которомъ ихъ тридцать четыре тысячи. И все это систематически разобрано, начиная съ Египтянъ, и проходитъ такимъ образомъ черезъ всѣ миѳологіи, всѣ баснословныя и достовѣрныя эпохи исторіи до сего дня. Только настоящей войны тамъ еще нѣтъ: можетъ-быть мы помѣстимъ тамъ и взятіе Праги съ ея героями Суворовымъ, Ферзеномъ, Дерфельденомъ. Валерьянъ уже тамъ; ни одинъ изъ участниковъ постыднаго базельскаго мира не войдетъ туда, ни Маркизъ Луккезини, великій дѣлецъ и диктаторъ, ни даже Герцбергъ» [2]).

Въ сентябрѣ 1795 г. государыня, отвѣчая Гримму насчетъ нѣкоторыхъ картинъ, заказанныхъ для нея архитекторомъ Кваренги въ Италіи и оставленныхъ имъ въ Римѣ, сообщаетъ ему о несчастіяхъ, постигшихъ этого знаменитаго художника: «Съ Кваренги случилось 26 несчастій: во-первыхъ, вотъ два года какъ онъ потерялъ жену отъ родовъ; у него осталось на рукахъ 13 человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ половина въ Италіи, половина здѣсь. Онъ чуть съ ума не сошелъ съ горя, думалъ излѣчиться

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 665. [2]) Стр. 638.

путешествіемъ, и я ему совѣтовала ѣхать въ Италію и вновь жениться. И въ самомъ дѣлѣ онъ вспомнилъ о сестрѣ своей жены, которую считалъ не замужемъ; рѣшившись ѣхать, онъ посылаетъ дѣтей впередъ: они доѣхали до Варшавы, остановились тамъ на нѣсколько дней, какъ вдругъ ужасная катастрофа Игельстрома застигла ихъ тамъ; въ то же время Кваренги получаетъ извѣстіе, что его свояченица вышла замужъ въ Римѣ. Все еще держа въ головѣ женитьбу, онъ влюбляется съ швейцарку-протестантку, которая то соглашается выйти за него, то не рѣшается и въ минуту подписанія контракта ихъ разлучаетъ интересъ. И вотъ теперь Кваренги болѣе чѣмъ когда-либо несчастливъ и до того потерялъ голову, что неглижируетъ работами. Однакоже онъ вернулся сюда, потому что строилъ, но я его очень рѣдко вижу. Я думаю, что онъ оставилъ картины въ Римѣ, изъ опасенія, чтобъ онѣ не попали въ руки крейсеровъ» [1]).

1796

(послѣдній годъ царствованія).

Домашняя жизнь и занятія. Рожденіе великаго князя Николая Павловича. Пожаръ гавани и эрмитажа. Дѣйствія Валерьяна Зубова въ Персіи.

Въ началѣ роковаго для жизни императрицы 1796 года здоровье ея не только было вполнѣ удовлетворительно, но она писала, шуточно хвалясь своими силами: «До сихъ поръ я совершенно здорова, весела и легка какъ птица, по выраженію Понятовскаго, который сказалъ это генералу Пассеку, а тотъ сегодня передалъ мнѣ его слова. Ну чтожъ? Для 67 лѣтней женщины

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 654.

это аттестатъ весьма похвальный; передаю вамъ что слышала. Что вы на это скажете?» [1]).

Отъ 13-го мая государыня такъ описываетъ день, проведенный ею со всей семьей внучковъ у оберъ-шталмейстера Нарышкина: «Я отправилась въ 2 часа пополудни; въ моей каретѣ ѣхали великія княжны Александра и Елена. За мною слѣдовали Александръ и Константинъ съ супругами. Отъ Таврическаго дворца надо было ѣхать на конецъ Мойки, гдѣ находится домъ оберъ-шталмейстера Нарышкина [2]), замѣняющій ему весной Таврическій (загородный) дворецъ, и мы ѣхали почти цѣлый часъ, такъ какъ это на противоположномъ краю города. Мы нашли прекрасный домъ, великолѣпный обѣдъ и прелестный садъ, наполненный множествомъ самыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ. За столомъ всѣ были очень веселы, а послѣ обѣда молодёжь начала прыгать и плясать, такъ какъ поднялся сильный вѣтеръ, помѣшавшій прогулкѣ. Къ вечеру танцующихъ еще прибавилось и танцовали до десяти часовъ. Тогда я увезла дѣвицъ въ своей каретѣ. Мы пріѣхали домой въ три четверти одиннадцатаго и такъ утомились (я хоть и не танцовала, а онѣ потому что много танцовали), что тотчасъ легли спать, то есть я и мои обѣ красавицы» [3]).

14-го мая 1796 г. «Въ этотъ день моего рожденья со мною была въ Таврическомъ дворцѣ только великая княгиня Елисавета, у которой болитъ нога, оттого что она какъ то ее вывихнула. Празднованіе было на другой день въ Зимнемъ дворцѣ, во второй день свѣтлаго праздника. Въ Таврическомъ же дворцѣ никогда не бываетъ офиціальныхъ празднествъ, потому что мы считаемся за городомъ. Примите это къ свѣдѣнію разъ навсегда» [4]).

Переѣхавъ 16-го мая въ Царское Село, государыня шутитъ на счетъ своего ранняго переѣзда: «Я пріѣхала сюда вчера послѣ обѣда и съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, я все чихаю» [5]). Въ іюлѣ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 669.

[2]) Нынѣ Демидовскій домъ трудящихся.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 674, 675. [4]) Стр. 677.

[5]) Стр. 678.

же она сообщаетъ: «Нынче одиннадцатый день, какъ я купаюсь въ морской водѣ, которую мнѣ привозятъ сюда изъ Гохланда и я чувствую себя при этомъ прекрасно» [1]).

О любознательности своихъ внуковъ государыня писала въ отвѣтъ на присланныя Финдлэтеромъ книги: «Александръ овладѣлъ всѣми англійскими книгами шотландскаго пера, которыя ему пришлись по вкусу изъ двухъ присланныхъ вами ящиковъ. Константину тоже предоставлено выбирать что ему нравится, и онъ тоже унесъ порядочный запасъ для себя; эти два господина вовсе не показываютъ ненависти къ книгамъ, и кажется, что ихъ чтенія идутъ имъ въ прокъ. Мои молодцы довольно свѣдущи для своихъ лѣтъ, нѣтъ недостатка ни въ умѣ, ни въ знаніяхъ, ни въ привѣтливости» [2]). «Что мнѣ дѣлать съ богословскими лютеранскими книгами и молитвенниками? Греческая церковь достаточно снабжена всѣмъ что ей нужно, и въ этомъ отношеніи отдѣлившіеся отъ нея ничему не могутъ ее научить» [3]).

25-го іюня 1796 г. государыня возвѣщаетъ Гримму рожденье великаго князя Николая Павловича: «Объявляю своему многострадальному, что сегодня въ три часа утра мамаша родила огромнѣйшаго мальчика, котораго назвали Николаемъ. Голосъ у него басъ и кричитъ онъ удивительно; длина его аршинъ безъ двухъ вершковъ, а руки почти что съ мои. Отъ роду въ первый разъ вижу подобнаго рыцаря. Прощайте, будьте здоровы. Если онъ будетъ продолжать какъ началъ, то братья окажутся карликами передъ этимъ колоссомъ» [4]).

Въ первыхъ числахъ іюля, стало быть менѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли послѣ его рожденія, императрица пишетъ: «Въ воскресенье будутъ крестить Николая, здоровье его превосходно... Рыцарь Николай уже дня съ три кушаетъ кашку, потому что безпрестанно проситъ ѣсть. Я полагаю, что никогда осмидневный ребенокъ такъ не угощался; право, это необыкновенно. У

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 685. [2]) Стр. 677. [3]) Стр. 683.
[4]) Стр. 679.

нянекъ онъ совсѣмъ оттянулъ руки; если такъ продлится, то его отнимутъ въ шесть недѣль. Онъ всѣхъ разсматриваетъ, а голову держитъ прямо и поворачиваетъ не хуже меня» [1]).

По поводу своей никогда не прекращавшейся умственной и литературной дѣятельности государыня пишетъ отъ 7-го января: «Я пишу преглупѣйшее сочиненіе: оно огромно; шесть оконченныхъ главъ—чудо въ своемъ родѣ; я прилагаю къ этому стараніе, точность, умъ и геній, котораго сама въ себѣ не предполагала, и восхищаюсь каждой оконченной главой. Да благословитъ Господь тѣхъ, кто будетъ приводить это въ исполненіе. Методъ мой при этомъ долженъ быть очень хорошъ, такъ какъ все быстро само собою становится на свое мѣсто: удивительная вещь! Черезъ годъ это можетъ быть готово; я при этомъ очень озабочена: даже во снѣ сочиняю цѣлыя главы, до того оно меня занимаетъ. Вы непремѣнно должны быть объ этомъ извѣщены» [2]).

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Гриммъ пишетъ, что, съѣхавшись съ Дальбергомъ, они грустно разсуждали о томъ, какъ среди варварства французской революціи погибнутъ искуства, литература, наука, которыя казались имъ вѣчными и неизмѣнными спутниками всякаго образованнаго ума и сознательнаго существованія. Къ этому Гриммъ прибавляетъ: «но къ первому грустному припѣву мы нашли и другой, болѣе утѣшительный. Тогда среди развалинъ европейской цивилизаціи останутся: съ одной стороны Россія, съ другой — Сѣверная Америка: онѣ послужатъ убѣжищемъ искуству, литературѣ, философіи, убѣжищемъ разума человѣческаго и общественнаго порядка. По поводу этого разговора Майнцскій коадъюторъ прислалъ мнѣ письмо и размышленія, которыя при семъ прилагаю».

Эти размышленія направлены на то, что европейская такъ называемая цивилизація еще во младенчествѣ, потому что искуства и науки должны служить не испорченности и прихотямъ человѣка, а его нравственному улучшенію и оканчиваются такъ:

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 681. [2]) Стр. 668.

«Кто осуществитъ эти мысли? Развиться и принести плодъ онѣ могутъ только среди народа еще неиспорченнаго и неизнѣженнаго въ своихъ низшихъ классахъ, способнаго предпринимать и доводить до конца долгія и трудныя работы для общей пользы, сильно привязаннаго къ своимъ обычаямъ, патріархальнымъ нравамъ и религіи своихъ отцовъ, который съ большими способностями соединяетъ духъ покорности и подчиненія, ловкость и гибкость органовъ, дѣлающую для человѣка возможнымъ стремиться къ совершенству во всѣхъ родахъ и достигать его. И всѣ эти зародыши величія могутъ развиваться въ самой способной изъ націй подъ вліяніемъ тѣхъ плодотворныхъ одобреній государя, котораго обширный и могучій геній умѣетъ двигать вдругъ всѣ пружины государственной жизни, котораго слава утверждена великими успѣхами, который умѣлъ внушить своему народу любовь и довѣріе. Этотъ народъ — Русскіе. Этотъ государь — Екатерина».

Государыня отвѣчаетъ отъ 9-го іюля: «Майнцскій коадъюторъ правъ, когда говоритъ, что современная цивилизація въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще въ дѣтствѣ. Я прибавляю, что были времена, когда во многихъ сторонахъ своихъ она кажется понималась лучше, но это требовало бы разсужденій и изслѣдованій, которыя мнѣ не время и нѣтъ охоты дѣлать.

«Размышленія же приносятъ честь и русской націи и вашей покорнѣйшей слугѣ, которая занята огромнымъ трудомъ, и если онъ ей удастся, то будетъ имѣть замѣчательно плодотворное вліяніе на страну и исправитъ весьма многое; по крайней мѣрѣ я за нимъ работаю съ октября мѣсяца, не знаю когда удастся его выпустить, но во всякомъ случаѣ это нашъ лучшій трудъ» [1]).

Въ этомъ же письмѣ государыня свидѣтельствуетъ о своемъ великомъ рвеніи къ славѣ и пользѣ Россіи и о своемъ пониманіи великихъ задачъ своего народа, слѣдующими словами: «Что бы я ни дѣлала для Россіи,—это будетъ только *капля въ морѣ*» [2]).

---

[1]) *Сб И. О.* XXIII, 683. [2]) Стр. 682.

18-го іюля государыня описываетъ пожаръ въ гавани и въ Эрмитажѣ: «Вотъ что такое этотъ пожаръ галерной гавани на Васильевскомъ острову: въ одинъ прекрасный и очень жаркій день, 25-го мая, собралась гроза и молнія ударила въ сараи, гдѣ хранятся галеры и всѣ онѣ сгорѣли вмѣстѣ съ канонерскими шлюпками; это случается во второй разъ въ мое царствованіе. Все необходимое будетъ уже это лѣто отстроено, а старый хламъ сгорѣлъ и Богъ съ нимъ! За то гавань очистилась. На другой день послѣ этого приключенія молнія ударила въ одну изъ трубъ Эрмитажа, которую раскололо пополамъ между старой библіотекой и бильярдной; дымъ шелъ сильный, но огня не было. Весь Петербургъ сбѣжался туда и народъ оставался на пожарѣ съ трехъ часовъ пополудни до полуночи, то есть не въ самомъ Эрмитажѣ, а въ прилегающихъ къ нему улицахъ и на набережной, выражая горячія желанія чтобъ Эрмитажъ былъ спасенъ отъ огня, котораго тамъ и не было» [1]).

Въ февралѣ 1796 года государыня извѣщала Гримма о началѣ персидскаго похода: «Графъ Валерьянъ Зубовъ уѣхалъ начальствовать надъ войскомъ въ Персіи; говорятъ, братъ Муртазы-Кули-хана, похититель престола, Ага-Мехметъ стои́тъ уже въ шестидесяти верстахъ отъ Дербента. Его къ этой прекрасной экспедиціи подстрекнули Турки. Наши передовые отряды стоя́тъ тоже недалеко отъ Дербента. Дербентъ ключъ къ горнымъ проходамъ; мы скоро узнаемъ результаты этого сближенія» [2]).

16-го іюля: «Графъ Валерьянъ взялъ Кубань; въ ожиданіи что онъ овладѣетъ Бакинскимъ портомъ, не знаю писала ли я вамъ, что въ день взятія Дербента, послѣ того какъ ключи города были принесены графу Валерьяну и нашъ гарнизонъ вечеромъ вступилъ въ городъ, въ лагерь къ графу пріѣхала верхо́мъ, въ сопровожденіи множества женщинъ, принцесса Переджи-Шанумъ, какъ говорятъ, первая красавица и умница между персидскими

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 686. [2]) Стр. 671.

княжнами. Она была вся закутана покрываломъ и видны были только самые чудные глаза въ мірѣ. Она велѣла старшей изъ женщинъ, бывшихъ съ нею, сказать переводчику, что она пріѣхала въ лагерь графа Валерьяна просить его объ облегченіи участи ея брата, Дербентскаго хана, что онъ еще молодой человѣкъ и его сгубили дурные совѣтники. Графъ Валерьянъ обѣщалъ уважить ея просьбу. Тогда она попросила позволенія повидаться съ братомъ, ханомъ Дербентскимъ: ее отвели къ нему въ палатку, гдѣ она провела ночь. Между тѣмъ графъ не велѣлъ нашимъ ни близко, ни даже издали подходить къ палаткѣ. На другое утро посѣтительница уѣхала верхомъ обратно въ городъ со своими подругами, а графъ Валерьянъ объявилъ ее правительницею владѣній брата, который остается у насъ въ лагерѣ и назначилъ ей совѣтъ, по тамошнему диванъ. И вотъ теперь красивая и умная принцесса Переджи - Шанумъ очутилась правительницей владѣній своего брата, по распоряженію самаго благороднаго и вѣжливаго рыцаря, какого только можно встрѣтить въ нынѣшнія времена [1]).

19-го іюля: «Вчера я получила извѣстіе о взятіи Баку — порта на Каспійскомъ морѣ. Бакинскій ханъ выѣхалъ на границу своихъ владѣній съ ключами отъ города и передалъ ихъ графу Валерьяну. И надо знать, что графъ Зубовъ сдѣлалъ въ два мѣсяца то, для чего Петру I потребовалось два похода, и притомъ онъ встрѣтилъ болѣе сопротивленія, чѣмъ императоръ, такъ какъ въ самомъ Дербентѣ было одиннадцать тысячъ человѣкъ гарнизона, воодушевленныхъ твердою рѣшимостью защищаться, между тѣмъ какъ императору ключи отъ Дербента были поднесены прежде чѣмъ онъ дошелъ до города. Въ нашемъ лагерѣ всѣ здоровы и находятъ что жары очень сносны; у насъ нѣтъ ни въ чемъ недостатка, установились правильныя сообщенія сухимъ путемъ и моремъ, и такъ какъ войска наши отличаются примѣрной дисциплиной, то ихъ вездѣ встрѣчаютъ съ распростертыми

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 685

объятіями. Говорятъ, Грузинскій царь Гераклій овладѣлъ Ганджей, но официальныхъ извѣстій мы еще не получали. Такимъ образомъ будетъ прикрытъ съ этой этой стороны флангъ графа Валерьяна, а онъ во главѣ арміи двинется на Шемаху. Когда онъ ея достигнетъ, то все теченіе рѣки Куры, сливающейся съ Араксомъ (обѣ впадаютъ вмѣстѣ въ Каспійское море), будетъ совсѣмъ очищено; на другомъ берегу Аракса соберутся, говорятъ къ сентябрю, всѣ силы похитителя персидскаго престола Али Мехметъ хана. Братъ его Муртаза Кули ханъ уѣхалъ отсюда въ Астрахань, чтобъ оттуда на нашихъ судахъ переправиться къ себѣ: города Рештъ, Манзадеранъ и многіе другіе принадлежатъ ему, говорятъ, по праву наслѣдства, но братъ его захватилъ ихъ въ свои руки» [1]).

Къ этому же письму на особомъ листкѣ приложенъ собственноручный набросокъ карты, опредѣляющей теченіе Аракса и пункты, о которыхъ упоминаетъ императрица.

Общія дѣла Европы за 1796-й годъ.

Отъ 25-го февраля государыня писала: «Я получила вашъ бюллетень, въ которомъ вы мнѣ говорите, что Французы во что бы то ни стало желаютъ мира и не могутъ найти министра финансовъ. Имъ бы слѣдовало взять Калонна, который, находясь въ Англіи, утверждаетъ и печатаетъ, что они не разорены и что ихъ финансовыя операціи прелестнѣйшая въ мірѣ вещь. Кстати, поздравляю васъ съ тѣмъ, что они уплатили вамъ за 60 тысячъ ливровъ двѣ пары кружевныхъ манжетъ. Скажите мнѣ, правда ли это?» [2]).

Это поздравленіе относится къ любопытному обстоятельству, что Гримму, вмѣсто помѣщеннаго имъ во Франціи капитала, составившагося изъ его трудовыхъ сбереженій, французское революціонное правительство, допустившее также и разграбленіе

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 686, 687. [2]) Стр. 670.

его квартиры, выдало ничего не стóящія бумаги, которыя подъ предлогомъ ихъ низкой цѣны были обращены въ товары. Такимъ образомъ онъ получилъ вмѣсто капитала нѣсколько кусковъ индѣйской кисеи и три пары дорогихъ кружевныхъ манжетъ [1]).

24-го марта: «Давно собиралась я спросить васъ, отчего у нѣкоторыхъ людей явилось ярое желаніе писать и даже печатать по нѣмецки латинскими буквами? Объявляю вамъ, что я чувствую къ этой новой модѣ весьма опредѣленное отвращеніе и что я не въ состояніи ни читать ни писать такимъ образомъ по нѣмецки» [2]).

С выраженномъ Гриммомъ желаніи хранить подъ спудомъ письма Екатерины, какъ величайшее свое сокровище, хотя бы они могли быть въ высшей степени поучительны для многихъ, она замѣчаетъ: «Вы хорошо дѣлаете, что хотите хранить свое мнимое сокровище для себя; вотъ и несчастіе на что-нибудь пригодно. Многострадальный не имѣетъ теперь ни малѣйшаго желанія сообщать что-либо изъ нихъ живому существу; всѣ лишились его довѣрія. А я помню такое время, когда вы говорили, что можете только похвалиться людьми. Не знаю, разумѣли ли вы въ томъ числѣ и женщинъ, но я не смѣла объ этомъ спросить. Какъ далеко до того, милостивый государь, чтобъ нынѣшніе дѣльцы пошли въ ту школу, куда вы ихъ посылаете; они просто полагаютъ, что въ ней нечему научиться. Въ этомъ числѣ находятся: Тугуты, братцы Георги, дѣльцы братца толстяка, Рейтергольмы и регентики, Бернсдорфы и принцы мира и проч. и проч., Сенъ-При, Бомбелли, Бретёли и множество другихъ великихъ мудрецовъ и великихъ политиковъ, подобныхъ принцу Генриху Рейнсбергскому и его соотечественнику Буфлеру, снявшему съ себя среди Берлина кресты Св. Людовика и Мальтійскій и пожелавшему возвратиться во Францію, вѣроятно чтобъ быть тамъ повѣшеннымъ. Какъ можно вдолбить людямъ въ голову какую-нибудь азбуку, когда у нихъ нѣтъ такой головы, которая была бы способна понимать эту азбуку? Г. многострадаль-

---

[1]) См. *Сб. И. О.*, т. II, стр. 377. [2]) Стр. 672.

ный, право мнѣ жаль, что вы столько въ жизни должны были отъ меня терпѣть. Но что дѣлать? Придется государю моему и еще терпѣть, пока это будетъ продолжаться» [1]).

14-го мая: «Вѣнскій дворъ ворчитъ противъ желанія, принятого Людовикомъ XVIII итти въ армію принца Кондэ; но дѣло въ томъ, что онъ всегда ворчитъ, и Тугутъ, какъ великій политикъ, всегда видитъ все въ черномъ, стало-быть часто воображаетъ то, чего вовсе нѣтъ; въ настоящую минуту его подозрѣваютъ въ переговорахъ съ цареубійцами; такъ вотъ и еще причина для ворчанья. Если его переговоры приведутъ къ миру, что́ впрочемъ очень сомнительно, потому что злодѣямъ невыгодно ни заключить миръ, ни сохранить его, то гражданинъ Тугутъ даже не будетъ имѣть утѣшенія сказать какъ Францискъ I:— «Все погибло, кромѣ чести».—Вторая половина этой фразы останется имъ въ награду. Посылаю вамъ письмецо къ маркизу Кастри; если найдете его пригоднымъ, то доставьте его» [2]).

Всѣ эти замѣчанія о государственныхъ людяхъ Европы были отвѣтами на разныя сообщенія Гримма и въ письмахъ и въ бюллетеняхъ; онъ говорилъ, что невидимыя вліянія, производившія такую путаницу въ дѣлахъ Европы, оказывались плодомъ той щедрости, которую революціонное правительство проявляло для пропаганды своихъ ученій и для подкупа государственныхъ людей въ различныхъ кабинетахъ Европы [3]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 673, 674. [2]) Стр. 677.

[3]) Какъ образчикъ подобныхъ сообщеній приведемъ слѣдующее мѣсто изъ одного бюллетеня Гримма отъ 9 (20) іюля 1794 г. «Въ номерѣ 111 нѣмецкой Ганноверской газеты есть дополненіе по истинѣ замѣчательное, и такъ какъ я не могъ достать печатнаго экземпляра этого номера, то велѣлъ переписать его и прилагаю здѣсь. Редакторъ отдаетъ отчетъ объ одномъ рапортѣ Сенъ-Жюста, члена парижскаго конвента, комитету общественной безопасности, въ мартѣ этого года. Этотъ рапортъ, о которомъ ни одна изъ читаемыхъ мною газетъ не упоминаетъ, носитъ на себѣ во всѣхъ подробностяхъ печать несомнѣнной истины и имѣетъ цѣлью доказать комитету ненужность и безуміе его громадныхъ расходовъ въ отношеніи къ нейтральнымъ державамъ. Никогда дипломатическій документъ не заслуживалъ бо́льшаго вниманія чѣмъ этотъ, какъ со стороны гнусной системы подкупа и измѣны, которая составляетъ основаніе политики этихъ лютыхъ разбойни-

12-го іюня: «Я была изумлена великими дѣлами, совершающимися въ Италіи [1]), за которыми послѣдовало начало кампаніи на Рейнѣ, которая очень много обѣщаетъ, особливо съ тѣхъ поръ какъ предписано изъ Вѣны довольствоваться оборонительнымъ образомъ дѣйствій, чтó, по моему соображенію, и должно служить 2-мъ томомъ къ миру, заключенному сардинскимъ королемъ въ назиданіе потомству» [2]).

27-го іюня: «Будь я Людовикомъ XVIII, я или не выѣхала бы изъ Франціи, или давно была бы тамъ, не взирая ни на вѣтеръ, ни на приливъ и отливъ, и этотъ выходъ или возвращеніе зависѣли бы единственно только отъ моей личной человѣческой силы. Я бы заняла тамъ положеніе, сообразное съ моимъ характеромъ и играла бы тамъ роль весьма значительную, не взирая ни на какіе авторитеты конституціонные и не конституціонные и всѣ сказали бы: «Вотъ молодецъ! этотъ не промахъ», и такъ какъ мое право было бы законнѣе всякаго другого, то я и одержала бы верхъ надъ цареубійцами, прокурорами и адвокатами, сколько бы ихъ тамъ ни было, и я имѣла бы всю націю на своей сторонѣ и тогда сдѣлалась бы королемъ французскимъ и на дѣлѣ и по праву. Будетъ съ васъ» [3]).

Узнавъ же, что Австрійцы не соглашаются, чтобъ Людовикъ XVIII оставался въ арміи Кондэ, она говоритъ: «Я написала въ Вѣну, чтобъ убѣдить императора оставить Людовика XVIII въ арміи Кондэ и бросить ихъ во Францію, чтó могло бы сдѣлать диверсію событіямъ въ Италіи; надо бы побѣдить Карѳагенъ въ самомъ Карѳагенѣ. Богъ знаетъ, чтó они мнѣ отвѣтятъ. Правда, что мои отвѣты графу д'Артуа (теперь Monsieur) ино-

ковъ, такъ и со стороны доступа, который эта отвратительная политика нашла въ большинствѣ кабинетовъ. Весьма желательно было бы, чтобъ мнѣніе Сенъ-Жюста восторжествовало и комитетъ въ веселую минуту рѣшился бы обнародовать свою тайную переписку за годъ и восемь мѣсяцевъ со всѣми дворами Европы. Сколькимъ великимъ людямъ пришлось бы при этомъ блѣднѣть и умирать со стыда!»

[1]) Первые успѣхи Наполеона — этого Кесаря, предсказаннаго Екатериной.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 678. [3]) Стр. 679.

гда откладывались день за день; такъ какъ неизвѣстно было даже его мѣстопребываніе, то нельзя было ему и сказать ничего утѣшительнаго: все выжидалась болѣе благопріятная минута, но она не являлась. Вс е-таки вѣрно, что я никогда не измѣнялась по отношенію къ принцу; графъ Эстергази тому свидѣтель: никакимъ случаемъ мы не пренебрегали, чтобъ послужить имъ и ихъ пользамъ» [1]).

8-го іюля: «Миръ, заключенный королемъ сардинскимъ, постыденъ; тайныя статьи его еще хуже... Не понимаю, какъ его Сардинское величество не далъ себя убить въ кадрѣ своего батальйона скорѣй, чѣмъ согласился подписать подобныя условія. По крайней мѣрѣ онъ умеръ бы королемъ и съ честью.

«Мнѣ вовсе не нравится, что вы всегда въ ссорѣ со своимъ здоровьемъ. Вы слишкомъ принимаете къ сердцу итальянскія дѣла; дайте волю Итальянцамъ; вы видите, что они не охотники до Французовъ, которые ихъ такъ хорошо забавляютъ, что ужъ тѣ отъ нихъ непремѣнно отдѣлаются.

«Не знаю, исправился ли коадъюторъ Майнцскій, но въ публикѣ онъ навлекъ на себя подозрѣніе въ демагогіи.... Я полагаю, что для предохраненія государствъ отъ разрушенія слѣдуетъ во́-время обращать вниманіе на политическія болѣзни государственнаго тѣла; священная же Римская имперія больна раздорами и интригами. Чего хотятъ они? Чего не хотятъ? Развѣ у нихъ два императора? Или — нѣтъ ни одного? Почему же они не соединятся для собственной защиты? Если они не могутъ соединиться даже ради собственной защиты, то что же соединитъ ихъ? Тьфу пропасть! Сочиняйте-ка на этотъ предметъ кантаты и диссертаціи. Это, право, сто́итъ того. Да и какъ не посмѣяться надъ кучей ежовъ, которые сталкиваются другъ съ другомъ, расходятся, бродятъ взадъ и впередъ какъ слѣпые. Отчего? Оттого что они ежи и сталкиваются; вотъ однако чему вы особенно покровительствуете. Вы правы, находя что я не церемонюсь со своимъ многострадальнымъ и говорю ему истины.

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 681.

«Я готова бы пари держать, что еслибъ не женили того, о комъ вы мнѣ говорите, на итальянкѣ, дѣла шли бы лучше; было бы поменѣе мягкости; я вамъ сообщала первыя впечатлѣнія о немъ, но если чадъ, сплетни и ребячества его окружаютъ, то не моя вина» [1]).

Паническій страхъ, который испытывала вся Германія послѣ первыхъ успѣховъ французскаго оружія на Рейнѣ, въ Голландіи, Бельгіи и Италіи былъ такъ великъ, что сообщился и Гримму. Онъ писалъ изъ Готы, что его домашніе ежечасно готовятся бѣжать, сами не зная куда, потому что опасаются нападенія даже на Саксонію, и ожидалъ только согласія императрицы, чтобъ направиться въ Россію со всею семьею своей воспитанницы, а между тѣмъ глубоко потрясенное его здоровье и безпрестанныя неудачи затрудняли ему всякій дальній путь.

По этому поводу государыня отвѣчала ему отъ 15-го іюля: «Какъ можете вы думать, чтобъ я согласилась на ваше путешествіе въ сентябрѣ, моремъ черезъ Любекъ сюда, при вашихъ недугахъ, да какъ вамъ рисковать поѣхать и сухимъ путемъ въ сентябрѣ или октябрѣ съ караваномъ, подобнымъ вашему... Видно, въ Германіи страшно боятся карманьйоловъ, если и вамъ сообщили подобную панику: вѣдь однако у этихъ бездѣльниковъ нѣтъ крыльевъ. Если вы такъ ихъ боитесь, даже въ Саксоніи, то ступайте во Франкфуртъ на Одерѣ или въ Штеттинъ: весной вы сюда легко пріѣдете, а между тѣмъ все-таки будете ближе къ намъ. Вѣдь Штеттина не возьмутъ же такъ вдругъ. Еще и Магдебургъ можетъ послужить вамъ убѣжищемъ противъ этого паническаго страха, который вамъ, я увѣрена, другого вреда и не принесетъ» [2]).

Ужъ годомъ ранѣе, въ іюнѣ 1795 года, Гриммъ также замышлялъ переселиться въ Россію всѣмъ домомъ. Воспитанницу его г-жу де-Бюэль приглашала одна изъ бывшихъ парижскихъ подругъ ея, бывавшихъ на вечерахъ Гримма—княгиня Голицына,

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 681, 682. [2]) Стр. 684.

и Гриммъ спрашивалъ объ этомъ мнѣнія государыни. Но и тогда она отклонила это, совѣтуя ему отложить поѣздку до слѣдующей весны: «Послушайте», писала она, «вотъ что я скажу вамъ о путешествіи г-жи Бюэль въ Россію, такъ какъ вы мнѣ предоставляете рѣшеніе и просите для себя самого квартиры во дворцѣ: я теперь дѣйствительно занята отысканіемъ вамъ этого пристанища. Но въ эту минуту Зимній дворецъ уже не то, что былъ въ пріѣздъ вашъ сюда со свитой покойной ландграфини: я тогда была въ немъ одна съ сыномъ. Теперь этотъ сынъ уже женатъ и у него семь человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ одинъ тоже женатъ, другой скоро женится, и каждому надо имѣть при себѣ людей. Второй внукъ со своей будущей уже помѣстится въ другомъ близкомъ отсюда домѣ, который въ эту минуту отстраиваютъ, отдѣлываютъ и убираютъ: это домъ смежный съ Эрмитажемъ. Итакъ, чтобъ имѣть время приготовить вамъ уголокъ въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ я провожу бóльшую часть года, необходимо отодвинуть пріѣздъ вашъ сюда до будущей весны; тогда вы и пуститесь въ путь. Я буду имѣть время прислать вамъ деньги; вы поѣдете въ хорошее время года съ дѣтьми и меня найдете на дачѣ, а къ зимѣ вступите въ свое пристанище» [1]).

На совѣты Финдлэтера быть на сторожѣ противъ польскихъ затѣй и занять всю Галицію своими войсками государыня отвѣчаетъ: «Новая конфедерація польская конечно ничего у насъ не возьметъ; пусть пугается ея кто хочетъ, но я конечно не испугаюсь. Король Прусскій очень обезпокоился и велѣлъ арестовать множество Поляковъ; онъ сообщилъ это сюда: я же отвѣчала, что тутъ не за что и наказывать, вотъ и все.

«Я могу сдѣлаться стражемъ Галиціи, но конечно при настоящемъ положеніи дѣлъ не могу овладѣть ею» [2]).

18-го іюля: «Вѣсти изъ Германіи очень плохи. Что думаетъ шотландскій пэръ и что мнѣ слѣдуетъ дѣлать по его мнѣнію?... Если Франкфуртъ входитъ въ демаркаціонную линію короля

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 641. [2]) Стр. 684.

Прусскаго, можно ли будетъ Французамъ вступить туда, не поссорясь съ нимъ? Или онъ до того ихъ покорный слуга, что позволитъ имъ щелкать себя по носу въ виду всего міра» [1]).

5-го августа: «Что касается отступательной кампаніи Австрійцевъ, то она такъ замысловата, что не заслуживаетъ основательнаго изученія. Всѣ обстоятельства ея могутъ составить цѣлый трактатъ о средствахъ къ разрушенію государствъ. Я полагаю, что если бѣгство сдѣлается для васъ необходимымъ, то вамъ надо будетъ бѣжать за Магдебургъ, и это васъ приблизитъ къ намъ. Что касается самого путешествія, то я вчера сказала вашему святому (гр. Н. П. Румянцову), чтобъ онъ искалъ вамъ пристанища и весною вы предпримете путешествіе, а покамѣстъ останoвитесь тамъ, гдѣ вамъ покажется всего безопаснѣе. Впрочемъ не стѣсняйтесь тѣмъ, что я вамъ говорю, и устраивайтесь какъ найдете для себя пріятнѣе и удобнѣе по отношенію ко времени и дорогѣ.

«Такъ какъ вы столько лѣтъ имѣете при себѣ г-жу Бюэль и ея дѣтей, то я никогда не помышляла о томъ чтобъ разлучить васъ другъ съ другомъ, и когда вамъ угодно было мнѣ завѣщать ихъ, то я на это согласилась. Итакъ право не знаю, что могло такъ испугать васъ на этотъ счетъ. Вспомните пожалуйста, что узнавъ что вы страдаете рвотой, я вамъ отсовѣтовала морское путешествіе поздней осенью, а также и поѣздку сухимъ путемъ въ сентябрѣ и позже. Что же касается остальнаго, т. е. г-на и г-жи де-Бюэль, это конечно можно лучше устроить здѣсь, чѣмъ на большой дорогѣ. Всѣ мои доводы, высказанные вамъ въ этомъ письмѣ и въ предыдущемъ, болѣе ничего не могутъ прибавить кромѣ желанія вамъ счастливаго пути. Я слишкомъ хорошо вижу, что не такое теперь время, чтобъ находить удовольствіе въ болтовнѣ: таковы бѣдствія этой эпохи, баста! Однако смѣю замѣтить, что замокъ Вольфенбюттель довольно великъ, и можетъ вмѣстить цѣлый королевскій дворъ: стало-быть тѣ, кто туда поѣхалъ, будутъ тамъ подъ крышей» [2]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 686. [2]) Стр. 687, 688.

Но такъ какъ Гриммъ продолжалъ горько сѣтовать на судьбу свою и сокрушаться о будущности близкаго ему семейства, то 13 августа 1796 г., стало-быть за три мѣсяца до кончины, государыня начинаетъ свое письмо такъ: «Баронъ Гриммъ, кавалеръ ордена св. Владиміра, назначенъ на гамбургскій постъ, вмѣсто покойнаго Гросса» [1]).

Нужда и бѣдствія несчастныхъ французскихъ эмигрантовъ, цѣлыми семьями бродившихъ изъ города въ городъ, не имѣя гдѣ преклонить голову, часто заставляли ихъ то черезъ Гримма, то другими путями прибѣгать къ великодушію и щедрости могущественнѣйшей сѣверной властительницы. Екатерина часто пересылала для нихъ къ Гримму значительныя суммы: такъ разъ упоминается въ ея письмахъ о десяти тысячахъ, посланныхъ на этотъ предметъ. Гриммъ отдаетъ особый отчетъ объ этой «кассѣ эмигрантовъ». Множество получавшихся имъ по этому поводу писемъ заставляютъ его сожалѣть, что его другъ св. Николай покинулъ свой постъ во Франкфуртѣ, такъ какъ, по словамъ его, онъ былъ прибѣжищемъ всѣхъ несчастныхъ изгнанниковъ, начиная съ самого Людовика XVIII и кончая послѣднимъ изъ эмигрантовъ. Гриммъ въ трогательныхъ краскахъ описываетъ, какъ эти бѣдняки, только что успѣвшіе устроиться на одномъ мѣстѣ и вздохнуть отъ претерпѣнныхъ ими страданій, были вынуждаемы опять идти куда глаза глядятъ, или приближеніемъ непріятельскаго войска, или опасеніями владѣтельныхъ князей, давшихъ имъ убѣжище, и часто въ самое суровое время года. Средства, которыми существовали эти изгнанники, были иногда такъ скудны, что Гриммъ въ своемъ отчетѣ упоминаетъ, напр., объ одномъ дворянинѣ изъ Поату, который жилъ въ Готѣ цѣлый годъ 60-ю грошами въ мѣсяцъ. У многихъ изъ нихъ цѣлое семейство, напримѣръ, пало подъ ударами гильйотины, другіе по обстоятельствамъ были разлучены съ семьями, бывъ принуждены бѣжать въ разныя стороны зимою, безъ теплой одежды и безъ всякихъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 689.

средствъ. Были священники отъ 70 до 90 лѣтъ отъ роду, которые, чтобъ укрыться отъ преслѣдованій, бѣжали съ котомками на плечахъ, скитаясь до тѣхъ поръ, пока одежда ихъ не обращалась въ рубище. Многія семейства жили продажею кое-какихъ драгоцѣнныхъ вещей, которыя успѣли захватить съ собою. Самъ маршалъ Кастри былъ въ крайней нуждѣ и когда захотѣлъ итти въ армію, то не имѣлъ ни мундира, ни лошади, а жена его продавала то часы, то мѣхъ, чтобъ поддержать свое существованіе, такъ что Гриммъ тоже выручалъ ихъ изъ своей кассы.

Но, помогая эмигрантамъ деньгами, Екатерина не любила принимать ихъ въ Россію, особливо такихъ, которые просили земель на югѣ, о чемъ ходатайствовалъ и Гриммъ для мужа г-жи Бюэль подъ предлогомъ его агрономическихъ вкусовъ и способностей. Государыня писала по поводу одного такого случая: «Касательно графини де Ла-Рошъ-Ламбертъ скажу вамъ, что эта, какъ и многіе другіе, проситъ концессіи на земли и что изъ всѣхъ получившихъ таковыя, большая часть или бросили, или поспѣшно продали ихъ и съѣли капиталъ, а затѣмъ просятъ вновь: это конечно очень покойно. Но чтобъ управлять землями, надо знать языкъ страны, раздавать же ихъ первому встрѣчному, когда приходится часто награждать ими заслуги своихъ, не совсѣмъ-то осторожно, особливо давать ихъ придворной дамѣ, во всю жизнь умѣвшей только присѣдать. Итакъ по-моему лучше послать г-жѣ Ла-Рошъ-Ламбертъ триста луидоровъ. Графиня Шуазэль говорила вамъ, что ей нужно сто луидоровъ... Я полагаю, что такая же сумма, какую я назначаю г-жѣ де Ла-Рошъ, была бы также грушею въ минуту жажды. Но простите, что я столько васъ утруждаю, когда у васъ и своихъ заботъ довольно: вѣдь надо было отвѣчать на ваши вопросы... Да, милостивый государь, иноходцы всегда возбуждаютъ нетерпѣніе, пачкуны же и грязныя дѣла еще болѣе; адъ ими наполненъ, и потому тамъ жить непріятно» [1]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 689.

Что въ мысляхъ государыни походъ противъ французской республики былъ рѣшенъ, доказывается слѣдующимъ мѣстомъ ея письма отъ 13 августа: «Говорятъ, что шестьдесятъ тысячъ Русскихъ собираются въ походъ на берега Эльбы, чтобъ прекратить бѣдствія Германіи. Говорятъ, что фельдмаршалъ Суворовъ во главѣ ихъ.

«Говорятъ еще многое другое, а узнáютъ еще болѣе; это будетъ волшебный фонарь, въ которомъ мы увидимъ что́ увидимъ» [1]).

Когда Гриммъ, увѣдомляя Екатерину о покушеніи на жизнь Людовика XVIII, говоритъ и о томъ, что онъ подобно другимъ эмигрантамъ не имѣетъ куда преклонить голову, потому что всѣ германскіе принцы по очереди высылаютъ его изъ своихъ владѣній, боясь революціонеровъ,—государыня отвѣчаетъ на это отъ 4-го сентября: «Я велѣла написать принцамъ Ангальтъ-Дессаускому и Бернбургскому, что по моему мнѣнію Людовикъ XVIII можетъ жить въ Цербстѣ и пусть они сообщатъ это королю Прусскому, и что я имъ дала этотъ совѣтъ. Невѣсткѣ моей я написала, что дозволила Людовику XVIII отправиться въ Іеверъ и тамъ поселиться, когда ему заблагоразсудится. Но вмѣсто того, чтобъ прикидываться мертвымъ, конечно лучше бы находиться въ томъ мѣстѣ, откуда онъ могъ бы всего скорѣе прибыть въ армію Суворова, присоединиться къ ней и не покидать ея съ той минуты какъ онъ перейдетъ за Краковъ или Богемію. Ему надо быть при арміи, и всякое другое мѣстопребываніе менѣе ему прилично. Я буду хлопотать, чтобъ корпусъ Кондэ соединился съ нашимъ, но молчите объ этомъ до времени: мои курьеры отправились въ Берлинъ, Вѣну и Лондонъ, а шестьдесятъ тысячъ войска получили приказъ быть наготовѣ. Въ замѣнъ ихъ по первому распоряженію я произведу двойной наборъ, такъ чтобъ не произошло ни малѣйшаго разстройства и было чѣмъ поколотить злонамѣренныхъ: вотъ какъ надо говорить, неправда ли?

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 689, 690.

Что вы на это скажете? Теперь Журданъ разбитъ и Моро тоже. Дай Богъ, чтобъ такъ продолжалось.

«Какая же это роль для Людовика XVIII — скитаться изгнанникомъ изъ мѣста въ мѣсто, вымаливая убѣжище. Его мѣстожительство должно бы пользоваться извѣстностью и ему доставить извѣстность. Я не люблю мелочныхъ и узкихъ совѣтовъ, а еще менѣе такихъ, которые бросаютъ неблаговидную тѣнь на дѣло. Я знаю, что̀ говорятъ его враги, и вотъ почему я все это вамъ пишу: берегите это про себя» [1]).

5-го сентября, въ 8 часовъ утра: «Говорю и повторяю, что по моимъ правиламъ не слѣдовало покидать никакой арміи: царствовать или умереть, вотъ мой девизъ; эти слова надо было имъ съ самаго начала вырѣзать на своемъ щитѣ; теперь ужъ слишкомъ поздно.

«Дѣло не въ пышныхъ фразахъ, которыя потомъ прячутъ въ карманъ. Дѣло въ томъ, чтобъ заставить говорить о себѣ. Слѣдовало сносить и добрую и злую долю одинаково съ честью. Зачѣмъ ѣхать въ Россію? Зачѣмъ и въ русскую армію, какъ скоро не умѣешь дѣйствовать геройски, дѣлить съ нею опасности и заслужить ея уваженіе: тамъ скорѣе разовьешься, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Все это для васъ однихъ: читайте и молчите. Всякая спѣсь излишня, особенно у насъ. Зачѣмъ давать мнѣ отчетъ? Убѣждаютъ дѣла, а не писанія; а это пахнетъ оправданіемъ.

«Сыновья ихъ, привлекательные въ домашней жизни, либо ничтожны, либо вовсе не значительны: все это фразы, а говорить фразы никуда не годится. Этимъ-то они и сломили себѣ шею. Поглядите, вся Франція хочетъ короля; но хотятъ ли ихъ? Говорятъ ли о нихъ? Между тѣмъ всякій другой король, не по рожденію, породитъ безконечныя партіи, пока не возвратятся опять къ законному государю, слѣдовательно будетъ государь... Но, какая страшная задача! О Боже мой! зачѣмъ же размышлять вслухъ? Лучше молчать.

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 693.

Нужда можетъ быть сдѣлаетъ все остальное. Помогать имъ однако слѣдуетъ сколько возможно: долгъ и постоянство того требуютъ.

«Прикидываться мертвымъ! Берегитесь, чтобъ его за мертваго и не приняли. Я этого вовсе не понимаю; а если иногда и прикидывалась мертвою, то чтобъ лучше ударить, потому что по природѣ неугомонна и не люблю прикидываться мертвой.

«Если онъ не будетъ вблизи Франціи, то какъ же войдетъ въ нее? Повидимому, этимъ господамъ хочется, чтобъ прямо въ ротъ летѣли жаворонки, совсѣмъ изжаренные. Дай то Богъ, чтобъ это не оказалось просто напросто трусостью, о чемъ зложелатели уже разносятъ слухи; ну съ этимъ, мой другъ, далеко не уйдешь.

«Въ эту минуту всякому нужны его капиталы. У нихъ были громадные! Что они изъ нихъ сдѣлали? Они жили роскошно, широко, и все съѣли, а что произвели? Чистую водицу? Въ первую минуту у нихъ было 8 милліоновъ; я одна имъ препроводила болѣе полумилліона въ первый годъ» [1]).

Всѣ эти замѣчательныя разсужденія составляютъ передпослѣднее письмо императрицы Екатерины.

Пребываніе молодого короля Густава IV въ Петербургѣ. Сватовство великой княжны Александры Павловны.

Объ отношеніяхъ Швеціи къ русскому двору послѣ смерти Густава III всего лучше можетъ дать понятіе слѣдующее письмо императрицы, писанное 10 апрѣля 1795 года:

«Герцогъ Зюдерманландскій, котораго наши матросы послѣ двухъ морскихъ сраженій при Калькскерѣ и подъ Ревелемъ прозвали въ насмѣшку за его недостойное поведеніе Сидоромъ Ермо-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 694.

лаичемъ, вздумалъ приплесть къ какому-то мнимому заговору неаполитанскій дворъ и меня. Мое имя публично упоминается въ его писаніяхъ и даже въ судебныхъ мѣстахъ; но еслибъ я вмѣшалась въ заговоръ и онъ въ самомъ дѣлѣ существовалъ бы, то ручаюсь вамъ, что онъ бы удался.

«Армфельтъ, вопреки завѣщанію покойнаго короля, былъ изгнанъ изъ совѣта регента, за то что былъ ревностный монархистъ, а на его мѣсто хотѣли посадить отъявленнаго якобинца, синьйора Рейтергольма. Армфельтъ склонилъ покойнаго короля заключить Верельскій миръ: онъ велъ переговоры и подписалъ его вмѣстѣ съ генераломъ Игельстромомъ, что̀ и послужило къ его сближенію съ нами послѣ несчастной смерти покойнаго короля. Всю свою страстную преданность покойному онъ перенесъ на молодого короля. Онъ зналъ, что покойный король, умирая, поручалъ мнѣ своего сына, зналъ что и прежде этого я открыто принимала сторону ребенка противъ его враговъ и говорила самому королю и всякому кто хотѣлъ слушать, что если отецъ признаётъ ребенка за своего сына, то уже никто не имѣетъ права оспаривать этого, тѣмъ болѣе что король имѣетъ болѣе власти чѣмъ всякій другой отецъ. Армфельтъ видѣлъ, что всѣ поступки регента шли въ разрѣзъ съ убѣжденіями покойнаго, да и съ интересами молодого короля; онъ покинулъ Швецію и продолжалъ нескромную переписку со своими друзьями, знакомыми и родными въ Швеціи. Къ этому присоединилась личная ревность регента: по рукамъ ходятъ два весьма страстныхъ письма, писанныхъ собственною рукою регента къ дѣвицѣ Руденшёльдъ, любовницѣ Армфельта, которую регентъ хотѣлъ велѣть высѣчь и посылалъ на эшафотъ, а потомъ велѣлъ заключить въ смирительный домъ, вѣроятно за то что она предпочла Армфельта Е. К. В. Кромѣ того г. регентъ вездѣ видитъ заговоры, но ему трудно доказать ихъ существованіе. За убійство покойнаго короля онъ наказалъ только одного убійцу, а за это дѣло множество людей арестовано, а другіе по произволу были лишены мѣстъ. Объявлена война неаполитанскому двору и съ нами идутъ безконечныя дрязги; но

я смѣюсь этому: еще посмотримъ, кто-то въ концѣ концовъ останется правъ. Регентство скоро кончится, а еслибъ въ это вмѣшалась я, то ему уже давно былъ бы конецъ; и такъ какъ все королевство думаетъ согласно со мною, то не стóитъ изъ за жалкаго бѣдняка производить много шуму, хотя и правда, что онъ не перестаетъ задѣвать меня, а г. Стедингъ, его посланникъ, играетъ жалкую роль, тогда какъ прежде его роль была прекрасна, а впереди открывались еще болѣе блестящіе виды. Покойный король желалъ моей старшей внучки для своего сына, вслѣдствіе чего и издалъ нѣсколько законовъ, устранявшихъ препятствія. Онъ самъ внушилъ это желаніе своему сыну, который объ этомъ только и мечталъ. Что касается дѣвицы, то она можетъ терпѣливо ожидать рѣшенія своей судьбы до совершеннолѣтія короля, потому что ей только одиннадцать лѣтъ и конечно она утѣшится, если онъ и ускользнетъ отъ нея; но гораздо хуже будетъ тому, кто выберетъ другую, такъ какъ я смѣло могу сказать, что по красотѣ, талантамъ, любезности трудно найти ей равную, не считая приданаго, которое одно для бѣдной Швеціи можетъ быть предметомъ весьма уважительнымъ, не говоря уже объ упроченіи мира на долгіе годы. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ: ея не купишь обидами и оскорбленіями и надо еще чтобъ самъ его величество король ей понравился» [1]).

Въ іюнѣ 1795 г. Екатерина писала: «Я только что получила ваше письмо, по которому вижу, что якобинцы заставляютъ молодого человѣка дѣлать смотръ всѣмъ безобразнымъ нѣмкамъ; но ни одна изъ нихъ насъ не смущаетъ: тѣмъ хуже для якобинцевъ, а тамъ пусть Небо рѣшитъ это, какъ ему благоугодно» [2]).

Въ сентябрѣ того же года: «Регентъ-якобинецъ продиктовалъ молодому королю дерзкое письмо, гдѣ онъ перечисляетъ великіе подвиги прошедшей войны, въ которой г. Стедингъ, его посланникъ, будто бы побивалъ насъ, и за эти дѣянія онъ ему жалуетъ голубую ленту, прося меня передать ее. Но г. Сте-

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 628, 629, 630. 2) Стр. 643.

дингъ никогда и нигдѣ не разбивалъ насъ, а по завѣщанію короля нельзя давать голубой ленты до совершеннолѣтія, и вся эта исторія изобрѣтена для того, чтобъ дать голубую ленту якобинцу Рейтергольму. Этимъ хотѣли меня вынудить признать актъ противный завѣщанію покойнаго короля, а это могло бы привести къ тому, чтобъ былъ опрокинутъ самый престолъ юнаго короля. Я отвѣчала, что миръ долженъ былъ наложить печать забвенія на прошедшее, и конечно не я буду воскрешать воспоминанія о немъ. Впрочемъ г. Стедингъ фальшивъ какъ шведъ, потому что всѣ они таковы. Отзовутъ ли его, или не отзовутъ, это всего менѣе меня заботитъ. Ни одинъ изъ тѣхъ, кого посылали туда послѣ смерти покойнаго короля, не имѣлъ счастія понравиться регенту-якобинцу и тоже самое было со всѣми другими дворами. Я полагаю, что въ настоящую минуту нѣтъ ни одного иностраннаго министра въ Швеціи» [1]).

4 октября: «Поздравляю васъ съ тѣмъ, что 1 ноября объявлено будетъ о бракосочетаніи юнаго короля Шведскаго съ весьма безобразной и горбатой дочкой вашего друга герцога Мекленбургскаго; несмотря на свое уродство и горбъ, она, говорятъ, любезна. Еслибъ регентъ-якобинецъ былъ честнымъ человѣкомъ, я была бы въ правѣ велѣть его поколотить за измѣну данному слову въ этомъ дѣлѣ. Не только графъ Штейнбокъ говорилъ мнѣ объ этомъ именемъ регента и юнаго короля, но онъ разсказывалъ всѣмъ и каждому, что онъ сюда присланъ, чтобъ устроить по волѣ покойнаго женитьбу молодого короля на Александрѣ. Посланникъ Стедингъ говорилъ объ этомъ нѣсколько лѣтъ въ томъ же духѣ. Религія не должна была разстроить дѣла столь благодѣтельнаго для обоихъ государствъ. Что регентъ меня ненавидитъ и старается меня провести и обмануть, это понятно; но зачѣмъ же онъ женитъ своего питомца на уродцѣ и горбатой? Чѣмъ послѣдній заслужилъ столь жестокое наказаніе, тогда какъ онъ раз-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII. 653, 654.

считывалъ жениться на такой особѣ, которой красота приводитъ всѣхъ въ восхищеніе» [1]).

11 октября: «Это принцъ Генрихъ посредничествуетъ въ сватовствѣ молодого Шведскаго короля съ принцессой Мекленбургской, точно такъ же какъ онъ устроилъ бракъ князя Радзивила съ дочерью принца Фердинанда: умникъ становится свахой на старости лѣтъ; если соберетесь жениться, то обратитесь къ нему»... [2]) 23 октября: «Король Шведскій, благодаря интригамъ принца Генриха, женится на комъ-то въ родѣ обезьяны; на здоровье! Этому государю весьма нужна опора; а такимъ образомъ думаютъ лишить его покровительства Россіи. Вотъ суть этого дѣла» [3]).

Изо всего здѣсь сказаннаго видно, что планъ императрицы отдать старшую внучку замужъ за Шведскаго короля давно былъ рѣшенъ въ ея головѣ. Въ началѣ 1796 года она писала отъ 25 февраля. «Кстати, по поводу вѣстей вѣрныхъ и невѣрныхъ я должна вамъ повѣдать одну, только что намъ сообщенную. и если она въ самомъ дѣлѣ справедлива, то это не мало огорчитъ вашу пріятельницу, герцогиню Мекленбургскую: говорятъ, что проектъ женитьбы Шведскаго короля разстраивается, и именно по той причинѣ, что король не желаетъ жениться на горбатой. Говорятъ, что сама герцогиня уже догадывается объ этомъ рѣшеніи. и потому, чтобъ не подвергать дочь ея такой измѣнѣ слову и такому оскорбленію, ей совѣтуютъ самой разорвать принятыя обязательства: если герцогиня исполнитъ этотъ твердый и мужественный совѣтъ. то привлечетъ этимъ уваженіе цѣлой Европы, а мое въ особенности. Скажите мнѣ, что вы объ этомъ знаете» [4]).

14-го мая: «Вы хорошо дѣлаете, что не вѣрите всѣмъ розсказнямъ, которыя Сидоръ Ермолаевичъ, внушающій вамъ такое сильное отвращеніе, распускаетъ по Германіи, потому что этотъ человѣкъ, такъ же какъ и его заправитель Рейтергольмъ,—воплощенная ложь; но вполнѣ вѣрно и истинно, что молодой король

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 656, 657. 2) Стр. 659. 3) Стр. 660.
4) Стр. 670, 671.

рѣшился не жениться на рыжей, безобразной и горбатой принцессѣ Мекленбургской. Она написала ему четыре письма, на которыя онъ вовсе не отвѣчалъ; она послала ему прядь своихъ рыжихъ волосъ: и это не произвело никакого впечатлѣнія, кромѣ развѣ того что они были прибраны въ шкапъ туалетной комнаты, откуда до этой минуты ихъ не извлекали; женитьба отложена до совершеннолѣтія... Что касается приготовленій къ войнѣ со стороны Швеціи, то хотя они и блестятъ въ газетахъ выраженіями «на сухомъ пути и на морѣ», но на дѣлѣ они только тамъ и блестятъ, потому что безденежье не позволяетъ предпринимать значительныхъ вооруженій» [1]).

27 іюня: «Кстати, надо отдать вамъ отчетъ о стряпнѣ съ шведскими дѣлами, о которыхъ вы мнѣ говорили въ послѣднемъ письмѣ: эта стряпня кончилась ничѣмъ. Она началась съ отказа принять графа Шверина, котораго Сидоръ Ермолаевичъ прислалъ сюда извѣстить насъ о томъ, что женитьба молодого короля объявлена. Меня взялъ женскій капризъ отказать ему въ пріемѣ, сказавъ откровенно, что я не могу радоваться предмету его миссіи, а лгать я не хотѣла изъ одного угожденія регенту. Г. Шверинъ, который, какъ кажется, ѣхалъ очень скоро, былъ уже за Выборгомъ, когда посланникъ сообщилъ ему мой отвѣтъ; всѣ мои политики, особливо мой вице-канцлеръ, были очень возмущены моимъ капризомъ; но тотъ все-таки уѣхалъ ни съ чѣмъ. Вскорѣ послѣ того до насъ дошли слухи, что молодой король не любитъ ни Русскихъ, ни горбатыхъ и что онъ настоятельно просилъ регента подъ предлогомъ нездоровья отложить его женитьбу до совершеннолѣтія. Между тѣмъ Будбергъ проѣхалъ съ вашего бала въ Швецію и мы узнали то, чтó почти всѣ знаютъ, что съ той и другой стороны готовятся вооруженія; но это привело къ объясненіямъ, а затѣмъ и къ переговорамъ. Будбергу велѣно было возвратиться сюда, послѣ чего онъ поѣхалъ въ Стокгольмъ уже посланникомъ; я еще не имѣю извѣстій о томъ, что

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 676, 677.

онъ доѣхалъ. Но такъ какъ съ регентомъ слабохарактернымъ, двуличнымъ и фальшивымъ ни на что нельзя полагаться, то и я не болѣе васъ знаю, что́ изо всего этого выйдетъ, развѣ молодой человѣкъ самъ проявитъ характеръ, на что, по моему мнѣнію, есть нѣкоторые явственные признаки».

И далѣе, въ тотъ же день, вѣроятно послѣ новыхъ болѣе благопріятныхъ извѣстій изъ Стокгольма, государыня прибавляетъ особымъ письмомъ: «Вашъ танцоръ проѣхалъ сюда простымъ путешественникомъ, но возвратился съ широкими полномочіями. Изъ этого слѣдуетъ, что стряпня очень не трудна, такъ какъ заинтересованныя стороны достаточно понимаютъ другъ друга, чтобъ желать одного и того же. Пусть и другой [1]) пріѣдетъ: пятое колесо въ каретѣ не можетъ испортить яичницы, и съ помощью Божіей вы увидите виды. Увидѣвъ другъ друга, разсмотрятъ, а разсмотрѣвъ, и понравятся взаимно, а еслибъ не было свиданія, то каждый сидѣлъ бы дома, а не увидѣвшись нельзя и понравиться. Все это состоится или не состоится, когда вы получите эту драгоцѣнную грамоту [2]).

14 іюля государыня писала: «Въ настоящую минуту король Шведскій, который по вашимъ свѣдѣніямъ долженъ былъ это лѣто пріѣхать сюда, до сихъ поръ не пріѣзжалъ, и никто не можетъ сказать, будетъ ли онъ. Такъ какъ лѣто уже почти на исходѣ, то вѣроятно онъ не будетъ. Но возможно, что еслибъ молодой человѣкъ могъ дѣйствовать независимо, онъ прилетѣлъ бы сюда какъ птица; впрочемъ это только предположеніе, подобное гипотезѣ Бюффона о сотвореніи міра. Теперь перейдемъ къ матеріи о манжетахъ [3]). Что вы не пошлете ихъ герцогинѣ Мекленбургской въ приданое дочери? Это не насмѣшка, потому что во всѣхъ шведскихъ церквахъ до сихъ поръ молятся за будущую королеву, называя ее по имени и отчеству» [4]).

---

[1]) Т. е. регентъ.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 679, 680.
[3]) См. выше, стр. 295, 296.
[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 683.

Наконецъ столь желанный императрицею пріѣздъ молодого Шведскаго короля въ Петербургъ подъ именемъ графа Гага осуществился, и она пишетъ отъ 5 августа: «Вчера получила я ваши грамоты. Въ тотъ же день графъ Шверинъ, шталмейстеръ короля Шведскаго, извѣстилъ насъ въ Царскомъ Селѣ о скоромъ прибытіи графа Гага, сына того, кого вы девятнадцать лѣтъ тому назадъ видѣли въ Петергофѣ; онъ ѣдетъ со своимъ дядюшкой, графомъ Ваза. Свита ихъ такъ многочисленна, что ихъ всѣхъ будетъ сто-двадцать человѣкъ и всѣ они будутъ помѣщены у бѣднаго шведскаго посланника» [1]).

18 августа: «Намъ въ эту минуту не слишкомъ-то много остается времени на длинныя посланія, потому что съ 13 числа этого мѣсяца мы принимаемъ у себя гостей, графовъ Гага и Ваза съ огромной свитой изъ 140 человѣкъ, включая господъ и прислугу. Они пріѣхали вышеупомянутаго 13-го вечеромъ. На другой день, 14-го, они отдыхали и потомъ исходили и изъѣздили весь городъ и повстрѣчались носъ къ носу съ нѣкоторыми интересными особами, а эти и не воображали, что могутъ быть встрѣчены, возвращаясь отъ меня въ свои комнаты. Чтобъ понять какъ это случилось, надо знать расположеніе Таврическаго дворца и его флигелей, между прочимъ улицу, отдѣляющую домъ, занимаемый великими княжнами, отъ дворцовыхъ оранжерей. 15 августа въ 6 часовъ вечера оба графа пріѣхали въ Эрмитажъ, гдѣ въ четверть часа перезнакомились со всѣми. Графъ Гага мало того что съ перваго раза всѣмъ понравился, онъ даже заставилъ себя полюбить, а замѣтьте, что это у насъ еще ни съ кѣмъ не случалось, кромѣ его. Наружность у него весьма изящная, кроткая и вмѣстѣ величественная; на красивомъ лицѣ его отпечатаны умъ и любезность. Это прелестный молодой человѣкъ, и конечно въ настоящее время никакой престолъ Европы не можетъ похвалиться подобнымъ наслѣдникомъ. Онъ весьма добръ сердцемъ, необыкновенно вѣжливъ; при этомъ осторожность и тактъ раз-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 687.

виты въ немъ не по лѣтамъ. Однимъ словомъ, повторяю еще разъ, онъ очарователенъ. 16-го онъ снова провелъ у меня вечеръ въ Таврическомъ дворцѣ, гдѣ, какъ и въ первый день, былъ балъ и ужинъ. Злые языки утверждаютъ, будто глаза его сдѣлались замѣтно нѣжнѣе и что величество засіяло отъ удовольствія. Что касается дѣвицы, то на бѣду у нея 14-го вечеромъ пропала собачка, и она весь вечеръ и все утро проплакала, такъ что генеральша Ливенъ, ея воспитательница, до смерти боялась, чтобъ у ней не были красны глаза. Вчера, 17-го, хотя собачка и не отыскалась, великая княжна казалась повеселѣе; а послѣ обѣда графъ Гага долго съ нею бесѣдовалъ: они оба стояли на солнцѣ, которое порядочно припекало, но этого вовсе не замѣчали, хотя это не ускользнуло отъ нашего вниманія. Но вообразите, въ списокъ назначенныхъ для представленія пьесъ нелѣпо придумали поставить балетъ подъ заглавіемъ «Обманутый опекунъ»; къ счастію, мнѣ показали списокъ и я тотчасъ приказала эту пьесу вычеркнуть. Неправда ли, при настоящемъ случаѣ это было бы неприлично и противно правиламъ гостепріимства? Что касается графа Ваза, то о немъ трудно сказать что-нибудь новое; въ свитѣ же, которая ежедневно прибываетъ, есть лица очень достойныя и любезныя. Прощайте, довольно на сегодня; вечеромъ будетъ ужинъ у великаго князя Александра: надо же веселить гостей. Кажется, имъ у насъ нравится: такъ говорятъ всѣ въ одинъ голосъ. Будьте здоровы; я же чувствую себя легко и летаю какъ птица» [1]).

30 августа 1796, день св. Александра, въ 8 часовъ утра: «Начинаю письмо тѣмъ, что у насъ съ 15 августа все пиры съ утра до вечера и съ вечера до утра по случаю пребыванія здѣсь Шведскаго короля. Кромѣ того у меня на рукахъ еще два-три дѣла величайшей важности, такъ что мнѣ невозможно было отвѣчать на ваши №№ 21 и 22, хотя и они тоже важны; но вѣдь въ суткахъ только 24 часа. У насъ и старый и малый безъ ума отъ молодого короля: онъ чрезвычайно вѣжливъ, очень хорошо

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 690, 691.

говоритъ, поболтать съ нимъ пріятно. Собою онъ очень хорошъ, красивыя и правильныя черты лица, глаза большіе, живые, осанка величественная; онъ довольно большого роста, но сложенъ стройно и гибко, любитъ прыгать, танцовать и охотникъ до всякихъ тѣлесныхъ упражненій, въ которыхъ очень ловокъ. Кажется, ему здѣсь очень нравится: онъ думалъ остаться только десять дней, но живетъ уже три недѣли, и до сихъ поръ день отъѣзда еще не назначенъ, хотя время приближается къ осени. Адмиралъ его, большой чудакъ, говоритъ: «Я ручаюсь за его переѣздъ до января, но далѣе ужъ это его дѣло, какъ ему выбраться отсюда до весны». Публика замѣчаетъ, что со дня на день его высочество все чаще танцуетъ съ великой княжной Александрой и что разговоръ и обмѣнъ мыслей у нихъ самый оживленный. Говорятъ также будто его величество сказалъ своимъ: «Улаживайте же дѣло поскорѣе, я чувствую, что влюбляюсь до безумія, а то, когда мнѣ окончательно вскружатъ голову, я надѣлаю глупостей. Кажется, что и дѣвица не чувствуетъ отвращенія къ помянутому принцу: она уже не имѣетъ того смущеннаго вида, который былъ у нея вначалѣ и держитъ себя очень непринужденно со своимъ влюбленнымъ. Надо сознаться, что это рѣдкая парочка: никто въ ихъ дѣло не мѣшается, никто ихъ не стѣсняетъ и повидимому все будетъ улажено или по крайней мѣрѣ уговорено до отъѣзда его величества, которому уѣзжать вовсе не хочется, хотя 1-го ноября нов. стиля должно быть объявлено его совершеннолѣтіе. Одинъ изъ главныхъ тузовъ въ свитѣ короля на чей-то вопросъ, нравится ли дѣвица графу Гага, отвѣчалъ рѣзко: «Нужно быть безумцемъ, чтобъ въ нее не влюбиться» [1]).

1 сентября: «Говорятъ, будто уже готовъ къ отъѣзду курьеръ съ отказомъ мекленбургской невѣстѣ. Прежде этого я конечно не могла и слышать ни о какомъ предложеніи. Но, надо сказать правду, любовь идетъ впередъ быстрымъ ходомъ. Нашъ молодой человѣкъ изъ грустнаго и робкаго мечтателя, какимъ былъ пер-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 691, 692.

вое время по пріѣздѣ, сдѣлался здѣсь совсѣмъ другимъ: радость и счастье разлиты во всемъ его существѣ. Завтра три недѣли какъ онъ здѣсь; Богъ знаетъ, когда онъ уѣдетъ, но осень близко».

9 сентября: «Вчера былъ балъ у императорскаго посланника; было очень весело, потому что ходили слухи, будто все окончательно рѣшено на словахъ. Не знаю какъ случилось, въ избыткѣ ли радости, или отъ чего-либо другого, но только нашъ влюбленный въ танцахъ осмѣлился слегка пожать руку своей будущей; она вся поблѣднѣла какъ смерть и побѣжала разсказать все своей воспитательницѣ: — «Подумайте, что онъ сдѣлалъ, онъ мнѣ пожалъ руку во время танцевъ; я просто не знала куда дѣваться». Что же вы сдѣлали — спросила та. Она отвѣчала: «Я такъ испугалась, что чуть не упала въ обморокъ».

4 сентября: «Вчера вечеромъ былъ большой фейерверкъ, который очень удался. Сегодня графы Гага и Ваза поѣхали въ Царское Село, а оттуда въ Павловскъ, гдѣ они будутъ обѣдать у великаго князя отца, а для насъ, слава Богу, это день отдыха. Завтра Елисаветинъ день и ровно три недѣли какъ мы безпрерывно пируемъ. Еще и рѣчи нѣтъ объ отъѣздѣ и день еще не назначенъ. Шведскій дворъ, состоящій изъ двадцати-трехъ человѣкъ, находитъ пребываніе въ Петербургѣ очень пріятнымъ.

5 сентября въ 8 часовъ утра: «Сегодня св. Елисаветы, день ангела супруги Александра: будетъ обѣдня, потомъ обѣдъ у Александра, а вечеромъ — большой балъ.

«Увѣряю васъ, мнѣ сдается, что лучшій изъ моихъ современниковъ и самый многообѣщающій въ эту минуту—юный король Шведскій; ему недостаетъ только поболѣе опытности и нѣсколько головъ получше вокругъ него, потому что его Рейтергольмъ очень ничтоженъ, тщеславенъ и надутъ собственнымъ достоинствомъ» [1]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 692, 693, 694.

Это былъ послѣдній отзывъ императрицы о молодомъ Шведскомъ королѣ. Затѣмъ послѣ довольно долгаго молчанія слѣдуетъ послѣднее письмо этой обширной и замѣчательной переписки, которое будетъ приведено ниже.

Характеръ и взгляды Екатерины. Отношенія ея къ Гримму.

Оканчивая систематическій обзоръ переписки Екатерины съ Гриммомъ, обнимающей болѣе двадцати лѣтъ, нельзя не остановиться на разбросанныхъ въ ней сужденіяхъ императрицы о самой себѣ, о Гриммѣ, о первыхъ вліяніяхъ своего дѣтства и воспитанія и множествѣ житейскихъ предметовъ и впечатлѣній. Хотя во всей перепискѣ выражается необыкновенная цѣльность характера, но все же для полнаго изученія великой государыни важны тѣ бѣглыя замѣтки о собственной личности, которыя вырвались у нея въ самомъ откровенномъ обмѣнѣ мыслей. Сама она говоритъ о письмахъ своихъ къ Гримму: «Я не *пишу* вамъ, а *болтаю* съ вами... Только вамъ однимъ пишу я собственной рукою (de ma griffe)... Никому я такъ не писала какъ вамъ; должно быть, талантъ развитія, которымъ вы одарены, вызвалъ и во мнѣ этотъ удивительный оборотъ мыслей, употребляемый мною только съ вами.... Нашъ слогъ хорошъ только для насъ самихъ, да еще для почтовыхъ чиновниковъ, которые однако часто поставлены въ тупикъ, такъ какъ ничего не понимаютъ, или понимаютъ вкривь и вкось» [1]). Какъ любила Екатерина эту непринужденную бесѣду, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ письма, писаннаго ею въ постели, отъ 19 ноября 1778: «Совершенная праздность, предписанная мнѣ г. Кельхеномъ [2]), уложившимъ меня въ постель, доставляетъ вамъ это посланіе. Я сказала себѣ: — надо ему написать: такъ какъ мнѣ не позволяютъ работать, то станемъ забавляться....

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 100, 112, 52, 84.

[2]) Лейбъ-хирургъ в. кн. Павла Петровича.

Не надо однакоже, чтобъ въ исторіи моей было сказано, что я всю жизнь только и дѣлала, что вамъ писала» [1]).

Приписывая Гримму большой талантъ вызывать у другихъ мысли, въ одномъ письмѣ государыня говоритъ по поводу своего нерасположенія писать въ этотъ день: «Но не отчаявайтесь еще въ своей геніальной способности извлекать изъ другихъ болѣе, чѣмъ это кому-либо удавалось. У васъ талантъ развитія, вызывающій на свѣтъ то, что кроется въ чужихъ головахъ, съ которыми вы имѣете дѣло. Вы будете отрекаться, но это сущая правда» [2]).

Это однако не мѣшало Екатеринѣ подшучивать надъ многорѣчіемъ Гримма, надъ его расплывчивостью, и считать количество страницъ въ его письмахъ (которыя она называетъ грамотами, pancartes), хотя она и смягчаетъ эти отзывы словами: «Я люблю получать письма и въ двѣнадцать страницъ, когда они интересны» [3]). О своихъ же письмахъ она говоритъ: «Что касается отвѣтовъ на грамоты, то я предоставила вашему выбору: хотите ли имѣть ихъ маленькими и худенькими, но часто, или пространными и тольстенькими, но рѣдко. Первыя будутъ итти по почтѣ, вторыя съ курьерами. Признаюсь, я чрезвычайно довольна, видя какъ вы меня угадываете и умѣете разъяснять мои чувства. Всѣ ваши разсужденія насчетъ приверженности вашей ко мнѣ и моего мнѣнія о васъ доставили мнѣ истинное удовольствіе: все это вполнѣ справедливо» [4]).

Случалось, что императрица получала отъ Гримма посланія въ 30 и даже 40 страницъ; но она всегда отвѣчала на нихъ съ письмомъ въ рукахъ: «Я вамъ сообщаю свои мысли вкратцѣ и потому надѣюсь справиться и съ этимъ письмомъ, какъ со многими другими: ... Я пишу вамъ безъ всякаго порядка и системы, не думая ни о слогѣ, ни о правописаніи; вы удивительно хорошо назвали это *императорской оллапотридой*, потому что, право,

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 100, 123. [2]) Стр. 6. [3]) Стр. 4.
[4]) Стр. 212.

мои письма похожи на это испанское блюдо.... Письма мои не для потомства. Пишу я всегда поспѣшно, держа ваше посланіе въ лѣвой рукѣ, тогда какъ правая царапаетъ; читая глазами и бросая на бумагу мысли, вызываемыя вашей грамотой. Вотъ какъ эти дивныя произведенія родятся на свѣтъ, а потомъ они отправляются къ вамъ и заставляютъ васъ смѣяться, плакать, браниться, божиться, отгадывать, топать ногами, отрицать, волноваться и бѣгать взадъ и впередъ, неизвѣстно зачѣмъ» [1]).

Какъ ни превосходно владѣлъ Гриммъ французскимъ языкомъ, какъ ни былъ онъ остроуменъ и находчивъ, однакоже нельзя не замѣтить, что онъ не могъ вполнѣ освободиться отъ нѣкоторой тяжеловѣсности рѣчи и мелочности нѣмецкаго ума: періоды его длинны и запутанны; всего же многословнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и замысловатѣе, является онъ въ изліяніи чувствъ благоговѣнія и приверженности къ своей царственной корреспонденткѣ. Здѣсь онъ доходитъ часто до крайней лести и даже кощунства; но за то онъ умѣетъ тутъ же высказывать Екатеринѣ и самыя смѣлыя и рѣзкія сужденія.

Въ противоположность письмамъ Гримма ея письма отличаются сжатостью и силой мысли, картинностью описаній, легкостью языка и переходовъ отъ одного предмета къ другому, игривостью шутки. Изучивъ лучшихъ французскихъ писателей, она въ такомъ совершенствѣ овладѣла ихъ языкомъ, что онъ всегда является у нея послушнымъ орудіемъ, сохраняя притомъ вполнѣ свой національный духъ, тонкость, грацію и изящество формы. Вотъ какъ смотритъ на эти качества своего слога сама государыня:

«Вы увѣряете, что я вполнѣ владѣю искуствомъ переходовъ, а я хочу теперь доказать, что могу похвалиться и сжатостью, потому что отвѣчаю уже на четвертую страницу вашего письма [2]).... Вы слишкомъ снисходительны, называя мое перо очаровательнымъ. Въ молодости я въ самомъ дѣлѣ воображала,

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 191—192, 552. [2]) Стр. 51.

что пишу какъ ангелъ, но съ тѣхъ поръ кое-какія непріятности постигли мое перо, и я болѣе не думаю, что хорошо пишу, а пишу какъ могу: стараться не стóитъ . . . Чтó бы вы ни говорили, мое воображеніе стиховъ не создастъ, но кой-когда я дѣлаю точное описаніе; а если госпожа природа творитъ поэзію, то мы и описываемъ ее какъ она есть, но не мы выдумываемъ, не мы видимъ въ поэтическомъ свѣтѣ. . . . Я вамъ уже говорила, что стиховъ не пишу ни на какомъ языкѣ, французская проза моя плоха, а нѣмецкая еще хуже. . . . Знаете ли, въ чемъ источникъ языка Екатерины? Въ томъ, что она не знаетъ основательно ни одного языка» [1]).

Гриммъ однажды жаловался на слабость зрѣнія; государыня совѣтовала ему диктовать свои письма, и прибавляла: «Сто разъ мнѣ давали этотъ совѣтъ; счастливъ тотъ, кто можетъ имъ воспользоваться; мнѣ же кажется невозможнымъ говорить вздоръ перомъ другого. Вы при этомъ ничѣмъ не рискуете; я же, еслибъ сказала другому чтó иногда просится у меня на перо, то пишущій часто не сталъ бы писать чтó я ему диктую, а тогда прощай и перо и мысли» [2]).

Когда же Гриммъ настаивалъ на похвалахъ красотѣ ея слога, Екатерина отвѣчала: «Но послушайте, если есть сила, глубина, грація въ моихъ письмахъ и выраженіяхъ, знайте, что я этимъ обязана Вольтеру, такъ я долго читала, перечитывала и изучала все выходившее изъ-подъ его пера; и, могу сказать, этимъ достигла я такого чутья, что всегда безошибочно угадывала, чтó принадлежитъ ему, чтó нѣтъ». . . . О будущей судьбѣ своихъ писемъ она шутила такъ: «Когда вы женитесь, то можете очень долго снабжать свою дражайшую половину даровыми папильйотками. Стóитъ только употреблять на нихъ эти прекрасныя посланія» [3]).

Иногда Екатерина къ слову припоминаетъ свое дѣтство и набрасываетъ черты своего воспитанія и природныхъ свойствъ:

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 89, 99, 329—330.
[2]) Стр. 535. [3]) Стр. 113, 155.

«Мамзель Кардель и г. Вагнеръ [1]) имѣли дѣло съ непутной головушкой (esprit gauche), которая все, что́ ни говорили ей, принимала навыворотъ. Г. Вагнеръ желалъ испытаній (Prüfungen) другого рода, а непутная головушка думала про себя: — чтобъ быть чѣмъ-нибудь на этомъ свѣтѣ, надо имѣть должныя для того качества; заглянемъ-ка хорошенько внутрь себя: имѣются ли у насъ эти качества? Если ихъ нѣтъ, то разовьемъ ихъ. — Мартынъ Лютеръ былъ неучъ, и научить этому никакъ не могъ» [2]).

Вообще Екатерина не жаловала Лютера и часто надъ нимъ подшучивала. Такъ, употребивъ разъ выраженіе, что ея новымъ учрежденіямъ дивятся, какъ *корова новымъ воротамъ*, она прибавляетъ: «Это благородное сравненіе извлечено изъ застольныхъ рѣчей (Tischreden) вашего милашки, (mignon)» [3]). «А эти застольныя рѣчи», объясняетъ она, «были отрадой двоюродной бабки моей матери; она при всякомъ случаѣ кстати и некстати ссылалась на нихъ, а непутная головушка по-своему понимала все, что ей восхваляли. Такъ бывало съ мамзель Кардель и Вагнеромъ каждый Божій день, потому что не всегда знаютъ что́ думаютъ дѣти, а дѣтей понимать не легко, особливо когда хорошее воспитаніе пріучило ихъ выслушивать все съ покорностью и они по опыту сдѣлались осторожны въ рѣчахъ со своими наставниками. Изъ этого вы можете извлечь то прекрасное правило, что не надо слишкомъ журить ребятъ, но надо внушать имъ довѣріе, чтобъ они не скрывали отъ васъ своихъ проступковъ. Впрочемъ, конечно для воспитателей удобнѣе давать просторъ своему властолюбію, чтобъ легче управлять маленькимъ обществомъ» [4]).

Видно, что Екатерина, которая называла себя воспитанницей на половину г-жи Кардель, на половину г-на Вагнера, была высокаго мнѣнія объ умѣ первой. Въ одномъ письмѣ она говоритъ: «Я убѣждена, что г. Вагнеръ былъ глупъ, а мамзель Кардель была дѣвица умная.... Одна она знала все не учившись, почти

---

[1]) Воспитатели Екатерины.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 12. [3]) Стр. 29. [4]) Стр. 41, 42.

такъ же какъ ея воспитанница»... [1]). Кромѣ всего, что г-жа Кардель знала, она могла перечислить по пальцамъ всѣ существующія комедіи и трагедіи, да къ тому же и сама была очень забавна» [2]).

Повидимому Гриммъ, интересуясь данными для біографіи императрицы, собирался посѣтить Штетинъ, такъ какъ она пишетъ: «Для чего вы поѣдете въ Штетинъ? Вы тамъ уже никого не найдете въ живыхъ, кромѣ развѣ г. Лорана [3]), дряхлаго старика, который былъ очень плохъ и въ молодости; но если вы не можете побѣдить этого поползновенія, то знайте, что я родилась въ домѣ Грейфенштейна, въ Маріинской церковной оградѣ, что я жила и воспитывалась въ томъ флигелѣ дворца, который налѣво, когда взойдешь на большую дворцовую площадь, что я занимала наверху три комнаты со сводами возлѣ церкви, составляющей уголъ; колокольня прилегала къ моей спальнѣ. Тамъ-то меня умудряла мамзель Кардель и г. Вагнеръ наставлялъ своими Prüfungen; оттуда же я два, три раза въ день скакала черезъ весь флигель къ моей матушкѣ, которая занимала другой конецъ. Но во всемъ этомъ я не нахожу ничего особенно интереснаго, развѣ вы можетъ-быть полагаете, что мѣстность служитъ, или способствуетъ къ образованію сносныхъ императрицъ; въ такомъ случаѣ вамъ бы надо предложить Прусскому королю устроить тамъ разсадникъ въ этомъ вкусѣ на пользу желающихъ» [4]).

Когда разъ Гриммъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, говорилъ о какомъ-то пожарѣ въ Штетинѣ, бывшемъ 2-го мая во время дѣтства императрицы, она отвѣчала: «Говорю вамъ, я никогда не слыхала ни о какомъ пожарѣ, случившемся въ Штетинѣ 2-го мая 1729 г., и кромѣ того я помню что всѣ балки въ потолкахъ и полахъ были перемѣнены въ этомъ домѣ; стало быть, еслибъ

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 88, 158. 2) Стр. 18.

3) Учитель чистописанія, котораго Екатерина считала очень глупымъ, но находила, что онъ хорошо заслужилъ свои деньги, такъ какъ внушилъ ей страсть къ письму.

4) *Сб. И. О.* XXIII, 50, 51.

это и было правда, то отъ него не осталось никакихъ слѣдовъ: въ самомъ дѣлѣ, я не была тогда еще особой настолько важной, чтобъ захотѣли сохранить обгорѣлыя доски ради меня. Повѣрьте мнѣ и бросьте всѣ эти сказки, которыя васъ такъ тревожатъ» [1]).

Вообще о своей воспитательницѣ г-жѣ Кардель императрица вспоминала часто. Когда письма ея были слишкомъ веселы и шутливы, она говорила Гримму: «Я замѣчаю, что вы всего болѣе восхищаетесь тѣми изъ моихъ писемъ, которымъ я всего менѣе придаю цѣны, и о которыхъ мамзель Кардель непремѣнно сказала бы, что они не имѣютъ смысла Божьяго». . . . [2]). «Объ аббатѣ Галіани мамзель Кардель сказала бы, что онъ кривотолкъ, такъ какъ меня она называла непутной головушкой». Аббатъ же въ свою очередь называлъ г-жу Кардель, Питониссой, за то, что она находила свою воспитанницу кривотолкомъ [3]).

О вліяніи, какое воспитатели Екатерины оказывали на ея наклонности, она говоритъ: «Виновата ли я, что не раздѣляю вкусовъ своего вѣка? Я полагаю, что мамзель Кардель и г. Вагнеръ были люди прошлаго, то есть 17-го вѣка. Они мнѣ столько проповѣдывали *о лучшемъ*, что непутная головушка пошла отыскивать это *лучшее* вездѣ, гдѣ его можно было найти» [4]).

О лицахъ, посѣщавшихъ ея воспитателей, императрица разсказываетъ: «Г-жу Кардель часто посѣщалъ, особливо по воскресеньямъ, г. Моклеръ, проповѣдникъ придворной церкви; этотъ Моклеръ былъ женатъ на дочери историка Рапена Тоираса [5]), и кажется, былъ первый издатель его исторіи Англіи. Этотъ чело-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 204—205. [2]) Стр. 91.
[3]) Стр. 113, 133. [4]) Стр. 212.

[5]) Paul Rapin de Thoyras, род. въ Кастрѣ (Лангедокъ) 25 марта 1661 г., ум. въ Везелѣ 16 мая 1725. Изгнанный изъ отечества въ силу нантскаго эдикта, онъ жилъ то въ Англіи, то въ Голландіи и издалъ за годъ до своей смерти въ Гагѣ извѣстное сочиненіе: Histoire d'Angleterre depuis l'établissement des Romains dans la Grande Bretagne jusqu'à la mort de Charles I. Моклеръ былъ пасторомъ при французской церкви въ Штетинѣ и членомъ британской академіи наукъ. Онъ участвовалъ въ редакціи Bibliothèque germanique и въ др. изданіяхъ.

вѣкъ былъ другомъ и совѣтникомъ г-жи Кардель; сынъ Рапена Тойраса, зять Моклера былъ регирунгсратомъ въ томъ же городѣ; всѣ они были на короткой ногѣ съ мамзель Кардель и очень интересовались ея воспитанницей. Что касается г. Вагнера, то онъ не имѣлъ никакихъ сношеній съ этими еретиками, которые не знали его языка, а онъ съ своей стороны не зналъ по-французски» [1]). Въ другой разъ, по поводу предлагаемой Гриммомъ покупки, сказано: «Я никогда не соблазняюсь по первому движенію. Мамзель Кардель и г. Вагнеръ вѣроятно сумѣли сильно подѣйствовать на меня въ этомъ отношеніи; только въ послѣдствіи соблазнъ наконецъ одолѣваетъ меня» [2]). Свое недовѣріе къ докторамъ и къ непреложности ихъ знаній и приговоровъ императрица приписываетъ также г-жѣ Кардель, говоря: «Скажите мнѣ пожалуйста, зачѣмъ наихристіаннѣйшій король созвалъ всѣхъ шарлатановъ, чтобъ говорить о шарлатанствѣ? Вѣритъ ли онъ медикамъ? Не довольно ли было одного факультета, имѣющаго право ихъ творить? Знаете ли, что я г-жѣ Кардель обязана своимъ недовѣріемъ къ докторамъ и лѣкарствамъ? Она все заставляла меня читать Мольера» [3]).

Къ воспоминаніямъ дѣтства относится и отзывъ государыни о кормилицѣ, умершей въ 1779 году. Екатерина говоритъ въ шутку, что боялась ея какъ огня, или какъ посѣщенія королей и знаменитыхъ особъ: «Едва меня завидѣвъ, она всегда крѣпко обхватитъ мою голову и примется меня душить поцѣлуями, а надо прибавить, что отъ нея страшно несло курительнымъ табакомъ, такъ какъ мужъ обильно ее обкуривалъ» [4]).

Тонъ всей первой части писемъ Екатерины почти до 1784 года отличается особенной веселостью и шутливостью. Послѣ поимки Пугачева и блестящаго мира съ Портой она чувствовала себя вполнѣ свободной духомъ. Сближеніе съ Потемкинымъ, которому она приписывала большую долю заслуги въ заключеніи этого

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 78. 2) Стр. 162. 3) Стр. 111.
4) Стр. 90.

мира, еще болѣе способствовало ея веселому настроенію. Въ одномъ изъ первыхъ писемъ она говоритъ: «Вокругъ меня есть оригиналы, которые часто забавляютъ меня, особливо же генералъ Потемкинъ: онъ болѣе другихъ въ модѣ и смѣшитъ меня до упаду» [1]).

Въ числѣ предметовъ забавы и шутокъ часто встрѣчаются въ письмахъ историческія собачки ея Томъ и Земира со своими потомками; одно письмо, напримѣръ, оканчивается такъ. «Г. Томасъ, его возлюбленная дочка и четырехмѣсячный сынокъ, самый веселый, безумный, капризный и дерзкій изо всей семьи, но можетъ-быть и самый любезный, всѣ вамъ свидѣтельствуютъ почтеніе; они всѣ храпятъ вокругъ меня, а я слушаю это храпѣніе такъ же охотно, какъ другіе — чириканье птицъ. Сожжемъ наши письма, милостивый государь, право они болѣе никуда не годны» [2]). Въ другомъ письмѣ государыня жалуется, что собаки дергаютъ и тормошатъ ее со всѣхъ сторонъ пока она пишетъ, а сэръ Томъ унесъ ея перо. «Если имъ удастся разорвать бумагу», прибавляетъ она, «не огорчайтесь, я пришлю вамъ клочки» [3]). «Послушайте, прежде чѣмъ буду отвѣчать вамъ, я дамъ вамъ совѣтъ: потрудитесь, читая мои письма, разставлять въ нихъ запятыя и точки тамъ, гдѣ имъ слѣдуетъ быть по смыслу, потому что я начинаю замѣчать, какъ законодательная манія, а также миссъ Мими и лэди Азоръ сдѣлали меня небрежною въ этомъ отношеніи и къ опрятности писемъ. Знайте, что кляксы и царапины на письмахъ части производятъ мои собачки, а легисломанія заставляетъ пренебрегать знаками препинанія» [4]).

Но и всякихъ другихъ животныхъ любила императрица и забавлялась ими. Такъ она иногда поминаетъ то своего попугая, то обезьянку, и пишетъ: «Когда вы впредь будете говорить со мною о моихъ собачкахъ, о ложахъ Рафаэля, Бибіэнѣ, Блакстонѣ, не забудьте пожалуйста въ этомъ каталогѣ нѣкоего ангорскаго кота, подареннаго мнѣ княземъ Потемкинымъ, въ бла-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 3. [2]) Стр. 11. [3]) Стр. 35.
[4]) Стр. 59.

годарность за севрскій сервизъ. Это изо всѣхъ котовъ — котъ, веселый, умный, вовсе не упрямый и именно такой, какъ вамъ хочется, то есть съ бархатными лапками. Кстати, заговоривъ о котѣ, я должна разсказать вамъ въ какомъ изумленіи былъ однажды принцъ Генрихъ, когда Потемкинъ впустилъ въ комнату, гдѣ мы бесѣдовали, обезьянку. Мы были въ то время углублены въ пріятный разговоръ, и я, вмѣсто того чтобъ продолжать его, принялась играть съ обезьянкой, а тотъ глядѣлъ на меня выпуча глаза, но напрасно: штуки, которыя выкидывала обезьяна, одержали верхъ» [1]).

Въ другомъ письмѣ государыня такъ характеризуетъ свою веселость: «Князь де-Линь сознался мнѣ, что до перваго нашего путешествія онъ меня представлялъ себѣ въ видѣ высокой женщины, прямой какъ палка, говорящей только изреченіями и требующей себѣ безпрерывнаго поклоненія; онъ былъ ужасно доволенъ, что ошибся, и нашелъ во мнѣ существо, съ которымъ можно разговаривать и даже болтать» [2]).

«Какъ же писать вамъ прелестныя письма, отъ которыхъ вы бы помирали со смѣху, когда вы сами ставите тому препятствія, задавая вопросы о томъ и о семъ, на что надо отвѣчать въ точности, тогда какъ я и безъ того всю жизнь должна отвѣчать всевозможнымъ вопросителямъ, не имѣя естественной наклонности къ отвѣтамъ, а чувствуя напротивъ влеченіе къ вопросамъ» [3]).

Но, несмотря на веселость характера, Екатерина не особенно любила празднества и искуственныя увеселенія и допускала ихъ только по необходимости, по поводу необыкновенныхъ событій: побѣдъ, приращенія царскаго дома, и позже ради внуковъ и внучекъ. Такъ особенно обиленъ празднествами былъ годъ рожденія в. к. Александра Павловича. Въ это время она пишетъ: «Спѣшу написать вамъ, потому что времени будетъ мало. Отъ нынѣшняго дня до Великаго поста, въ теченіе двухъ недѣль, будетъ только одиннадцать маскарадовъ, не считая обѣдовъ и ужиновъ, на которые я

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 92. 2) Стр. 432. 3) Стр. 17.

приглашена. Итакъ, опасаясь умереть, я заказала свою эпитафію и велѣла поспѣшить, потому что хочу имѣть удовольствіе сама ее исправить; а покамѣстъ для забавы я сама начала ее сочинять по образцу эпитафіи сэра Томаса Андерсона... [1]).

«Множество праздниковъ, маскарадовъ, комедій, оперъ-буффъ и серьёзныхъ совершенно вскружили намъ голову и перевернули мозги. Возможно ли это отвѣчать на дѣловыя post-scriptum? Да и что вамъ вздумалось прислать ихъ такъ кстати? Гораздо лучше было бы вамъ, г. полковникъ [2]), нарядиться летучей мышью и пріѣхать сюда самому къ масляницѣ. Вы бы бѣгали вмѣстѣ съ другими масками и не требовали бы письменныхъ отвѣтовъ отъ людей, у которыхъ не осталось ни капли здраваго смысла отъ удовольствія и усталости [3]).

Характеръ свой Екатерина сама очерчиваетъ такъ: «Я не имѣю тѣхъ недостатковъ, которые вы во мнѣ находите, ни тѣхъ качествъ, которыя вы мнѣ приписываете. Можетъ-быть, я добра, обыкновенно кротка, но по *своему званію* я должна *крѣпко хотѣть*, когда чего хочу, и вотъ единственныя мои достоинства [4]).

«Мои отвѣты не имѣютъ той цѣны, которую вашъ геній имъ придаетъ: вы на нихъ смотрите какъ Дидро на картины и книги, а отецъ Малебраншъ все видѣлъ въ Богѣ. . . . Я хороша только издали» [5]).

Но если Гриммъ примѣшивалъ много лести къ изліяніямъ своего благоговѣнія и преданности Екатеринѣ, за то онъ является и тонкимъ цѣнителемъ ея привлекательныхъ свойствъ и того обаянія, которое она производила на окружающихъ своею, по выраженію Гримма, «глубокой и свѣтлой простотой». Такъ напримѣръ, слѣдующія строки его прекрасно рисуютъ вниманіе Екатерины *къ человѣку*, помимо дворскаго этикета и налагаемыхъ

---

[1]) Обѣ эпитафіи сохранились въ бумагахъ императрицы: на оборотѣ листка съ эпитафіей собачки написана рукою Екатерины шуточно парафразированная эпитафія ей самой, приведенная выше на стр. 58.

[2]) Такъ назвалъ Гримма Фридрихъ II въ одномъ письмѣ.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 77, 81. [4]) Стр. 5, 6. [5]) Стр. 19, 174.

имъ безличности и бездушія отношеній: «Знаю, что нѣкоторые горячіе характеры говорятъ: какимъ же образомъ эта императрица примѣшиваетъ къ отношеніямъ частной жизни и къ малѣйшимъ мелочамъ столько вниманія, скромности, сдержанности, деликатности, какъ и нашъ братъ? По какому праву присвоиваетъ она себѣ добродѣтели частныхъ людей, тогда какъ ни одинъ частный человѣкъ не можетъ себѣ усвоить ни одной изъ ея царскихъ добродѣтелей? Я вынужденъ проглотить всѣ эти разсужденія и становлюсь въ тупикъ. Ваше Величество сдѣлаете мнѣ удовольствіе, сообщивъ что́ я могу отвѣчать на это; ибо мнѣ жаль, что на мою императрицу возводятъ такія тяжкія обвиненія. Я иногда говорю имъ: вы сердитесь за вздоръ: гораздо хуже еще, когда ее видишь вблизи, такъ какъ она во всемъ своемъ образѣ дѣйствій чудна́я или чудесная женщина. Повѣрите ли вы, господа, что въ первый разъ, какъ я находился въ этомъ Царскомъ Селѣ, гдѣ творчество устроило свою лавочку со всѣми своими орудіями колдовства, она захотѣла знать, хорошо ли я помѣщенъ, огражденъ ли отъ холода и обогрѣтъ ли, и когда ей показалось, что я не довольно близокъ къ печкѣ, она произвела великій шумъ. — Кто? Императрица? — Да, она сама. — Ну, многострададьный, въ своемъ ли ты умѣ? — Спросите тогда у нея самой, и если я сказалъ хоть слово несогласное съ истиной, то во всю жизнь не хочу получать ни строчки, начертанной ея священною рукою. А когда я хотѣлъ обличить ее въ этомъ, когда я спросилъ ее, зачѣмъ она въ это вмѣшивается, она спросила меня въ свою очередь, не должна ли хозяйка дома знать, хорошо ли помѣщены люди, которыхъ она приглашаетъ къ себѣ, какъ будто бы она была какая-нибудь курляндская барыня въ своемъ дворянскомъ помѣстьи. И все это не мѣшаетъ ей направлять свою маленькую ладью, именуемую «Слава Россіи», какъ ни въ чемъ не бывало, да еще вмѣшиваться направо и налѣво въ разныя мелкія дѣлишки, которыя будетъ помнить человѣчество» [1]).

На эти похвалы императрица отвѣчала съ замѣчательнымъ

---

[1]) Письма Гримма, 140.

сознаніемъ: «Вотъ вамъ отвѣтъ, который вы просите меня продиктовать для тѣхъ, кто находитъ меня внимательною, и проч. Прежде чѣмъ стала тѣмъ, что я теперь, я 33 года была тѣмъ же, чѣмъ и всѣ остальные люди, и нѣтъ еще двадцати лѣтъ, какъ я сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ они быть не могутъ. А этого довольно, чтобъ научиться жить» [1]).

Вообще, когда похвала была осмысленная и удачная, она видимо была пріятна императрицѣ, особливо въ первые годы переписки. Такъ, когда Гриммъ въ 1776 году прислалъ ей вырѣзку изъ одной газеты, гдѣ ее вѣрно оцѣнили, она писала: «Возьмите назадъ свой лоскутокъ газеты: онъ меня заставилъ прослезиться. Я желала бы, чтобъ сказанное было справедливо, и если я въ самомъ дѣлѣ такова, то нельзя обладать отъ природы болѣе счастливой организаціей. Не знаю, кто писалъ этотъ портретъ, который я считаю польщеннымъ; хотя авторъ и льстецъ, но у него есть геній. Если этотъ листокъ дойдетъ до потомства, то скажутъ, что это вымышленная картинка, которою всякой восторженный человѣкъ можетъ восхищаться» [2]).

Но такіе отзывы о Екатеринѣ были очень рѣдки за границей, гдѣ конечно ея твердая національная политика не нравилась многимъ, и въ 1778 году она пишетъ: «Я въ своихъ поступкахъ перестала обращать вниманіе на двѣ вещи: первая — благодарность людская, вторая — исторія. Я стараюсь дѣлать добро для добра, вотъ и все: это возвышаетъ мой духъ.... Будемъ трудиться втиши, дѣлая добро для добра, и предоставимъ другимъ дурачиться» [3]).

Благодарности людской Екатерина вообще не вѣрила. «Согласитесь со мною», говорила она, «что если болѣзнь благодарности — ужасная болѣзнь, за то она очень рѣдка и никогда не будетъ достаточно изучена факультетомъ» [4]). «Признательность не часто встрѣчается, а въ такія смутныя времена, полныя всеобщей путаницы, не

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 206. [2]) Стр. 56. [3]) Стр. 102, 166.
[4]) Стр. 51.

существуетъ благодарности даже за возвращенныя королевства, за отданныя короны. Это случилось и съ Императрицей Россійской, по отношенію къ тремъ сосѣдямъ: Пруссіи, Польшѣ и Швеціи».... «Трудно довѣрять людямъ», пишетъ она въ другомъ мѣстѣ: «они часто фальшивы и двуличны» [1]).

На похвалу, выраженную ей въ мемуарахъ принцессы палатины, Екатерина отвѣчала: «Авторъ оказываетъ мнѣ много чести: у меня только добрая воля поступать хорошо. Не мнѣ судить, достаточны ли къ тому мои способности» [2]).

«Послушайте», говоритъ она Гримму: «вы судите обо мнѣ настолько же хорошо, насколько другіе худо; кому же вѣрить? Я возьму середину: буду думать, что я занимаю не первое мѣсто, но и не послѣднее въ какомъ бы то ни было изъ вѣковъ.... Не стану отвѣчать на прекрасное вступленіе къ обширной грамотѣ, въ которой я представлена образцомъ во всѣхъ отношеніяхъ, потому что нахожу, что этотъ образецъ не только плохъ, но и непригоденъ для образца. Во-первыхъ, образецъ долженъ быть совсѣмъ иного свойства: я же напротивъ вся состою изъ порывовъ (bâtons rompus), бросающихъ меня то туда, то сюда. Другое скажу вамъ послѣ.... Ваше сравненіе комара и орла очень неудачно: всѣ мы люди, и намъ свойственно только одно человѣческое» [3]).

Получивъ отъ Гримма одну появившуюся въ Германіи книгу, гдѣ ее прославляли, она такъ о ней отзывается: «*Екатерина въ ея дѣяніяхъ.* Вотъ заглавіе книги, высвобожденной мною изъ трехъ обертокъ, въ которыя вамъ угодно было ее упаковать. Послушайте же, многострадальный: непозволительно хвалить такимъ образомъ безъ мѣры, если не хочешь прослыть отъявленнымъ льстецомъ; вотъ я на старости сдѣлалась образцомъ для государей, если вѣрить автору. Ахъ, Боже мой, Боже мой! какой дурной образецъ, если справедливо все дурное, что обо мнѣ распространяли и прежде и теперь! Знаете ли, что вовсе не похвалы были для меня благотворны, а именно злословіе. Я

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 532, 466. [2]) Стр. 481. [3]) Стр. 193, 232, 367.

смѣялась надъ нимъ, но тогда говорила сама себѣ съ благородной увѣренностью: — Такъ отомстимъ же имъ, сдѣлаемъ ихъ лжецами!—Но такой акаѳистъ похвалъ какъ этотъ, къ чему онъ? Это только длинно и скучно читать, вотъ и все» [1]).

Когда же Гриммъ рекомендовалъ эту книгу для чтенія в. к. Александру, то государыня возражала: «О! на этотъ разъ позвольте мнѣ сказать вамъ, что я потеряла бы всякій смыслъ, еслибъ дала Александру книгу гдѣ говорится обо мнѣ и расточаются мнѣ глупыя похвалы; что подумалъ бы онъ обо мнѣ, онъ — воплощенная скромность» [2]).

На одно изъ присланныхъ ей Гриммомъ писемъ Шомберга она отвѣчала: «Что касается до благоговѣнія къ Екатеринѣ, оно подобно многимъ дѣламъ человѣческимъ. Мнѣнія могутъ быть весьма разнообразны, но все идетъ своимъ ходомъ, не взирая на хулителей, и пусть насъ понимаютъ какъ хотятъ и какъ могутъ: какимъ образомъ отдавать отчетъ льстецамъ въ каждомъ взглядѣ? Олегъ [3]) говоритъ, что онъ одинъ, что люди судятъ его, каждый сообразно своей способности и страсти, что ему нечего оправдываться и онъ предоставляетъ потомству говорить о себѣ и своихъ дѣлахъ что угодно» [4]).

Забавнымъ и смѣлымъ образомъ выставлялъ иногда Гриммъ увлеченія императрицы по части художественныхъ пріобрѣтеній, на которыя она тратила много, но иногда, сильно борясь съ собою, пріостанавливалась и объявляла, что у нея нѣтъ денегъ, что она болѣе ничего не покупаетъ. Такія шутки позволилъ себѣ Гриммъ по поводу заказа модели воротъ архитектору Клериссо, и говоря, что можетъ огласить противорѣчія въ письмахъ императрицы, прибавляетъ: «Такое оглашеніе повредило бы императрицѣ: оно открыло бы вселенной, какой гвалтъ происходитъ иногда въ головѣ ея величества, такъ что не знаешь, чего слушать: мысли встрѣчаются, сталкиваются, опрокидываютъ другъ друга, и надоб-

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 586, 587. 2) Стр. 607.

3) Пьеса Екатерины: «Начальное правленіе Олега».

4) *Сб. И. О.* XXIII, 539, 540.

на вся нѣмецкая флегма многострадальнаго, чтобы не быть ими сброшену съ ногъ всѣми четырьмя копытами вверхъ, когда ея величеству угодно бываетъ отворить дверь и выпустить всю стаю на этого бѣднаго человѣка. Ваше величество должны чувствовать, что нельзя вполнѣ сохранять титулъ самодержицы, когда противъ воли испытываешь внутри себя почти безпрерывный шумъ. Подъ вліяніемъ самодержавія все должно быть спокойно, мирно, тихо, какъ въ германской душѣ многострадальнаго, безъ толчковъ, безъ стукотни, безъ «я хочу этого, хочу того». Но такъ какъ вашему величеству далеко до этого совершенства, то надо меня беречь, для того, чтобы я не разглашалъ ничего и чтобы ваше плачевное состояніе не сдѣлалось всѣмъ извѣстно. Точно такъ же было совершенно безполезно воспламенять этотъ другой горящій уголь — Клериссо, говоря ему, чтобы онъ не стѣснялся: — у насъ есть гранитъ, у насъ есть мраморъ, — а затѣмъ (что всего хуже) — въ эти ворота время отъ времени проѣзжаю вѣдь я. — О роковое слово! Какое опустошеніе ты произвело у этого безумнаго Клериссо! Я дорого далъ бы, чтобъ выгнать эту мысль у него изъ головы» [1]).

На эго императрица отвѣчаетъ: «Если вся стая мыслей, которыя сталкиваются и опрокидываютъ другъ друга останется въ моемъ распоряженіи, то когда придутъ ваши посылки, я выпущу эти мысли на васъ, хотя бы въ наказаніе за то, что вы такъ развиваете мои несовершенства, какъ будто не знаете, что быть безразсуднымъ есть обыкновенная человѣческая слабость». О терпѣніи своемъ Екатерина говоритъ, что оно всегда было искуственно: «Ни мамзель Кардель, ни г. Вагнеръ не достигли того, чтобъ сдѣлать меня терпѣливой на самомъ дѣлѣ» [2]).

Въ горячности своей головы государыня сама сознается, говоря: «Мое перо сдѣлалось perpetuum mobile уже много лѣтъ, но голова моя еще не закружилась, хотя мысли бѣгутъ не останавливаясь, какъ у всѣхъ горячихъ головъ» [3]).

---

[1]) Письма Гримма 207.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 217, 164.

[3]) Стр. 533.

Гриммъ въ своихъ письмахъ нѣсколько разъ, по поводу этой горячности въ предпріятіяхъ и стремленіяхъ, сравниваетъ Екатерину съ Везувіемъ, на что она замѣчаетъ: «Я давно говорила вамъ, что вы въ высшей степени обладаете даромъ развитія. Когда вы мнѣ въ первый разъ говорили о вулканическихъ изверженіяхъ, я, какъ умъ отсталый и медленно принимающій убѣжденія, почувствовала большое отвращеніе къ этому сходству, да и кто же не сталъ бы разсуждать какъ я, кто не оскорбился бы сравненіемъ съ огнедышащей горой? Ну, спросите у кого хотите, никому это не понравится; но послѣ нѣсколькихъ испытаній я нашла, что здѣсь и тамъ есть маленькіе слѣды лавы» [1]).

Не чужда была горячая голова Екатерины и нѣкоторой восторженности, когда рѣчь шла объ искуствѣ и литературѣ: «Я кажется говорила вамъ, что видъ плафоновъ Рафаэлевыхъ ложъ, видъ Предвѣчнаго Творца, парящаго въ воздухѣ, когда онъ творитъ, устраиваетъ вселенную и тысячи другихъ подобныхъ сюжетовъ исторгаютъ у меня восклицанія, молитву, слезы, заставляютъ меня написать вамъ всѣ тѣ жалкія вещи, которыя вамъ угодно называть вспышками пожара, взрывами, долетающими отъ Петербурга до Рима» [2]). Посѣтивъ разъ нѣмецкій театръ, гдѣ играны были веселыя пьесы, Екатерина высказываетъ нелестный отзывъ о тогдашнемъ французскомъ театрѣ, за исключеніемъ только пьесъ Седэна, и говоритъ: «Я засыпáю отъ большей части французскихъ пьесъ, потому что онѣ холодны какъ ледъ и вычурны до нéльзя. Во всемъ этомъ нѣтъ ни силы, ни соли: не знаю, но мнѣ кажется, что сила вмѣстѣ съ живымъ чувствомъ прекраснаго и возвышеннаго все болѣе и болѣе покидаетъ этотъ міръ; резонёрство все замѣняетъ.... О Вольтеръ! ты еще умѣлъ разжигать тѣ искорки, которыя тлѣли подъ пепломъ! Настанетъ мелочной вѣкъ Лагарповъ и компаніи и будетъ продолжаться пока взойдетъ звѣзда Востока! Да, да, оттуда возсіяетъ намъ свѣтъ,

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 108. [2]) Стр. 116.

потому что тамъ въ самомъ пеплѣ болѣе силы чѣмъ гдѣ-либо на землѣ. О, если это не прорицаніе (du trépied), то что же можетъ назваться этимъ именемъ, и все это по поводу комедіи Седэна»! [1]).

Вообще о нѣмецкой литературѣ Екатерина отзывалась очень благосклонно и предсказывала ея успѣхи, порицая Фридриха II за пренебреженіе къ своимъ національнымъ писателямъ и къ своему языку: «Ахъ, какъ хорошо начинаютъ писать по-нѣмецки, несмотря на хулителей нѣмецкой литературы! Нѣмцы научились владѣть своимъ языкомъ какъ Вольтеръ, и, прости Господи, ужъ не онъ ли выучилъ ихъ писать? кто могъ бы думать, что этотъ жесткій языкъ способенъ къ такой пріятности?» [2]).

Законодательныя работы и серьёзное изученіе для этого законодательствъ другихъ странъ не отнимали у Екатерины вкуса и потребности въ иныхъ разнообразныхъ письменныхъ занятіяхъ, и она пишетъ въ 1777 году: «Что касается законодательной маніи, обѣщаю вамъ говорить о ней какъ можно меньше, потому что я сижу на самыхъ сухихъ матеріяхъ, и, если эти не изсушатъ моего мозга [3]), надѣюсь выпутаться изъ другихъ съ честью и проворно, а потомъ, когда мнѣ нечего будетъ дѣлать, то я для развлеченія буду писать свою исторію, потому что демонъ бумагомаранья овладѣлъ мною, я это чувствую....... Не знаю отчего, отъ свойства ли этой сухой матеріи, или отъ головы, но гигантскіе шаги стали рѣдки; теперь настала медлительная лихорадка безъ вспышекъ»..... [4])

Въ мартѣ 1778 г. государыня дѣйствительно приступила къ своей исторической біографіи: «Еслибъ вы знали, какое большое 16-ти лѣтнее испытаніе (Prüfung) мы предприняли [5]). Можно

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 118. [2]) Стр. 208.

[3]) Всего болѣе жаловалась государыня на сухость Датскихъ законовъ.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 58, 73.

[5]) Записка о первыхъ годахъ царствованія Екатерины, ею самой составленная. Къ сожалѣнію, въ Государственномъ архивѣ сохранилась, и то въ копіи, только небольшая часть этой любопытной записки, то самое начало ея, которое было напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1865 г., стр. 480. Одновременно съ этимъ государыня готовила проектъ манифеста, который напечатанъ въ *Сб. И. О.* XXVII, стр. 161—166.

сказать, что это испытаніе, которое немногимъ войдетъ въ голову, и не всякій можетъ его сдѣлать за недостаткомъ матеріала и по разнымъ другимъ причинамъ. Наше — такъ богато содержаніемъ, что отъ одного перечня соскучишься.... Терпѣніе: вы получите шестнадцатилѣтнее испытаніе, какъ оно вышло изъ-подъ моего пера. Вы можете быть увѣрены, что мы ничего не произвели лучшаго; но такъ какъ не всякій имѣетъ наше хозяйство въ головѣ, то отъ этого произошло нѣсколько неясныхъ мѣстъ, которыя исправляютъ подъ надзоромъ Потемкина; онъ не льстивъ отъ природы, а находитъ это произведеніе образцовымъ и необыкновенно заинтересованъ въ его успѣхѣ; князь Орловъ также находитъ его превосходнымъ, графъ Шуваловъ говоритъ, что это академическая работа, иные плачутъ при чтеніи, другіе волнуются. Я нахожу, что тутъ такъ много высокихъ мыслей, предметъ самъ по себѣ такъ обширенъ, что вниманіе утомляется, и оттого не всѣ могутъ слѣдить за этимъ чтеніемъ по обилію содержанія и сжатости слога. Это увеличиваетъ трудность слѣдить за мыслію тѣмъ, кто не воспитанъ на дѣлахъ, или на научномъ изслѣдованіи. Наше испытаніе — это зеркало, въ которомъ видишь многое. Мы, не подавая вида, отдаемъ отчетъ въ дѣлахъ. Это идетъ совершенно естественно, и можно бы побожиться, что оно такъ и должно быть; кромѣ того, прочитавъ его, вы скажете, что все это знали и прежде, да вы и такъ знали, но оно не было написано» [1]).

О необыкновенномъ трудолюбіи Екатерины, ея изумительномъ прилежаніи къ дѣламъ государственнымъ, ея починѣ во всемъ, что могло служить на пользу Россіи, было приведено довольно свидѣтельствъ. Вотъ какъ сама она говоритъ о своей любви къ занятіямъ. «Вы спрашиваете меня отчего я не скучаю. Отвѣчу вамъ: оттого что страстно люблю занятія и нахожу, что человѣкъ только тогда счастливъ, когда онъ занятъ. Впрочемъ жизнь моя очень однообразна: графъ Сегюръ, который видѣлъ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 85, 100, 101.

меня вблизи, говоритъ, что это правда; но въ это однообразіе входитъ столько дѣла, что ни минуты не остается на скуку» [1]).

Гриммъ часто жаловался на то, что множество людей приставали къ нему съ просьбами о рекомендаціяхъ, посвященіяхъ и разныхъ ходатайствахъ къ императрицѣ. Такъ онъ пишетъ въ 1785 году: «На меня падаютъ какъ дождь надоѣдалы со всѣхъ концовъ Европы. Я отстраняю ихъ, сколько могу, съ учтивостью, а иногда съ нѣкоторою суровостью; но всего тяжелѣе то, что жизнь моя проходитъ въ этой печальной и трудной борьбѣ, и скоро у меня ни на что не останется времени, какъ только на учтивые или на суровые отвѣты надоѣдаламъ. Сохрани Богъ, чтобы я докучалъ моей августѣйшей монархинѣ подробностями моихъ несчастій этого рода: я долженъ безпрестанно повторять себѣ, что нѣтъ никого на землѣ, кто бы не жаждалъ моихъ напастей за то счастье, которымъ я пользуюсь. Потому я и говорю объ этомъ вовсе не для того, чтобы исчислять ихъ въ подробности или жаловаться; я жалѣю только объ одномъ: что не могу умолчать обо всѣхъ и что слишкомъ важныя причины заставляютъ меня исключить два или три изъ нихъ и довести о нихъ до свѣдѣнія вашего императорскаго величества» [2]).

По этому поводу и государыня говоритъ о разорванности своего времени: «Вы не любите, чтобъ васъ развлекали, и я тоже. Однако я рѣдко напишу двѣ строчки, чтобъ мнѣ не помѣшали», и вскорѣ за тѣмъ она такъ изображаетъ великое бремя царствованія, которое по заботливости своего характера и сознанію долга не желала облегчать себѣ: «Три дня сряду дождемъ сыплются на меня грамоты, бюльтени, портретъ Менгса, безчисленное множество книгъ. Пришли четыре почты, задержанныя противнымъ вѣтромъ, прискакали три или четыре курьера изо всѣхъ странъ и уголковъ свѣта; все стеклось такъ, что на девяти большихъ столахъ едва умѣщается вся эта громада, и вотъ уже три

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 427.

2) Письма Гримма. 234, 235

дня какъ четыре человѣка по очереди читаютъ мнѣ все это съ шести часовъ утра до шести часовъ вечера»..... «Можете мучить меня сколько угодно, не стѣсняйтесь; я такъ привыкла, чтобъ меня тормошили во всѣ стороны, что давно перестала это замѣчать. Въ моемъ положеніи васъ заставляютъ читать, когда вамъ хочется писать, и говорить — когда хочется читать. Двадцать дѣлъ мѣшаютъ другимъ двадцати; не остается ни минуты на размышленіе и, несмотря на это, вы должны каждую минуту дѣйствовать, не утомляясь никогда ни тѣломъ, ни духомъ. Здоровы ли вы, или больны — все равно, дѣлá требуютъ васъ каждую минуту. Послѣ того говорите *намъ* о томъ, что васъ то тѣмъ, то другимъ безпокоятъ» [1]). И если мы вспомнимъ при этомъ, какъ скромно великая государыня оцѣняла свою дѣятельность говоря: «Все что я могу сдѣлать для Россіи, будетъ только каплею въ морѣ», то сознáемся, что конечно гораздо бóлѣе основанія имѣла она воскликнуть по поводу путаницы европейскихъ дѣлъ въ эпоху французской революціи: «Да посрамитъ Небо всѣхъ тѣхъ, кто берется управлять народами, не имѣя въ виду истиннаго блага государства» [2]).

Заключимъ нашу разработку писемъ Екатерины послѣднимъ достопамятнымъ письмомъ ея, въ которомъ она всего за шестнадцать дней до своей кончины, т. е. 20 октября 1796 г., такъ очерчиваетъ положеніи Европы.

«Вчера и третьяго дня получила я ваши письма черезъ Колычева и Яковлева. Мнѣ не время отвѣчать на нихъ, потому что я получила еще письма изъ Англіи и Персіи, хотя и очень удовлетворительныя во всѣхъ отношеніяхъ, но тѣмъ не менѣе требующія нѣкоторой работы. Король Прусскій вооружается. Противъ кого? противъ меня. Въ угоду кому? цареубійцамъ, друзьямъ его, на которыхъ ни минуты не можетъ положиться. Надо согласиться, что страннымъ образомъ роняютъ честь и славу этого государя, давая ему коварные совѣты. У чести и славы одна только дорога. Я отважилась ему указать

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 330, 604, 606.

2) Стр. 682, 526.

ее; но его отклоняютъ въ сторону, чтобъ завести его въ такой лабиринтъ, откуда онъ не въ силахъ будетъ выпутаться. Его дѣлаютъ покорнымъ слугою дерзкихъ злодѣевъ, которые въ концѣ концовъ замышляютъ его погибель. Если этими вооруженіями думаютъ отклонить меня отъ выступленія моихъ войскъ подъ командой Суворова, то очень ошибутся, потому что, не взирая на все это, я останусь крѣпка со всѣхъ возможныхъ сторонъ безъ исключенія. Я проповѣдую и буду проповѣдывать всѣмъ государямъ противъ разрушителей престоловъ и общества, не взирая на всѣхъ сторонниковъ бѣдственной противоположной системы, и увидимъ, кто одержитъ верхъ: разумъ, или безуміе коварныхъ послѣдователей ненавистной системы, которая сама въ себѣ исключаетъ и попираетъ ногами религію, честь и славу. Довольно этого, чтобъ вы знали, что я получила ваши письма. Прощайте, будьте здоровы, я написала вамъ что̀ подвернулось подъ перо. Хорошо, чтобъ вы знали мой образъ мыслей и мой взглядъ на вещи» [1]).

Замѣчательно, что когда императрицы Екатерины уже не было въ живыхъ, но Гриммъ еще ничего не зналъ объ ея кончинѣ, онъ прибавилъ въ припискѣ къ послѣднему своему счету слѣдующія, какъ будто пророческія слова: «Этотъ счетъ застанетъ ваше величество въ полномъ покоѣ» [2]). И дѣйствительно, его благодѣтельница уже давно покоилась вѣчнымъ сномъ!

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 695.
[2]) Письма Гримма, стр. 416.